

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1992-1993

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
1992–1993 годы

МОСКВА НАУКА 1995

ББК 63.3(2)2
Д73

*Книга издана при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект 93-06-10324)*

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

Редакционная коллегия:
члены-корреспонденты РАН
А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВ (ответственный редактор), Я.Н. ЩАПОВ,
доктора исторических наук Е.А. МЕЛЬНИКОВА, И.С. ЧИЧУРОВ,
кандидаты исторических наук Г.В. ГЛАЗЫРИНА (ответственный секретарь),
А.В. НАЗАРЕНКО, А.В. ПОДОСИНОВ

Рецензенты:
член-корреспондент АН Туркменистана С.Г. АГАДЖАНОВ,
доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ

Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и
Д73 исследования. 1992–1993 годы. – М.: Наука, 1995. – 219 с.
ISBN 5-02-009784-5

Очередной выпуск ежегодника посвящен спорным проблемам образования Древнерусского государства, обсуждавшимся на Чтениях памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. В публикуемых статьях рассматриваются кардинальные вопросы о предпосылках и путях возникновения государственности, о характере и особенностях ранних государственных образований у восточных славян.

Для историков и широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

Д 0503020200-326
042(02)-95 31-94-1 полугодие

 Bersens & Brizli
сканирование, сборка, дизайн

ББК 63.3(2)2

ISBN 5-02-009784-5

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Образование Древнерусского государства принадлежит к тем центральным моментам отечественной истории, которые, определяя на века судьбы народов, неизменно привлекали и привлекают внимание как специалистов, так и широкого круга любителей древностей. Наряду с сугубо научным, эта проблема всегда имела и общественно-политическое звучание: не случайно столько пыла было вложено в двухсотлетние дискуссии по так называемому норманнскому вопросу. Далекое прошлое приобрело актуальность в свете событий сегодняшнего дня и в свою очередь высвечивало явления настоящего. И потому в каждую последующую историческую эпоху наука вновь и вновь возвращалась к этой, казалось бы, всесторонне исследованной теме, ища и находя новые и методологические подходы, и исследовательские аспекты, и материалы, позволяющие предложить отвечающую новому уровню науки – а подчас и конъюнктуре – интерпретацию начальных этапов развития восточно-славянского общества.

Обращение к комплексу проблем, связанных с возникновением и становлением русской государственности, сегодня представляется тем более естественным и важным, чем глубже приходит осознание того, что сложившиеся в отечественной науке 1930–1970-х годов методологические схемы не являются единственно возможными и абсолютно верными. Существуют и требуют творческого осмысления альтернативные исторические и социологические концепции общественного развития, выдвинутые в отечественной и зарубежной историографии и предлагающие свои решения тех же вопросов. Наконец, меняется ныне и наше собственное понимание важнейших исторических категорий, в первую очередь государства, которое привычно рассматривается лишь как классовый социально-политический институт с репрессивной основной функцией, и потому – согласно общепринятой схеме – оно возникает лишь вместе с утверждением одной из первых классовых общественно-экономических формаций, рабовладельческой или феодальной.

Упрочившиеся в отечественной науке представления о формировании уже в IX–X вв. классового общества и феодального государства на Руси приходили в противоречие с данными источников и потому еще в конце 1970-х годов вызвали нигилистическую реакцию, выразившуюся в определении Древней Руси как патриархального доклассового и соответственно – догосударственного общества вплоть до XII–XIII вв. Отказ другой части историков от осмысления теоретических оснований конкретно-исторических изысканий – иная, пассивная, форма отрицания

догматических схем – способствовал лишь незримости их присутствия, определяя если не сами решения, то направления поисков в решении вопросов социально-экономического развития Древней Руси.

Именно поэтому публикуемый том ежегодника, который подготовлен по материалам Чтений памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто в 1992 и 1993 гг., посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства, имеет целью не только и, может быть, не столько представить результаты конкретных исследований, но в первую очередь привлечь внимание к более общим, методологическим и теоретическим вопросам, касающимся как предпосылок и путей возникновения государственности, так и социально-политического характера ранних государственных образований в различных регионах восточнославянского мира.

Этим вопросам посвящена первая группа статей. В историографическом обзоре М.Б. Свердлова, сравнительно-типологическом исследовании Е.А. Мельниковой, проблемной статье Н.Ф. Котляра, конкретном изучении одной из региональных форм становления государственности А.А. Горского предприняты попытки осмыслить коренные противоречия между сложившимися схемами и реальным, хотя и скудным, материалом, показать сложность и нерешенность кардинальных вопросов, связанных с возникновением русской государственности, и предложить возможные новые подходы к их анализу. Тесно связано с этим комплексом и исследование А.В. Фоминым денежно-монетного рынка в Древней Руси X в., становление которого является важным показателем консолидации государства. Авторы не ставили своей задачей дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы – ряд статей носит дискуссионный характер, – но само выдвижение и обсуждение этих вопросов, мы надеемся, даст импульс к дальнейшим более детальным и всеобъемлющим изысканиям по ранней истории Руси.

Вторая группа статей в той или иной степени связана с проблемой сложения территории Древнерусского государства и ее восприятия современниками. В.А. Кучкин и И.В. Ведюшкина исследуют территориальное образование, получившее в летописях название "Русская земля" и породившее немало споров в современной историографии. В их статьях "Русская земля" рассматривается и как историко-географическая реальность, и как определенный комплекс представлений древнерусского летописца. В.Я. Петрухин освещает взаимодействие славянского и хазарского миров и участие в нем варягов в ходе формирования территории Древнерусского государства. В.Л. Янин анализирует один из интереснейших памятников, отражающий поздние этапы сложения государственной территории Руси, – "Список городов русских дальних и ближних". В своей совокупности эти статьи, посвященные конкретным явлениям, освещают важнейшие процессы в формировании государственной территории Руси, имевшие многочисленные хронологические и региональные особенности.

Следующий комплекс статей, в определенном смысле примыкающий к предыдущему. Т.М. Калининой, И.Г. Коноваловой, И.Г. Добродомова, содержит характеристику процессов интеграции неславянских этнических групп в Древнерусском государстве и демонстрирует разнообразие воз-

можных методов исследования этих процессов: терминологического, историко-лингвистического, этимологического.

Завершает сборник группа статей с традиционным для ежегодника содержанием: международные связи Древней Руси. Однако рассматриваемые здесь вопросы, хотя и обсуждались многократно, остаются остро дискуссионными: это и дата поездки княгини Ольги в Константинополь (А.В. Назаренко), и основание князем Святославом Переяславца на Дунае (В.Б. Перхавко), и генеалогия князей Ерсике и Кокнесе (Е.Л. Назарова), исследование которой, кстати, было сильно отягощено политическими мотивами. Не являясь, очевидно, последним словом в дискуссиях, эти статьи вносят важный вклад – в первую очередь привлечением новых материалов. Наконец, статья В.А. Арутюновой-Фиданян открывает исследование малоизученного донныне направления связей Древней Руси с одной из стран кавказского региона с давними традициями христианства – Арменией.

Публикуемые статьи в той или иной форме и степени пересматривают сложившиеся и утвердившиеся в отечественной историографии представления о важнейших явлениях и процессах, сопровождавших формирование государственности у восточных славян.

Том ежегодника завершается библиографией работ сотрудников отдела истории древнейших государств на территории Восточной Европы, изданных в 1990–1991 гг.

Научно-организационная работа по подготовке данного тома ежегодника к печати выполнена И.В. Ведюшкиной.

М.Б. Свердлов

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (Историографические заметки)

Образование Древнерусского государства – одна из наиболее важных и сложных научных проблем в отечественной истории. Историографический анализ позволяет раскрыть сложный путь ее изучения.

В историографии XVIII в. образование Древнерусского государства рассматривалось как следствие политической деятельности князей, что раскрывало внешнюю канву событий. Но во второй половине столетия этого было уже недостаточно. Западноевропейская просветительская концепция единства исторического прогресса в трудах Ш. Монтескье, Ф.-М. Вольтера, Г. Мабли, А. Смита, И.Г. Гердера, в "Энциклопедии" Дидро и д'Аламбера, в сочинениях многих других мыслителей позволила отметить единые формы становления и развития средневековых государств, сущность которых раскрывалась в феодальном строе. Наиболее радикальная "Энциклопедия" проследила его социально-экономическую и политическую константу во фьефах-деньгах и в натуральном содержании, во фьефах-должностях, позднее в земельных фьефах. Эти фьефы она отмечала и в современной ей Франции середины XVIII в., указывая цели антифеодальной борьбы "третьему сословию"¹. Так в неразрывной связи истории государства и его общественного строя раскрывалось научное и общественно-политическое значение учения о феодализме.

Умеренное направление в западноевропейском Просвещении, Монтескье, Вольтер, Гердер и др., ограничили феодальный строй периодом распада племенного строя и средневековых европейских государств. Именно эти идеи, а также историко-философская концепция "просвещенного абсолютизма" в России, обосновывавшая европейский путь исторического развития страны, стали основанием для раскрытия феодального содержания истории образования и развития Русского государства IX–XV вв. в отечественной исторической науке второй половины XVIII – первой четверти XIX в.²

Н.А. Полевой, следуя новейшим в конце 10-х – 20-х годах XIX в. принципам романтической историографии, еще прослеживал связи формирования Древнерусского государства и его феодального содержания³. Но в

30–50-е годы XIX в. в общественно-политической и научной жизни России сложилась особая ситуация.

В условиях буржуазно-демократических революций во Франции в 1830 г. в странах Западной и Центральной Европы в 1848–1849 гг. Николай I крайне ужесточил внутреннюю и внешнюю политику, отстаивая феодально-крепостнические устои своей империи: крепостное право, сословный строй, самодержавную монархию. Официальная идеологическая доктрина провозгласила особые свойства Российского государства и его истории – православие, самодержавие, народность, разводя пути исторического развития России и западноевропейских стран, которым она оставляла феодализм, революции и конституции. Жертвой такой идеологической политики и ее воздействия на исследовательский процесс стала концепция феодализма в России, включая древнерусский период. Только Н.Г. Чернышевский в 50-е годы, а в пореформенной России С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров и Н.И. Хлебников устанавливали феодальный характер "учреждений" отдельных социальных категорий и институтов средневековой Руси⁴.

В 30-е – первой половине 90-х годов XIX в. поиски особых "начал" в русской истории привели к утрате государства в древнерусский период. В родовой теории концепция смены родовых отношений государственным в русской историографии 40–50-х годов существенно отодвинула во времени процесс появления государственного начала ко второй половине XII в. и тем более его победу в истории к XV–XVI вв. (по Б.Н. Чичерину, с Петра I). Впрочем, родовая теория и ее развитие в трудах государственной школы, от С.М. Соловьева до В.О. Ключевского, подразумевали в древнерусский период государство, понимаемое как территориально-политическое единство Русской земли⁵.

Славянофилы 40–50-х годов, устанавливая всеобщность распространения общины, в селе, городе, городской волости пришли лишь к противопоставлению Земли и Государства, утратив реальное содержание природы государства, его истории и функций. Новое толкование эти идеи нашли в теориях А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, народников, которые преувеличивали значение общины в истории России в поисках обоснования и основы социалистического переустройства страны. В либеральных теориях 60–70-х годов, в условиях отмены крепостного права, земской и судебной реформ те же мнения развились в исторические теории общинно-вещного и земско-вещного строя Руси. Эти теории с различающимся идейным содержанием в трудах разных исследователей в равной мере преувеличивали значение общинных или местных форм самоуправления, противопоставляя их государству (князю). Представления о городских волостях, средневековых русских городах-государствах вели к внешним аналогиям с античными полисами, к разрушению древнерусского общественно-политического единства, когда древнерусская территория сводилась к конгломерату земель с главными городами, управляемыми находящимися там народными собраниями⁶. Н.И. Костомаров, который одним из первых начал разрабатывать эти идеи, прослеживал все же определенное единство древнерусских земель. Поэтому в Древней Руси он видел "начала" или "затчатки" федерации, противопоставив их последую-

щему "самодержавному" периоду⁷. Основаниями таких мнений стали внедрение общественно-политических идей России 60–70-х годов XIX в. в историческую действительность и позитивизм, абсолютизирующий отдельные факты и факторы в историческом процессе.

Эти идеи об особом древнерусском общественно-политическом строе, которого не было в средневековой Западной Европе, продолжило в новых условиях пореформенной России сложившееся еще в период николаевской реакции противопоставление путей исторического развития России и Запада. В 60–80-е годы они подпитывались в либеральной историографии теориями позднего славянофильства, почвенничества, панславизма и народничества, а в современной действительности – отставшим от стран Западной Европы социально-экономическим строем, феодальными пережитками в виде царского самодержавия, сословий, крупного помещичьего землевладения, отработок и издольщины в деревне.

Во второй половине 90-х – начале 900-х годов с интенсивным развитием капитализма и реформами в России становилось очевидным, что Россия идет по общеевропейскому пути развития. Установление этого факта способствовало тому, что историки начали переосмысливать уже традиционные теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя Древней Руси, сохраняя основные элементы их конструкций. Государство, понимаемое как единые территория, народ и власть, или "элементы государства", наиболее крупные историки этого направления, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов, отмечали до середины IX в., до "князей-варягов"⁸. Впрочем, они сводили далее общественно-политический строй к отдельным землям и городovým волостям, а не к Древнерусскому государству в целом. Определенные разногласия были в определении форм власти: земско-вечевой строй или княжение. Последнее мнение было поддержано М.С. Грушевским⁹. Но все более утверждались идеи о Руси IX–X вв. как государстве. Глава московской школы историков В.О. Ключевский в "Курсе русской истории", опубликованном в начале XX в., определил Русь этого периода как первоначальную форму Русского государства, военно-промышленного по происхождению¹⁰. Ученик С.Ф. Платонова А.Е. Пресняков, принадлежавший к младшему поколению петербургской школы, в курсе лекций, прочитанных в 1915/1916 академическом году, более обстоятельно раскрыл содержание Киевской Руси как государства, образовавшегося в IX – начале X в. и распавшегося во второй половине XII в. Для этого государства было характерно, отмечал он, единство этнических и языковых процессов, единство социально-экономических признаков, общественного строя и права, духовной культуры, территории и внешней политики¹¹. В трудах Н.П. Павлова-Сильванского, также относившегося к младшему поколению петербургской школы, вернулась в 90-х – начале 900-х годов концепция феодального строя в истории России. Этот период был отнесен Павловым-Сильванским к XIII–XVI вв. и не распространялся на древнерусский период¹². Но и против этого мнения решительно возражали склонные к традициям 60–80-х годов В.О. Ключевский, В.И. Сергеевич и М.Ф. Владимирский-Буданов¹³, тогда как либеральные историки П.Н. Милюков, Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, марксист М.Н. Покров-

ский и другие ученые разных научных направлений активно поддерживали эти идеи¹⁴.

В советской историографии 20-х годов марксисты Н.А. Рожков и М.Н. Покровский сохранили (с определенными отличиями) мнение своего учителя В.О. Ключевского о формировании и развитии Древнерусского государства, соединив его (в российской терминологии конца 10-х – начала 20-х годов Рожков использовал в стиле того времени понятие "феодальная революция") с концепцией феодализма на Руси, относя его к X–XII вв. При этом, упрощая Павлова-Сильванского и продолжая свои дореволюционные характеристики, М.Н. Покровский отмечал три основных признака феодализма: господство крупного землевладения с государственной властью, иерархия феодалов-землевладельцев. Их он начал соединять с особой формой государства¹⁵. Тогда же историки-немарксисты старой школы С.В. Юшков и А.Е. Пресняков стали проследивать в Древнерусском государстве XI–XII вв. феодальные институты, установленные Н.П. Павловым-Сильванским¹⁶. Те же тенденции устанавливаются у молодых тогда исследователей, склонного к обобщениям Н.Л. Рубинштейна и уделявшего большое внимание фактам М.Н. Тихомирова¹⁷.

Однако естественный процесс изучения в дискуссиях социально-экономических основ Древнерусского государства был прерван в 1929–1930 гг. массовыми репрессиями против ученых-историков ("академическое дело") и последующими волнами репрессий 30-х годов, а также диктатом сталинских идеологических догм. Жестко устанавливаемая связь между появлением классов и классовой борьбой, с одной стороны, и формированием государства – с другой, провоцировала историков к искусственному удревнению классовообразования с появлением государства. В то же время схема такого мышления при отрицании классовообразования и классовой борьбы создавала основания для отрицания Древнерусского государства.

Данный путь исторического анализа дополнялся метафизическими и догматическими представлениями И.В. Сталина о необходимом периоде развитого рабовладения, на смену которому приходил феодализм, о делении исторического процесса на дофеодальный и феодальный при понимании сути феодализма в крупном землевладении, соединенном с крепостничеством¹⁸. Эта крайне ограниченная по содержанию модель феодализма в поздних его формах содержала также значительные возможности отрицания феодального строя в Древнерусском государстве в случае отрицания в нем крупного землевладения и крепостнических форм эксплуатации. Указания Сталина провоцировали советских историков на создание теорий развитого рабовладения в Киевской Руси и появления феодальных форм зависимости в результате разложения рабовладения¹⁹. Эти теории смыкались с давними представлениями о рабских и полубрабских формах зависимости на Руси в литературе XVIII–XIX вв., когда феодальные формы зависимости были еще не изучены. Искусственному удревнению становления Древнерусского государства и феодальных отношений в нем способствовали также кампании псевдопатриотизма и борьбы с космополитизмом в 40-х – начале 50-х годов.

В этих условиях Б.Д. Греков разработал концепцию истории Древнерусского государства, существенно отличную от сталинских представлений об историческом процессе. Вместо распространенной в советской историографии 30-х годов схемы первобытнообщинный строй–рабовладение–феодализм, Греков показывал на конкретно-исторических материалах процесс формирования феодализма и феодального государства в результате разложения родоплеменного общества. Впрочем, в особых условиях сталинской поры он должен был в 30-е годы увеличить значение рабовладения в древнерусском челядинстве и холопстве, а во второй половине 40-х – начале 50-х годов удревнить начала феодализма и государства на Руси до VII–VIII вв.²⁰

Разрабатывая в 30–40-е годы альтернативную концепцию феодального Древнерусского государства, С.В. Юшков в большей мере оказался зависимым от идей официального происхождения. Вслед за С.В. Бахрушиным²¹ он поддержал сталинскую идею о делении истории Руси на дофеодальный и феодальный периоды. Основными чертами феодализма он считал крупное землевладение и крепостничество, а основным путем формирования крепостных – наделение рабов орудиями производства и земель. Более обстоятельно это мнение о появлении феодально зависимых в результате разложения рабства наметил в конце 40-х – начале 50-х годов А.А. Зимин²². Отмечал Юшков и закрепощение лично свободных. Больше внимание, чем Греков, он уделил раскрытию феодальной природы Древнерусского государства XI–XII вв. Он раскрывал ее в превращении дани в ренту, в тождестве должности-кормления с западноевропейским фьефом-должностью, в политическом строе феодальной монархии и (близко к Грекову) в вече как феодальном органе власти²³.

Таким образом, во второй половине 30-х – начале 50-х годов разрабатывались разные концепции происхождения и природы Древнерусского государства. Теория господства рабовладельческих отношений, формирования феодализма и феодального государства в результате разложения рабовладения была догматической. Поэтому книга А.И. Яковлева "Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.", опубликованная в 1943 г., где последовательно проводились эти идеи, была награждена Сталинской премией (Сталин непосредственно ознакомился со всеми работами, которые награждались этой премией). Теория дофеодального и феодального периодов, которая следовала сталинским "указаниям", нашла официальную поддержку во Всесоюзном институте юридических наук Министерства юстиции СССР. Грековская концепция становления феодализма и феодального государства не была ортодоксальной. Ее широко поддерживали в Институте истории Академии наук, в Московском и Ленинградском университетах и других вузах страны. Но в особых условиях сталинской поры, под влиянием псевдопатриотических идей эти исторические процессы искусственно удревнялись, что также поощрялось Сталинскими премиями. Таким же образом была одобрена эклектическая схема истории Древнерусского государства в учебном пособии П.И. Лященко, который объединил теории Грекова и Юшкова с давними представлениями об общинно-вечевом строе Киевской Руси²⁴.

В отечественной литературе второй половины 50-х – 80-х годов в характеристике Руси IX–XII вв. существовали самые разные мнения. Одни из них сохраняли или переосмыслили теоретические обобщения 30-х – начала 50-х годов. В трудах Б.А. Рыбакова сохранялась в основном грековская концепция. Но в 60-е годы он характеризовал период VI–IX вв. на Руси как "предфеодальный", что с коррективом восходило к мнению С.В. Юшкова²⁵.

Сохраняя основные элементы грековской концепции, В.В. Мавродин и В.Т. Пашуто обратили особое внимание на социально-экономическую и политическую структуру племенных восточнославянских княжений IX–X вв.²⁶, что позволило глубже раскрыть содержание переходного периода от родоплеменного строя к феодальному Древнерусскому государству.

Минские историки А.П. Пьянков и В.И. Горемыкина считали необходимым сохранить в процессе становления феодального Древнерусского государства период рабовладельческого строя. Пьянков отнес его к антскому периоду VI–VII вв., Горемыкина – к X–XI вв.²⁷

При отрицании или корректировании в 50–80-е годы исследований предшествующего периода в ряде работ сохранялась по преимуществу та же логика построений, приобретаая противоположное содержание. Таково понимание Л.В. Черепниным лично свободных крестьян – смердов как крестьян государственных, отождествление в его концепции дани-налога с крестьянских соседских общин и феодальной ренты²⁸. Эти характеристики были противоположны по содержанию тезису о феодальной собственности только феодалов при нефеодальном характере лично свободного крестьянского и городского населения. Таким образом, Черепнин шел к пониманию целостности структуры феодального Древнерусского государства, стремясь преодолеть метафизическую эклектичность модели, сложившуюся в советской историографии под воздействием сталинских предствлений.

Противоречивые тенденции в изучении становления Древнерусского государства и его социально-экономического содержания отразились во взглядах А.А. Зимина. Несмотря на то что он рассматривал становление и развитие феодального государства и права в конце IX–XII в. Но реальное феодальное содержание Древнерусского государства раскрывается, по Зимину, лишь с XI в. с превращением дани в ренту продуктами. Наряду с этим Зимин характеризовал первоначальные формы зависимости на Руси как рабство, которое только в XI в., особенно в XII в., стало превращаться в феодальную зависимость²⁹. Таким образом, во взглядах Зимина на историю Древнерусского государства и его социально-экономическую природу отразилась концепция Б.Д. Грекова о генетическом процессе становления феодального государства в IX–XII вв., работы 20-х – начала 30-х годов о перерастании рабовладельческих форм зависимости в феодальные, что обосновывалось позже сталинскими представлениями об историческом процессе, теория С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина (с определенными различиями) о перерастании дани в ренту. Но это соединение идей разных периодов и с различным содержанием привело к тому, что в концепции Зимина феодальное с конца IX в. Древнерусское государство

и право только в XI столетии начинало приобретать феодальное социально-экономическое содержание.

В новых формах логика построений 30–50-х годов трансформировалась, приведя к противоположным выводам, в работах И.Я. Фроянова. Под феодализмом он понимает крупное землевладение, соединенное с "властованием", которое раскрывается как внеэкономическое принуждение, крепостничество³⁰. Исходя из такого крайне ограниченного представления, восходящего к идеям 20-х – начала 50-х годов, Фроянов сводит опровержение феодального строя к отрицанию на Руси X–XII вв. крупного землевладения и крепостничества. При этом он характеризует разные категории зависимых как рабов, полурабов или полусвободных, отметив лишь "некоторую часть" владельческих смердов как "один из первых отрядов крепостных" и некоторую часть изгоев-вольноотпущенников, которые "постепенно приближались к крепостному состоянию и в конечном счете становились крепостными"³¹. Такое мнение дополняется характеристикой древнерусского периода XI–XII вв. как "дофеодального". Это определение восходит к статичному противопоставлению ограниченных по содержанию "дофеодальной" и "феодальной" моделей (Н.П. Павлов-Сильванский, Н.А. Рожков, И.В. Сталин и большое число советских историков середины 30–40-х годов). Подобное противопоставление проводил во второй половине 60-х годов А.И. Неусыхин, а за ним некоторые из его учеников-медиевистов. В этом статичном по содержанию противопоставлении моделей прослеживаются идеи, которым Неусыхин следовал в молодости и восходящие к теории "идеальных типов" М. Вебера. В 20-е годы эти идеи были поддержаны в обобщающих построениях Ц.М. Петрушевского, учителя А.И. Неусыхина.

Такое понимание социально-экономического строя Руси XI–XII вв. привело Фроянова к отрицанию Древнерусского государства, но при этом он вернулся к давним теориям общинно-вечевого строя, городских волостей и городов-государств с аналогиями в античном полисе³², что уже перерастала русская наука начала XX столетия. Такое мнение в конце XX столетия было противопоставлено идеям второй половины 40-х – начала 50-х годов, искусственному удревнению государства и феодализма на Руси, тотальной феодализации социально-политических институтов, мысли об исключительно эксплуататорских функциях государства. Но при этом, несмотря на внешне противоположные выводы, сохранялась внутренняя логика такой крайней позиции.

В литературе 60–80-х годов разрабатывались и другие пути изучения становления и развития Древнерусского государства, использования в этой проблеме огромного положительного опыта, накопленного в отечественной науке XVIII–XX вв. По мнению М.Б. Свердлова, в процессе развития от племени к Древнерусскому государству социально-политическая структура прошла в VIII–X вв. три основных периода: 1) межплеменное объединение, 2) государство (А.И. Неусыхин использовал типологическое понятие "варварское государство") – политическое объединение автономных племенных княжений (кривичи, древляне, северяне и т.д.), князья которых были вассально подчинены ("под рукой") великому киевскому князю в конце IX – первой половине X в. В середине – второй

половине X в. формируется государство, которое характеризуется: 1) публичной властью в виде княжеской династии Рюриковичей, аппаратом княжеского административно-судебного управления при ликвидации веча – органа племенного самоуправления, 2) территориальным делением не по племенам, а по погостам и городам с волостями, сменой родоплеменных отношений территориальными, 3) регулярно взимаемой фиксированной податной системой, вариационной по внешней форме: подымное (белка или куница от дома), полюдье (дань, дар, повоз), начало поземельного обложения (по щельгу от плуга-рала). Закон Русский был основным источником права и учитывался при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Идеологическое оформление эти социально-политические процессы нашли в официальном принятии христианства как государственной религии. Феодалная природа Древнерусского государства раскрывалась: 1) в сеньориально-вассальной иерархической структуре господствующего класса, 2) в системе фьефов-денег и фьефов-должностей, которая составляла материальное обеспечение служилой части господствующего класса (фьефами становилась часть государственных податей после перераспределения в казне или в виде прямых податных отчислений) и была преобладающей в X–XI вв. (ее дополнили, видимо, в XI–XII вв. земельные фьефы на вотчинном праве), 3) в феодалной сути господского хозяйства, где с разных категорий зависимого населения взималась натуральная, отработочная и денежная рента³³.

В поиске новых решений А.П. Новосельцев высказал мнение о феодативном характере Древнерусского государства в IX–X вв. Особое значение при доказательстве этого мнения он придавал предполагаемым договорным отношениям племенных князей с киевским великим князем³⁴.

Таким образом, научная проблема образования Древнерусского государства постоянно разрабатывалась и усложнялась с развитием исторической науки. Но эта разработка проблемы не была однозначной. На нее оказывали значительное влияние политические и философские теории, идеология и субъективный фактор. Поэтому научная проблема образования Древнерусского государства в процессе изучения прошла вместе с отечественной исторической наукой тот же сложный путь, те же этапы, разделяя те же закономерности.

Историографический анализ свидетельствует о постоянной множественности подходов к изучению проблемы образования Древнерусского государства. При этом определение общественного строя влияло на характеристику государства, а установление характера государства воздействовало на определение общественного строя. Впрочем, можно отметить, обычно преувеличение в данных подходах значения одних факторов и преуменьшение или отрицание значения других, лучше разработанных в предшествующих или оппонирующих научных направлениях. Актуален теперь не поиск одной определяющей черты в формировании Древнерусского государства, а выявление всей системы факторов, изученных на основе всех исторических фактов.

- ¹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1756. Т. VI. Р. 493, 696–717.
- ² Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства ... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. С. 284–286; Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 318, 474–479; Т. 2. С. 239–240, 294; Муравьев М.Н. Полн. собр. соч. СПб., 1818. Ч. 2. С. 59–60, 67–69, 197–199; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 1. С. 116–117.
- ³ Полюной Н. История русского народа. М., 1829. Т. 1.
- ⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 705; 1949. Т. 9. С. 391; Соловьев С.М. Собр. соч. СПб., б.г. Стб. 1297–1299; Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 69; Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 29.
- ⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. I. С. 55–57; Ключевский В.О. Соч. М., 1956. Т. 1. С. 174–181.
- ⁶ Сергеевич В.И. Вече и князь: русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867; Градовский А.Д. Государственный строй древней России // ЖМНП. 1868. № 10; Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Лнтве. СПб., 1868. С. 109–110; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 348–349; Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1879. С. 162–163.
- ⁷ Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Основа. СПб., 1860. № 2. С. 16 (отд. отт.); Он же. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 6, 54.
- ⁸ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 99–100; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 12–13; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 62–64.
- ⁹ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 31–32, 52–69, 93–99; Он же. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 448–454.
- ¹⁰ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 147–149.
- ¹¹ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 12.
- ¹² Панлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
- ¹³ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 360–363; Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 469–475; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор ... С. 283–289.
- ¹⁴ Историографический анализ и библиографию см.: Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910.
- ¹⁵ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Пг.; М., 1919. Т. 1. С. 147–154. 202, 205; Покровский М.Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1932. № 2. С. 81–82; см. также: Он же. Русская история в самом сжатом очерке. М. Ч. 1 и 2. 10-е изд. М.; Л., 1931).
- ¹⁶ Юшков С.В. Феодальные отношения и Киевская Русь // Уч. зап. Саратовск. гос. ун-та. 1924. Вып. 4; Пресняков А.Е. Феодализм в России // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Ф. 193. Оп. I. Ед. хр. 28.
- ¹⁷ Рубинштейн Н.Л. Нарис історії Київської Русі. Харків; Одеса, 1930; Тихомиров М.Н. Феодальный порядок на Руси. М.; Л., 1930.
- ¹⁸ Сталин И. Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. М., 1933. С. 5; Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 22 (в "Замечаниях" указана дата 8 августа 1934 г.); История Всесоюзной коммунистической партии (большевики): Краткий курс. М., 1938. С. 114.

- ¹⁹ Цаибак М.М. Основные вопросы истории возникновения феодализма в России // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934. С. 80–81, 92–93 (Известия гос. Академии материальной культуры. Вып. 103); Смирнов И.И. О генезисе феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4; Шестаков А.В. О некоторых вопросах исторической науки // Учительская газета. 21 мая 1939 г.; и другие работы.
- ²⁰ Греков Б.Д. Рабство и феодализм в древней Руси // Известия гос. Академии материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 86; Он же. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936; Он же. Киевская Русь. М., 1953.
- ²¹ Бахрушин С. К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 4.
- ²² Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин, М., 1950. С. 85–87, 90, 92, 94 и след.
- ²³ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
- ²⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. 2-е изд. Б.м., 1950. Т. 1. Докапиталистические формации. С. 104–106, 131–157.
- ²⁵ Рыбаков Б.А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 241–249; Он же. Древняя Русь конца IX – начала XII в. // Там же. С. 250–266; Он же. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII в. // Вопр. истории. 1962. № 4; Он же. Первые века русской истории. М., 1964; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; и другие работы.
- ²⁶ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 99–109; Пашуто В.Т. Летописная традиция о "племенных княжениях" и варяжский вопрос // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974.
- ²⁷ Пьянков А.П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980; Горемыкина В.И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.
- ²⁸ Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Ист. зап. 1956. Ки. 56; Он же. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 151–155, 176–177.
- ²⁹ Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Ист. зап. 1965. Т. 76; Он же. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
- ³⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 8–9, 125, 145–147.
- ³¹ Там же. С. 125, 145–147.
- ³² Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216–233; Он же. К вопросу о городах-государствах в Киевской Руси (историографические и историко-социологические предпосылки) // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 126–140; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. С. 198–311.
- ³³ Спердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Он же. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
- ³⁴ Новосельцев А.П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4; Он же. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопр. истории. 1991. № 2/3.

К ТИПОЛОГИИ ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ И РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (Постановка проблемы)

Проблемы перехода от родового к классовому обществу, от племенной организации к государственной приобрели в мировой науке новое освещение в 1960–1970-е годы, когда они стали одним из основных предметов социальной антропологии¹. Исследования обществ, переживавших переход к классовому строю, европейских (средиземноморских в гомеровский период и германских в первые века н.э.) и неевропейских (африканских, индейских, полинезийских в XIX–XX вв.) позволили выделить некоторые универсалии, определить последовательные этапы процесса и создать типологию социальных и политических структур переходного периода.

Не прошли эти вопросы мимо внимания и отечественных исследователей. Острые дискуссии 1960-х годов о путях возникновения государства и его характере на ранних этапах² заложили основы для дальнейшего и более систематического изучения пред- и раннегосударственных образований отечественными историками, политологами, философами. Особенно большой вклад был внесен этнологами, широко опиравшимися на международную историографию и существенно продвинувшими общетеоретическую разработку проблемы³.

Однако в конкретно-исторических исследованиях, прежде всего в области изучения Древнерусского государства, продолжает довлеть схема, выработанная в 1930–1950-е годы на основе ленинской интерпретации марксистской теории классов и государства. Жесткая формационная схема и понимание государства как репрессивной в первую очередь структуры привели к невозможности адекватно охарактеризовать социально-политический строй доклассовых обществ в Восточной и Северной Европе, типологическое сходство развития которых неоднократно отмечалось в отечественной литературе⁴. Отсюда в значительной степени проистекает чрезвычайно широкий временной диапазон (от VIII до XIII в.), к которому различные исследователи относят образование Древнерусского и древнескандинавских государств. Если исходить из бытующего в отечественной историографии определения государства как аппарата для подавления большинства в интересах меньшинства, то, действительно, более обоснованными выглядят "поздние" датировки, которые учитывают наличие оформившихся классов и крупного частного землевладения – одного из основных показателей феодализма. Вместе с тем у большинства исследователей не вызывает сомнения существование в этих регионах по меньшей мере в X–XI вв. государственных образований, относимых ими к "раннеклассовым", "раннефеодальным", "варварским".

Другим результатом последовательного применения сложившейся в советской историографии концепции было установление прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. В рамках этой концепции государство может возникнуть лишь тогда, когда сложилось или по меньшей мере формируется классовое общество; оно не может существовать вне рабовладельческой или феодальной, т.е. первой классовой, формации. Поскольку государства последующего времени в восточнославянском, германском, скандинавском регионах являются феодальными, то элементы феодализма, по мнению большинства исследователей, должны проявляться с момента зарождения государственности. Сам же период, предшествовавший образованию феодального государства, обозначается как "варварский", "дофеодальный", "предфеодальный", "полупатриархально-полуфеодальный" – терминами, которые, как справедливо отметил Л.В. Черепнин, не несут позитивного содержания и не дают сущностной характеристики периода⁵.

Даже выделение особого "переходного" периода между первобытно-общинным и феодальным строем у славян вызывало возражения, поскольку это означало бы признание существования межформационных периодов⁶. Переходные стадии, согласно Черепнину, "не меняют единства процесса общественного развития и не должны нарушать формационного принципа его членения"⁷. Поэтому ради сохранения "чистоты" схемы переходные периоды должны включаться в какую-либо из формаций – в случае с Древнерусским государством в феодальную; ведь как бы ни определять государство, очевидно, что на Руси оно существует в конце IX, не говоря уже о X в. Более того, в конце X в. это единое, охватывающее огромную территорию государство – "империя Рюриковичей", которое не могло возникнуть в одночасье. И поэтому усилия многих историков 1960–1980-х годов (Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто) были направлены на поиски следов феодальных отношений в X, IX вв. и даже ранее, чтобы обосновать феодальную сущность складывающегося государства.

Тем не менее убедительные результаты достигнуты не были. Признание определяющим признаком феодализма существование государственной или частновотчинной собственности на землю, ставящей непосредственного производителя в зависимость от собственника земли и позволяющей отчуждать прибавочный продукт методами внеэкономического принуждения, ставило непреодолимые препятствия. Л.В. Черепнин не мог не признать, что княжеское индивидуальное землевладение возникает лишь во второй половине XI в., вотчина же – в XII в.⁸ (Этим же примерно временем, концом XI в., датирует появление княжеского домена в Новгородской земле В.Л. Янин⁹.) Однако верховная государственная собственность на землю, по мнению Черепнина, формируется гораздо раньше. Ее существование он прослеживает в X в., а А.А. Горский – уже с начала X в. в формах окняжения территорий племен, с которых в виде даней и полюдья собирается "феодальная рента"¹⁰.

Однако источники не дают никаких оснований говорить о том, что отчуждение прибавочного продукта в это время основывается на верховной собственности на землю. Ведь и в племенном обществе вождь, жрец и

другие держатели определенных социальных статусов, в функции которых входило поддержание жизнедеятельности общества, имеют право на некую долю прибавочного продукта, сбор которого осуществляется принудительно и подчас в сходных формах, в том числе в форме полюдья.

Свидетельством того, что частная собственность на землю в X в. и в начале XI в. еще не сложилась, является, на мой взгляд, отсутствие земельных пожалований церкви, которая повсеместно была едва ли не первым получателем земельных дарений. Вероятно, неотчуждаемостью общинных земель (а не только византийскими традициями) можно объяснить, что до середины XI в. церковь существует лишь на десятиину¹¹.

"Окняжение" земель, т.е. присоединение к ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского великого князя, отнюдь не означает одновременного и автоматического перехода к князю верховной собственности на землю, которая еще долгое время может оставаться собственностью племени. Один из начальных этапов этого длительного процесса, кажется, можно усмотреть в рассказе Повести временных лет под 975 г. об убийстве Люта Свенельдича¹².

Не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения и отчуждение прибавочного продукта как таковое, даже в относительно развитых и упорядоченных формах полюдья. Оно возникает при первобытнообщинном строе в связи с функциональной дифференциацией (выделение вождей, жрецов и др.) и укрепляется с возникновением социальной дифференциации общества. И потому сам факт его существования не может служить доказательством развития феодальных отношений.

Все это, как кажется, дает однозначный ответ и на вопрос о возникновении общественных классов. До сложения государственной собственности на землю (предполагая вслед за Черепниным, что она формируется ранее индивидуальной), реализуемой – на ранних этапах – как коллективная собственность социальных верхов, социальные группы (страты, сословия) различаются по их отношению к продукту производства, но не к средству производства (к земле при феодализме), и в этом их принципиальное отличие от классов. Верховная власть уже при племенном строе обретает преимущественное право на перераспределение прибавочного продукта и его присвоение, отчуждая все большую его часть для собственного потребления. В современной терминологии это стратифицированное, но отнюдь не классовое общество. Лишь по мере становления частной собственности на землю социальная стратификация перерастает в классовую. Как показывают исследования, на Руси это происходит после середины XI в., в Дании – в XII в., в Швеции – в XII–XIII вв.

Не случайно именно середина XI – начало XII в. рассматриваются большинством историков как рубеж, после которого только и можно говорить о сколько-нибудь оформившихся феодальных отношениях на Руси. Предшествующее, с IX в., время Черепнин выделяет как период "генезиса феодализма", но первые зародыши феодальных отношений реально прослеживаются им лишь с последних десятилетий X в.¹³ Единственным исключением, повторяю, является существование государства, что, собственно, и заставляет проецировать позднейшие явления на IX–X вв.

Но так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации? Исходя из общепринятого в отечественной историографии определения государства, о котором говорилось выше, безусловно да. Однако в современной международной науке понимание государства и его функций существенно иное. В отличие от В.И. Ленина, К. Маркс выдвигал на первый план не репрессивную функцию государства, вытекающую из его классового характера, а "выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества"¹⁴. Именно эта, организующая функция государства легла в основу его определения в социальной антропологии: государство рассматривается как система, обеспечивающая жизнедеятельность общества как единого политического организма. Отсюда основными признаками государства считаются: наличие отчужденной от народа власти, функции которой выполняются особой системой органов и учреждений; наличие права, закрепляющего систему норм, которые обеспечивают функционирование общества; наличие территории, на которую распространяется государственная власть. Государство, таким образом, понимается в первую очередь как институционально оформленная социально-политическая система, обеспечивающая функционирование общества¹⁵. К этим признакам подчас добавляется наличие постоянно функционирующей системы налогообложения¹⁶, что, впрочем, естественно вытекает из необходимости содержания институтов власти. Разумеется, указанные признаки отмечают уже сложившееся государство. В процессе его формирования они не обязательно развиваются синхронно и могут в различных исторических условиях изменять свое значение.

Изучение путей и предпосылок возникновения государства позволило выявить наиболее важные факторы, стимулировавшие этот процесс. Для "вторичных"¹⁷ государственных образований, к которым принадлежат и Древнерусское, и древнескандинавские, возникавшие в условиях контактов с более ранними и уже сложившимися государствами, их выделяется несколько. С одной стороны, это внутренние предпосылки, создаваемые производящим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества; с другой – внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле¹⁸. Как правило, признается необходимым сочетание внутренних и внешних условий, дополняющих друг друга. Было показано, что попытки объяснить развитие государственности в том или ином обществе лишь каким-то одним фактором ведут к одностороннему преувеличению его роли и опровергаются сравнительным материалом, а также более глубоким изучением данного общества. Так, выдвигание внутреннего экономического развития как доминирующего условия для возникновения процессов образования государства входит в противоречие с существованием ряда обществ, где возможности увеличения прибавочного продукта не только не привели к становлению развитого стратифицированного общества и государства, но не использовались вообще, и общество ограничивалось простым воспроизводством. Повышенная военная активность – повсеместный спутник процессов образования государства – также не ведет автоматически к его возникновению¹⁹. Лишь совокупность различных факторов, как вну-

тренних, так и внешних, создает необходимые условия для формирования государственных структур.

Процесс их становления, изученный этнологами и социоантропологами на материале большого числа древних и современных обществ, охватывает несколько этапов социально-политического развития от эгалитарного (первобытнообщинного) и ранжированного к стратифицированному и, наконец, классовому общественному устройству, каждому из которых соответствует определенная потестарно-политическая структура²⁰ от главы рода (общины) до государства.

Основным показателем социального развития общества служит степень функциональной дифференциации, возникающей значительно раньше социальной и имущественной²¹. Ее формирование определяет становление "ранжированного", по М. Фриду, или "племенного", по Э. Сервису, общества, которое характеризуется тем, что "число статусов повышенной ценности ограничено так, что далеко не все, обладающие способностью занимать данный статус, имеют его"²². Именно в рамках ранжированного общества зарождаются первые потестарные и потестарно-политические структуры.

Они основаны на двух организационных принципах: ранжировании индивидуальных статусов внутри местной общины и на регионально централизованной организации местных общин, ранее, в эгалитарном обществе – доминирующей социальной единицы. Внутриобщинная дифференциация, возникающая еще в эгалитарном обществе, в результате которой выделяется вождь, уступает место соподчиненности территориальных образований различного уровня: местных, областных, региональных, которой соответствует иерархия вождей, местных, областных и т.д., которые каждый на своем уровне выполняют общие социальные, политические, экономические и религиозные функции, обеспечивающие жизнь общества. Права и обязанности вождей одного уровня идентичны, но расширяются в масштабах при переходе на следующий уровень – в отличие от государственной организации, где властные функции правителей различных уровней отличаются не столько количественно, сколько качественно²³. Общим для потестарно-политических структур ранжированного общества является то, что они возникают в процессе разложения эгалитарного строя на основе производящего хозяйства (земледелия и/или скотоводства). Они имеют своим назначением перераспределение избыточного продукта, поддержание экономических и социальных структур, сложившихся в обществе, организацию общественного труда (строительство укреплений, погребальных монументов, трудоемкие виды хозяйственной деятельности). Причем первому отводится основополагающая роль: доступ к перераспределению общественного продукта обеспечивает выделение и укрепление института вождей и формирование племенной аристократии, а создание системы перераспределения является основой для будущего формирования аппарата государственного управления. Поэтому формирование потестарно-политических структур находится в тесной связи с системой распределения и перераспределения общественного продукта²⁴. В ранжированном обществе политическое устройство отличается выделением центральной власти, обособленным от массы

населения, стоящей над внутриобщинным управлением и сосредоточивающей выполнение перечисленных функций, в первую очередь контроль над распределением избыточного продукта.

Эти, еще догосударственные потестарно-политические структуры получили в социальной антропологии наименование *chiefdom* – "вождийство"²⁵ в соответствии с их политическим устройством, в котором главную роль играет институт вождя. По определению Э. Сервиса, это "промежуточная форма, вырастающая из эгалитарного общества и предшествующая всем известным примитивным государствам". Она отличается централизованным управлением и наследственным иерархическим статусом. Политическая организация повсеместно представляет собой теократию, а форма подчинения власти приобретает вид религиозного подчинения жрецов-вождю²⁶. Такой политический строй, как показали исследования различных обществ, является универсальным, переживаемым всеми народами в период разложения родоплеменного строя, в том числе теми, которые впоследствии не создали государства. Он стадийно предшествует как рабовладельческим, так и феодальным государствам²⁷.

В рамках вождийств получение избыточного продукта достигалось тремя основными путями: увеличением производительности труда (наиболее трудоемкий и малоэффективный в ближайшей перспективе), участием в обмене и торговле, военной деятельностью. Очевидные преимущества последней, позволявшей – в случае удачи – максимально быстро и безболезненно с точки зрения общества-завоевателя наращивать прибавочный продукт, обусловили повсеместное возрастание военной активности при переходе от вождийств к государству²⁸. Ведущее место войны дало основание Л. Моргану назвать ряд последовательных этапов, включая ранние государственные образования, эпохой военной демократии – термином, широко принятым в отечественной историографии, но неточным и ограниченным²⁹, что давно уже заставило отказаться от него как зарубежных исследователей, так и отечественных этнологов. Образовавшиеся уже в вождийствах потестарные структуры носили по преимуществу военный характер: по функциональным истокам статус вождя предполагал в первую очередь руководство военной деятельностью – при существовании других элитарных статусов, старейшин, жрецов и др. Концентрация власти в руках вождей вела к еще большей "военизации" политических институтов, поскольку общество было ориентировано на военный способ добывания прибавочного продукта.

Формируясь в рамках единого этносоциального организма – племени, вождийство имело тенденции к распространению и включению в свой состав других племен на основе конфедерации, завоевания или подчинения в форме обложения данью, что в любом случае сопровождалось значительным увеличением прибавочного продукта. В этих условиях неравенство социальных статусов в доступе к использованию и присвоению избыточного продукта вызывало нарастание социальной и имущественной (в дополнение к функциональной) дифференциации, закрепление которой в иерархии статусов характеризует следующий этап общественного развития – стратифицированное общество³⁰. Его важнейшими отличиями от предшествующего этапа были сложение дифференцированного контроля

над экономикой и соответствующая дифференцированность власти. В стратифицированном обществе происходит усложнение потестарных структур и их иерархизация, расширение и концентрация функций центральной власти. Все эти процессы в конечном результате приводят к формированию государства как социально-политической системы, регулирующей жизнедеятельность общества³¹. По словам М. Фрида, "раз существующей стратификация, то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось"³².

При переходе к государственной организации общества резко возрастает роль центральной власти. Она сохраняет все основные функции предшествующего времени, но упорядочивает и дифференцирует их. Наряду с перераспределением возникает организованный сбор прибавочного продукта (в форме фиксированных даней). Важной функцией государства становится охрана складывающейся территории, на которую распространяется его власть.

Важнейшим явлением социального устройства общества становится выделение и обособление профессионального военного слоя, не связанного не только с общинной, но и с этнополитической (племенной) организацией. Расслоение внутри него ведет к образованию военной аристократии, частично сливающейся, частично теснящей родоплеменную знать, которая в силу ее связей с отдельными группировками внутри общества и вытекающих отсюда центробежных тенденций противостоит центральной власти³³.

Основной особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией – дружиной. Она образует органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; управление; выполняет чисто военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организация походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер. Именно основополагающая роль дружины (или аналогичной ей военной организации) определяет особенности политического строя и потестарных структур, а также весь облик зарождающегося государства. Это дало основание ряду англо-американских социологов называть такой тип государства "военным" (military), но представляется, что более уместным является его определение как "дружинного" государства.

Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства. В то же время способ производства включает различные уклады: патриархальный с родовыми и территориальными общинами, рабовладельческий (патриархальное рабство), зародыши феодального. Нерасчлененность различных укладов, представляющая многообразие возможностей дальнейшего развития, определяет отмеченный этнологами универсализм этой, древнейшей, формы государства, которую в разное время переживали все

народы, образовавшие позднее как рабовладельческие, так и феодальные государства.

Таким образом, переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе – с государственным политическим устройством является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы. Вместе с тем конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно различались в первую очередь в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли.

В формировании ранних ("варварских") германских государств, наряду с ростом производящего хозяйства, особая роль принадлежала войне. В ходе военных завоеваний в Галлии и Британии разрушались внутриобщинные связи, резко усиливалась имущественная и социальная дифференциация, усложнялись и крепили потестарные структуры, роль которых неуклонно возрастала³⁴. Немалое значение для германского общества имели и его непосредственные контакты с Римской империей: значительная часть территории, на которой в V–VII вв. возникали первые германские государственные образования, или входила в состав Римской империи (Северная Италия), или была романизирована.

Среди других германских народов, прежде всего северных, как принято считать ныне, война не играла столь значительной роли (хотя археологические материалы, например клады оружия, и указывают на высокую военную активность скандинавских племен). Практически отсутствует и влияние средиземноморской цивилизации к северу от римского лимеса³⁵. Однако уже с середины I тысячелетия до н.э. Ютландия вовлекается в постепенно нарастающий по объему обмен с Центральной Европой, который длительное время носит престижный характер: в обмен на янтарь местная знать получает предметы роскоши – изделия из бронзы и реже золота, стекло и т.п. Усиление обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, ведут к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций – области Гудме на о. Фюн, Стевнс на о. Зеландия, на юго-западном побережье Ютландии – и образованию в них специфических торгово-ремесленных поселений уже в IV–VI вв.: Луннеборг в Гудме, Данкирке и позднее Рибе в Юго-Западной Ютландии³⁶.

Показательно, что во всех случаях первоначально возникает не изолированное, не связанное с округой поселение с особыми функциями (торговой, ремесленной, резиденцией знати), а небольшая область, в которой характер деятельности населения отличен от окружающих территорий, в которой отмечается скопление знати (археологически выражающееся в наличии здесь элитных некрополей, кладов и т.п.) и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений – одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протогородом. Находки в

этих областях свидетельствуют, что в конце первой половины – середине I тысячелетия н.э. здесь сосредоточивается балтийская и североморская торговля с Центральной и Западной Европой. Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей. И именно с исключительно интенсивной торговой деятельностью исследователи связывают быстрое становление древнедатского государства: предполагают, что уже в середине I тысячелетия н.э. на территории будущей Дании существует ряд мелких предгосударственных объединений³⁷.

Позднее, в VI в. в Восточной Балтике (на восточном побережье Швеции) образуется второй центр балтийской торговли, являвшийся новым завершением центрально- и западноевропейских магистралей, ранее оканчивавшихся на датских островах. Сложение этого отрезка пути знаменуется появлением поселения в Экеторпе на о. Эланд в V–VII вв., а затем становлением и расцветом торгово-ремесленных центров на оз. Меларен, Хельгё и Бирки³⁸. Одновременно здесь начинаются и более активные процессы социально-политического развития.

Уже в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.) в Средней Швеции, Свеаланде, отмечается глубокая стратификация общества: выделение не только наследственного нобилитета, но и военного ("дружинного") слоя, а также формирование территориально-политических образований³⁹. Узловой регион в сети дальней торговли, Свеаланд, где практически отсутствуют следы средиземноморских влияний⁴⁰, а военная активность имеет ограниченный характер, претерпевает ускорение в своем социально-политическом развитии, приводящее к возникновению предгосударственных образований⁴¹.

Важно отметить, что возможности производящего хозяйства в Свеаланде, более высокие, нежели в других областях Швеции (Сконе в это время входит в сферу датского влияния), были тем не менее недостаточно велики, чтобы обеспечить интенсивное развитие региона⁴². Сельскохозяйственное производство предоставляло средства лишь для поддержания жизни местного населения. Однако природные ресурсы давали Свеаланду возможность участвовать в международной торговле. Главным предметом, позволившим местной знати включиться в систему балтийского и европейского обмена и торговли и, более того, притянуть к региону сеть коммуникаций, было железо. Большие запасы и высокое качество руды на севере Упланда делали Свеаланд основным поставщиком этого важнейшего сырья по меньшей мере для балтийского региона. "Железный путь" связывал север Свеаланда с оз. Меларен и служил основой для внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу⁴³.

Третьим регионом севера Европы, где процессы образования государства происходили во второй половине I тысячелетия н.э., был Северо-Запад Восточной Европы, примыкавший к Восточной Балтике. Согласно существующей историографической традиции, основанной по преимуществу на летописном описании ситуации в Северо-Западной Руси в середине – второй половине IX в. в так называемой легенде (а точнее – сказании) о призвании варягов, здесь в середине IX в. имеется меж-

племенное объединение, включающее словен, кривичей, чудь, мерю и, возможно, весь. Это объединение получило условное наименование "северной конфедерации племен" или "северного союза племен"⁴⁴. В.Т. Пашуто и И.П. Шаскольский характеризовали его как территориально-политическое предгосударственное образование ("союз племен" или "союз племенных княжений"), возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен; оно возникло в борьбе с "северной опасностью" — набегами скандинавских викингов.

Крайне скудные и в значительной степени спорные сведения, содержащиеся в ранних редакциях сказания, не дают возможности подробно охарактеризовать социальный строй, политическое устройство, экономические предпосылки возникновения этого образования, и оно и поныне остается в значительной степени загадочным. Особенно темны причины и пути его зарождения.

Хотя в отечественной исторической науке первостепенное (если не единственно важное) место в процессах образования государства отводилось внутреннему развитию общества — интенсивному производящему хозяйству, в данном случае ни один из исследователей "северной конфедерации" не пытался обосновать возникновение здесь очага государственности успехами экономического развития региона. И это вполне понятно. Местное финское население не знало ни скотоводства, ни земледелия, и производящее хозяйство было принесено сюда лишь в ходе славянской колонизации, незадолго до отмечаемого летописями существования "конфедерации". Природные особенности региона, климат, сильная лесистость, незначительное количество плодородных почв⁴⁵, отнюдь не способствовали интенсивному росту земледелия. И в более позднее время, в XII—XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. Приток новопоселенцев, очевидно, указывает на то, что хозяйственные возможности региона были достаточны для поддержания их жизни, но быстрое социальное развитие общества требовало совершенно иного объема прибавочного продукта, причем получаемого регулярно и длительное время. Недостаток природных возможностей для значительного увеличения производства продуктов потребления обусловил низкую плотность населения не только в период славянской колонизации региона, но и много позднее⁴⁶. Лишь в некоторых участках концентрация населения была существенно выше средней, но причины этого явления, видимо, лежали не только и не столько в более благоприятных для земледелия условиях, хотя и они, бесспорно, играли определенную роль.

В свете новейших археологических материалов трудно согласиться и с тем, что основной причиной формирования "северной конфедерации" могла быть угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих в глубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить. Археологические данные скорее рисуют картину мирного сосуществования всех трех этнических групп⁴⁷.

Тем не менее, невзирая на скудность природных ресурсов, северо-

западный регион действительно переживает быстрое развитие начиная с середины – конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений торгово-ремесленного характера, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен. Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом через Неву, Ладогу и Волгу.

Роль Балтийско-Волжского пути как трансъевропейской магистрали и его значение для экономического развития Восточной Европы и Скандинавии, прежде всего в связи с распространением арабского серебра, отмечались и исследовались неоднократно⁴⁸. В теории В.О. Ключевского торговля в целом (в том числе и по Волжскому пути) рассматривалась как основополагающий фактор в развитии городов и "городовых областей" и тем самым как существенная предпосылка зарождения государственности на Руси⁴⁹. Однако советская историография отказалась от теории Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. Но конкретные механизмы этого влияния – особенно в период становления государственности – остаются малоизученными. Более того, традиционное и справедливое для более позднего времени отнесение торговли лишь к сфере экономики не позволяет выяснить в полном объеме ее место в жизни племенного и постплеменного общества, в том числе в социально-политических процессах на Северо-Западе Восточной Европы. Между тем очевидно, что проблема заслуживает значительно большего внимания как в конкретно-историческом, так и в более общем теоретическом плане.

Исследования К. Поляного и других представителей экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли в экономическом и социальном развитии ранних обществ и особенно обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному⁵⁰. Среди выводов, наиболее важных для рассматриваемых регионов, надо отметить следующие. Во-первых, имеются принципиальные различия в воздействии на общество разных форм обмена и торговли: внутренних, совершаемых в пределах замкнутой социальной системы, и внешних, между различными общественными коллективами (родами, племенами и племенными объединениями, ранними государствами). Наиболее интенсивное и разноплановое воздействие на развитие общества оказывают внешние обмен и торговля. При этом степень их влияния увеличивается при вовлечении большего числа обществ, особенно стоящих на разных ступенях развития. Во-вторых, в отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь

небольшую часть общества – формирующуюся знать и практически не затрагивающую более широкие слои населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулируют их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяющие концентрировать богатства в руках тех его представителей, которые осуществляют контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества.

Однако далеко не во всех регионах мира и не во всех обществах торговля может рассматриваться как один из важных факторов социального и политического развития. Хотя обмен и торговля являются одним из повсеместно распространенных видов деятельности, лишь в отдельных регионах создавались условия для становления крупномасштабной дальней торговли, вовлекающей в сферу ее действия ряд обществ. Выше уже указывалось на первостепенную роль войны в становлении ранних германских государств Западной Европы и Англии, хотя все германские племена этого региона в той или иной степени были вовлечены в торговлю с Римской империей и между собой. Но эта форма деятельности не имела кардинального значения для их развития: крупные торговые магистрали (по Рейну, Роне и др.) складываются (или, существуя с римского времени, восстанавливаются) уже после формирования ранних германских государств. Принципиально иную роль обмен и торговля играли в становлении датского общества, включившегося в систему торговых связей Центральной Европы с бронзового века. Таким образом, этот вид деятельности мог служить предпосылкой для ускорения социально-политического развития лишь там, где в силу природных условий или иных причин устанавливались протяженные линии торговых коммуникаций и где, соответственно, в сфере торговли участвовал ряд политически независимых обществ.

Значение протяженных торговых путей далеко выходило за область торговли. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т.д.⁵¹ Путь обрастал сложной системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в самой торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своего функционирования, т.е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону, тяготеющую к нему.

В этой зоне протекание ряда экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и

социальной дифференциации как общества в целом, так и самого нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой – вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых ею поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах крупных торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью.

Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н.э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центрально-европейский, североморский и балтийский регионы. Пути из Центральной Европы и с побережья Северного моря сходились в Южной Ютландии и на датских островах, откуда начинался балтийский участок пути, достигший к VI–VII вв. Свеаланда. Существовавшие в предшествующую эпоху эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья⁵² создавали естественную почву для дальнейшего продвижения торгового пути в этом направлении. Становление Старой Ладоги исследователи справедливо связывают с ростом балтийской торговли, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные связи с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией⁵³. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладоги – единственного предгородского центра на Северо-Западе Восточной Европы VIII – первой половины IX в. – говорит о том, что в это время Ладога была не просто одним из центров балтийской торговли, но узловым пунктом, завершавшим начинавшийся в Южной Ютландии балтийский отрезок крупнейшей торговой магистрали.

На протяжении IX в. освоение восточноевропейского отрезка пути с выходом на Волгу фиксируется возникновением торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент⁵⁴. Практически все известные ныне поселения Северо-Запада IX в. располагаются на реках и озерах, образовывавших магистраль, или на ее ответвлениях; таковы Ладога, "Рюриково" Городище, Крутик у Белоозера, Сарское городище, позднее – древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское, Тимерево и др.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть, допускавшая множество маршрутов на отдельных участках пути, способствовала формированию вокруг него особенно обширной зоны, захватывавшей земли вдоль Мсты и Мологи, Свири и Паши с выходами непосредственно на Верхнюю Волгу или на Белое озеро. Также разнообразны были и пути к западу от Ильменя: по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др. Топография отдельных находок скандинавских древностей и изолированных комплексов на Северо-Западе согласуется с общим очертанием этой зоны.

Ее важной особенностью было то, что она включала территории ряда племен разной этнической принадлежности: финских (чуди, мери, веси) и славянских (кривичи, словене). Древнейшие торгово-ремесленные поселе-

ния вдоль этого пути располагаются на земле каждого из племен: Старая Ладога – в земле чуди, Псков – кривичей, "Рюриково" Городище – словен, Крутик – веси, Сарское городище – мери – и несут неоспоримые следы присутствия местного, финского или славянского, наряду со скандинавским, населения. Отмечая соотносительность поселений с племенными территориями, исследователи в то же время не склонны считать их племенными центрами: на них отсутствуют признаки, характерные для последних, в частности, культовые комплексы, связанные с сакральными функциями племенных центров⁵⁵.

Эти особенности ранних поселений на Балтийско-Волжском пути – их расположение, указывающее на связь как с самим путем, так и с племенными территориями; полиэтничность; специфический характер, – как представляется, отражают отмеченные выше процессы, связанные с функционированием Балтийско-Волжского пути. Они возникают как стоянки для купцов и места торговли и обмена, которые притягивали к себе местную знать, заставляя ее сосредоточиваться в этих пунктах. Тем более что природные условия региона – наличие пушного зверя и ценных продуктов лесных промыслов, меда и воска – предоставляли племенному нобилитету реальную возможность участвовать в торговле.

Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в тор. оле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Реконструируемые социально-политические процессы происходили в дописьменную эпоху, для которой основным источником являются археологические данные, в целом малоинформативные в этом аспекте. Однако предположение о кардинальной роли для общественного развития племен, населявших зону крупномасштабной дальней торговли на восточноевропейском отрезке, как представляется, находит подтверждение в двух группах письменных источников. Во-первых, в скудных сообщениях древнерусских летописей, касающихся событий второй половины IX в. (в основном в сказании о призвании варягов). Во-вторых, в более подробных известиях в восходящих к источникам IX в. рассказах арабских писателей X в., в первую очередь в повествовании об "острове" (стране) русов у Ибн Русте (первая половина X в.) и дополненном по другим источникам переложении того же рассказа в "Худуд ал-Алам" (ок. 982 г.). Большинство исследователей традиционно считают, что "остров" (страну) русов следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень⁵⁶.

Как Ибн Русте и автор "Худуд ал-Алам", так и другие арабские авторы X в., повествующие о русах (в сообщениях о трех видах русов – ал-Истахри и Ибн Хаукаль, о купцах-русах – ал-Факих и др.), обращают основное внимание на торговую деятельность населения этого региона.

Разумеется, именно она представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные общей повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями. "И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям", – пишет Ибн Русте⁵⁷. Основными предметами торговли называются пушнина и рабы.

Торговую деятельность русов арабские авторы ставят в прямую связь с эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов (Ибн Русте и др.): "Они (русы) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают"⁵⁸. Это насильственное изъятие продуктов потребления: "Всегда 100–200 из них русов ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание" (Гардизи, ок. 920 г.)⁵⁹. Наконец, это более упорядоченный сбор дани в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории, что прямо сопоставляется с полюдьем⁶⁰. Отголоски сбора дани в северо-западном регионе присутствуют также в сказании о призвании варягов. Взимание дани с местного населения приписывается в нем скандинавам-варягам. Однако изображение даннических отношений, вероятно, является попыткой осмыслить связи между "находниками"-варягами и местным населением как отношения господства – подчинения и описать их в категориях, близких летописцу: внешней формой проявления зависимости была выплата дани, о чем неоднократно писал составитель Повести временных лет. В действительности же, сколько-нибудь регулярный сбор дани варягами представляется совершенно невозможным: он требовал бы существования достаточно разветвленного аппарата управления. И в более освоенных скандинавами районах Восточной Балтики "дани" представляли собой нерегулярные откупы от грабежей, а не постоянную подать. Несравненно более вероятно, что сбор дани осуществлялся местной племенной знатью внутри каждого из племен, часть же этой дани поступала в торговлю по Балтийско-Волжскому пути, осуществляемую в значительной степени скандинавами.

Наряду с общей констатацией значения торговли для Северо-Запада Восточной Европы, арабские авторы уделяют значительное внимание ее организации, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей⁶¹. Более того, Ибн Русте и автор "Худуд ал-Алам" отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью: это и выплата правителю "страны русов" десятины от торговой прибыли (ср., однако, рассказы Ибн Хордадбеха о десятине, выплачиваемой купцами русов царю Рума – Византии и правителю хазар), и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества⁶². Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву "острова русов" и отражают действительное положение дел, то это – важное свидетельство развитых торговых отношений, в которых активное учас-

тие принимает центральная власть и которые уже оформлены правовыми нормами. Однако косвенным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в сказании о призвании условия ряда⁶³ указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывающей различные сферы жизни.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование.

¹ См.: Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979; Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroll and R. Cohen. L.; N.Y., 1973; Handbook of Social and Cultural Anthropology / J. Honigmann. Chicago, 1973; Encyclopedia of Anthropology / D.E. Hunter and Ph. Whitten. N.Y.; L., 1976.

² Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974; и др.

³ См.: От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.

⁴ См., в частности: *Шаскольский И.П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ, 1985 г. М., 1986. С. 95–99; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

⁵ *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 145.

⁶ См. историографию вопроса и обоснование существования такого периода: *Горский А.А.* О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // СА. 1988. № 2. С. 116–131.

⁷ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 145.

⁸ Там же. С. 155, 157–159.

⁹ *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 241–249.

¹⁰ *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 31–32.

¹¹ *Шипов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–90.

¹² *Котляр Н.Ф.* К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154.

¹³ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 165.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I. С. 422.

¹⁵ *Service E.R.* Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975. P. XII–XIII; см. также: *Cohen R.* Introduction // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution / R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978. P. 1–21.

¹⁶ *Куббель Л.Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. С. 245–246.

¹⁷ *Rice B.J.* Secondary State Formation: An Explanatory Model // Origins of the State. P. 161–186.

¹⁸ *Service E.R.* Classical and Modern Theories of the Origins of Government // Origins of the State. P. 21–34.

¹⁹ *Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science, 1970. Vol. CLXIX. N 3947. P. 733–738.

- ²⁰ *Fried M.* The Evolution of Political Society. N.Y., 1967; *Idem.* On the Evolution of Social Stratification and the State // Culture in History. Essays in honour of P. Radin. N.Y., 1960. P. 713–731; *Service E.R.* Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N.Y., 1971; The Evolution of Social Systems / J. Friedman, M.J. Rowlands. L., 1978.
- ²¹ Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. С. 250.
- ²² *Fried M.* The Evolution... P. 109.
- ²³ *Earle T.* Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. Ann Arbor, 1978. P. 3.
- ²⁴ *Service E.R.* Origins... P. 74–75; *Polanyi K.* Primitive, Archaic, and Modern Economies. Boston, 1968.
- ²⁵ Впервые термин был предложен К. Обергом (*Oberg K.* Indian Tribes of Northern Matto Grosso. Washington, 1953).
- ²⁶ *Service E.R.* Origins... P. 15–16.
- ²⁷ *Ibid.*; см. также: Chiefdoms: Power, Economy and Ideology / T. Earle. Cambridge, 1991.
- ²⁸ *Carneiro R.L.* Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. P. 205–224; *Куббель Л.Е.* Возникновение частной собственности... С. 212–216; *Turney-High H.* Primitive War. Its Practice and Concepts. Columbia Univ., 1971; The Anthropology of War / J. Haas. Cambridge, 1990.
- ²⁹ См.: *Хазанов А.М.* "Военная демократия" и эпоха классовобразования // Вопр. истории. 1968. № 12. С. 87–97.
- ³⁰ *Fried M.* The Evolution... P. 185–186.
- ³¹ *Хазанов А.М.* Указ. соч.
- ³² *Fried M.* The Evolution... P. 185; см. также: *Idem.* The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First? // Origins of the State. P. 49–68.
- ³³ *Куббель Л.Е.* Возникновение частной собственности. С. 231–235; *Он же.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 124–146.
- ³⁴ *Неусыхин А.И.* Военные союзы германских племен около начала н.э. // Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 1. С. 390–412.
- ³⁵ *Hedeager L.* A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0–400 A.D.) and the Question of Roman-Germanic Exchange // Studies in Scandinavian Prehistory and Early History. Aarhus, 1978. Vol. I. P. 191–216.
- ³⁶ *Hedeager L.* Fra stamme til stat – samfundsorganisation og forandring i Danmarks jernalder. København, 1988; *Gudmeproblemer* / H. Thrane. Odense, 1987.
- ³⁷ Fra stamme til stat. Høvdingesamfund og kongemagt. Højbjerg, 1991. В. 2; *Jensen J.* The Prehistory of Denmark. L., 1982; *Hedeager L.* Danernes Land: fra ca. år 200 f. Kr. – ca. 700 e. Kr. Copenhagen, 1988.
- ³⁸ Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985.
- ³⁹ *Lindkvist Th.* Plundring, skatter och den feudala statens framväxt. Uppsala, 1988.
- ⁴⁰ *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. København, 1987.
- ⁴¹ *Arwidsson G.* Viking Society in Central Sweden. Traditions, Organization and Economy // The Vikings. Proceedings of the Symposium. Uppsala, 1978. P. 25–34.
- ⁴² *Ibid.*
- ⁴³ Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke. Stockholm, 1979.
- ⁴⁴ *Пашуто В.Т.* Летописная традиция о "племенных княжениях" и варяжский вопрос // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974. С. 103–114; *Шаскольский И.П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.
- ⁴⁵ *Концевий В.Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3. С. 3–19; *Кириянов А.В.* История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. М., 1959. № 65. С. 306–362.
- ⁴⁶ *Жекулин В.С.* Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. Всесоюз. географич. о-ва. 1972. № 1. С. 21–29.

- ⁴⁷ *Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. XIII, N 3. P. 267–295.*
- ⁴⁸ *Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983; Виллишбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 3–9.*
- ⁴⁹ *Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1987. Т. I. С. 143–150.*
- ⁵⁰ *Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies / G. Dalton. Boston, 1968; Trade and Market in the Early Empires / K. Polanyi. Glencoe, 1957; Брюсов А.Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28.*
- ⁵¹ *Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies // The Journal of Economic History. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; Idem. Trade, Market and Money in the European Early Middle Ages // Norwegian Archaeological Review. 1978. Vol. II. P. 92–117.*
- ⁵² *Ambrosiani B. Das Mälargebiet und Baltikum während der Spätbronzezeit und der älteren Eisenzeit // Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum. Stockholm, 1985. S. 61–66.*
- ⁵³ *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 24–25; Давидян О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1968. Вып. 10. С. 59–60.*
- ⁵⁴ *Седов В.В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1993. Ч. I. С. 104–106.*
- ⁵⁵ Там же. С. 104, 105.
- ⁵⁶ *Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и русах // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 402–403.*
- ⁵⁷ Там же. С. 397.
- ⁵⁸ Там же. То же у Гардизи (Там же. С. 399).
- ⁵⁹ Там же. С. 405.
- ⁶⁰ *Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22–26.*
- ⁶¹ *Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 387, 397.*
- ⁶² Там же. С. 399.
- ⁶³ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. "Ряд" легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 219–229.*

Н.Ф. Котляр

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.

Хронология, основные этапы и обстоятельства образования государственности в восточнославянском обществе поныне остаются недостаточно исследованными – притом что эта тема уже более двухсот лет пребывает в фокусе внимания отечественных историков. Существующие теоретические построения грешат излишней социологичностью и схематизмом, опираясь больше на логику, чем на объективный анализ свидетельств

источников, малочисленных и разноречивых. Хотя все исследователи сходятся во мнении, что Древнерусское государство родилось из союзов восточнославянских племен VI–IX вв., реальные пути его генезиса едва намечены.

Историография проблемы формирования древнерусской государственности поистине безбрежна. Ей посвящены обзор литературы во многих монографиях и специальные исследования¹. Мы же коснемся лишь некоторых работ, имеющих непосредственное отношение к этой теме.

Вплоть до настоящего времени в отечественной исторической науке преобладает мнение, будто бы государственность есть непременно продукт классового общества, применительно к славянам – феодального. Удостоверенное же источниками существование государства, в нашем случае Древнерусского, признавалось и признается историками решающим доказательством бытования феодального способа производства на Руси. Этот, в сущности, парадоксальный тезис почти никем не подвергался сомнению. Даже столь глубокий и авторитетный знаток древнерусской истории, как Л.В. Черепнин, разделял его, написал по этому поводу: "Очень трудно определить: где искать грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации. Если понимать под последней систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм, то, очевидно, такой гранью может служить образование феодального государства. На Руси это произошло в конце IX в."². Ученый, несомненно, имел в виду объединение восточнославянских Севера и Юга, ознаменовавшееся утверждением князя Олега в Киеве в 882 г. (согласно сомнительной для IX в. хронологии Повести временных лет).

Между тем широко известно, что и в доклассовых обществах существовало немало государств. В Восточной Европе – аварское VII–VIII вв., хазарское VIII–IX вв., монгольское XIII в. Все они образовались в дофеодальный период. Нам могут возразить, что дело здесь в специфике социального развития кочевнических этносов. Но мало кто сомневается сегодня в существовании государственности у скандинавов в конце IX–X в., когда они переживали эпоху разложения родоплеменного строя. Да и славянское "Государство Само", возникшее в VII в. на среднем Дунае, было, по-видимому, государственным образованием, существовавшим в обществе родоплеменного характера.

Посвятивший этому образованию недавно статью А.А. Авенариус, впрочем, не считает его государством, как будто не замечая, что в своей работе приводит два основных признака государственности в стране Само: отчуждение власти от народа и организация населения по территориальному принципу. "Выразительным признаком, который отличает предполагаемую территорию "Государства Само" от остальных славянских областей, – пишет он, – является исчезновение племенной структуры на ранней стадии развития общества. Процесс этот был таким быстрым и последовательным, что даже археология не может локализовать отдельные племенные территории; до нас не дошли даже названия этих племен" Более того, Авенариус констатирует, что "едва ли можно предполагать разрушение племенной структуры в ходе аварского вторжения"³. Таким

образом, этот процесс был объективно-историческим и не может быть объяснен лишь внешним, пусть и важнейшим, фактором. Аварское вторжение вовсе не нарушило структуры восточнославянского союза дулебских племен, о котором повествуется во введении к Повести временных лет.

Эта жесткая связь между рождением государства и складыванием классового общества хорошо иллюстрируется трудами Б.Д. Грекова, его учеников и последователей 50–60-х годов⁴. Безусловная и прямая увязка государственности с существованием феодального общества сказалась на работах многих наших известных ученых последующего времени, например, даже менее всего заслуживающего упрека в догматизме В.Д. Корольюка. Он предложил считать начальным рубежом раннефеодального периода для всех славян, восточных, западных и южных, VI–VII вв., указав при этом, что "в VII в. источники отмечают у всех трех ветвей славян первые попытки создания относительно крупных политических образований" Корольюк рассматривал как наиболее раннюю и элементарную форму славянской государственности племенные княжения⁵. Однако источники не дают оснований полагать, что в этих княжениях существовал феодальный способ производства.

Большинство современных историков не разделяют постулата о существовании феодальных отношений в восточнославянском обществе VI–IX вв. Недостаточная аргументированность этого тезиса постоянно вызывала острую критику в нашей стране и за рубежом. Вероятно, своеобразной реакцией на подобные априорные мнения можно считать работы И.Я. Фроянова, утверждающего, будто восточнославянское общество оставалось родоплеменным не только в VI–IX, но и в X–XI вв.⁶ В представлении этого историка восточные славяне, в среде которых в IX–XI вв. происходили важные изменения в социально-экономической, политической и культурной сферах, выглядят лишенной эволюции, как бы застывшей этнокультурной общностью, с чем решительно нельзя согласиться.

Ученые уже давно обратили внимание на то, что в рассказах Нестора о расселении восточных славян, их нравах и обычаях, о возникновении у них княжеской власти не существует обозначений для этнокультурных и политических общностей различных уровней. Для удобства дифференциации этих общностей исследователи используют термины "племена", "союзы племен" и "племенные княжения". Однако летописец во всех случаях употребляет термин "род" — как при изложении ранней (VI–VIII вв.), так и более поздней (IX–X вв.) истории восточного славянства. У Нестора и составителя Новгородской I летописи младшего извода это слово обозначает и род в собственном смысле слова, и племя, и союз племен, и племенное княжение, и даже крупную этнокультурную общность ("род словенский", "род ляхов", "род варяжский" и др.)⁷

С большими трудностями связано использование и археологических источников в изучении восточнославянского общества VI–IX вв. В наши дни ученые-археологи в общем сходятся во мнении, что достоверные славянские древности датируются не ранее середины I тыс. н.э. Им предшествуют по времени памятники эпохи Великого переселения народов,

среди которых часть имеет непосредственное отношение к славянскому этногенезу. Последние представляют собой комплексы материальной культуры этнически смешанного населения, поэтому обнаружить преемственность славянских древностей VI–VII вв. от более ранних оказывается крайне затруднительным⁸. Добавим к этому, что этнос и материальная культура вовсе не являются тождественными понятиями, что археологические памятники во многих случаях этнически не окрашены, что, наконец, они чаще всего бессильны в вопросах изучения социальной структуры общества, – и станет понятным, с какими сложностями встречается ученый, обращающийся к исследованию истории восточных славян времени группировки больших и малых племен в большие и малые союзы.

Главным, а в большинстве случаев и единственным источником изучения этой проблемы поныне остается летопись. Современные историки согласны в том, что поляне, древляне и другие общности Нестора представляли собой союзы восточнославянских племен. Можно думать, что на стадии существования союзов племен общественное устройство восточных славян сохраняло демократические черты. Верховным органом племени и, возможно, малого союза племен было собрание (вече) всех свободных его членов. Вместе с тем на этой стадии уже существовала племенная знать, хотя, по меткому замечанию Г. Ловмянского, "ее контуры не очень выразительны"⁹; на взгляд этого и ряда других историков, знать состояла из верхушки нескольких привилегированных родов, из которых общее собрание избирало вождей и старейшин. Однако власть вождей на этом этапе еще не была индивидуально наследственной – ее наследовали определенные роды.

Доказательством этого может служить рассказ Новгородской I летописи младшего извода под условным 854 г.: "Начало земли Русской. Живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия: единому имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь... И беша мужи мудри и смыслене, наречяхуся поляне, и до сего дне от них же суть кыяне"¹⁰. О том, что киевская княжеская династия ведет начало от рода Кия, Щека и Хорива, а не от них самих, четко свидетельствует Нестор: "И по сих братьи держати почаша род их княжение в поляхъ"¹¹ (полянах. – Н.К.). Последнее сообщение относится уже к следующему этапу социального и политического развития восточнославянского общества – этапу существования племенных княжений.

Интенсификация процессов разложения родоплеменного строя, развившаяся в усилении социальной и имущественной дифференциации, упрочении позиций знати, следовательно, в крупных изменениях в обществе, в ускорении экономического развития, постепенно привела к созданию на основе союзов племен образований более высокого социального уровня – племенных княжений. О постепенности и плавности этого процесса можно судить из рассказа Повести временных лет о событиях, последовавших после кончины Кия и его братьев. Упомянув о том, что после них "держати почаша род их княжение в поляхъ" (полянах), Нестор так продолжает свое повествование: "А в деревьях свое

(княжение. – Н.К.), а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане"¹². Далее рассказывается о кривичах, северянах, веси, мери, муроме, черемисах, мордве, которые, судя по контексту повествования, также имели свои княжения. (Как известно, Новгород возник лишь в X в., посему это название было, скорее всего, интерполировано летописцем в текст его источника.)

Хронология процесса перехода восточнославянского общества от союзов к племенным княжениям неясна. Летопись сообщает лишь, что они существовали на севере Руси в середине IX в., когда чудь, словене, кривичи и весь позвали варягов "княжить и володети" ими¹³. Можно думать, что на юге, где по меньшей мере до XI в. социальные и экономические процессы развивались быстрее, чем на севере, племенные княжения существовали уже в VIII в. В.Д. Корольюк, которому вообще было свойственно стремление удревнять социально-экономические и политические явления и процессы в славянском обществе, считал, что племенные княжения возникали еще в VII в.¹⁴ Однако он не привел весомых аргументов в пользу своего мнения.

Сдвиги в социальной и политической структуре восточнославянского общества, приведшие к складыванию племенных княжений, были значительными и принципиальными. Как образно писал Л.Г. Моргаи, "народ стремился перейти из родового общества, в котором жил с незапамятных времен, в политическое общество, основанное на территории и собственности"¹⁵. Территориальная организация общества была на стадии племенных княжений еще впереди (впрочем, контуры ее намечались), но частная собственность и сопряженное с ней имущественное и социальное расслоение стали, как мы думаем, одними из основных факторов перехода от союзов племен к этим княжениям. Не следует преувеличивать темпы внедрения частной собственности в восточнославянскую среду – тысячами лет жившее в условиях имущественного равенства родоплеменное общество поначалу не воспринимало ее.

Важное, если не решающее значение возникновения частной собственности в эволюции общества эпохи разложения родоплеменного строя отмечает и современная этнология. М. Фрид, например, писал, что в так называемых стратифицированных обществах люди не имеют равных возможностей доступа к жизненным ресурсам. Система их распределения и определяет политическую систему¹⁶. Ему вторит другой американский этнолог Э.Р. Сервис. Он, как и многие его западные коллеги, называет общество переходного типа от племенного строя к государству словом "чифдом" (chiefdom), – "вождество" – указывает, что в нем основополагающее значение имеет форма перераспределения общественного продукта. В доступе к распределению Сервис видит основу для выделения и возвышения вождей, племенной аристократии и пр.¹⁷ Не трудно понять, что подобные изменения в распределении общественного продукта могли быть вызваны возникающей частной собственностью. Е.Н. Черных добавляет к словам Сервиса, что вождество смыкается с раннеклассовыми государствами¹⁸. Думаем, что раннеклассовое государство принципиально отличается от вождества – в нашем случае от племенных княжений.

Власть племенных вождей (в том числе и вождей союзов племен) и глав

племенных княжений во многом опиралась на систему укрепленных поселений-градов, о большом количестве которых у восточных славян в середине IX в. сообщает Баварский географ. Существенное различие между градами племен и их союзов, с одной стороны, и племенных княжений – с другой, состоит, как нам представляется, в том, что во вторых возникали в ряде случаев уже не просто укрепленные поселения, а протогорода, некоторые из которых в течение X–XI вв. превратились в подлинные феодальные города.

Некоторые исследователи думают, что в племенных княжениях имелся в зачаточном виде аппарат власти¹⁹, что постепенно образуется княжеская, отдельная от племенной, казна. Однако представляется ошибочным мнение, будто бы в них "существовала социально обособившаяся потомственная знать с князем и его дружиной"²⁰ – в период, предшествовавший образованию государственности, это трудно представить. Ведь явное и окончательное отчуждение власти от народной массы принадлежит к главным признакам государства.

Племенные княжения еще не были начальной формой восточнославянской государственности, это догосударственные объединения. Вместе с тем они явились непосредственными предшественниками первого государства, возникшего в Среднем Поднепровье в середине IX в., и даже сосуществовали с этим государством.

Источники свидетельствуют, что племенные княжения сохранились после того, как Древнерусское государство уже возникло, и входили в его состав. Можно думать, что вплоть до конца X в. Киевская Русь была федеративным государством. До последней четверти XI в. дожило племенное княжение вятичей, о подавлении которого и присоединении к государству сообщает в своем Поучении Владимир Мономах²¹. Другие закончили свое существование столетием ранее. Древнерусская государственность складывалась путем подчинения и инкорпорации племенных княжений. Но даже вошедшие в состав государства, эти княжения долгое время обладали ощутимой автономией, в чем убеждают известия летописей о военных предприятиях киевских князей конца IX – первой половины X в.

Когда Олег отправился с севера на юг завладеть Киевом, он "поймъ воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи"²². В поход с Олегом отправились представители тех славянских и племенных княжений, которые еще до утверждения варяжской династии на Руси образовывали "конфедерацию". Выходцы из этих же княжений отправились в составе войска Олега на Царьград в 907 г., вместе с ними "и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины"²³. В летописном отрывке названы главные племенные княжения, признавшие к тому времени власть киевских князей (лишь тиверцы пошли в поход в качестве союзников).

Это признание было вынужденным. Повествуя о том, как Олег в начале своего княжения в Киеве заставил радимичей платить дань ему, а не хазарам, Нестор заключает свой рассказ словами: "И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тверцы имяше рать"²⁴. Летопись донесла до нас яркую картину сколачивания госу-

дарства киевским князем. Картина эта динамична: одни племенные княжения уже покорены и обложены данью, с другими еще воюют. То же самое происходило при преемнике Олега Игоре. Когда в 944 г. Игорь идет проторенным его предшественниками путем на Царьград, он "совкупив вои многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа"²⁵. Число племенных княжений, поставивших воинов Игорю, заметно уменьшилось в сравнении с названными в войске Олега. Тиверцы уже не толковины (союзники), а названы среди прочих, вошедших в состав государства княжений. На наш взгляд, это явилось объективным свидетельством консолидации Древнерусского государства, неуклонно поглощавшего племенные княжения.

В рассказах о походах Святослава в Болгарию 968 и 970–971 гг. представители племенных княжений уже не упоминаются. Летопись сообщает о походах кратко: "Иде Святослав на Дунай на Болгары" и "приде Святослав в Переяславецъ, и затворишася болгаре в граде"²⁶. В составе войска Владимира, двинувшегося на Корсунь в 989 г., и рати Ярослава, отправившейся на Царьград в 1043 г., воины из племенных княжений также не названы. Это говорит об углублении процесса инкорпорации княжений в состав государства.

О небольшой степени автономии племенных княжений свидетельствуют древнейшие памятники русского международного права – договоры Руси с греками. В результате успешного похода на Царьград в 907 г. Олегу удалось подписать выгодное для него предварительное мирное соглашение с Византией. Об условиях этого соглашения летопись, в частности, сообщает: "И заповеда Олег... даяти уклады на руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечъ и на прочаа города; по тем бо городом сядяху велиции князи, под Олгом суще" При подписании текста окончательного русско-византийского договора 911 г. русские послы заявили грекам: "Послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр"²⁷.

Эти "светлыи и велиции князи" могли быть только главами племенных княжений, входящих тогда в состав государства. Подчеркнуто-уважительное отношение к ним киевского князя свидетельствует о том, что они обладали силой и влиянием в древнерусском обществе и с ними приходилось считаться. Возможно, эти князья или люди из их окружения состояли, пусть и номинально, в дружине Олега во время похода. Но через три десятилетия в договоре Игоря с греками 944 г. встречаем иную формулу: послы были "послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякой княжъ, и от всех людей руския земля" Далее послы говорят: "И великий князь нашъ Игорь, и князи и бояри его, и люди вси рустии послаша ны..."²⁸.

В договоре 944 г. уже не упоминаются "светлыи и велиции князи", вместо них выступают "всякое княжъе" и просто "князи". Нет даже уверенности в том, упомянуты ли здесь главы племенных княжений или члены семейства Игоря. Склоняемся все же к мысли, что речь шла о первых, но значение их в общественно-политической жизни государства существенно уменьшилось. Контекст сообщения дает основания думать,

что к ним относились не как к автономным и сильным властителям, а как к подчиненным киевскому князю правителям племенных территорий. Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и настойчивое упоминание в тексте договора 944 г. "всех людий Руския земли", "людий всех русских" — речь идет уже о населении государства с общей территорией, в котором место племенных княжений делалось все более скромным. Тем не менее вожди племенных княжений чувствовали себя достаточно уверенно и в годы княжения Игоря. Недаром формула его договора с греками в части, касающейся глав княжений, осталась неизменной со времени договора Олега. В договоре 911 г. сказано, что русские послы пришли от Олега и светлых и великих князей, в договоре же 944 г. — от Игоря и "всякого княжя"²⁹.

И после Игоря, при Святославе и его сыне Ярополке, "светлыми и велиции князи" сохранили, пусть и в урезанном виде, автономию, богатства и влияние. Положил конец автономному статусу племенных княжений, а заодно и могуществу их глав Владимир Святославич. Он заменил в основных городах Русской земли племенных князей своими сыновьями (и, можно думать, близкими боярами)³⁰, чем поставил эти города с тяготевшими к ним землями в прямую зависимость от киевского центра. Было окончательно ликвидировано деление общества по родоплеменному признаку, на котором продолжали стоять племенные княжения. Произошло это, согласно приблизительной хронологии Повести временных лет, в 988 г. Однако мы полагаем, что древнерусская государственность родилась полутора столетиями раньше.

Одна из причин разнobia мнений о времени начала государственности на Руси состоит в нечеткости этого понятия в науке, а также в догматизме некоторых историков. Например, И.Я. Фроянов, называя главные признаки государства: 1) размещение жителей по территориальному принципу, 2) существование публичной власти, отделенной от массы народа, и 3) взимание налогов для содержания княжеской власти, — уверяет читателя в том, что говорить о государстве можно лишь тогда, когда существуют все названные признаки³¹. Иначе говоря, государство или существует, или его нет — промежуточных стадий этот историк не признает. И отказывает Киевской Руси времен Владимира Святославича в праве называться государством.

Названные Фрояновым вслед за другими исследователями³² основополагающие признаки государственности в общем-то верны. Однако какие конкретные формы они приобретали в восточнославянском обществе? Полагаем, что для периода складывания Киевского государства этими формами были: окняжение территории, в нашем случае подчинение власти центра племенных княжений, и рожденное им распространение на эту территорию систем собирания дани, управления (администрации) и судопроизводства. Свидетельства об этом появляются в источниках с середины IX в. Все они относятся к южнорусским землям. Отчуждение носителей власти от остальных жителей страны выразилось, в частности, в выдвигании единоличных правителей, что проявилось в изменении формулировок летописей, повествующих о восточнославянском обществе, начиная со второй половины IX в.

Рассматривая рассказы Нестора о расселении восточнославянских племен и их дальнейших судьбах, мы обратили внимание на то, что в этих рассказах долгое время фигурируют лишь племенные названия: поляне, древляне, радимичи, тиверцы и пр. Они выступают в источнике безлично, всей массой населения союзов племен или племенных княжений, что соответствует социальной структуре этих объединений. Вожди "родов" (союзов племен и даже племенных княжений) летописцами не называются. Единственное исключение – история Кия, Щека и Хорива, поведанная Нестором столь подробно, вероятно, ввиду полемики с новгородским летописцем, подвергшим сомнению княжеское достоинство предводителя полян.

Формулировки летописей в этом смысле тождественны для всего догосударственного периода развития восточнославянского общества: "Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне..."; "поляном же жиущем особе, яко же рекохом, сущим от рода словеньска и нарекошася поляне"; "по смерти братье сея (Кия, Щека и Хорива. – *Н.К.*) быша обидимы (поляне. – *Н.К.*) древляны и иними околными"³³.

Даже в прославляющем полян рассказе Нестора об уплате ими дани мечами хазарам, относящемся, как мы думаем, к эпохе племенных княжений, поляне выступают общей массой, их князь (или князья) не назван и даже не упомянуто о его существовании. Это трудно объяснить забывчивостью летописца, поскольку он не преминул сказать о хазарском князе и его старейшинах ("несоша козари (меч. – *Н.К.*) ко князю своему и к старейшиным своим"). Нестор, вероятно, знает, что то было время, когда у полян не существовало единоличной верховной власти, но подчеркивает, что в его дни положение изменилось: "Володеють бо козары русьскыи князи и до днешнего дне"³⁴.

Известия летописей о восточнославянском обществе персонализируются со второй половины IX в. Рассказывая под весьма условным 862 г. об утверждении в Киеве власти воевод Рюрика, Повесть временных лет сообщает: "Асколд же и Дир остаа в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскую (полянскую. – *Н.К.*) землею; Рюрику же княжащу в Новегороде"³⁵. С той поры наши летописцы ведут повествование, всегда называя имена князей, активных действующих лиц исторического процесса. Следующая запись в Повести временных лет о политических событиях в Поднепровье, в бывшей Полянкой земле, гласит: "Иде Асколд и Дир на греки"³⁶, но не "идоша поляне на греки", как могло быть сказано о предшествующем времени. Утверждение Рюриковичей в Киеве институировало центральную власть, сделав ее наследственной, в чем некоторые зарубежные исследователи видят один из главных признаков государственности³⁷.

Идея наследственной княжеской власти утверждается в рассказе Нестора о приходе Олега в Киев и столкновении его с местными князьями: «И рече Олег Асколду и Дирови: "Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа", и вынесоша Игоря: "А се есть сын Рюриков"»³⁸. В этом рассказе подчеркивается избранность принадлежащих к княжескому

роду. В реконструированном А.А. Шахматовым известии Древнейшего Киевского свода 1037–1039 гг. о появлении Аскольда и Дира в Киеве проводится мысль о законности и наследственности власти этих князей, ради чего составитель свода объявил их непосредственными преемниками Кия, Щека и Хорива: "И по сих братьи княжиста Кыеве Асколд и Дир и беста владеюща полями"³⁹ (полянami. – Н.К.).

Наша летопись дает определенные основания говорить о складывании первого восточнославянского государства в Поднепровье к середине IX в. Однако нынешнее состояние изученности проблемы социально-экономических отношений на Руси позволяет считать, что феодальные отношения здесь начинают утверждаться не ранее второй половины X в. Во всяком случае, тогда в источниках заметны их признаки. Следовательно, процессы образования государственности происходили в обществе, которое по преимуществу было родоплеменным. Ничего принципиально не меняет признание этого общества переходным, от родоплеменного к феодальному, потому что ростки нового уклада тогда еще лишь пробивались, не меняя социально-экономической сущности общества в целом.

Первое, как нам кажется, несомненное свидетельство летописи о существовании древнерусской государственности относится ко времени, последовавшем вскоре после утверждения Олега в Киеве (около 882 г.): "Се же Олег нача городы ставити и устави дани словеном, кривичем и мери..."⁴⁰. Был установлен порядок сбора дани на подвластных князю землях, которые таким образом окняжались; создавались укрепленные грады, опорные пункты центральной власти в племенных княжениях.

Однако существуют летописные свидетельства, позволяющие думать, что процессы огосударствления территории Руси протекали на юге уже во времена Аскольда и Дира. Авторитетный источник, по мнению Шахматова, полнее всего отразивший Древнейший Киевский 1037–1039 гг. и позднейшие летописные своды XI в., – Новгородская I летопись младшего извода уверенно отмечает: "И по сих братии тои (Кие, Щеке и Хориве. – Н.К.) приидоста два варяга и нарекохася князема: одному бе имя Асколд, а другому Дир; и беста княжаща в Кыеве и владеюща полями (полянami. – Н.К.); и беша ратнии с древляны и с уличи"⁴¹. В свете приведенного сообщения становятся понятными позднейшие войны с этими же "родами", которые вели Олег и в особенности Игорь. В обоих случаях речь шла об окняжении территорий племенных княжений уличей и древлян и обложении их данью.

Приведенное свидетельство Новгородской I летописи младшего извода подкрепляется, на наш взгляд, известием летописи Никоновской под условным 865 г.: "Того же лета воеваша Асколд и Дир полочан и много зла сътвориша"⁴². При всем распространенном ныне скептическом отношении к ранним известиям Никоновского свода отметим тем не менее, что приведенная запись заслуживает доверия, перекликаясь со свидетельством Нестора под 862 г.: "И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи"⁴³.

Наконец, в пользу утверждения о существовании в Поднепровье во

времена Аскольда общества, отличающегося значительной степенью организованности, а также социального расслоения (то, что М. Фрид и многие зарубежные этнологи называют стратифицированным⁴⁴), с четко выраженной центральной властью, – а это признаки государственности, – свидетельствует и поход под водительством этого князя на Царьград 860 г. (в Повести временных лет он ошибочно помещен под 866 г.). Грандиозные масштабы похода, отраженные русской летописью⁴⁵ и византийскими современниками, например, патриархом Фотием, препятствуют суждению о нем как о типичном для позднего родоплеменного строя набеге варваров на богатых соседей. Напротив, в рамки таких набегов вполне укладываются описанные в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского нападения русов на византийские города Сурож и Амастриду в конце VIII – первой трети IX в.

По нашему мнению, Киевское княжество Аскольда было тем этно-социальным и политическим ядром, вокруг которого начало складываться Древнерусское государство. Ведущиеся в последние годы споры по поводу того, откуда, с севера или с юга, "пошла Русская земля", могут быть однозначно решены в пользу юга. Южные русские земли заметно опережали в развитии северные. Дело не только в том, что в IX в., когда рождается государственность на Руси, в Поднепровье, Новгорода попросту не существовало. В племенном княжении ильменских словен, организующим и управляющим центром которого стал этот город в X в., в предшествующем столетии не отмечено государственнообразующих процессов. Во всяком случае, для IX в. на сей счет отсутствуют свидетельства авторитетных источников. Это можно, в частности, объяснить относительно недавним приходом славян на север с исторической прародины.

Предлагая считать временем возникновения первого восточнославянского – еще не Древнерусского! – государства середину IX в., мы не можем отрицать того, что систематические сведения о развитии государственности появляются в летописи с последней четверти этого столетия. Утверждение Олега в Киеве было важным шагом на пути строительства государственности. Русский Север был объединен с русским Югом, а Киев объявлен столицей возникающего, уже Древнерусского, государства – в уста Олега летописец вложил знаменательные слова: "Се буди мати градом русьским"⁴⁶.

После известия о строительстве Олегом городов и установления даней Повесть временных лет рисует картину последовательного распространения центральной власти на племенные княжения: "Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне"⁴⁷. Затем настала очередь северян и радимичей. Вначале в состав государства вошли южнорусские (за исключением радимичского) племенные княжения. Древнерусская государственность в IX – первой половине X в. складывалась в основном на юге.

Земли присоединяемых к Киеву племенных княжений сразу же окняжались, прежде всего путем распространения на них систем собирания дани. Вскоре после утверждения в Киеве Олег обложил данью древлян,

далее северян и радимичей^{* 48}. По мнению Шахматова, в Начальном своде 1095 г. считалось, что во времена Олега к центру на некоторое время были присоединены и уличи⁴⁹. Затем летопись на многие годы забывает об Олеге и вспоминает о нем в описании событий похода на греков 907 г. Из перечисления племен, принявших участие в походе, узнаем, что в состав государства вошли еще княжения вятичей, хорватов и дудобов.

В рассказах летописцев о покорении племенных княжений киевскими князьями на первом месте стоит забота князей о взимании дани, их стремление воспрепятствовать ее собиранию соседями. Эта политика проводится, согласно прямым указаниям летописи, начиная с Олега. Но уже вокняжение Аскольда и Дира в Киеве избавило полян от уплаты дани хазарам; следовательно, эта дань пошла новым князьям⁵⁰. В летописи Нестора читаем: "Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть им козаром дани платити"; то же самое велено князем и радимичам⁵¹. Первостепенное стремление обложить данью только что присоединенные к Киеву племенные княжения видно и в деятельности Игоря. При этом размер дани использовался князем как средство экономического и политического давления на непокорных: "Иде Игорь на деревляны, и, победив а, и возложи на ня дань болши Олгови"⁵². Вместе с тем дань сначала оставалась ненормированной.

Вхождение племенных княжений в состав государства было на первых порах непрочным. Смена князя в Киеве приводила к отпадению наиболее сильных из них. Под 913 г. Повесть временных лет извещает: "Поча княжити Игорь по Олзе... И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти"⁵³. Пришлось начинать правление с возвращения под свою власть отпавших было от Киева племенных княжений и Ольге, и Владимиру Святославичу. И все же к середине X в. первый этап складывания Древнерусского государства можно считать завершенным.

Второй этап в развитии древнерусской государственности начинается, как нам представляется, со времени преемницы Игоря Ольги, с решительных мер княгини по упорядочению порядка и норм взимания дани, организации опорных пунктов центральной власти на местах, по распространению административной и судебной систем на все подвластные Киеву земли⁵⁴. Разумные, дальновидные и целенаправленные действия правительства Ольги были решительным шагом на пути огосударствления земель племенных княжений, превращения их в государственную территорию Руси. Этот этап заканчивается на времени Владимира, когда племенные княжения окончательно вошли в состав государства. Тогда государство начинает превращаться в феодальное.

В последней трети X в., как подчеркивают летописцы, княжеская власть, продолжая быть наследственной, становится единоличной. Впервые понятие единовластия приложено в Повести временных лет к старше-

* В летописи присоединение к Киеву Олегом древлян, северян и радимичей отнесено к трем смежным годам: 883, 884 и 885. Но хронология Повести временных лет за IX в. условна. По всей вероятности, борьба с сильными племенными княжениями древлян и северян растянулась на многие годы и завершилась незадолго перед походом на Царьград 907 г.

му брату Владимира Ярополку под 978 г.: "А Ярополк посадники своя посади в Новгороде, и бе володея един в Руси". Победивший Ярополка в борьбе за киевский престол Владимир также объявлен единовластным правителем государства: "И нача княжити Володимер в Киеве един"⁵⁵. На наш взгляд, в то время в общественном правосознании начало складываться понятие индивидуального землевладения⁵⁶, что, как известно, относится к важнейшим признакам феодального способа производства.

Итак, государственность сложилась в обществе восточных славян, которое оставалось еще родоплеменным. Мы предлагаем назвать это первое русское государство *надплеменным*, поскольку власть не только отделилась от массы народа (как это было во времена господства племенных княжений), но и поднялась над самой племенной верхушкой, приобрела индивидуальный характер. Кроме того, государство было организовано уже по территориальному принципу и этим решительно отличалось от предшествующих ему протогосударственных объединений. Такова *социальная сущность* государства IX – первой половины X в.

Договоры с греками, уже первый среди них, 911 г., представляют Русь как совокупность населения всех ее земель. Она обозначена в договоре не только как особая политическая общность со своей верховной властью, своими "законами" и "поконами", но и как общность этническая. В преамбуле договора послы Олега и других князей выступают "от рода рускаго"⁵⁷. В договоре Игоря 944 г. подчеркивается, что послы представляют как Игоря и "всякое княжье", так и "всех людей Руския земля". И далее "людье вси рустии" названы полноправными участниками русско-византийского договора⁵⁸.

Что же касается *формы* Древнерусского государства IX–X вв., то мы принимаем удачное определение, предложенное Е.А. Мельниковой, – *дружинное государство*. Потому что его правящий слой был представлен верхушкой дружины, из нее же состоял в течение долгого времени элементарный государственный аппарат. Дружина осуществляла сбор дани и судебные функции.

Социальная структура государства времен Олега и Игоря предстает в договорах 911 и 944 гг. таким образом: киевский князь, светлые и великие князья или "всякое княжье" (вожди племенных княжений), великие бояре и люди все русские. Дружинники в текстах договоров Руси с греками не названы. Однако эти великие бояре и, вероятно, племенные князья и были членами дружины киевского князя, ее привилегированной верхушкой. Они же и составляли примитивный аппарат управления.

Возникновение дружины как социального слоя и военного института историки относят к разным временам: от VI до первой половины X в.⁵⁹ Мнения исследователей разделились и по поводу стадии развития общества, на которой образуются дружины. Т. Василевский видел возможность возникновения дружины в родоплеменном обществе. Ему возражал другой польский ученый Г. Ловмянский, полагавший, что если дружины и создавались в родоплеменной среде, то не постоянные, а лишь для одного набега. В дофеодальный период для этого попросту не хватало

средств⁶⁰. Много занимавшийся в последнее время данной проблемой А.А. Горский считает, что "институт дружины был свойствен обществам эпохи генезиса феодализма", а дружинная знать формируется в "период складывания раннефеодальных обществ"⁶¹. Работам Горского вообще присуща некоторая модернизация восточнославянского общества IX–X вв. Он видит в нем даже доменальное землевладение киевских князей. В действительности подобное имело место на сто – двести лет позже.

На наш взгляд, дружина представляла собой продукт не столько изменения социальных отношений, сколько зарождения и развития государственности. В руках князя она была средством принуждения и управления, сбора дани, защиты собственных интересов и населения страны от врагов. Горский приводит археологические материалы, свидетельствующие о том, что наиболее мощный контингент дружинников IX–X вв. был сосредоточен в ядре Древнерусского государства – в Среднем Поднепровье⁶². А это как раз и свидетельствует о государственно-образующей деятельности дружины в эпоху становления восточнославянской государственности.

Вопрос о соотношении дружины с аппаратом управления подробно разработан в монографии Горского⁶³. Нам же хочется кратко остановиться на отношениях между князем и дружиной, бросающих свет на особенности социального характера Древнерусского государства IX – первой половины X в. Однако следует иметь в виду то обстоятельство, что сведения об этом заимствованы летописцами главным образом из фольклорных источников, поэтому им присущи хронологическая неопределенность и, главное, идеализация княжеско-дружинных связей.

Интересно отметить, что известия об отношениях между князем и дружиной берут начало в Повести временных лет со времени правления Игоря. Да и само слово "дружина" появляется в этом источнике лишь в описании первого похода Игоря на греков 941 г.⁶⁴ Возможно, это не случайно и может свидетельствовать о резко возросшей роли дружины в древнерусском обществе, о превращении ее, по крайней мере верхушки, в аппарат государственного управления и совет при князе. В ходе второго похода на Царьград 944 г. Игорь "созва дружину и нача думати" по поводу предложения византийского императора заключить мир. Дружинники предложили взять золото и паволоки и не воевать. И "послуша их Игорь"⁶⁵. Как заметил В.И. Сергеевич, "дружине нельзя приказывать, ее надо убеждать"⁶⁶. Так было, по всей вероятности, до поры установления раннефеодальной монархии на Руси при Владимире Святославиче.

Игорь в летописи выглядит князем, ведомым своей дружиной и зависящим от нее. Княжеская власть в его время не была еще достаточно сильной, а сам он не обладал, по-видимому, необходимым авторитетом среди воинов и независимым характером. Игорь слушается дружину не только в деле заключения мира с Византией. Она побуждает своего князя отправиться в последний, гибельный для него поход за древлянской данью. Но уже его преемница Ольга предстает в летописи не зависящей в своих государственных поступках от дружины.

Властители Руси второй половины X в. Святослав и Владимир

изображены в летописи как подлинно дружинные князья. Таким описан Святослав в рассказе Повести временных лет под 964 г. о начале его самостоятельной деятельности. Дружина во всем послушна этому князю, но и он считается с ее мнением и дорожит им. На уговоры Ольги креститься Святослав отвечает: "Како аз хочю ин закон прияти един? А дружина моя сему смеяться начнуть"⁶⁷. Охотно и подробно рассказывает Нестор о внимании Владимира Святославича к дружине (эпизод с заменой дружинникам деревянных ложек серебряными и пр.). Своеобразным апофеозом дружинности звучат слова летописца: "Бе бо Володимер любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех, и о уставе земленем"⁶⁸. Ясно, что советниками Владимира были не все несколько сотен дружинников, а лишь верхушка, из которой сложился и аппарат управления, сбора дани и суда, а также княжеский совет.

Можно утверждать, что на эпохе Владимира заканчивается существование дружинной формы государственности. В рассказах летописи о его сыне Ярославе дружина играет уже исключительно военную роль. Но и Ярославу приходилось считаться с нею. Повествуя под 1019 г. о вокняжении его в Киеве, Нестор не забывает упомянуть о его дружине: "Ярослав же седе в Киеве, утер пота с дружиною своею"⁶⁹. И в описании событий первой половины XI в. летописи, следуя фольклорным источникам и общественному мнению, в котором так много значила традиция, продолжают воспевать любовь к дружине как высшую княжескую добродетель. Брата Ярослава Мстислава Тмутороканского и затем Черниговского источники изображают последним дружинным князем. Он радуется, например, что в битве с Ярославом при Листвене в 1024 г. полегли его подданные северяне, "а дружина своя цела". В посмертном панегирике Мстиславу сказано, что он "любяше дружину по велику"⁷⁰. Тогда как в обширной посмертной похвале Ярославу превозносятся мудрость князя, но ни слова не молвится о его дружине.

Дружина занимала важное место в древнерусском обществе и после княжения Владимира Святославича. Однако мы не считаем, что государство сохраняло дружинную форму и в XI–XII вв. Сама дружина все более расслаивается, из нее выделяется боярство, источники различают старших и младших дружинников. Она перестает быть единственным правящим слоем, туда входит только ее верхушка. А рождение в течение XI в. индивидуального феодального землевладения выдвинуло на первый план другую социальную верхушку: земельную аристократию из числа тех же старших дружинников, боярства и превратившейся в бояр части племенной знати.

Постепенно превращаясь в феодальную знать, дружинная верхушка продолжала играть важную роль и в дальнейшей жизни Древнерусского государства. Из нее выходили управленцы и советники князя. Накануне похода на половцев 1103 г. "седе Святополк (Изяславич. – Н.К.) с своею дружиною, а Володимер (Мономах. – Н.К.) с своею в единомъ шатре" и обдумывали будущую войну с кочевниками. А Мономах в Поучении начинает описание повседневных занятий князя со слов: "И седше думати с дружиною"⁷¹.

В течение XII в. старшие дружинники заменяются в аппарате управления младшими, а также людьми, не связанными уже с дружиной. В источниках появляется термин "дворяне", т.е. люди княжеского двора. Они были в жесткой служебной зависимости от князя⁷². Дружинные реальности и традиции постепенно ушли в прошлое. Определенная на материале Северо-Восточной Руси, эта закономерность может быть приложима ко всем русским землям XII в.

¹ См., например: Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев. А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 131–146 (историография вопроса); Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. Разделы: Формирование древнерусской народности, Образование и развитие Древнерусского государства. Социально-экономический строй Киевской Руси.

² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 145.

³ Авенариус А. "Государство Само". Проблемы археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 72.

⁴ См.: Советская историография Киевской Руси. С. 135 и след.

⁵ Королюк В.Д. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). М., 1970. С. 4, 5.

⁶ См. одну из последних работ И.Я. Фроянова: К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. М., 1991.

⁷ См.: Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 98, 100.

⁸ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 92–100.

⁹ Ловмянский Г. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 10.

¹⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 104–105.

¹¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Королюк В.Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. С. 219.

¹⁵ Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 126.

¹⁶ Fried M. The Evolution of Political Society. N.Y., 1967. P. 185–186.

¹⁷ Service E.R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975. P. 15–16, 74–75.

¹⁸ См.: Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 245.

¹⁹ Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Становление раннефеодальных славянских государств. С. 57.

²⁰ Королюк В.Д. Основные проблемы... С. 218.

²¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 159.

²² Там же. С. 20.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 20–21.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 47, 50.

²⁷ Там же. С. 24, 25–26.

²⁸ Там же. С. 35.

- ²⁹ Там же. С. 25–26, 35.
- ³⁰ Там же. С. 83.
- ³¹ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 61.
- ³² Историк ссылается на работу: Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Под ред. А.И. Першица, Д. Трайде. М., 1986.
- ³³ ПВЛ. Ч. 1. С. 11, 14, 16.
- ³⁴ Там же. С. 16–17.
- ³⁵ Там же. С. 19. Рюрик тогда либо княжил в Ладоге, либо сидел на Городище вблизи будущего Новгорода, возникшего, как уже упоминалось, в X в.
- ³⁶ Там же. С. 19.
- ³⁷ Service E.R. Op. cit. P. 266–290.
- ³⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 20.
- ³⁹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 323.
- ⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 20.
- ⁴¹ НПЛ. С. 106.
- ⁴² ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновского летописью. С. 9.
- ⁴³ ПВЛ. Ч. 1. С. 18.
- ⁴⁴ Fried M. Op. cit. P. 185–186.
- ⁴⁵ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 19.
- ⁴⁶ Там же. Ч. 1. С. 20.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 19.
- ⁵¹ Там же. С. 20.
- ⁵² Там же. С. 31.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 43.
- ⁵⁵ Там же. С. 54, 56.
- ⁵⁶ Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154.
- ⁵⁷ Рогов А.И., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 103.
- ⁵⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 35.
- ⁵⁹ Обзор мнений см.: Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 10–11 и др.
- ⁶⁰ Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств // Становление раннефеодальных славянских государств; Лоямянский Г. Указ. соч. С. 12.
- ⁶¹ Горский А.А. Указ. соч. С. 18, 35 и др.
- ⁶² Там же. С. 29.
- ⁶³ Там же. Гл. IV. Дружина и аппарат управления. С. 61 и след.
- ⁶⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 33.
- ⁶⁵ Там же. С. 34.
- ⁶⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1: Территория и население. С. 305.
- ⁶⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 46.
- ⁶⁸ Там же. С. 86.
- ⁶⁹ Там же. С. 98.
- ⁷⁰ Там же. С. 100, 101.
- ⁷¹ Там же. С. 158, 183.
- ⁷² Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 56–57.

КРИВИЧИ И ПОЛОЧАНЕ В IX–X вв.

(Вопросы политической истории)

Первое упоминание о кривичах, одной из восточнославянских догосударственных общностей, содержится в сочинении Константина Багрянородного "Об управлении империей" (середина X в.):

«[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются из Немогарда (Νεμογαρδάς), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а также из крепости Милиниски (Μιλινίσκων), из Телиуцы (Τελιούτζων), Чернигоги (Τζερνιγῶγων) и из Вусеграда (Βουσεγρᾶδέ). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Κιόαβα), называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины (Κριβηταῖνοι), лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову...

...Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется "кружением", а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей (Κριβιτζῶν), севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»¹.

Наиболее ранним отечественным источником, говорящим о кривичах, является так называемый Начальный летописный свод конца XI в., дошедший в составе Новгородской I летописи младшего извода:

«В лѣто 6362... Въ времена же Києва и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии словени, и кривици и меря: словенѣ свою волость имѣли, а кривици свою, а мере свою; каждо своим родомъ владыше; а чюдь своим родом; и дань даяху варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху словеномъ, кривичемъ и мерямъ и чуди. И вѣсташа словенѣ и кривици и меря и чюдь на варяги, и изгнаша за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся поевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к собѣ: "князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву" Идоша за море к варягомъ и ркоша: "Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владеть нами". Изъбрашася три брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и придоша к Новугороду. И

сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ, а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ, а третей въ Изборскѣ, имя ему Труворъ...

Сеи же Игорь нача грады ставити, и дани устави словеномъ и варягомъ даяти, и кривичемъ и мерямъ дань даяти варягомъ...»²

"В лѣто 6429. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и варягы и полянѣ и словенѣ и кривичи, и корабля многы бещисленныи"³.

"В лѣто 6488 Володимиръ же собра воя многы, варягы, словенѣ, чюдъ, кривици, и поиде на Рогъволода"⁴ (полоцкого князя. – А.Г.).

«В лѣто 6496... И рече Володимиръ: "не добро есть малъ город около Кыева", и нача ставити города по Деснѣ и по Вѣстри и по Трубежю и по Сулѣ и по Стругнѣ, и нача порубати мужи лучшии от словенъ и от кривицъ и от чюди и от вятицъ и от всѣхъ град..."⁵.

Повесть временных лет (начала XII в.) содержит еще ряд известий о кривичах и, кроме того, упоминает о полочанах. Во вводной части ПВЛ, в рассказе о славянских догосударственных общностях, пять раз дается их перечень; в трех перечнях названы полочане, и в двух – кривичи.

Перечень I (в рассказе о расселении славян): "также и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межи Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочанѣ. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ; а друзии сѣдоша на Деснѣ, и по Семи и по Сулѣ и нарекошася сѣверъ"⁶.

Перечень II (начинается с перечисления "княжений" восточных славян, в конце – места обитания неславянских племен Восточной Европы): "и по сеи братьи держати почаша родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрѣговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочанѣ. От нихъ же кривичи, же сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдять кривичи; таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клецинѣ озерѣ меря же; а по Оцѣ рѣцѣ, где потече в Волгу же, мурома языкъ свои, и черемиси свои языкъ. мордѣва свои языкъ"⁷.

Перечень III (общности "славянского языка"): "Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же вельняне"⁸.

Перечень IV: "Поляномъ же жиущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а древляне же от словѣнъ же, и нарекошася древлянѣ; радимичи бо и вятичи от ляховъ; бяста бо 2 брата в лясѣхъ, Радимъ, а другии Вятко, и пришедше сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родом своимъ по Оцѣ, от него

же прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ полянѣ, и деревляне, и сѣверѣ, и радимичи, и вятичи, и хрвати. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне, а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, пристѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли и до моря и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь"⁹.

Перечень V (обычаи и нравы восточных славян): "поляне бо свои отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ ... а древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... и радимичи, и вятичи, и сѣверѣ одинъ обычаи имяху... си же творяху обычаи кривичи и прочии погании..."¹⁰ (опускаем описание обычаев).

В погодном изложении ПВЛ также встречаются известия о кривичах, в НЛ отсутствующих (известия 980 и 996 гг. совпадают в НЛ и ПВЛ).

"Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди, и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ"¹¹.

"В лѣто 6370... Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси: земля наша велика и обилна..." (далее рассказ о призвании варяжских князей).

"...По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ, и прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростове мера, в Бѣлѣозере весъ, в Муромѣ мурома"¹².

"Въ лѣто 6390. Пойде Олегъ, поимъ воя многы: варязи, чюдъ, словѣни, мерю и всѣ кривичи, и приде къ Смоленську съ кривичи и прия градъ и посади мужъ свои...

Се же Олегъ нача города ставити и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери"¹³.

"В лѣто 6415. Иде Олегъ на грекы, Игоря остави в Киевѣ. Поя же множество варяг, и словень, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци..."¹⁴

"В лѣто 6452. Игорь же, совокупивъ вои многи: варязи, русь и поляны, словѣни и кривичи, и тѣверьцѣ..."¹⁵

В летописных рассказах о событиях XI в. этноним "кривичи" не упоминается. Последний же раз это наименование встречается в рассказе о походе на Полоцкую землю в 1127 г.: "посла князь Мстиславъ братью свою на кривичѣ четырьми пути..."¹⁶. Под 1140 и 1161 гг. в Ипатьевской летописи полоцкие князья названы "кривьскими"¹⁷ "Полочанами" с конца XI в.¹⁸ стало называться население Полоцка и Полоцкого княжества.

Политическая история кривичей и полочан IX–X вв. не становилась пока предметом специального исследования: ряд историков рассматривал лишь отдельные ее аспекты, в первую очередь соотношение кривичей и полочан.

Н.П. Барсов считал полочан западной ветвью кривичей, получившей свое название от г. Полоцка¹⁹. Как часть кривичей расценивал полочан и М.В. Довнар-Запольский²⁰. По-иному подошел к вопросу П.В. Голубовский. Он считал двинские поселения кривичей древнейшими, а полочан – главной частью племени кривичей. Смоленск, по мнению Голубовского, в IX–X вв. был центром кривичских колонистов в Поднепровье, "пригородом полоцким"²¹.

По мнению А.Н. Насонова, у кривичей было два княжения: одно – на Полоте, другое – в Смоленске. Смоленск был политическим центром восточной части кривичей²².

П.Н. Третьяков пришел к выводу, что полочане, в отличие от других общностей, названных во вводной части ПВЛ, были территориальным объединением. Составитель ПВЛ причислил жителей Полоцка к числу северных древнерусских племен, хотя это не соответствовало действительности²³. С этим мнением согласился А.Г. Кузьмин²⁴.

По мнению В.В. Седова, накануне образования Древнерусского государства существовали отдельные племенные союзы со своими княжениями у полоцких и смоленских кривичей²⁵.

Л.В. Алексеев определил полочан как западную часть кривичей. Историю Полоцкой и Смоленской земель автор рассматривал отдельно. В конце IX – середине XI в. кривичи, по его мнению, выплачивали дань не только Киеву, но и варягам²⁶.

Д.А. Мачинский обратил внимание на то, что, согласно вводной части ПВЛ, полочане причислены к "собственно словенам" ("а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочанѣ")²⁷.

Широкие археологические исследования в районах расселения кривичей, осуществленные В.И. Сизовым, А.Н. Лявданским, В.В. Седовым, Л.В. Алексеевым, Д.А. Авдусиным, Е.А. Шмидтом, Г.В. Штыковым и другими учеными, позволили прийти к выводу об этнографическом единстве Смоленской и Полоцкой земель в раннее средневековье²⁸. В Полоцкой земле (т.е. в пределах Полоцкого княжества XI–XII вв.) выявлено 8 скоплений кривичских поселений, в Смоленской – 2²⁹. Спорным остается вопрос о том, было ли кривичским население Псковской земли: одни исследователи дают положительный ответ на этот вопрос³⁰, другие – отрицательный, полагая, что кривичи, упоминаемые в легенде о "призвании варягов", не связаны с Изборском – поселением в будущей Псковской земле, в котором вокняжился Трувор³¹.

Противоречия в летописных характеристиках кривичей и полочан могут быть связаны с многослойностью ПВЛ, редакторской работой над ней. Проверка этого осложняется, однако, тем, что история текста ПВЛ до сих пор остается дискуссионной. Тем не менее некоторые выводы можно попытаться сделать.

Б.А. Рыбаков показал сложный состав вводной части ПВЛ³². Эта "неоднослойность" хорошо видна из приведенных выше перечней "племен". Пять перечней могут быть подразделены на две группы, явно принадлежащие разным авторам³³.

1-я группа			2-я группа	
Перечень I	Перечень II	Перечень III	Перечень IV	Перечень V
поляне древляне дреговичи полочане словене север	поляне древляне дреговичи словене полочане кривичи север	поляне древляне новгородцы полочане дреговичи север бужане-вельняне	поляне древляне радимичи вятичи север дулебы-вельняне хорваты уличи тиверцы	поляне древляне радимичи вятичи север кривичи

В перечнях 1-й группы совпадают шесть названий: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене (в перечне III – новгородцы), север. По одному разу названы кривичи, бужане и вельняне. В перечнях 2-й группы совпадают пять этнонимов: поляне, древляне, радимичи, вятичи, север. По одному разу названы дулебы, вельняне, хорваты, уличи, тиверцы и кривичи. Упоминание кривичей в перечне II (1-я группа) выглядит вставкой, поскольку меняется грамматическая форма (с прошедшего времени на настоящее)³⁴ и происходит переход от перечня "княжений" к рассказу о географическом расположении общностей, не упомянутых в перечне I: "и по сеи братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрѣговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочанѣ. От них же кривичи, же сѣдять на верхъ Волгы, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдять кривичи; таже сѣверъ от них" Форма "от них же" напоминает манеру перечня IV: "...от рода словѣньска... от словѣнъ же... от ляхов... да то ся зваху от грекъ..." Вероятнее всего, при редактировании вводной части кривичи, первоначально упоминаемые в перечнях IV (как племя "от них же", т.е. "от словен") и V, были переставлены из IV во II³⁵.

Таким образом, этнонимия вводной части ПВЛ может быть связана с двумя авторами. Один из них называл общности, которые "прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣсте"³⁶. Он употребляет название "полочане". В перечне I полочане четко отделены им от словен ильменских, во втором говорится о двух княжениях у словен – в Новгороде и на Полоте, с пояснением, что княжение на Полоте связано с полочанами. Скорее всего, здесь отразилось представление летописца о единстве северной ветви славянского расселения в Восточной Европе: одна часть ее "прозвашася своим именем" – словене, другая – полочанами по р. Полоте. Второй автор, работавший над текстом позже, употребляет этноним "кривичи" и подчеркивает, что главный "град" кривичей – Смоленск. Из текста вводной части неясно, идет здесь речь о всех кривичах (т.е. под верховьями Двины имеется в виду и ее витебско-полоцкий участок) или только о верхнеднепровской (смоленской) и торопецкой их группировках

(позже вошедших в состав Смоленской земли). Обращение к другим текстам делает более вероятным первое предположение. Именно со вторым автором следует связывать текст под 862 г., в котором первыми "населниками" Полоцка названы кривичи (а не полочане), а далее называются те самые племена, которые перечислены после кривичей и северян в перечне II:

Перечень II	862 г.
на Бѣлѣозерѣ сѣдѣть весь, а на Ростовскомѣ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же; а по Оуцѣ рѣцѣ, где потече в Волгу же, мурома языкъ свои...	...в Ростове меря, в Бѣлѣозере весь, в Муромѣ мурома.

Есть основания полагать, что летописцем, употреблявшим этноним "кривичи", был редактор ПВЛ, близкий к Владимиру Мономаху и его сыну Мстиславу. Во-первых, именно с ним связано редактирование статьи 862 г. (вставка отождествления варягов Рюрика с Русью)³⁷. Во-вторых, перечнями IV и V "племен" во вводной части тесно связаны два фрагмента из русского перевода Хроники Георгия Амартола³⁸. Один из них (о нравах народов) следует сразу вслед за фразой "Си же творяху обычаи кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона божия, но творяще сами собѣ закон"³⁹. Другой фрагмент, восходящий к Хронике, предшествует перечню IV: "Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша", после чего идет рассказ о насилиях обров над дулебами⁴⁰. Этноним "дулебы" упоминается только в перечне IV: в перечне III, принадлежащем другому автору, предшественникам вельнян названы бужане. Таким образом, перечни IV и V могут быть отнесены к работе летописца, использовавшего Хронику Амартола. Этим летописцем был (как показывает анализ летописной статьи 1096 г.) упомянутый редактор ПВЛ⁴¹.

Итак, наиболее вероятно, что автор ПВЛ использовал термин "полочане", редактор же – этноним "кривичи". Для редактора главный город кривичей – Смоленск, а Полоцк – также кривичский город. Эта редакторская концепция прослеживается и в текстах после 862 г.

Под 882 г. в НПЛ Смоленск назван без упоминания о кривичах. В ПВЛ же вновь (как и во вставке в перечень III "племен" во вводной части) подчеркивается "кривичская" принадлежность этого центра: "и приде къ Смоленську съ кривичи". Далее в ПВЛ упоминается о взятии Олегом Любеча (в НПЛ отсутствует). Под 907 г., в рассказе о договоре Олега с Византией, говорится: "и потом даяти углады на рускыя грады: первое на Киевъ, таже на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣск, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы"⁴². Поскольку далее, в самом тексте договора 907 г. и в договоре 944 г., называются только три первых из перечисленных городов – Киев, Чернигов и Переяславль⁴³ (главные центры ядра Русского государства – среднеднепровской "Русской земли"⁴⁴), резон-

но предположение, что упоминание Полоцка, Ростова и Любеча является вставкой⁴⁵. Сделана она, по-видимому, тем же редактором: Полоцк и Ростов – города, упомянутые в ПВЛ под 862 г. как центры, куда Рюрик посадил своих "мужей" по смерти братьев, Любеч называется в ПВЛ под 882 г. в рассказе о походе Олега на Киев.

В целом история терминов "полочане" и "кривичи" в начальном летописании может быть реконструирована следующим образом.

Автор ПВЛ, изображая во вводной части политическую ситуацию в восточнославянских землях до середины IX в. (времени, когда начинается погодное изложение летописи), назвал одну из восточнославянских общностей *полочанами*⁴⁶. Под 862 г., говоря о призвании варяжских князей, автор следовал Начальному своду⁴⁷: Рюрика с братьями призывали словене, кривичи и меря⁴⁸, братья сели в Новгороде, на Белоозере и в Изборске (т.е., видимо, в центрах этих общностей). В 882 г. Игорь и Олег взяли по пути в Киев Смоленск; о принадлежности города какому-либо "племени" не говорится.

Редактор включил во вводную часть другой перечень "племен", в который вошли как те, что "прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на котормъ мѣстѣ" (т.е. названные по местности обитания, занятой после переселения), так и общности с "патронимическими" названиями, не связанными с местностью обитания (радимичи, вятичи, кривичи). Одно из упоминаний кривичей редактор ввел в перечень П (авторский), подчеркнув при этом, что кривичский "град" – Смоленск⁴⁹. В тот же перечень он включил рассказ о местах расселения веси, мери, муромы, черемисы и мордвы. В повествовании под 862 г. редактор упомянул о разделе городов Полоцка, Ростова и Белоозера своим "мужам" Перечень этих городов соответствует перечню общностей, участвовавших в "призвании": Белоозеро – веси, которая включена в состав этих общностей редактором, очевидно, потому, что, по его представлениям, "на Бѣлѣозерѣ сѣдять весь" (вводная часть), а Белоозеро упоминалось в Начальном своде как место княжения Синеуса; Ростов – мери, которая не названа в числе общностей, "призывавших князей", но упомянута под 859 г. в числе варяжских данников; из перечня общностей, "призывавших" князей, редактор исключил мерю, очевидно, потому, что ни один из трех братьев не сел, по его мнению, в мерянском центре. Наконец, Полоцк – город кривичей, участвовавших в "призвании". Видимо, редактор не считал кривичским городом Изборск и решил, что кривичи, "призывавшие" князей, были полоцкими. Изборску, таким образом, в его трактовке соответствует "чудь"⁵⁰. Редактор не мог приписать Рюрику посажение "мужа" в Смоленске, поскольку Смоленск, по Начальному своду, был взят Игорем и Олегом по пути в Киев. В рассказ об этом походе редактор внес указание на кривичскую принадлежность Смоленска. Далее, в пересказе договора 907 г. редактор после упоминания Киева, Чернигова и Переяславля и перед словами "и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ сядяху велиции князи, под Олгом суще" приписал "на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч". Городами, в которых сидели князья – вассалы Олега, редактор считал либо все, кроме Киева, либо все, кроме Киева, Чернигова и

Переяславля – городов "Русской земли", названных ниже в договоре 907 г. и в договоре 944 г. В любом случае обращает на себя внимание отсутствие упоминания Новгорода и Смоленска. Возможно, редактор полагал, что эти центры более непосредственно были связаны с Киевом, чем города с князьями-вассалами.

Таким образом, общая тенденция редактора в вопросе об истории кривичей сводится к тому, что главным городом кривичей был Смоленск, а Полоцк являлся также кривичским городом, но менее значительным. Автор же ПВЛ не считал нужным даже употреблять этноним "кривичи": вместо него он использовал название "полочане". Это название, согласно перечню I, относилось только к той общности, которая обитала на Двине; на Двине располагались лишь три из 10 скоплений кривичских поселений: полоцко-ушачское, усвятское и витебское. Вероятно, собственно полочанами называлось население первого из них, наиболее крупного из всех скоплений на территории будущей Полоцкой земли⁵¹. Раз автор ПВЛ считал возможным дать этот этноним в ряду наименований крупных союзов (поляне, древляне, дреговичи, словене, север), значит, он считал полную группировку кривичей главенствующей.

Тенденция редактора может получить объяснение при учете его близости к Владимиру Мономаху и времени работы (около 1116 г.)⁵². В 1116 г. Владимир воевал в Полоцкой земле с Глебом Минским⁵³. Смоленск был городом, с которым Мономах был тесно связан в течение всей своей жизни и который он сумел закрепить за своими потомками⁵⁴. В 1077–1078 гг. Владимир воевал с Всеславом Полоцким: в ходе этой войны были "ожжены" и Полоцк и Смоленск⁵⁵. Симпатиями Мономаха к Смоленску и неприязнью к Полоцку и полоцким князьям может объясняться подчеркивание редактором ПВЛ первенства Смоленска среди кривичских городов⁵⁶. С промономаховским характером редакции 1116 г. могут быть связаны и вставки упоминаний Ростова под 862 и 907 гг. и Любеча под 882 и 907 гг.: Ростов был отчинным городом Мономаха, в его владениях долгое время находился и Любеч⁵⁷.

Следует ли воспринимать редакторскую концепцию политического устройства земли кривичей как не соответствующую действительности или она отражает определенную историческую ситуацию? Обратимся к наиболее раннему источнику по нашей теме – сочинению Константина Багрянородного.

Кривичи здесь названы дважды как данники ("пактиоты") Руси; полочан автор не знает. Смоленск (Μίλνισκᾶ) центром кривичей он прямо не назвал, но другие города, упоминаемые автором, не связаны территориально с кривичской землей. Перечисление городов, по которым спускаются к Киеву моноksилы, идет с севера на юг, по пути "из варяг в греки": Новгород, Смоленск, Любеч⁵⁸, Чернигов, Вышгород. Этому списку в определенной степени параллелен перечень общностей, в земли которых "росы" отправляются в "полюдь": древляне, дреговичи, кривичи, север. Можно предполагать, что города, которые названы в рассказе о сборе моноksилов, служили опорными пунктами, куда свозилась дань, собранная киевскими дружинами: в Смоленске концентрировалась дань с кривичей, Любече – с дреговичей, Чернигове – с северян, Вышгороде – с

древлян. В таком случае два рассказа Константина образуют целостную картину. Зимой "росы" собирают дань в землях древлян, дреговичей, кривичей и северян, которая свозится вначале соответственно в Вышгород, Любеч, Смоленск и Чернигов, а затем определенная часть ее переправляется в Киев. Весной из земель тех же общностей, а также Новгородской земли, где сидит сын Игоря Святослав, в Киев отправляются монокилы. В Смоленске собираются на промежуточную стоянку монокилы из земли кривичей, в Любече – дреговичей (спустившиеся в Днепр из Березины), Чернигове – северян (из бассейна Сейма и Десны), Вышгороде – древлян (спустившиеся в Днепр из Ужа и Тетерева), и, возможно, также дреговичей из Припяти и "лензанинов" с Волыни через Припять. Таким образом, согласно Константину, в середине X в. главным центром земли кривичей был Смоленск.

Общую картину развития кривичской общности в IX–X вв. на основе сопоставления результатов проведенного анализа письменных источников с данными археологии можно представить следующим образом. В IX в. группа носителей этого этнонима обитала на территории будущей Новгородской земли (скорее всего, в районе Ладоги), а основная масса кривичей – на территориях будущих Полоцкой и Смоленской земель⁵⁹. Здесь в IX–X вв. существовал союз племенных княжеств, включавший 10 племенных княжеств, соответствующих 10 скоплениям кривичских поселений – полоцко-ушачскому, гайно-березинскому, друцкому, лукомльскому, оршанскому, усвятскому, витебскому, изяславльскому, верхнеднепровскому и верхнедвинскому (торопецкому)⁶⁰.

В IX столетии главенствующим в союзе было полоцко-ушачское княжество и по нему другим, "территориальным" названием союза стало имя "полочане". Центром союза был "град" Полоцк, детинец которого располагался в излучине р. Полоты в 0,8 км от места ее впадения в Западную Двину⁶¹. Смоленск (тогда располагавшийся на месте, ныне именуемом Гнездовом⁶²) был центром одного из племенных княжеств, входивших в союз, – верхнеднепровского⁶³. Эта ситуация отразилась в авторском тексте ПВЛ, где названы только полочане – главное племенное княжество союза. В конце IX в. с объединением Киева и земли словен, сопровождавшимся подчинением Смоленска киевскому князю, и расцветом пути "из варяг в греки"⁶⁴ роль Смоленска возросла. В Смоленск стала стекаться дань, собираемая для киевских князей со всей земли кривичей, часть ее, видимо, оседала в Смоленске. Расцвет "Гнездовского" Смоленска сопровождался построением в середине X в. так называемого Центрального Гнездовского городища⁶⁵. Смоленск стал главным центром кривичской земли.

Был ли Смоленск в конце IX–X в. непосредственно подчинен Киеву путем посажения в нем наместника великого князя или сохранил свое племенное княжение? Высокий удельный вес дружинников норманнского происхождения, выявленный раскопками гнездовских погребений, говорит, казось бы, в пользу первого предположения. Но территории, "огосударствленные" киевской дружиной знают к 60-м годам X в., были розданы в княжение сыновьям Святослава: Ярополку – Киев ("Русская земля"), Олегу – Древлянская земля (где местное княжество было лик-

видировано в 945–946 гг.), Владимиру Новгород ("внешняя Русь Константина Багрянородного, где сидел прежде и сам Святослав). Смоленск в число этих территорий не вошел⁶⁶.

Примерно с середины X в. происходит усиление Полоцка при князе Рогволоде. Если верно летописное сообщение о том, что Рогволод пришел "из заморья"⁶⁷, то это усиление может быть отчасти связано с приходом в Полоцк двинским путем сильной варяжской дружины. Захват Полоцка Владимиром Святославичем привел к разрушению старого детинца и построению нового в устье р. Полоты⁶⁸. В конце X в. Владимир посадил в Полоцке одного из старших своих сыновей – Изяслава⁶⁹, а в Смоленске одного из младших – Станислава⁷⁰. По-видимому, к данному времени относится раздел кривичской земли между Полоцком и Смоленском, в результате которого большая ее часть (8 бывших племенных княжеств из 10) оказалась в подчинении полоцкого князя. Поскольку Полоцк становился непосредственно связанным с Киевом через князя – представителя киевской династии, Смоленск лишился большей части "кривичской дани". В подчинении смоленского князя оказались только два бывших кривичских племенных княжества, соответствующие верхнеднепровскому и торопецкому скоплениям поселений. Это было, вероятно, одной из главных причин упадка "Гнездовского" Смоленска и отставания его от Полоцка в XI – начале XII в. в политическом и культурном развитии (в среднем на полстолетия, по мнению Л.В. Алексеева⁷¹). В XI в. возникает новый Смоленск на современном месте. Со времени Владимира Мономаха начинается новое усиление Смоленска, расширение подвластной ему территории (главным образом на восток и юг)⁷².

Таким образом, в истории кривичей догосударственного периода не было двух союзов племенных княжеств – полоцкого и смоленского. В IX столетии кривичское население будущих Полоцкой и Смоленской земель составляло один союз, который помимо старого этнонима ("кривичи") назывался также "полочанами" по имени сильнейшего из входивших в его состав племенных княжеств, получившего свое наименование от места обитания – р. Полоты. В конце IX в. с подчинением кривичской земли киевским князьям на первое место выдвинулось верхнеднепровское племенное княжество с центром в Смоленске. Киевская дань с кривичей стекалась в Смоленск и часть ее, видимо, оставалась в распоряжении смоленского князя, ставшего при поддержке Киева главным князем кривичей⁷³. Противостояние Полоцка и Смоленска завершилось в конце X – начале XI в., когда были ликвидированы местные княжения в земле кривичей и она была поделена между двумя сыновьями Владимира Святославича, причем большая часть кривичской территории отошла к Полоцку, а меньшая – к Смоленску. Лишь с этого времени можно говорить о раздельном существовании Полоцкой и Смоленской земель (хотя предпосылки такого раздела восходят ко второй половине IX в., к началу борьбы Полоцка и Смоленска за первенство в кривичской земле). "Полочанами" теперь стало называться население Полоцка и Полоцкой земли.

В тексте ПВЛ отразились две разновременные политические ситуации в земле кривичей. Автор ПВЛ изобразил ситуацию до второй половины IX в., когда кривичский союз возглавлялся племенным княжеством

полочан, а редактор – ситуацию конца IX–X в., когда главным кривичским центром был Смоленск. Политическая ситуация этого периода соответствовала симпатии редактора и его покровителя Владимира Мономаха к Смоленску и антипатии к Полоцку и полоцким князьям. Новый расцвет Смоленска, подготавливаемый деятельностью Мономаха, обрел таким образом идеологическое обоснование. В рассказе о "призвании варягов" редактор усмотрел в "кривичах" кривичей смоленско-полоцких, но в Начальном своде, откуда была взята легенда, речь шла о кривичской группировке, поселившейся на территории будущей Новгородской земли⁷⁴.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44–47, 50–51.

² НПЛ. М. Л., 1950. С. 106–107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 6.

⁷ Там же. Стб. 10–11.

⁸ Там же. Стб. 11.

⁹ Там же. Стб. 12–13.

¹⁰ Там же. Стб. 13–14.

¹¹ Там же. Стб. 19. В первоначальном тексте упоминалась "весь" (превратившаяся затем в прилагательное "всѣхъ" к слову "кривичи") (*Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 19).

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20.

¹³ Там же. Стб. 22–23. В Ипатьевской летописи вместо "и всѣ кривичи" – "весь, кривичи" (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 16).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29.

¹⁵ Там же. Стб. 45.

¹⁶ Там же. Стб. 297; Т. 2. Стб. 292.

¹⁷ Там же. Т. 2. Стб. 304, 521.

¹⁸ Там же. Т. 1. Стб. 215 (под 1092 г.).

¹⁹ Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 85.

²⁰ Довнар-Запольский М.В. Очерки истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 24.

²¹ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 46–50.

²² Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 145–146, 159.

²³ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 222–223.

²⁴ Кузьмин А.Г. К вопросу о "полочанах" Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

²⁵ Седов В.В. Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47, 62; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 270.

²⁶ Алексеев Л.В., Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 53–61, 237–239; Он же. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 43, 101–106, 194–195.

²⁷ Мачицкий Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 12.

²⁸ Седов В.В. Восточные славяне... С. 158–166.

²⁹ Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 24–25.

³⁰ Седов В.В. Восточные славяне... С. 53–55, 166–169.

- ³¹ Булкин В.А., Дубон И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 81–85; Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 5–23.
- ³² Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1981. С. 219–247.
- ³³ По этой причине представляется неправомерной попытка Г.С. Лебедева на основе текста вводной части выявить цельную "этногеографическую концепцию ПВЛ" «иерархию восточнославянских племен по характеристикам "Повести временных лет"» (Лебедев Г.С. Этнография Восточной Европы по "Повести временных лет" // Историческая этнография. Традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1982. Вып. 2; Он же. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 198–199). Автор исходит из недоказанной посылки о принадлежности текста вводной части одному летописцу.
- ³⁴ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 127.
- ³⁵ Ср.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 241. Текст со слов "от них же кривичи" до слов "и мордва свои язык" автор выделяет как вставной.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10.
- ³⁷ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1989. С. 65–68; Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 290–296.
- ³⁸ Сопоставление фрагментов текста ПВЛ с этим памятником см.: Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1922. Т. II. С. 348–369; Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 41–61, 72–80.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14.
- ⁴⁰ Там же. Стб. 11–12.
- ⁴¹ См.: Горский А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Ист. зап. М., 1987. Т. 115. С. 321–323. В этой работе (с. 321) автор присоединяется к точке зрения А.Г. Кузьмина о том, что упоминание кривичей в перечне V с последующей цитатой из Хроники Амартола является вставкой. Однако упоминание в перечне IV дулебов, связанное с цитатой из Хроники об обрах, заставляет предполагать, что перечни IV и V целиком принадлежат руке редактора, использовавшего Хронику.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.
- ⁴³ Там же. Стб. 49.
- ⁴⁴ Насонов А.Н. "Русская земля"... С. 28–46.
- ⁴⁵ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 268.
- ⁴⁶ По мнению А.Г. Кузьмина, название "полочане" было вставлено в летописный текст в 60–70-е годы XI в., когда между Киевом и Полоцком существовали тесные связи, и исторической ситуации IX в. оно не соответствует (Кузьмин А.Г. Указ. соч.). Но отношения киевских князей с Полоцком были в этот период враждебными, и подчеркивание роли полочан в начальной истории Руси киевской летописью было бы неоправдано. Текстологических оснований относить работу над вводной частью ПВЛ ко времени ранее конца XI в. нет (в Начальном своде конца XI в., как он отразился в Новгородской I летописи, она отсутствует, исключая легенды о Кие и хазарской дани).
- ⁴⁷ Не исключено, что авторский текст ПВЛ и Начальный свод – одно и то же (мнение М.Х. Алешковского: Алешковский М.Х. Первая редакция "Повести временных лет" // АЕ за 1967 год. М., 1969).
- ⁴⁸ Упоминание в тексте Новгородской I летописи чуди – явная вставка. Вначале в рассказе о "призвании князей" называются только словене, кривичи и меря; чуди появляется позже и первое ее упоминание выглядит дополнением: "Въ времена же Києва и Шека и Хорива новгородстии людие, рекомии словени, и кривичи и меря: словенѣ свою волость имѣли, а кривичи свою, а мере свою; каждо своим родомъ владаше; а чюдь своим родом..." (НПЛ. С. 106). Вставной характер упоминания "чуди" отмечал А.А. Шахматов (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 294, 308–309, 313). Вероятнее всего, вставка "чуди" в рассказ о "призвании князей" произведена под влиянием текста ПВЛ при включении Начального свода в Новгородскую I летопись.
- ⁴⁹ Не исключено, что и другие упоминания "градов" славянских общностей (Новгорода в перечнях I и II, "новгородцев" вместо словен в перечне III) также вставлены редактором.

- ⁵⁰ Возможно, "чудь" потому и появилась среди общностей, участвовавших в "призвании", что Изборск представлялся редактору чудским центром. Недавно Д.А. Мачинский убедительно обосновал мнение, согласно которому в первоначальном виде легенды речь шла не о ростовской мере, а о корове-мереве – чудском племени, на территории которого возник Изборск; под кривичами, по его мнению, имеются в виду кривичские группы, обитавшие в Приладожье (древнее название Ладожского озера – Белое озеро) (*Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы...* С. 7–23). Редактор, таким образом, скорее всего принял мерю за ростовскую и, чтобы оправдать наличие Изборска в тексте легенды, ввел в список общностей чудь; кривичей же он посчитал полоцкими, а Белоозеро – шексинским.
- ⁵¹ *Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности...* С. 24, 28, вклейка.
- ⁵² Согласно новейшему мнению Б.М. Клосса, работу редактора следует датировать 1116 годом.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282–283.
- ⁵⁴ *Алексеев Л.В. Смоленская земля...* С. 195–198. Примечательно, что описывая в "Поучении" свои "пути", Мономах упоминает Смоленск чаще, чем любой другой город, – 14 раз (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247–250).
- ⁵⁵ Там же. Стб. 247–248.
- ⁵⁶ Не исключено, что именно в связи с "просмоленской" тенденцией редактора находится оговорка в рассказе ПВЛ о войне Мономаха с Глебом Минским, где в двух случаях вместо Минска ошибочно назван Смоленск: "Володимеръ же, надѣясь на Бога и на правду, поиде къ Смоленску съ съпѣтми своими и с Давыдомъ Святославичем, и Ольговичи. И взя Вячеславъ Рышю и Копысу, и Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дрыютескъ на щить, а Володимеръ самъ поиде къ Смоленску; и затворися Глѣбъ въ градѣ. Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узривши, ужасеся сердцемъ, и начаса молити Глѣбъ Володимеру... Володимеръ же, омирѣвъ Глѣба и наказав его о всемъ, власть ему Менескъ, а самъ възвратися Киеву" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282–283). Что в действительности речь идет об осаде Минска, видно из "Поучения" Мономаха: "И потомъ к Мѣйску хидомъ на Глѣба" (Там же. Т. 1. Стб. 250).
- ⁵⁷ С именем Мономаха, видимо, связано построение княжеского замка в Любече (см.: *Рыбаков Б.А. Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. М., 1964. Вып. 99*).
- ⁵⁸ Меридианальное, по пути из "варяг в греки" направление перечисления дает основание отдать предпочтение трактовке Τελιούτζαν как Любеча, хотя созвучие здесь не столь явно, как в отношении других городов.
- ⁵⁹ Не касаемся здесь вопроса о том, откуда и когда пришли кривичи на эту территорию. Для IX в. кривичская принадлежность ее населения бесспорна.
- ⁶⁰ *Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности...* С. 23–24, 28, вклейка. Количество племенных княжеств может быть связано с гипотезой о десятичном делении славянских предгосударственных общностей (*Рыбаков Б.А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969*). Нужно, однако, иметь в виду, что из 10 скоплений поселений три (гаино-березинское, друцкое и изяславское) расположены на территории, на которой кривичские памятники прослеживаются со времени не ранее X в. (см.: *Алексеев Л.В. Полоцкая земля...* С. 50–52). Вероятно, завершение складывания "десятичной" структуры кривичского союза может быть отнесено к этому времени. Л.В. Алексеев считает, что поскольку в пределах Полоцкой земли было 8 кривичских скоплений и 2 дреговичских, то именно их сумма и соответствует "десятичному" членению древнерусских племен, о которых писал Б.А. Рыбаков" (*Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности...* С. 24). Но включение части дреговичской территории связано с формированием Полоцкого феодального княжества, так же как и обособление верхнеднепровского и торопецкого скоплений населения – с формированием Смоленского феодального княжества. Переносить эти явления на догосударственный период оснований нет.
- ⁶¹ *Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 21–26.*
- ⁶² Точка зрения, согласно которой первоначальному Смоленску соответствует гнездовский комплекс археологических памятников, а раннефеодальный Смоленск возник в XI в. на сов-

ременном месте (Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 135–154; Дубов И.В. К проблеме "переноса городов" в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70–74), представляется наиболее обоснованной.

⁶³ Вероятнее всего, верхнеднепровская группа кривичей называлась "смоляне". Общности с таким наименованием известны в раннее средневековье у македонских и полабских славян. Этимология названия "смоляне" от "смоi" – "черная, болотистая земля" (Роспанд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 24) соответствует особенностям местности обитания верхнеднепровских кривичей (былинные "черные грязи смоленские"). Если предположение о наименовании их "смолянами" верно, можно провести параллель между Полоцкой и верхнеднепровской группами кривичей: территориальные общности, образуемые носителями этого этнонима, и возникшие центры этих общностей (Полоцк и Смоленск) получали названия от местности обитания.

⁶⁴ См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 227–232.

⁶⁵ См.: Пушкина Т.А. Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья IX–XI вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1974. С. 8.

⁶⁶ Выше говорилось, что известие ПВЛ о посадении Олегом в 882 г. в Смоленске своих "мужей" – редакторская вставка; привлекать его для решения вопроса о характере власти в этом центре в конце IX–X в. нельзя. Что касается заметного норманнского присутствия в Гнездове, то оно может объясняться тем, что в X в. смоленский стол занимали князья – варяги по происхождению (подобно Рогволоду в Полоцке).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76.

⁶⁸ Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 135–136, 141.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁷⁰ Там же. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. С. 71–72; Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 90.

⁷¹ Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности... С. 26–28.

⁷² Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 49–52.

⁷³ Можно предполагать, что смоленский князь и его дружина сами принимали активное участие в сборе дани с обширной кривичской территории.

⁷⁴ С этими "новгородскими" кривичами связано и упоминание об установлении после похода Олега на Киев ежегодной дани размером в 300 гривен в пользу варягов со словен, кривичей и мери, выплачиваемой до смерти Ярослава Мудрого (НПЛ. С. 107; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24). Поэтому неправомерна гипотеза Л.В. Алексеева о взимании этой дани варягами до 1054 г. со смоленских кривичей (Алексеев Л.В. Смоленская земля. С. 101–106). Сопоставление суммы дани с социальными нормами Скандинавии "эпохи викингов" позволило Г.С. Лебедеву сделать вывод, что речь в летописном известии идет скорее всего о содержании небольшого варяжского отряда, способного защищать безопасность плавания в Финском заливе (Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 139–149, 221).

А.В. Фомин

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДЕНЕЖНО-МОНЕТНЫЕ РЫНКИ В 70–80-х ГОДАХ X в.

После блистательной эпохи Святослава, в первые десятилетия правления князя Владимира сначала в Новгороде, а затем на киевском великокняжеском столе, Древнерусское государство значительно утвердилось и окрепло, заняв достойное место среди остальных европейских христианских стран. В социально-экономической жизни Руси также наблюдались принципиальные изменения. Весьма важным явлением того времени было

политическое и экономическое обособление раннефеодального города в середине X в., который уверенно шел на смену дружинным лагерям – станам и викам – центрам международной торговли, расположившимся на путях от южных степей до северных берегов Балтики¹.

Согласно другим наблюдениям, в середине столетия на Руси произошло обособление двух денежно-весовых систем, северной и южной, основанных на серебряной мусульманской монете – дирхеме, которые регулярно ввозились в Европу начиная с IX в.² Несмотря на то обстоятельство, что клады с куфическими монетами (дирхемами) представлены для всей эпохи обращения восточного монетного серебра далеко не равномерно, интересующий нас период древнерусской истории документирован ими неплохо. После сильного сокращения численности восточноевропейских кладов с дирхемами в 60-е годы X в., известно всего дваклада этого времени, количество сокровищ, сокрытых в следующие два десятилетия, резко увеличивается. Их численность достигает 25, из которых 19 могут быть подробно изучены по составу³. Усиленное сокрытие монетных кладов на Руси произошло преимущественно благодаря значительному притоку чеканного серебра в результате одной из интенсивных денежных эмиссий, периодически имевших место в государстве Саманидов⁴.

Вопрос о характере использования дирхемов населением Северной и Восточной Европы обсуждался неоднократно как в отечественной, так и в зарубежной историографии начиная с XIX в. В этой связи высказывались самые противоречивые оценки. Клады с куфическими монетами считались памятниками исключительно транзитной торговли, их причисляли к сырьевым запасам, которые делали местные ремесленники, наконец, слышались и обратные мнения, что все же клады следует считать остатками купеческого капитала, а сами дирхемы, несомненно, поштучно ходили у местного населения. Среди всего разнообразия суждений по этому поводу выделялась работа Р.Р. Фасмера, которая положила начало научной систематизации кладов с куфическими монетами IX–XI вв.⁵ Шведский нумизмат С. Болин, опубликовавший свою работу в начале 1950-х годов, но активно занимавшийся этой темой раньше, предложил для установления местной принадлежности кладов с дирхемами провести сравнение хронологического состава монет между скандинавскими и русскими находками, что, по его мнению, должно было бы ответить на вопрос, где впервые куфические дирхемы начали задерживаться в обращении⁶.

В новейшее время для доказательства использования иноземной монеты в качестве средства обращения в эпоху викингов применялись различные методы. Например, проводили статистическое изучение насечек на монетах, сделанных в древности с целью пробы металла, рассчитывая доказать, что по мере хождения монет число насечек должно было бы увеличиваться, так как каждый новый владелец дирхема или денария обязательно желал удостовериться в его качестве⁷. С той же целью был изучен вес обломков монет в кладах разного времени, что позволило Б. Херд сделать вывод о зарождении денежного обращения в Швеции во второй половине X в.⁸

Однако предложенные методики изучения насечек или обломков не только сталкиваются с целым рядом трудностей, они не решают главного

вопроса о характере обращения иноземной монеты. Можно было бы не согласиться с утверждением, что интенсивному дроблению восточные монеты подвергались только в Европе, а не там, где их выпускали, т.е. в странах ислама⁹. Думается, что для решения общих вопросов обращения куфических монет необходимо отыскать методики исследования, построенные на широком охвате источников с помощью ясных, простых в применении и наглядных приемов, направленных не на то, чтобы сужать поле деятельности, углубляясь в детали, а, наоборот, увеличивать его. В этой связи хотелось бы остановить внимание именно на составе кладов.

Благодаря тому, что на куфических дирхемах всегда обозначались точные даты и названия мест чеканки, особую важность приобретает исследование хронологического состава кладов и динамики их выпадения. На основе этих данных можно реконструировать живую картину международной торговли серебром, историю чеканки монет в Халифате, а также особенности и характер их обращения за его пределами.

В условиях регулярной стабильной чеканки и постоянного вывоза монеты хронологический состав массы импортируемых дирхемов чутко реагировал на все изменения, которые происходили в динамике выпуска и распространения чеканного серебра с момента его выхода с монетного двора и до отложения в кладах. Перебои в эмиссии или в торговле, равно как и ускорение движения монеты, незамедлительно отражались на составе монетной массы на всем огромном пространстве ее обращения.

Хронологический состав монет, ввозившихся в Европу, был не одинаковым. В зависимости от условий и характера их хождения он имел свои особенности. Например, в районах, близко расположенных к источникам ввоза дирхемов, местный монетный рынок обновлялся быстро и регулярно в отличие от районов, удаленных от торговых путей и просто периферийных, куда монеты проникали с запозданием или от случая к случаю, где их дольше берегли и сохраняли от переплавки. Монеты могли подолгу сохранять свою обычную внешность, не превращаясь в слитки или украшения по причине своего высокого качества, или ввиду использования их в местном обращении. В таких районах состав кладов мог выглядеть более консервативным.

Общеизвестно, что клады являются как бы слепком с денежного обращения, его мгновенной фотографией, запечатлевшей процесс движения денег в момент их выпадения. Поэтому, если сравнить состав одновременных находок, то можно реконструировать модель кругообращения серебра в целом и установить особенности каждого монетного комплекса в отдельности. Для чего хронологический состав кладов удобнее и нагляднее выразить в виде графиков распределений, которые в дальнейшем нетрудно сопоставить между собой и систематизировать. Критериями сходства состава кладов могут служить совпадение экстремумов (пиков) графиков, а также общий характер сравниваемых кривых распределений. Эти параметры безошибочно указывают, какие хронологические группы монет численно преобладали в обращении и каким способом, транзитом или регулярным завозом, они попадали на местные рынки¹⁰.

Сравнительное исследование большого числа кладов X в. позволило представить процесс перемещения и распространения куфических монет

на территории Восточной Европы. Удалось выделить две большие группы кладов, состав которых сформировался на основе разных потоков монетного серебра, которые пересекали Древнюю Русь с юга на север по двум главным направлениям. Первый из них был связан своим происхождением с волго-балтийским транзитным путем (можно условно называть "волжским" или "восточным"). Второй, обозначенный мной как "западный" монетный поток, следовал из южных районов в Поднепровье по пути "из варяг в греки" на Двину через Полоцк или вверх на север к Новгороду.

В разное время и на различных участках пути монетные потоки меняли характер своего движения. В зависимости от условий дирхемы могли поступать на местные рынки или миновали их транзитом. Топография находок в целом соответствует главным направлениям поступления куфических монет в Европу по "волжскому" и "западному" путям. Правда, иногда наблюдаются исключения, например, когда клады восточного происхождения, сформировавшиеся из монетного потока, характерного для центральных районов Поволжья (Булгария), выпадали в западных областях или, наоборот, на севере Руси встречались клады западного происхождения¹¹ (см. карту).

В связи с вышеизложенным попытаемся систематизировать клады с куфическими монетами 70–80-х годов X в. по типам хронологического состава. Первая группа кладов включает комплексы с компактным, узким в хронологическом отношении составом, где не менее 70–75% монет датируются тремя последними десятилетиями (см. рис., 1–5). Экстремальное количество монет в кладах (на графике им соответствуют пики кривых) приходится на предпоследнее десятилетие состава. Например, в кладах с младшей монетой чеканки 970-х годов преобладают монеты выпуска 960-х годов (см. рис., 1), а в кладах, сокрытых в 980-е годы, экстремум распределения перемещается на одно десятилетие вперед – на 970-е годы, свидетельствуя, таким образом, о быстром обновлении состава монетного потока (см. рис., 2–5). За исключением Белоомутского клада 977 г., найденного в Рязанской земле, остальные находки происходят непосредственно из центра Волжской Булгарии, что весьма удачно согласуется с особенностями их состава (карта).

Весьма близким по характеру и хронологии монетного состава к булгарским кладам является 1-й Неревский клад 972 г., найденный при раскопках Новгорода (см. рис., 6). От волжских кладов он отличается повышенным содержанием более старых монет первой половины X в., которые образуют на графике своеобразный шлейф, свидетельствующий о сохранении монеты на денежном рынке.

Три других новгородских клада 970-х годов: 2-й Неревский, Хутынский и из Новой Мельницы, принадлежат к следующему этапу оседания дирхемов на местном рынке (см. рис., 7–9). Их хронологический состав как бы распадается на две неравные половины: в младшей преобладают уже знакомые нам монеты чеканки 960-х годов, а в старшей выделяются дирхемы, выпущенные в 940-е годы. Деление хронологического состава монет таким образом, объясняется, на мой взгляд, тем, что в 970-е годы на новгородском рынке скопились две большие партии монетного серебра,

поступившие сюда с перерывом в 950-е и 970-е годы, в результате чего в хронологии дирхемов обозначилась соответствующая по времени лакуна.

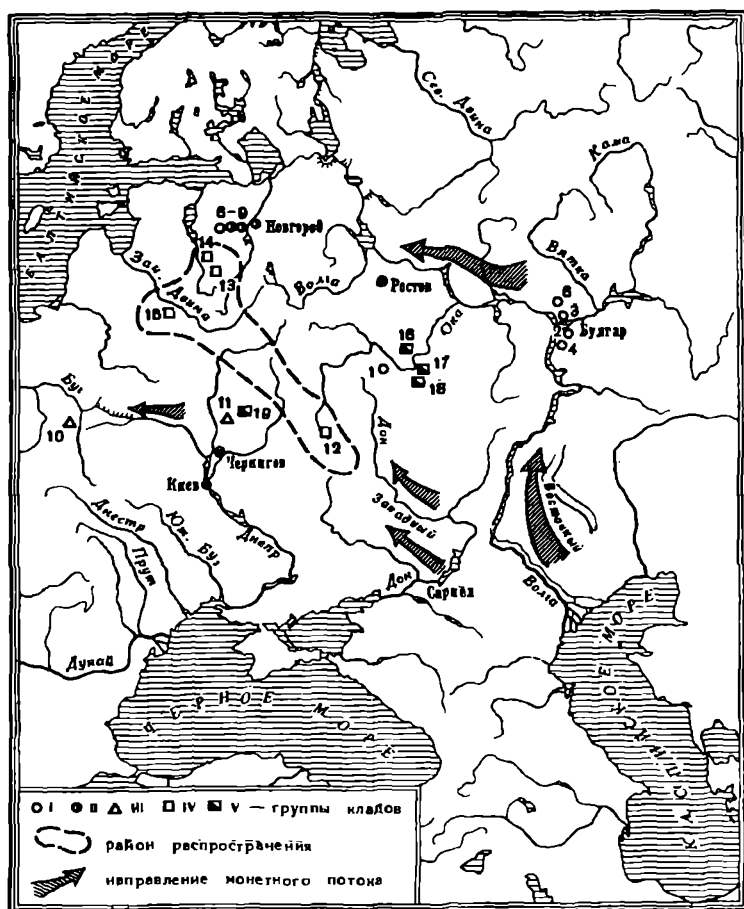
В подтверждение этой мысли можно привести данные о динамике выпадения кладов в Восточной Европе, согласно которой периоды особенно интенсивного их отложения приходится как раз на 50-е и 70-е годы X в., тогда как в промежутке численность кладов уменьшается в 12 раз¹².

Похожим хронологическим распределением монет обладают еще дваклада 970-х годов: Костомлотский и Стародединский (см. рис., 10–11). В их составе количественно выделяются дирхемы чеканки 960-х и 930-х годов, хронологическая лакуна переместилась на 940–950-е годы. Напомним, что в новгородских кладах второй пик приходился на монеты 940-х годов. Надо думать, что условия формирования состава кладов третьей группы напоминали новгородские с тем отличием, что данный монетный рынок, который находился, судя по топографии находок, в Поднепровье, испытал на себе временное сокращение поступления восточного серебра раньше северных областей, по крайней мере, на одно десятилетие (см. карту).

Особый вариант формирования хронологического состава куфических монет представляет состав трех кладов Рязанской земли и, по-видимому, еще один клад (Медведовский), найденный на Черниговщине (см. рис., 16–19). Хорошо знакомая структура хронологического состава, распадаящаяся на две части, имеет здесь свои особенности. В младшей части состава трех из четырех упомянутых кладов монеты чеканки 950-х и 960-х годов практически сравнялись количественно и образуют собой пик, чего не наблюдалось в кладах других групп. Среди ранних монет численно выделяются дирхемы, чеканенные в основном до 930 г., причем старшие пики приходятся на монеты выпусков 910–920-х годов. Таким образом, в составе обращения оказались законсервированы дирхемы конца IX–первых двух десятилетий X в. По аналогии с другими кладами следует признать, что данный тип состава зафиксировал значительное сокращение ввоза монетного серебра начиная с 30-х годов X в. Местный рынок долго ощущал недостаток монетного металла, до тех пор пока где-то в 60-е годы X в. дирхемы снова стали регулярно ввозиться.

Если попытаться систематизировать Поокские клады по степени консервативности их состава, то они явно выиграют в сравнении с Медведовским комплексом, хронологическое распределение которого имеет тенденцию к количественному уравниванию всех частей (см. рис., 19). Несомненно особняком выглядит состав 2-го Борковского клада, где дирхемы 950-х годов чеканки не представлены в столь заметном количестве и принадлежат скорее к периоду хронологической лакуны. Однако, как нам представляется, названная особенность состава клада не является существенным препятствием для включения его именно в эту группу находок, а не в какую-нибудь другую (см. рис., 18).

Остановившись на проблеме появления лакуны в хронологическом составе большинства древнерусских кладов 70–80-х годов X в., хочется обратить внимание на следующие закономерности. На новгородском денежном рынке ее появление датируется 950-ми годами (см. рис., 7–9). В

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ 70–80-х ГОДОВ X в. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

I группа кладов

1. Белый Омут – 977 г. (40 экз.); 2. Татарский Толкиш – 985 г. (867 экз.); 3. Старое Альметьево – 985 г. (134 экз.); 4. Лобовка – 983 г. (11 экз.); 5. Казань – 979 г. (15 экз.)

II группа кладов

6*. 1-й Неревский – 972 г. (114 экз.); 7. 2-й Неревский – 975 г. (222 экз.); 8. Хутынский – 974 г. (110 экз.); 9. Новая Мельница – 974 г. (37 экз.)

III группа кладов

10. Костомлоты – 970 г. (14 экз.); 11. Старый Дедин – 979 г. (162 экз.)

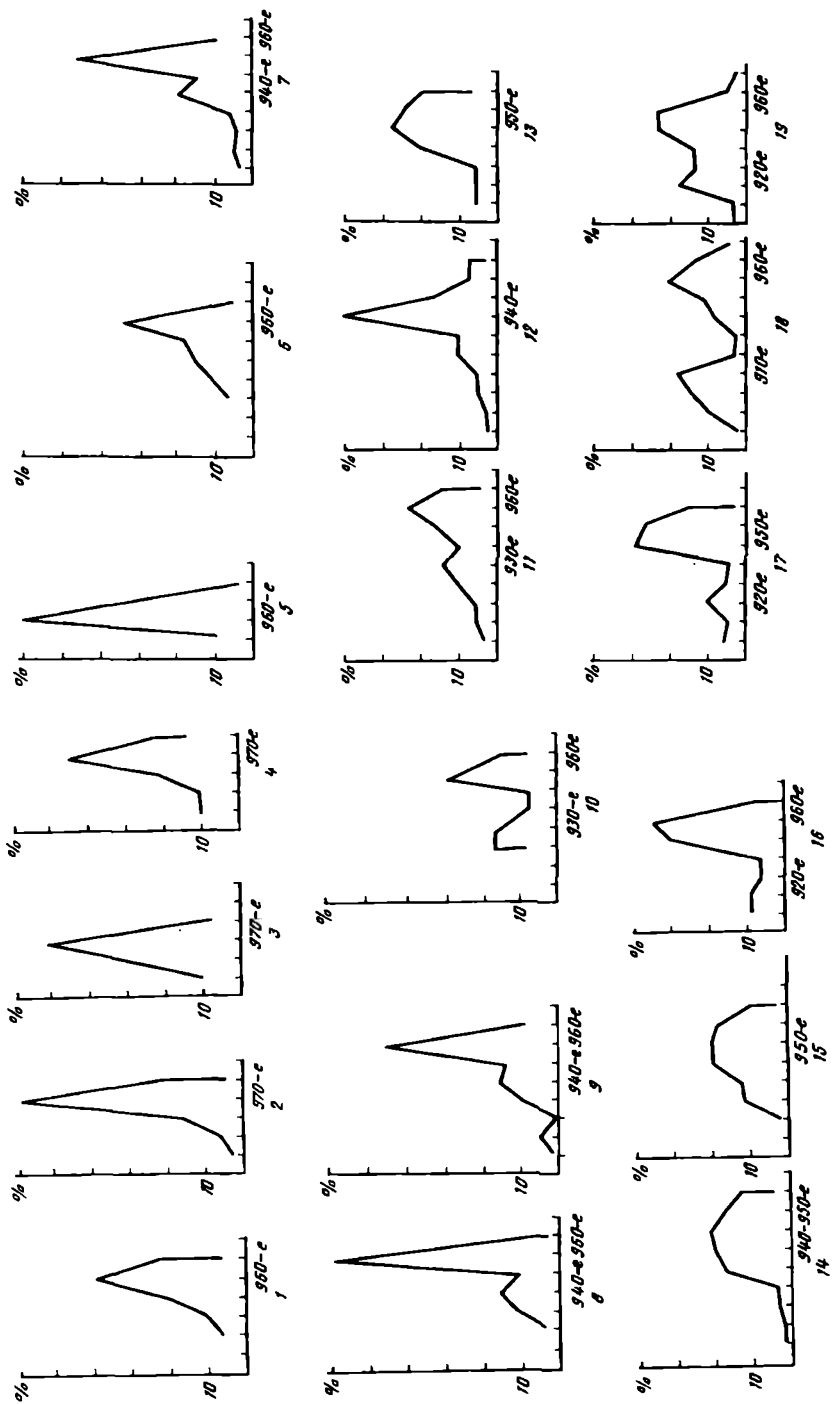
IV группа кладов

12. Вторая Воробьевка – 977 г. (111 экз.); 13. Великие Луки – 977 г. (50 экз.); 14. Ерилово – 977 г. (350 экз.); 15. Красная – 987 г. (70 экз.)

V группа кладов

16. Бурки – 977 г. (16 экз.); 17. Борки I – 977 г. (44 экз.); 18. – Борки II – 983 г. (123 экз.); 19. Медведово – 983 г. (116 экз.)

*Примечание: клад занимает промежуточное положение в группе.

ГРАФИКИ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА КЛАДОВ 70-80-х ГОДОВ X в. (19 кладов)

Поднепровье ввоз монетного серебра снизился начиная с 940-х годов (см. рис., 10–11). Поступление куфических монет по донскому пути в Поочье сократилось еще раньше, вскоре после 930 г. (см. рис., 16–19). Отсюда можно было сделать вывод о преимущественном снабжении монетным серебром экономически важных районов. Новгородская земля, находившаяся в самом центре трансевропейских торговых путей, менее других испытывала затруднения в этом отношении. На западном направлении распространения восточного серебра предпочтение также отдавалось транзиту перед местными рынками. Не случайно, что поэтому Поднепровье находилось в более выгодном положении, чем, скажем, Рязанская земля, хотя последняя могла периодически получать монеты непосредственно из Волжской Булгарии (см. рис., 1).

Если принять наши предположения, то можно будет объяснить появление одной весьма любопытной группы кладов, сильно отличающейся по характеру своего состава. К ней относятся четыре клада: Вторая Воробьевка 977 г., Великие Луки 977 г., Ерилово 977 г. и Красная 987 г. (см. рис., 12–15). Следует остановиться немного подробнее на Великолуцком кладе. Его состав был восстановлен мною предположительно на основании 50 редких монет, описанных Х.М. Френем в 1819 г.¹³ Знаменитый ученый просмотрел гораздо больше монет, чем нашел нужным опубликовать. При этом, смеем надеяться, произвольно сыграли роль статистические закономерности. Как правило, среди большего количества одновременных монет находится большее число нумизматических редкостей. Ранние дирхемы династии Саманидов, отчеканенные во время правления Исмaила б. Ахмада, Ахмада б. Исмaила и первое десятилетие правления Насра б. Ахмада, т.е. в период приблизительно между 890 и 920 гг., почему-то не обратили на себя внимание Френа, хотя именно дирхемы этого периода всегда отличались высоким внешним качеством и огромным разнообразием типов и вариантов¹⁴. Несомненно, что среди них можно было отыскать много раритетов на любой, даже самый изысканный, вкус, но знаменитый ученый предпочел остановить свое внимание на дирхемах чеканки 940–960-х годов. Учитывая большие размеры клада, в его составе, несомненно, могло содержаться много разновидностей монет, отчеканенных при Мансуре б. Нухе (961–976 гг.), однако и они не выделяются количественно, хотя по аналогии с составом других кладов болгарских или новгородских следовало бы ожидать наличие в Великолуцкой находке большого числа поздних дирхемов (см. рис., 1–11). По-видимому, хронология монет, опубликованных Френом, могла отражать реальное распределение хронологического состава клада.

Серия находок, к которым, вероятно, относится и клад из Великих Лук, характеризуется тем, что в их составе преобладают монеты чеканки 930–950-х годов, которые, как мы помним, были незначительно представлены в других группах кладов (см. рис., 12–15). Возникает вполне оправданный вопрос, по каким причинам ранее недостающие монеты оказались собранными вместе? Однако ничего удивительного в этом не окажется, если признать, что все четыре упомянутых клада принадлежат к одному и тому же денежному рынку, где начиная с 930-х годов регулярно задер-

живались и оседали монеты, которые почти не поступали в другие области Древней Руси.

Три из четырех кладов последней группы были найдены в довольно ограниченном районе междуречья Двины, Ловати и Великой, там, где происходило перераспределение монетного потока из Поднепровья на ряд направлений. Часть монетного серебра уходила по двинскому пути в Прибалтику, другие монеты поступали в Новгородские или Псковские земли, где могли осесть или продолжить свое путешествие дальше на север (см. карту). Четвертый клад был найден далеко на юге, на территории расселения славянского племени северян. Таким образом, располагая двумя точками на карте, можно соединить их, проложив тем самым торговый маршрут. Подвинские клады придется признать памятниками внутрирусского транзита, а не местного обращения северо-западных областей. Думается, что первоначальное образование хронологического состава данного типа произошло на южных окраинах Древнерусского государства или за его пределами, там, где начиналось формирование монетного потока. В противном случае невозможно будет объяснить, каким образом Полоцк и Смоленск могли повлиять на сокращение поступления монетного серебра в другие районы Руси, имевшие более выгодное географическое положение на пути движения монетного потока.

Обращает на себя внимание тот факт, что рязанские клады первыми зафиксировали поступление монет чеканки 950-х годов на местный рынок в отличие от новгородских или поднепровских (см. рис., 16–18). Районы Поочья прекрасно связаны торговыми магистралями с волжским и донским водными путями, по которым начиналось проникновение восточного серебра в Европу. По своему составу поокский монетный рынок был близок к тому району, где плотной массой скопились в обращении дирхемы, отчеканенные в 930–950-е годы. Все сказанное наводит нас на мысль о том, что клады четвертой группы можно локализовать точнее. Районом первоначального формирования их состава, видимо, являлась территория Хазарского каганата. Именно там концентрировалась торговля монетным серебром с внутренними районами Древней Руси. Хазарские крепости, построенные на Дону и Северском Донце в целях защиты от русов, контролировали также транзитную торговлю. То обстоятельство, что на территории самой Хазарии был найден только один клад куфических монет X в., при раскопках Саркела, не должно нас смущать.

Закономерности выпадения кладов с дирхемами однозначно говорят в пользу того, что в условиях налаженной транзитной торговли иностранной монетой часто происходило так, что клады концентрировались не вдоль дорог, а на периферии распространения монетных потоков, в пограничных районах или на переходах из одной системы торговых коммуникаций в другую. Полагаю, что большинство кладов с куфическими монетами косвенным образом характеризуют местные монетно-денежные рынки¹⁵. В этой связи хочется привести пример складами Волжской Булгарии, которые появляются на ее территории только в последнем периоде поступления куфических монет в Восточную Европу. Те же самые соображения вполне применимы к Хазарии.

Итак, изучение хронологического состава восточноевропейских кладов

70–80-х годов X в. дает все основания для вывода о том, что в указанное время куфические монеты – дирхемы не только использовались в международной транзитной торговле, но и преднамеренно задерживались и оседали на местных рынках отдельных областей. На основе волжского монетного потока складывались денежные фонды Волжской Булгарии и Новгорода, хотя последний получал монетные вливания из Поднепровья, о чем свидетельствуют византийские монеты в составе некоторых северных кладов. Монетные фонды, расположенные вдоль великого волжского пути, быстро обновляли свой состав за счет непрерывающейся транзитной торговли.

В западном направлении экспорта монетного серебра также господствовал транзит. Тем не менее и здесь появились стабильные рынки куфических монет. Один из них локализовался в Поднепровье, предположительно на территории Южной Руси, другой формировался в бассейне Оки и верхнего Дона. Важным монетным рынком являлись городские центры Хазарского каганата, через которые сплошным потоком разнообразные товары устремлялись на север или на запад¹⁶.

Появление кладов 70–80-х годов X в. на территории Волжской Булгарии и открытие ряда комплексов, которые можно связать с денежным хозяйством Хазарского каганата, ставят перед нами вопрос, от ответа на который может многое проясниться. Это вопрос о влиянии на международную торговлю походов князя Святослава против Волжской Булгарии и Хазарии в 960-е годы. Согласно разным письменным источникам русский князь подверг настоящему разгрому крупнейшие центры обоих государств, как бы протаранив со своей дружиной главные торговые магистрали Восточной Европы¹⁷. Спрашивается, какие задачи ставил перед собой Святослав, стремился ли он к исключительно политическому подчинению хазар и болгар, не затрагивая экономическую сферу их деятельности? Если дело обстояло в действительности так, тогда становится понятным появление кладов на территории Волжской Булгарии и отток монетного серебра из Хазарского каганата после того, как им был нанесен сокрушительный урон. Не исключено, что молниеносный круиз русов заставил их восточных соседей прекратить "серебряную" блокаду Руси, о существовании которой можно было бы догадаться, имея в виду хронологическую лакуну 930–950-х годов в составе большинства кладов, после чего монетный поток был направлен в сторону Киева и Чернигова, откуда устремился на север по пути "из варяг в греки"

¹ Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 61–65, 165; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 100–119; Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 78–89.

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы Древней Руси (Домонгольский период). М., 1956. С. 71–78.

³ Фомин А.В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. (по материалам Восточной Европы). Рукопись канд. дис. С. 140–142.

⁴ Фомин А.В. Источниковедение кладов...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 10.

- ⁵ Фасмер Р.Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1933. № 6–7. С. 473–484.
- ⁶ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // Zu Bedeutung und Rolle des Islam. Dormstadt, 1968. S. 261–262.
- ⁷ Metcalf D.M. To what extent did Anglo-Saxon coins circulate within the Northern Lands? // Hiquin. 1985. 11. S. 91–99; Svensson E. Secondary elements in three finds from Gotland – a study of the circulation of coins c. 1000–1050 // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. Nationalmuseet. Kobenhavn, 1986. N 9. S. 196–207.
- ⁸ Hårdh B. Trade and money in Scandinavia in the Viking Age // Meddelanden från Lunds universitets museum, 1977/78. 1978. Vol. 2. S. 165.
- ⁹ Например, автору известен небольшой кладик куфических монет из Средней Азии, датирующийся также 970-ми годами, в котором содержалось 11 целых и крупных обломков монет и около 12 г мелких обломков. Совместно с А.Б. Никитиным (Гос. Эрмитаж) нами подготовлена публикация.
- ¹⁰ Фомин А.В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–XV вв. // ВИД. Л., 1983. XIV. С. 74–81; Мельникова А.С. Средневековая русская нумизматика в советских исследованиях 1950–1980-х годов // Там же. Л., 1991. XXII. С. 9–10.
- ¹¹ Фомин А.В. Источниковедение кладов...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 14–15.
- ¹² Фомин А.В. Источниковедение кладов... Рукопись канд. дис. С. 139–142.
- ¹³ Fraehn Ch.M. Novae Symbolae ad rem numariam Muhammedanorum ex museis Pflugiano atque Mannneufeliano Petropoli, nec non Nejelowiano Kasani. Petropoli ex Hales Saxonium, 1819. S. 1–27.
- ¹⁴ Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // Тр. Восточн. отд-ния Русск. археолог. о-ва. СПб., 1855. Ч. 1. С. 86–186.
- ¹⁵ Фомин А.В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в. // Внешняя политика Древней Руси (Тезисы конференции). М.: Ин-т истории АН СССР, 1988. С. 111–112; Он же. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Двины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80.
- ¹⁶ В настоящей статье использованы материалы состава следующих кладов: 1-й Неревский – Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 55. С. 180–207; 2-й Неревский – МИА. № 117. С. 287–331; Новая Мельница – Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. Табл. I–II (клад был заново переопределен А.В. Фоминым); Вторая Воробьевка – Курский областной музей. № 4839, часть клада была передана С.С. Шириным в отдел нумизматики Государственного Исторического музея (ГИМ); Белый Омут – Марков А.К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. № 220. С. 39–40; Бурки – Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. IX. № 77. С. 84, хранится в Рязанском областном музее. № 4103; 1-й Борковский – Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, 1959. Вып. VII. № 1877; 2-й Борковский – Кропоткин В.В. Новые находки... № 39. С. 85, хранится в Рязанском областном музее, № 6185; Ерилово – опись в книге восточных кладов отдела нумизматики Государственного Эрмитажа; Великие Луки – Fraehn Ch.M. Novae symbolae ad rem numariam Muhammedanorum... Petropoli, 1819. S. 1–27; Старый Дедин – Янин В.Л. Денежно-весовые системы... Табл. I–II; "Казань" – описание состава клада хранится в отделе нумизматики ГИМ; Медведово – Марков А.К. Топография... № 34. С. 141–142; Лобовка – Дела Археологической комиссии (ДАК). № 167 за 1902 г.; Старое Альметьево – ДАК. № 102 за 1906 г.; Татарский Толкиш – ДАК. № 141 за 1907 г.; Красное – ДАК. № 119 за 1898 г.; Костомлоты – Марков А.К. Топография... № 256. С. 45; Хутынский – хранится в Новгородском областном музее, монеты определены А.В. Фоминым в статье "Новгородские клады куфических монет X в." [Нумизматический сборник. Ч. XI (Тр. ГИМ. М., 1992. Вып. 80). С. 32–44].
- ¹⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 220–227.

"РУССКАЯ ЗЕМЛЯ"
ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ
XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Вопрос "откуда есть пошла Русская земля", поставленный древнерусским летописцем начала XII в., оказался вечным. На него пытались найти ответ монахи Киево-Печерского монастыря в XII столетии, редакторы локальных летописных сводов XIII–XV вв., составители крупных исторических компиляций и кратких учебных пособий XVI–XVII вв., основоположники русской исторической науки XVIII в., историки, текстологи и археологи XIX в. и нашего времени. За почти 900 лет приближения к истине получены определенные результаты, но предстоит еще немалая работа, чтобы многие характеристики возникновения и развития Русской земли стали стабильными и общепринятыми.

Главным источником суждений по этим проблемам остаются летописи. Их тексты, естественно, наиболее ранние как по хронологическому охвату событий (освещение древнерусской истории до 30-х годов XIII в., т.е. до монголо-татарского завоевания), так и по времени создания (летописи Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I старшего и младшего изводов), содержат достаточно обильный материал, на основе которого можно составить представление о первоначальной Русской земле и ее последующей эволюции. При этом следует иметь в виду, что летописцы разных городов и разного времени неодинаково характеризовали Русь, Русскую землю, иногда дополняя друг друга, а иногда и противореча один другому до полного взаимного отрицания. Так, составитель Киевского свода 1198 г., использованного в Ипатьевской летописи, при описании похода Всеволода Большое Гнездо на волжских булгар в 1183 г. постоянно пользовался термином "Русь" и определением "русские". В его изложении булгары, "видѣвше множество Роускихъ полъковъ", затворились в своем Великом городе¹. Их соплеменники из других городов напали на русский речной флот, стоявший у острова Исады: "приѣхавшимъ на лодѣ Роускоѣ и вышедъше на островъ тотъ и поидоша на Русь". "Роусь же dospѣвше полкъ", выступила против и обратила нападавших в бегство².

Есть и другое описание похода 1183 г. Оно принадлежит летописцу, трудившемуся во Владимире-на-Клязьме. Но этот летописец нигде не пишет о Руси и русских. Вместо таких слов он употребляет слово "наши"³. В его рассказе говорится о том, что в походе на Волжскую Булгарию помимо владимирского князя Всеволода Юрьевича приняли участие рязанские князья, муромский князь, сыновья князей киевского, Переяславля Южного и Смоленска⁴. Следовательно, "множество Роускихъ полъковъ", о которых писал киевский сводчик 1198 г., состояло из полков владимирских, рязанских, муромских, киевских, переяславских и смолен-

ских. И все они, по представлению киевлянина конца XII в., относились к Руси. Однако такое понятие не было общепринятым. Летописец Всеволода Большое Гнездо под 1194 г. отметил, что его князь "посла... тивуна своего Гюрю с людьми в Русь и созда град на Городци на Вьстри, obnovи свою отчину"⁵. Эта запись показывает, что владимирский летописец отнюдь не отождествлял Владимир-на-Клязьме с Русью, наоборот, противопоставлял их, в частности, Владимир Городцу Остерскому. Таким образом, современники, жившие в конце XII в. в разных княжествах средневековой Руси, по-разному определяли Русь.

Приведем еще один пример неодинакового представления о Русской земле. Под 1201 г., рассказывая о борьбе Романа Мстиславича Галицкого с Рюриком Ростиславичем Киевским, Лаврентьевская летопись сообщает, что "оупреди Романъ, скопя полкы Галичскыѣ и Володимерскыѣ, и въѣха в Русскую землю"⁶. Из этих слов северо-восточного летописца делается очевидным, что ни Галич, ни Владимир Волынский к Русской земле он не относил. Но под 1229 г. галицкий летописец привел обращение к венгерскому королю Беле IV видного галицкого боярина Судислава: "Изѣидете на Галич и примете землю Роускоую"⁷. В данном случае поход на Галич означал подчинение Русской земли, следовательно, Галич входил в ее состав, хотя нельзя не учитывать, что вся летописная фраза носит публицистически гиперболизированный характер, а потому может искажать реальную ситуацию. Противоречивость летописных данных о Русской земле, то относивших к ней различные центры и территории, то исключавших их из нее, породила разнообразные ученые теории, степень убедительности которых зависела от уровня разработки конкретного материала.

У В.Н. Татищева, например, дополнительно использовавшего свидетельства XIV–XVI вв., такая работа вылилась в довольно фантастическую картину изначального существования пяти "Русей": Великой (Новгород), Малой (Киев), Белой (Ростов), Червонной (Червень) и Черной (Туров), которые, занимая каждая определенную территорию, вместе составляли Русь⁸.

Авторы последующих общих трудов по российской истории гораздо точнее Татищева определяли местоположение древней Руси, но, не приводя точных фактов, обосновывавших собственные мнения, впадали в противоречия и не были последовательны. Так, Н.М. Карамзин отмечал, что "Киевская область в XII и XIII веке преимущественно называлась у нас Русью"⁹, "Русью называлась тогда собственно Киевская область"¹⁰, "мы уже заметили, что Русью называлась тогда преимущественно южная Россия"¹¹. Карамзин совершенно правильно отметил, что к Киеву и административно подчинявшейся ему территории в XII–XIII вв. прилагалось название "Русь", но прилагалось ли это название к граничившим с Киевской областью землям и каким именно, а также к землям, далеким от Киева, Карамзин не определил.

Эти вопросы попытался выяснить С.М. Соловьев. "Юго-западная, древняя собственная Русь, – писал он, – (княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область

Днепра..."¹² Тут же, однако, следовало уточнение: "отсюда Киевская область (Русь в самом тесном смысле) вначале и после носит характер пограничного военного поселения..."¹³. Далее, уже в ином томе, когда историк внимательнее ознакомился с более поздним летописным материалом, последовал и другой вывод: "Русская земля в самом обширном смысле слова, т.е. все русские владения, разделялась на несколько отдельных земель или волостей: Русская земля (в тесном смысле, т.е. Киевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т.д."¹⁴. В этом определении по крайней мере Волынь и Смоленск уже не входили в понятие "собственной Руси".

Согласно В.О. Ключевскому, Русской землей первоначально "называлась преимущественно Киевская область, где гуще осаживались пришлые варяги", а в XI–XII вв. "так стала называться вся территория, подвластная русским князьям..."¹⁵ Утверждение Ключевского, привлекательное тем, что учитывало историческую эволюцию понятия "Русская земля", тем не менее не обосновывалось фактами, а они, как показывает приведенный выше пример из статьи 1194 г. Лаврентьевской летописи, свидетельствуют, что и в конце XII в. Русью, Русской землей продолжали называть не все, а только южнорусские земли. Для обоснованных суждений необходим был систематический и кропотливый анализ всех летописных свидетельств о Руси, Русской земле, русском языке, русских князьях и других аналогичных определениях.

К подобному анализу историки приступили в 30-е годы XIX в. Первые шаги в этом направлении сделал А.Ф. Федотов. Он проанализировал некоторые летописные свидетельства о Руси и Русской земле и нашел, что такие города и относившиеся к ним территории, как Новгород, Владимир-на-Клязьме и Галич в состав Русской земли не входили¹⁶. Противопоставленная этим центрам Русская земля "с XI в. и еще более со второй половины XII столетия относится единственно к южным областям нашего государства, именно к Киевскому княжеству и другим сопредельным"¹⁷. Какие именно сопредельные Киевскому княжества входили в состав Русской земли, Федотов не пояснил. Судя по приведенным им примерам, к их числу он правильно относил княжество Переяславля Южного. Не объяснил Федотов и того, почему с середины XII в. указания на южную Русскую землю становятся более частыми. Дело в том, что примерно к половине XII в. или несколько позже увеличилось число городов, где стали вестись летописные записи. Города эти не входили в состав древней Русской земли (в частности, Галич, Перемышль или Владимир Волынский, Владимир-на-Клязьме), и естественно, что в их местном летописании "Русская земля" в узком смысле слова предстает как территория, лежавшая за их пределами. Дело, следовательно, не в упрочении к концу XII в. названия "Русская земля" за Киевской областью, как получается у Федотова, а в расширении круга источников, отразивших представление о древней Русской земле в городах, ранее таких источников не имевших. Тем не менее, истолковывая увеличение в летописании второй половины XII в. упоминаний Русской земли в значении территории южнорусской как показатель закрепления такого названия за областью Киева и некоторых сопредельных городов, Федотов попытался

нарисовать общую картину возникновения и развития Руси. По его мнению, определения Русь и Русская земля "первоначально и исключительно" относились к Новгороду¹⁸. С приходом Рюрика название "Русь" распространилось на большую территорию, а в начале X в. (договор 907 г. с Византией) перешло на Юг, где и закреплялось в продолжение XI–XII вв.¹⁹ Построениям Федотова нельзя отказать в известной логике, но факты не укладываются в его объяснения. Новгород и относившаяся к нему территория в ранних летописных известиях не называются Русью или Русской землей. А о неверно понятых Федотовым причинах увеличения в летописании второй половины XII в. упоминаний Русской земли как южнорусской говорилось выше.

Примерно через 40 лет после выхода в свет работы Федотова к анализу летописных свидетельств о Руси обратился С.А. Гедеонов. Он утверждал, что до середины XI в. Русью назывались все восточнославянские племена, весь восточнославянский народ. Особенно это проявлялось "в сношениях с иноземцами". То было народное название "Русь"²⁰. Одновременно существовало и племенное название "Русь", распространенное первоначально на полян, древлян, северян, южных дреговичей, а впоследствии и на слившиеся с ними "югославянские народности"²¹. С течением времени "название Руси все более и более сосредоточивается на одном Киеве, в конце XII столетия является для Киева особое имя русской области..."²² Теорию о народном (точнее было бы сказать, общеплеменном) значении термина "Русь" Гедеонов подкреплял ссылками на статьи 977 и 1206 гг. Лаврентьевской летописи, а далее свидетельствами иностранных источников XI–XIII вв.²³; распространение племенного названия Русь на полян, древлян и иных осталось вообще без каких-либо ссылок; мысль о позднейшем переносе названия "Русь" только на полян и Киев подкреплялась указаниями на вводные статьи Повести временных лет, статьи 1149 г. Новгородской I летописи, 1152 и 1174 гг. Лаврентьевской летописи, 1152 и 1195 гг. Ипатьевской летописи, статью 1223 г. Троицкой летописи²⁴.

В целом, Гедеонов использовал для анализа меньше летописных свидетельств о Руси и Русской земле, чем Федотов, хотя эти свидетельства в некоторых случаях не совпадали с теми, какие рассматривал его предшественник. Что касается общих выводов Гедеонова, то нельзя не отметить их искусственности. Если Русью, Русской землей называлось некое объединение славянских племен среднего Поднепровья, которое затем передало это свое название всем восточнославянским племенам (такое явление представляется вполне логичным), то почему же потом название "Русь" начинает прилагаться только к Киеву? Тем не менее именно последнее свое заключение Гедеонов смог подкрепить ссылками на летописи, правда, без подробного анализа приводимых им летописных свидетельств и без рассмотрения других, более многочисленных летописных указаний. Но если верно, пусть отчасти, последнее наблюдение Гедеонова, то приходится иначе интерпретировать летописные данные, приводимые продолжателями Нестора, и менять общую концепцию происхождения Русской земли. Иными словами, выборочное привлечение Гедеоновым летописных свидетельств о Руси и Русской земле не

позволило ему ни создать непротиворечивой концепции, ни уточнить понятия "Русская земля" хотя бы в качестве определенной территории.

В 40-х годах XX в. летописные свидетельства о Руси и Русской земле привлек М.Н. Тихомиров для выяснения вопроса о происхождении этого названия. «В исторической науке давно уже отмечено, – писал Тихомиров, – что в XII–XIII вв. название "Русь" обозначало вполне определенную страну – собственно Киевскую землю»²⁵. Это заключение разделил и он сам, проиллюстрировав справедливость давней точки зрения рядом примеров из летописей. Первый пример был взят из статьи 1180 г. Лаврентьевской летописи, где говорилось, что киевский князь Святослав "пожга городъ Дмитровъ, възвратися опять в Русь", второй – из статьи 1174 г. той же летописи: "князь нашъ оубьенъ (речь идет об Андрее Боголюбском. – В.К.), а дѣтеи оу него нѣту, сынокъ его в Новѣгородѣ, а братья его в Руси"²⁶. "Итак, – подводил первый итог Тихомиров, – Владимиро-Суздальская земля – не Русь, а Русь – это южные княжества, где живут братья Андрея"²⁷.

Вывод Тихомирова в данном случае был совершенно точным, оба примера содержат прямые указания на то, что Владимир-на-Клязьме не входил в состав Руси, но слова Тихомирова о Руси как южных княжествах расходились со сказанным им ранее, будто Русь – это только одно Киевское княжество. Продолжение статьи 1174 г., не приведенное Тихомировым, указывало на пребывание братьев Андрея Боголюбского Михалки и Всеволода в Чернигове²⁸, а более полное изложение событий 1180 г., сохраненное Ипатьевской летописью, свидетельствовало, что после сожжения Дмитрова "в Русь" пошел не Святослав Всеволодович (он отправился в Новгород), а его сын Олег, двоюродный брат Всеволод Святославич и племянник Всеволода Большое Гнездо Ярополк Ростиславич, имевшие владения в том же Чернигове²⁹. Два примера, показывающие, что Новгород не принадлежал Руси, были почерпнуты Тихомировым из Новгородской I летописи. Один взят из статьи 1135 г. ("...иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи"), другой – из статьи 1142 г. ("Епископъ и купце и слы новгородскыя не пуцаху из Руси...")³⁰. Еще два свидетельства, дающие основание полагать, что в состав Руси не входили Смоленск и Галич, заимствованы Тихомировым из статей 1148 и 1152 гг. Ипатьевской летописи³¹. «Значит, – резюмировал Тихомиров, – можно с полным основанием считать, что в XII–XIII вв. название "Русь" обозначало определенную область: Киевскую землю в узком смысле этого слова»³². Строго говоря, писать о XIII в. не следовало, поскольку все приведенные ученым факты относились к XII в. Еще менее допустимо было говорить о Руси XII–XIII вв. как о Киевской земле. Прерванная Тихомировым цитата из статьи 1135 г. Новгородской I летописи имела продолжение: "и заста кыяны съ черниговьци стояце противу себе..."³³, т.е. к Руси были отнесены не только киевляне, но и черниговцы, что полностью согласуется с показаниями упомянутых выше статей 1174 г. Лаврентьевской летописи и 1180 г. Ипатьевской летописи.

Помимо существования терминов "Русь", "Русская земля" в узком смысле слова, Тихомиров указал на употребление тех же терминов для

обозначения всех восточнославянских земель в их совокупности. Одно свидетельство было взято исследователем из статьи 1150 г. Ипатьевской летописи, где приводились слова владими́ро-волы́нского князя Изясла́ва Мстисла́вича: "мнѣ отцины въ Оугрехъ нѣтъ, ни в Ляхохъ, токмо въ Руской земли"³⁴. Тихомиров расценил текст как содержащий противопоставление Венгрии и Польши всей Русской земле. Но приведенная им фраза имела продолжение: "а проси ми оу отца (Изяслав обращался к Андрею Боголюбскому. – В.К.) волости Погориноу"³⁵. Выясняется, что Изяслав Мстиславич, обладавший Владимиром Волинским, хотел получить земли не в Русской земле вообще (его стольный город там и находился), а именно в Русской земле в узком смысле этого определения.

Неудачен был и другой пример, использованный Тихомировым. Он привел фразу из летописного описания Липицкой битвы 1216 г.: "не было того ни при прадедѣхъ, ни при дѣдех, ни при отцѣхъ нашемъ, оже бы кто вшелъ ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣлѣ, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская...". По мнению Тихомирова, "здесь само Киевское княжество является лишь составной частью общей Русской земли"³⁶. Однако конструкция фразы такова (постоянное употребление перед определением страны соединительного союза "и"), что заставляет видеть в "Русской земле" не обобщающее название для перечисленных далее шести разных земель, а название, однородное с ними. Хотя Тихомиров позаимствовал эту фразу из издания Лаврентьевской летописи³⁷, но содержится она не в этом памятнике, а в Московско-Академической летописи, составленной в XV в.³⁸ Приведенная цитата о Русской земле и написана сводчиком XV в., имевшим собственные представления о древней Русской земле. Она не может быть использована для характеристики того, что понимали под Русской землей современники Липицкой битвы 1216 г. Кажется, только одно наблюдение Тихомирова следует признать его бесспорным вкладом в изучаемую проблему: установление того факта, что Смоленск не входил в состав южной Русской земли. Остальное или повторяло уже известное, или было недостаточно доказательным.

С некоторыми поправками к наблюдениям Тихомирова выступил в 1950 г. Д.С. Лихачев. Они относились главным образом к интерпретации терминов "Русь", "Русская земля" в вводных статьях Повести временных лет. Однако было различие и гораздо более существенное. Лихачев утверждал, что данные термины обозначали прежде всего все восточнославянские племена³⁹. В таком понимании они употреблялись и в XII–XIII вв.⁴⁰ Свое узкое значение термины приобрели позднее, но не позже XII в.⁴¹ Общие положения Лихачева не являлись оригинальными, они повторяли суждения Геденова, отсутствовал только тезис о племенном значении термина "Русь". К сожалению, свою концепцию исследователь не подкрепил разбором соответствующих летописных мест. Утверждение, что «более узкое значение слов "Русь" и "русский", относящееся только к Киевской земле (но не к киевлянам), является более поздним – оно распространяется в XII и XIII вв. с общей децентрализацией феодализи-

рующей Руси»⁴², было проиллюстрировано всего двумя примерами. Один был взят из статьи 1174 г. Лаврентьевской летописи, другой – из статьи 1135 г. Новгородской I летописи, причем обе цитаты были даны в том усеченном виде, в каком они приводились в статье Тихомирова, и с точно такой же интерпретацией, отождествляющей упомянутую в обоих летописных текстах Русь исключительно с Киевом и Киевской землей⁴³. Других конкретных свидетельств летописей в погодных статьях и их разбора приведено не было.

В 1951 г. вышла в свет работа А.Н. Насонова, где специально рассматривался вопрос о Русской земле как территориальном ядре позднейшего Древнерусского государства⁴⁴. По сравнению с предшественниками Насонов проделал гораздо более объемную и тщательную работу по выборке и интерпретации летописных известий о Русской земле. В отличие от Лихачева, утверждавшего, что «"Повесть временных лет" на все 270 случаев употребления слов "Русь" и "русьский" не может нам представить ни о д н о г о случая, который бы бесспорно свидетельствовал о том, что летописцам XI в. было знакомо именно это значение (речь идет об узком значении названных Лихачевым слов. – В.К.)»⁴⁵, Насонов указал на известие 1026 г., согласно которому братья Ярослав и Мстислав Владимировичи "раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сую сторону, а Мъстиславъ ону"⁴⁶. Здесь под "Русьской землей" следует понимать Русскую землю в узком смысле слова, поскольку Ярослав закрепил за собой Киев (на "сей", правой стороне Днепра), а Мстислав – Чернигов (на "оной", левой стороне Днепра)⁴⁷. При понимании "Русьской земли" статьи 1026 г. как всей восточнославянской территории к владениям Мстислава пришлось бы отнести громадные территории к востоку от Днепра, в частности Ростов. Но никакие источники не говорят о столь обширных владениях Мстислава, о Ростовской же земле известно, что по меньшей мере в 1024 г. ею обладал Ярослав⁴⁸. Насонов привел и более поздние свидетельства о принадлежности Чернигова Русской земле в узком смысле слова, а также Переяславля Южного.

Особенностью применявшейся Насоновым методики было то, что исследователь учитывал происхождение самого текста, где содержались интересующие его сведения, в результате чего свидетельства, например, о том же Чернигове в составе южной Русской земли в новгородском, владимиро-суздальском и южнорусском летописании получали всесторонность и убедительность. Более тщательно использовал Насонов и методику своих предшественников, определявших, какие города XII–XIII вв. не включались в понятие "Русская земля". К уже известным Новгороду, Владимиру-на-Клязьме, Галичу и Смоленску он отнес также Рязань, Владимир Волынский, Берлад, Полоцк, Овруч, Неринск и земли племени радимичей по р. Пищане⁴⁹. Обрисовав территорию Русской земли в общем виде (путем исключения перечисленных выше центров и областей и отнесения к ней Киева, Чернигова и Переяславля), Насонов сделал еще один шаг, позволявший максимально возможно уточнить расплывчатые границы этой Русской земли. Он исследовал летописные сведения о городах и локальных территориях, причислявшихся летописцами разных

центров XII в. к Русской земле. Оказалось, что в Русской земле "лежали Киев, Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Богуславль, Корсунь, Канев", а также Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойница и Бужск в верховьях Южного Буга, на западе – земли до р. Горыни⁵⁰. «Таким образом, – заключал Насонов, – пределы "Руси", "Русской земли" определяются территорией Переяславской "области", Черниговской, за исключением северных и северо-восточных ее частей, и Киевской "области", за исключением Деревской и Дреговичской земель. Нет данных о верхнем Посемье с Курском. Судя по тому, что Глухов лежал на пути "в Русь" или на рубеже, нельзя быть вполне уверенным, что северянская территория по верхнему Посемью не входила в состав "Русской земли", во всяком случае вопрос этот приходится оставить открытым»⁵¹. Такова была характеристика территории Русской земли, которую Насонов считал государственным образованием восточных славян, сложившимся в IX в. и ставшим ядром Древнерусского государства⁵². Однако в ходе изложения изученного им материала Насонов привел только три прямые цитаты из летописей, которые должны были подтвердить его заключения. В подавляющем же большинстве случаев ссылки на летописи были глухими, и проверить, правильна ли интерпретация ученого, по его монографии не представляется возможным. А сомнения такого рода возникают. Так, Насонов привел фразу из статьи 1147 г. Ипатьевской летописи: "прибѣгоша из Роуси дѣцкы, и повѣдаша емоу (речь идет о черниговском князе Святославе Ольговиче. – В.К.) Володимира в Черниговѣ, а Изяслава оу Стародоубѣ"⁵³. Фраза должна была проиллюстрировать принадлежность Руси Чернигова и, очевидно, Стародуба. Подобное толкование вполне возможно, но оно не единственное. Неизвестно, откуда именно из Руси прибежали к князю Святославу детские. Они могли прибежать, скажем, из Переяславля, из Городца Остерского, из Вышгорода и при этом знать, что князь Владимир Давыдович находится в Чернигове, а его брат Изяслав – в Стародубе. А неоднозначное толкование текста не позволяет использовать его для одного, совершенно определенного вывода. Поэтому перепроверка введенных Насоновым в науку данных необходима.

Первым, и кажется, единственным ученым, предпринявшим такую работу, был Б.А. Рыбаков. Он строже, последовательнее и полнее, чем Насонов, применил предложенную последним методику исследования. Сначала Рыбаков выявил, какие центры и территории не входили в состав Руси в узком смысле слова. Затем определил, какие города и местности включались в это понятие. Каждый пример иллюстрировался максимальным числом летописных свидетельств⁵⁴. Правда, в отличие от Насонова, Рыбаков не определял происхождения таких свидетельств, не устанавливал, где они были записаны и какую географическую точку зрения отражали. Для полноты картины это следовало бы сделать.

Что касается конкретных результатов, то Рыбаков пришел к следующим выводам. Новгород Великий, Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань, относившийся к вятичам Неринск, а также Козельск, Брянск, Дедославль (три последних города со знаком вопроса), Смоленск,

Полоцк, Галич, Владимир Волынский, Овруч (Вручий). Берлад, а также территории бывших племен древлян, радимичей, словен, кривичей и тиверцев не входили в состав Русской земли⁵⁵. Включались в Русскую землю Киев, Чернигов, Переяславль Южный, или Русский, Белгород, Вышгород, Торческий, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, Дверен, Василев, Городец Остерский, Стародуб, Трубчевск, Глухов, Курск, "города верхнего течения Горыни – Бужевск, Шюмеск, Тихомль, Выгошев и Гнойница", Новгород Северский⁵⁶. Далее Рыбаков, обратив внимание на летописные известия, в которых Русская земля соединялась с черными клобуками (кочевниками, служившими русским князьям), считал, что под формулой "Русская земля и черные клобуки" понимается Русская земля в еще более узком смысле⁵⁷. В итоге исследователь приходил "к выводу о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря"⁵⁸.

Заключения Рыбакова внешне напоминали выводы Геденова, но расходились с ними в определении того первоначального региона, где возникла Русская земля. Расходились эти заключения и с мнением всех других историков, писавших о Русской земле.

Главное отличие состояло в утверждении существования особой территории, включавшей только Киев и Поросье. Однако восемь примеров, почерпнутых Рыбаковым из Ипатьевской летописи, не содержат данных, на основании которых можно было бы сделать подобный вывод. Напротив, такие выражения, как "вся Руская земля и Чернии Клобуки", "вся Руская земля и вси Чернии Клобуци", "вси Чернии Клобуки и кияне", "Торкы и кияне"⁵⁹, ясно говорят о том, что Русская земля, а также киевляне отличались от черных клобуков и торков. Текстовые примеры невозможно толковать как обозначения части Русской земли с включенной в нее территорией черных клобуков. Можно понять стремление исследователя, знавшего, что черные клобуки жили по р. Роси⁶⁰, соединить их земли в давнем прошлом в одно целое с Русской землей и вывести отсюда название последней, но показания летописей подобной мысли не подтверждают.

Интереснее и содержательнее второй вывод Рыбакова о территориальном составе Руси, Русской земли в узком значении этих терминов. Составленный им перечень городов и земель, не входивших в состав Русской земли, подробнее приведенного Насоновым. Список последнего Рыбаков дополнил указаниями на Ростов, Суздаль, Козельск (?), Брянск (?), Дедославль (?), племенные территории древлян, радимичей (Насонов писал только о радимичах-пищанах), словен, кривичей и тиверцев. На этих дополнениях следует остановиться подробнее. Ученый прав, полагая, что Ростов и Суздаль не входили в состав Южной Руси. Приводившееся выше свидетельство 1174 г. Лаврентьевской летописи о братьях Андрея Боголюбского "в Руси" приписывает эти слова ростовцам, суздальцам, переяславцам и всей дружине убитого князя Андрея, съехавшимся на совещание во Владимир⁶¹. На этом основании можно говорить о том, что

Ростов и Суздаль не относились к Руси в узком смысле слова. Но не только Ростов и Суздаль. Речь должна идти о всех городах Владимиро-Суздальского княжества.

Условно из состава Русской земли Рыбаков вывел Козельск, Брянск и Дедославль. Исследователь упоминает их потому, что в первой половине 1147 г. через эти города проходил князь Святослав Ольгович, к которому, когда он стоял у Неринска, "прибѣгоша из Роуси дѣцкы"⁶². Противопоставление Неринска и Руси здесь вполне очевидно, но следует ли отсюда, что Руси противопоставлялись города, которые Святослав Ольгович посетил до своего стояния у Неринска и после него? Думается, серьезных оснований для такого решения нет. К тому же до прихода к Неринску князь Святослав успел побывать не только в Козельске и Дедославле, но и в Колтеске, Лобынске, верховьях Протвы, Москве, и после остановки у Неринска — в Девягорске, Брянске, Домагоще и Мциске⁶³. К сожалению, прямые сведения о принадлежности или непринадлежности этих городов к Русской земле в узком понимании термина в источниках отсутствуют. Что касается племенных территорий, лежавших вне Руси, то использование данных летописных статей 944, 945 и 984 гг. явно недостаточно для таких определений, поскольку термины "Русь", "русский" имеют в указанных статьях этнический, а не территориальный смысл⁶⁴. Таким образом, не все поправки Рыбакова к списку Насонова могут быть приняты, но определенное пополнение этого списка бесспорно.

Больше изменений внес Рыбаков в перечень центров и территорий, входивших в состав Русской земли в ее узком понимании, определенных в 1951 г. Насоновым. По сравнению с Насоновым Рыбаков дополнительно отнес к этой земле Василев, Дверен, Трубчевск, Глухов, Курск, Новгород Северский и Городец Остерский. Доказательством принадлежности Василева к Русской земле Рыбаков считает летописные известия о нем 1151 и 1193 гг.⁶⁵ Но из сообщения 1151 г. нельзя извлечь ничего, кроме того, что Василев стоял на р. Стугне. Интереснее свидетельство 1193 г. В том году из Овруча (Вручег) "в Русь" вернулся князь Рюрик Ростиславич, опасавшийся набега половцев. Зимой 1193/94 г. половцы начали нападать на торков, располагавшихся на правом берегу Днепра. Тогда "Святослав бо и Рюрикъ много стояша оу Василева, стерегше землѣ своея"⁶⁶. Поскольку Рюрик поехал из Овруча в Русь для ее обороны, кажется, что стояние князей в Василеве есть стояние в Руси. Но даже если это действительно так, нельзя доказать, что Василев входил в состав ранней Русской земли. Прямых свидетельств о включении Василева в Русь нет, а косвенные неопределенны. Поэтому отнесение Василева к Русской земле сомнительно.

О Дверене есть единственное упоминание в летописях: в 1192 г. тот же Рюрик Ростиславич одарил половецкого хана Кунтувдея "и да емоу город на Рси Дверень. Роускоѣ землѣ дѣля"⁶⁷. Дверен, как и Василев, в конце XII в. был несомненно русским городом, а вот относился ли он к территории древней Русской земли, из приведенной летописной фразы заключить нельзя, город давался Кунтувдею для того, чтобы он прекратил

нападения на русские земли. Обратив внимание на то, что в 1232 г. трубчевский князь Святослав, сын Буй-тура Всеволода, из Новгорода "въспятися ... в Русь", Рыбаков отнес к Руси стоявший в среднем течении р. Десны Трубчевск⁶⁸. Однако контекст Новгородской I летописи иной. Под 1232 г. в ней сообщается: "Приидоша ис Чернигова Борисъ Нѣгочевиць, тысячкыи, Михаилъ с братом, и Водовикович Петре, Глѣбъ Сменовъ брат Борисович, Миша, съ княземъ Святославомъ Трубчевскимъ на средоговѣние; и быша в Буици, селѣ святого Георгия, и оттолѣ въспятися назадъ князь Святославъ в Русь, и уразумѣвъ, яко сии солгаша имъ..."⁶⁹. Так в летописи охарактеризован один из эпизодов ожесточенной борьбы за новгородский стол, развернувшейся в начале 30-х годов XIII в. между князьями Чернигова и Переяславля Залесского⁷⁰. Из летописного отрывка видно, что трубчевский князь пришел в Новгород из Чернигова. Туда он и должен был вернуться, поскольку новгородцы "солгаша имъ", т.е. ему самому и его созерену черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу. Следовательно, Русь здесь означала не Трубчевск, а Чернигов, что согласуется и с другими летописными показаниями относительно Чернигова.

Насонов сомневался в том, можно ли Глухов, стоявший близ р. Клевени, притока Сейма, относить к Русской земле. На основании фразы Лаврентьевской летописи "...Гюргеви же идущю в Русь, пришедъ ста оу Глухова" Рыбаков решил вопрос положительно. «Если летописец, – писал он, – употребил форму "пришед", то несомненно, что он считал Глухов находящимся в Руси»⁷¹. Так можно утверждать лишь в том случае, если причастие "пришед" относится исключительно к словам "в Русь". Но текст позволяет относить указанное причастие и к слову "Глухов", и тогда этот город оказывается вне Руси. Дилемма разрешается обращением к Ипатьевской летописи, где сохранился текст, сокращенный и отредактированный в Лаврентьевской летописи. Там о походе Юрия Долгорукого (Гюргя) и его союзников сказано несколько иначе: "идоша на Спашь, та на Глуховъ, ту и стаха. Володимиръ же слышавъ, оже идетъ сватъ его Дюрги в Русь, поиде из Галича Киеву"⁷². Выясняется, что слова "в Русь", читающиеся в Лаврентьевской летописи, добавлены северо-восточным сводчиком при обработке рассказа Ипатьевской летописи. В последнем же нет ничего, что могло бы, пусть косвенно, связывать Глухов с Русской землей. Напротив, контекст Ипатьевской летописи говорит скорее о противопоставлении Глухова и Руси. Очевидно, Глухов нельзя относить к Русской земле в ее узком значении.

«События 1139 г., когда только что вокняжившийся Всеволод Ольгович начал перебирать княжения, показывают, что в его руках находилась "вся Русская земля", в том числе и Курск, куда он выгонял Андрея Владимировича Переяславского», – указывает Рыбаков, определяя отношение к Русской земле Курска⁷³. Действительно, занявший 5 марта 1139 г. киевский стол черниговский князь Всеволод Ольгович в том же году подступил к Переяславлю, где княжил сын Владимира Мономаха Андрей, и потребовал, чтобы тот перешел княжить в Курск. Андрей отказался: "отецъ мой Коурьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли,

хочю на своеи отчинѣ смерть прияти; оже ти, брате, не досити волости, всю землю Роускою държачи, а хощеши сея волости, а оубивъ мене, а тобѣ волость, а живѣ не идоу изъ своеи волости"⁷⁴. Русская земля здесь упомянута в явно экспрессивном контексте, и реальное содержание термина установить сложно. Можно отметить два момента. Во-первых, если придавать словам Андрея Владимировича реальное значение, то оказывается, что в Русскую землю не входил Переяславль, что опровергается другими летописными показаниями. Во-вторых, если под Русской землей разумеются земли Чернигова и Киева, а последними Всеволод Ольгович овладел в начале 1139 г., то Курск был в его руках уже в начале 1136 г.⁷⁵ и к той Русской земле, какой обладал в 1139 г. Всеволод, отношения не имел. Поэтому и Курск следует исключить из числа городов, входивших когда-то в Южную Русь.

Приходится сомневаться относительно принадлежности этой Руси Новгорода Северского. Рыбаков заключает о вхождении названного города в состав Русской земли на основании сопоставления описания событий 1145 г. в новгородском и южнорусском летописании. В Новгородской I летописи старшего извода указывалось, что "томъ же лѣтѣ ходиша вся Русска земля на Галиць..."⁷⁶ Гораздо подробнее описан этот поход в Ипатьевской летописи: "Всеволод съвокупи братью свою Игоря, и Святослава же остави в Киевѣ, а со Игоремъ иде к Галичю и съ Давыдовичема и съ Володимиромъ, съ Вячеславомъ Володимеричемъ, Изяславъ и Ростиславъ Мъстислалича сыновчя его, и Святослава поя сына своего, и Болеслава лядскаго князя, зятя своего, и половиѣ дикѣи вси, и бысть многое множество вои, идоша к Галичю на Володимирка"⁷⁷.

Таким образом, в походе против галицкого князя Владимира Володаревича приняли участие киевский князь Всеволод Ольгович, его родной брат Игорь, владевший тогда Городцом, Юрьевом и Рогачевым⁷⁸; его два двоюродных брата: Изяслав Давыдович, княживший тогда, по видимому, в одном из городов Черниговского княжества, и Владимир Давыдович, правивший в Чернигове⁷⁹; сын Владимира Мономаха туровский князь Вячеслав⁸⁰; племянники Вячеслава Изяслав и Ростислав Мстиславичи, сидевшие тогда соответственно в Переяславле и Смоленске⁸¹; сын Всеволода Святослав, владевший Владимиром Волынским⁸²; польские и половецкие войска. Новгородом Северским владел оставшийся в Киеве брат Всеволода Святослав Ольгович⁸³. Если новгородский летописец имел в виду всех участников похода, тогда под его Русской землей нужно разумеать еще поляков и половцев. Если "вся Русска земля" – лишь русские князья, тогда к Русской земле следует относить не только Новгород Северский (полагая, что Святослав новгород-северский принял участие в общих мероприятиях брата Всеволода, хотя в поход с ним и не ходил), но и Туров, Смоленск, Владимир Волынский, о которых сам Рыбаков писал, как о находившихся вне Руси в узком значении термина. Ясно, что новгородский летописец говорил о Русской земле не в узком, а в широком смысле этого слова, и потому использовать его сообщение для определения территории локальной Руси некорректно.

Что касается Городца Остерского, стоявшего при впадении р. Остера

(Остра, Востра) в Десну, то Рыбаков, несомненно, прав относя его к числу городов Русской земли. Уже приводившееся свидетельство Лаврентьевской летописи под 1194 г. (именно на этот текст ссылается Рыбаков) вполне подтверждает данный вывод. Таким образом, не все поправки Рыбакова к предложенному Насоновым перечню городов и территорий, как не относившихся к Русской земле, так и входивших в ее состав, можно признать верными. К тому же ученый, хотя и стремился в отличие от Насонова иллюстрировать отношение того или иного города к Русской земле цитатами из летописных памятников, в ряде случаев давал глухие ссылки или оставлял приводимые свидетельства без подробного разъяснения, в чем можно было убедиться при рассмотрении его поправок к списку Насонова.

В целом же, разбор ученых мнений относительно того, что же представляла собой Русская земля, о которой писали летописцы XI–XIII вв., показывает, насколько трудным бывает анализ летописного текста, как непросто вникнуть в ситуацию, при изложении которой в летописи говорится о Руси, русских полках, князьях, земле, как сложно уловить оттенки значений терминов и определений. Полисемантичность одних и тех же слов, используя которые исследователи стараются прийти к однозначным выводам, подрывает научную объективность таких выводов и в итоге разрушает концепции, казалось бы, вполне отвечавшие общим воззрениям тех или иных периодов развития исторической науки. Выбирать летописные свидетельства о Руси с одним, вполне определенным значением этого названия (только территория, только язык, только этнос или только какая-то социальная структура) оказывается делом весьма трудоемким. Если же термин может пониматься и так, и иначе, заключения не будут отличаться строгостью. Здесь, как и в естественных науках, необходима чистота эксперимента, и многочисленность летописных свидетельств не может заменить точности и определенности лишь некоторых из них, которые, собственно, и обеспечивают репрезентативность выводов.

С этой точки зрения из различных летописных терминов, обозначающих Русскую землю: "Русь", "русский язык", "русские грады", собственно "Русская земля", последний при изысканиях о территориальной основе Руси представляется менее лабильным, чем все другие. Правда, в некоторых контекстах термин "Русская земля" может обозначать и этническую общность, и совокупность владений русских князей – Рюриковичей, и даже войско. Однако в большинстве случаев этот термин обозначает именно землю, определенное пространство, и для заключений о том, что собой представляло территориальное ядро первоначальной Руси, необходим анализ прежде всего этого термина. Конечно, ранние летописи содержат тексты, в которых встречаются и иные определения, термины, позволяющие провести необходимые территориальные разграничения. Еще Федотов использовал пример, повторенный затем Геденовым и Рыбаковым, взятый из статьи 1149 г. Новгородской I летописи: "Иде архиепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь...", явно свидетельствующий о пространственном противопоставлении Новгорода и Руси, которая здесь четко выступает как термин, обозначающий территорию⁸⁴. Подобные однозначные свидетельства также могут быть использованы

для выяснения интересующего нас вопроса, хотя такие свидетельства и редки. Сделав эти оговорки, можно приступить к анализу конкретного материала.

Следуя приемам, разработанным Насоновым и Рыбаковым, начать необходимо с выяснения того, какие центры и области противопоставлялись Русской земле, не входили в ее состав. Выше, при разборе ученых мнений о пределах древней Руси, приводились летописные свидетельства, в которых Новгород противопоставлялся Руси. Свидетельства эти принадлежат новгородскому летописанию. Наиболее раннее относится к 1132 г.: "Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю повелениемъ Яропѣльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю ѹ васъ умерети"⁸⁵. Речь идет о княжившем в Новгороде Всеволоде Мстиславиче, оставившем после смерти отца Новгород ради Переяславля. В киевском летописании также отделяли Новгород от Русской земли. Под 1141 г. Ипатьевская летопись сообщает, что «бѣжащю же Святославоу из Новагорода, идоущю в Роусь къ братоу, и посла Всеволодъ противоу емоу и рече: "Брате, поиди сѣмо"»⁸⁶. Здесь говорится о правившем в Новгороде князе Святославе Ольговиче, которого хотели задержать новгородцы, но он тайно бежал от них к своему брату киевскому князю Всеволоду Ольговичу⁸⁷. Характерно сообщение той же летописи под 1178 г.: "Прислаша новгородци моужѣ свои ко Мъстиславоу к Ростиславичю, зовоуче и Новоугородоу Великомоу. Он же не хотяше ити из Роускои земли..."⁸⁸. Не определяя, что именно разумеется здесь под Русской землей, важно подчеркнуть главное: для киевлянина Новгород – это не Русская земля.

Существует единственное указание, принадлежащее киевской летописи, о невхождении Полоцка и некоторых других центров этого княжества в состав Русской земли. Под 1140 г. Ипатьевская летопись сообщает, что "в то же время взидоста княжича два ись Царягорода, заточени били Мъстиславомъ великимъ княземъ Киевскимъ, зане не бяхоуть [во] его воли и не слышахоуть его, коли е зовяшеть в Роускою землю в помощь..."⁸⁹ Из дальнейшего текста Ипатьевской летописи выясняется, что в Византию были отправлены князья Давыд, Ростислав и Святослав Всеславичи, а также Василько и Иван Рогволодовичи⁹⁰. Произошло это в 1130 г.⁹¹ Давыд Всеславич был полоцким князем. Имели ли самостоятельные княжения к 1130 г. остальные высланные князья, неизвестно. Но возможно, что кто-то из них правил в Изяславле и Борисове – городах, которые стали объектами нападений войск Мстислава Киевского и его союзников в 1128 г.⁹² Во всяком случае, высылка в 1130 г. пяти полоцких князей, игнорировавших призывы киевского князя прийти на защиту Русской земли, показывает, что не один Полоцк (еще Изяславль?, Борисов?) оставался вне пределов Русской земли.

Знаменитое описание встречи в 1148 г. киевского князя Изяслава Мстиславича с братом Ростиславом в Смоленске перед походом на Суздальское княжество: "тоу даристася даръми многими, Изяславъ да дары Ростиславоу, что от Роускихъ землѣ и от всихъ царскихъ земель, а Ростиславъ да дары Изяславоу, что от верхнихъ землѣ и от Варягъ"⁹³,

сохраненное Ипатьевской летописью, показывает, что на Юге Смоленск отделяли от Русской земли. Далее сообщается о самом походе и о соединении сил братьев на устье р. Медведицы, куда раньше пришел Изяслав с новгородцами (приведенные с Юга полки он оставил у брата в Смоленске): "и приде емоу Ростислав и съ всеми Роускими силами полки и съ Смоленскими..."⁹⁴. Очевидно, что даже союзная смоленская рать не причислялась к русским силам. В 1155 г. Юрий Долгорукий из Киева обратился к своему племяннику тому же Ростиславу Смоленскому: "Сыну, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати? С тобою, а поѣди сѣмо"⁹⁵. Здесь противопоставление Смоленска и Русской земли, выраженное киевским летописцем, но словами суздальского князя, выступает вполне отчетливо. Под 1197 г. Ипатьевская летопись содержит подробный рассказ о смерти смоленского князя Давыда Ростиславича и сообщает при этом, что еще при жизни он распорядился передать смоленский стол племяннику Мстиславу Романовичу, "а сына своего Костянтина в Роусь посла братоу своему Юрикови на роуцѣ"⁹⁶. Хотя приведенное известие сохранилось в киевском своде 1198 г., по содержанию оно смоленское. Это дает определенные основания считать, что и в самом Смоленске собственное княжество отличали от Руси. Отличали Смоленск от Русской земли и в Новгороде. В 1214 г. новгородский князь Мстислав Мстиславич "почя звати новгородъче Киеву на Всѣволода Чѣрмного". Новгородцы пошли, но в Смоленске рассорились с Мстиславом. Тогда посадник Твердислав сказал: «"Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своемъ князи"; "И тако поидоша и – Смольньска"»⁹⁷. Смоленск, следовательно, не включался в Русскую землю.

Княжества XII–XIII вв., расположенные на восток и северо-восток от Смоленска, также не считались Русью в узком понимании этого слова. В северо-восточном своде, составленном во Владимире-на-Клязьме в конце XII или начале XIII в., под 1152 г. было записано, что "в то же лѣто поиде Гюргя с сынами своими и с Ростовци ии с Суждалци и с Рязанци и со князи Рязаньскими и в Русь"⁹⁸. Очевидно, что ни Ростов, ни Суздаль, ни Рязань к Руси не относились. Ипатьевская летопись дополняет свидетельство Лаврентьевской. Оказывается, вместе с рязанцами на помощь Долгорукому выступили и муромцы⁹⁹. Поэтому есть определенные основания полагать, что и Муром не входил в состав Русской земли. Показательно в этом отношении еще одно летописное известие. Под 1207 г. в Лаврентьевской летописи сообщается, что «слышавъ великийи князь Всеволодъ Гюргевиѣ, внукъ Володимерь Мономаха, оже Олговиѣи воюют с пога[ны]ми землю Рускую, и сжалиси о томъ и рече: "То ци тѣмъ отчина одиѣм Руская земля, а нам не отчина ли?" И рече: "Како мя с ними богъ оуправить, хочю поити к Чернигову". И посла Новугороду по сына своего Костянтина»¹⁰⁰. Далее сообщается, что Константин, "совокупя новгородци, плесковичи, ладожаны, новоторжъци", выступил на помощь отцу. А тот "посла в Рязань по Романа и по братью его, и в Муром по Давыда", собирая силы и этих князей для похода на Чернигов¹⁰¹. По смыслу рассказанного в летописи делается очевидным, что Муром не

относился к той Русской земле, какую хотел защищать Всеволод Большое Гнездо. А вместе с Муромом к ней не относились Рязань, Новгород Великий и подчиненные ему Псков, Ладога, Торжок и, естественно, владения самого Всеволода. О последних следует напомнить, что выше уже приводились данные (летописные статьи 1194 и 1174 гг.) о разграничении Владимира-на-Клязьме и Русской земли, принадлежавшие северо-восточному летописцу. Так же считали и в Новгороде. Под 1180 г. новгородский летописатель записал, что "томъ же лѣтъ, на зиму, иде князь Святославъ Всѣволодиць, Олговъ вѣнукъ, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода..."¹⁰² Хотя столицей Всеволода Большое Гнездо был Владимир-на-Клязьме, новгородец все его владения называл по-старому Суздалем и противопоставлял их Руси.

Ранее уже приводились данные об отграничении Галича и Владимира Волынского от Русской земли. Они содержались в статье 1201 г. Лаврентьевской летописи. И из других записей видно, что на Северо-Востоке продолжали различать Галич и Русь. Под 1206 г. та же Лаврентьевская летопись указывает, что "галичане же видѣвше короля идуща прочь (речь идет об уходе их союзника венгерского короля. – В.К.), оубояшася полковъ Руских, еда възвратятъ на нь опять"¹⁰³, т.е. Галич определенно не причислялся к Руси. Так полагали и в Киеве. Под 1144 г. Ипатьевская летопись, описывая поход киевского князя Всеволода Ольговича и его союзников на Галич, сообщает, что "взидоша Роустии полци на горы и заидоша от Перемышля и от Галича. Видивше же то галичане..."¹⁰⁴ Очевидно, что галицкая рать отличалась от русских полков, из чего можно заключить, что и Галич (вся территория Галицкого княжества) не совпадал с Русью. Поскольку к Галицкому княжеству в 40-е годы XII в. относились Перемышль, Санок и Теребовль¹⁰⁵, надо полагать, что эти земли в состав Русской земли не входили.

Не относился к Русской земле и Владимир Волынский, причем не только с точки зрения северо-восточного летописца, но и летописца-южанина. Ипатьевская летопись приводит обращение владевшего в 1150 г. Владимиром Волынским князя Изяслава Мстиславича к своей дружине: "Вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизни лишився"¹⁰⁶. Речь идет о дружинниках Изяслава Мстиславича, которые не оставили своего князя, потерявшего в конце августа 1149 г. Киев¹⁰⁷, где он прокняжил до этого три года. Когда в марте 1151 г. Изяславу в результате неожиданного выступления из Владимира Волынского удалось вновь занять киевский стол, он сообщал своему брату Ростиславу в Смоленск: "Се же нынѣ богъ привелъ мя в Рускую землю и добылъ есмъ стрѣя своего и твоего (речь идет о дяде Изяслава и Ростислава вышгородском князе Вячеславе Владимировиче. – В.К.). Киевѣ..."¹⁰⁸. Очевидно, пребывая на Волыни, Изяслав Мстиславич не считал себя находящимся в Русской земле. Поскольку к Владимиро-Волынскому княжеству относился Луцк (там в 1149–1150 гг. княжили братья Изяслава Владимир и Святополк)¹⁰⁹, по-видимому, и этот город не считался "русским".

Резко противопоставлена Русской земле Берладь. В 1173 г. Андрей Боголюбский через своего посла предъявил ультиматум вышгородскому князю Давыду Ростиславичу: "А ты поиди въ Берладь, а в Руськои земли не велю ти быти"¹¹⁰.

Данные о Неринске и Овруче (Вручии), находившихся вне Русской земли, уже приводились. Таким образом, в состав Русской земли не входили Новгород Великий с относившимися к нему городами, княжества Полоцкое, Смоленское, Суздальское (Владимирское), Рязанское, Муромское, Галицкое, Владимиро-Волынское, Овруч, Неринск, Берладь. Если все указанные центры и территории нанести на карту, то оказывается, что они составляли большинство древнерусских княжеств XII–XIII вв. В их число не входили только княжества Киевское, Черниговское, Переяславское, Туровское и Пинское. Очевидно, Русская земля в локальном значении этого термина заключалась в пределах этих княжеств XII–XIII вв. Теперь предстоит выяснить, какие именно центры и территории относились к Русской земле. При этом необходимо учесть еще одну особенность летописных текстов. Когда речь заходит о военных нападениях печенегов, половцев, других кочевников, поляков, венгров на владения Рюриковичей, летописцы пишут об их походах на Русскую землю. Возможно, что разные летописцы в таких случаях под Русской землей могли разуметь Русскую землю как в узком, так и в широком значении данных слов. В первом случае их указания на конкретные пункты, на которые нападали, например, половцы, позволяли бы с достаточной степенью точности зафиксировать границы древней Русской земли. Однако критерия, с помощью которого можно было бы четко определить, о какой Руси говорят летописцы при описании внешних нападений на нее, не существует. Поскольку в ряде случаев, как уже говорилось, к Руси, Русской земле при описании внешних столкновений относили города и земли, по другим сведениям не входившие в состав локальной Руси, для строгости доказательства приходится при определении территории этой Руси не рассматривать летописных известий о внешнеполитических коллизиях XI–XIII вв. Основываться следует преимущественно на описании внутренних событий тех времен.

Впервые состав городов Русской земли фиксируется в русско-византийском договоре 944 г. В одной из статей этого соглашения речь идет о кормах, которые должны были получать в Византии русские послы и гости "первое от города Киева, паки изъ Чернигова и Переяславля"¹¹¹. Разобранное ранее известие 1026 г. косвенно фиксирует в Русской земле Киев и Чернигов. Киев и в XII в. относили к Руси. Так считали на Юге, о чем может свидетельствовать обращение в конце 1146 г. князя Святослава Ольговича к Юрию Долгорукому: "Поиди в Роускою землю, Киевою милосердоваѣ"¹¹². В 1151 г. князь Вячеслав Владимирович сообщал своему племяннику смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу о делах его брата Изяслава: "А се паки добывъ Рускои земли и на мѣѣ честь положилъ, и посади мя в Киевѣ"¹¹³. "Добывание" Русской земли было напрямую связано с занятием княжеского стола в Киеве. В Новгороде иногда просто идентифицировали Киев с Русью. Рыбаков обратил

внимание на то, что новгородские летописцы XII–XIII вв., когда упоминали об отправлении кандидатов в новгородские владыки ставиться к митрополиту, то писали просто: "иде въ Русь", хотя поставление совершалось в Киеве¹¹⁴. Под 1215 г. новгородский летописец отметил: «Поиде князь Мьстиславъ по своей воли Киеву, и створи вѣцѣ на Ярославли дворѣ, и рече новгородъцемъ: "Суть ми орудия въ Руси..."»¹¹⁵. Мстислав шел в Киев, потому что в Руси у него были дела. И во Владимире-на-Клязьме Киев относили к Русской земле. Под 1207 г. северо-восточный источник сообщил, что "Всеволод же Чермныи пришед сѣде в Киевѣ, много зла створивъ землѣ Рустѣи"¹¹⁶. До этого черниговский князь осаждал Киев, захватил Треполь, Белгород и Торческ, изгнал из Киева Рюрика Ростиславича, а затем сам занял киевский стол. Очевидно, что Русская земля включала в себя Киев.

В XII в. на Юге Чернигов продолжали считать городом, относящимся к Русской земле. Когда после осады киевским князем Изяславом Мстиславичем Чернигова и опустошения черниговских земель вплоть до Любеча черниговские князья заключили с ним в 1148 г. мир, то стороны "на томъ цѣловаша хрестъ оу святомъ Спасѣ: ворождоу про Игоря отложити, а *Роускои земли блюсти и быти всимъ за одиныхъ брать*"¹¹⁷. Поскольку до этого военные действия велись в Черниговщине, очевидно, что требование договора о соблюдении Русской земли касалось именно черниговских земель, т.е. Чернигов входил в состав Руси. Известия Новгородской I летописи под 1145 и 1232 гг., процитированные и разобранные выше, показывают, что и в Новгороде Чернигов относили к Руси.

В Новгороде же причисляли к Русской земле и Переяславль, стоявший при слиянии рек Альты и Трубежа. Об этом свидетельствует известие 1132 г. Новгородской I летописи старшего извода, приведенное ранее. Точно так же полагали и во Владимире-на-Клязьме. В местном летописании в статьях 1197, 1198, 1200, 1213, 1227, 1230 и 1239 гг. Переяславль, как отметил Рыбаков, назван Русским¹¹⁸.

Помимо Чернигова и Переяславля еще один город на левобережье Днепра относился к Русской земле. Это Городец Остерский, о котором уже говорилось. Большинство же городов Русской земли стояло в днепровском правобережье.

К ним относились находившийся к юго-западу от Киева на р. Ирпени Белгород и стоявший в 15 км к северу от Киева на правом берегу Днепра Вышгород. В 1173 г. Андрей Боголюбский приказал киевскому князю Роману Ростиславичу и его родным братьям: "А поиди с Киева, а Давыдъ изъ Вышегорода, а Мьстиславъ изъ Бѣлагограда..."¹¹⁹. Давыд и Мстислав послали послов к Андрею Боголюбскому: "А намъ путь кажеша и изъ Руськои земли без нашеѣ вины"¹²⁰. Очевидно, что Белгород и Вышгород считались городами Русской земли.

В 1195 г. Всеволод Большое Гнездо обратился к Рюрику Ростиславичу, за несколько месяцев перед тем ставшему киевским князем, с претензиями: "Мнѣ еси части не оучинилъ в Роускои землѣ, но раздалъ еси инѣмъ, молоджьшимъ братьяи свои, даже мнѣ в ней части нѣтъ..." Далее

летописец разъяснял, о чем шла речь: "Всеволодъ бо просяше оу него Торцького, Треполя, Корьсоуня, Богоуславля, Канева"¹²¹. В конце концов Всеволод Большое Гнездо эти города получил, но уже через год Рюрик у него "отъя отни города ты, которые же бяшет емоу далъ в Роуской земли, и розда опять братьи своеи"¹²². Ясно, что стоявший на р. Стугне Треполь, Канев, расположенный на правом берегу Днепра южнее Киева, Богоулавль и Корсунъ по р. Роси, а также Торческ, стоявший на р. Торче, левом притоке Роси, входили в состав Русской земли.

В 1148 г. в Киеве оказался оставивший Суздаль старший сын Юрия Долгорукого Ростислав. Отец не давал ему волостей. От киевского князя Изяслава Мстиславича, враждовавшего с Юрием, Ростислав волости получил. Тот "да емоу Божьскыи, Межибожье, Котелницу и ина два города"¹²³. Вскоре Изяслав Мстиславич отправился в поход на Юрия Долгорукого. Ростиславу же он велел идти "въ Божьскыи", наказав при этом: "а ты постережи землѣ Роуской оттолѣ"¹²⁴. Через год киевский князь по подозрению в заговоре отнял у Ростислава его города, а самого отослал к отцу в Суздаль. Юрий, узнав о злоключениях сына, принял его и «в соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: "Тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли и моимъ дѣтемъ?"»¹²⁵. Из этих слов можно заключить, что к Русской земле относились Божский, Межибожье и Котельница, а также два города, названия которых установить не удастся.

Межибожье находилось на правом берегу р. Божка при впадении его в Южный Буг¹²⁶. Котельница стояла на правом берегу р. Гуквы, правого притока Тетерева¹²⁷. Поэтому упоминаемый вместе с ними Божский надо отождествлять с Божским на левом берегу Южного Буга, находившимся по его течению ниже Межибожья. Этот Божский стоял в относительной близости от Межибожья и Котельницы. Что речь должна идти о Божском на Южном Буге, подтверждает и следующее соображение. Когда Изяслав Киевский уходил в 1148 г. воевать с Юрием Долгоруким, на Юге у него оставался единственный потенциальный противник – галицкий князь Владимир Володаревич, союзник Долгорукого¹²⁸. Поэтому посадение Изяславом Ростислава в Божском для охраны Русской земли преследовало цель обезопасить ее от возможного вторжения галицкого князя. Путь из Галича на Киев лежал через Божский на Южном Буге¹²⁹. Следовательно, отождествление Божского, полученного в 1148 г. Ростиславом Юрьевичем, с этим городом не должно вызывать серьезных сомнений.

Относительно других городов Русской земли сведения содержатся в статьях 1149 и 1152 гг. Ипатьевской летописи. В 1149 г. после первого вокняжения Юрия Долгорукого в Киеве галицкий князь Владимир Володаревич получил от него несколько городов, среди которых был, судя по некоторым признакам, Шумск¹³⁰. В 1152 г. объединенное войско русских князей во главе с Изяславом Киевским и полки венгерского короля осадили Перемышль, где укрылся галицкий князь. Видя безвыходность своего положения, Владимир Володаревич стал молить противников о мире. Король выставил требование, чтобы "на томъ ти цѣловати хрестъ, яко что Руских городовъ, то ти все възворотити и съ Изяславомъ быти"¹³¹. Владимир Володаревич принял все условия, но

когда после заключения мира Изяслав послал своих посадников в Бужск, Шумеск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу, галицкий князь этих городов не отдал¹³². Между Киевом и Галичем начались дипломатические переговоры. Изяслав напоминал Владимиру о его крестоцеловании "на том, яко что Руской волости, то ти все воротити" и требовал "то оуворотити моя города"¹³³. Таким образом, выясняется, что Бужск, Шумеск, Тихомль, Выгошев и Гнойница являлись "русскими" городами и относились к "Руской волости".

Тихомль стоял на правом берегу реки Горыни в ее верхнем течении. Шумеск – на правом берегу р. Вельи, левом притоке Горыни. Между Вельей и Горыней находилась Гнойница. Выгошев стоял недалеко от Тихомля к югу от верхнего течения р. Горыни¹³⁴. Следовательно, четыре из пяти "русских" городов группировались близ верховьев р. Горыни. Что касается упоминаемого вместе с ними Бужска, то Насонов отождествлял его с Божском на Южном Буге¹³⁵, а Рыбаков помещал его на верхней Горыни¹³⁶. Но речь должна идти о Бужске в верховьях Западного Буга. Во-первых, этот город был ближе к названным четверым городам у верховьев Горыни, чем Божский на Южном Буге, и логичнее полагать, что галицкий князь сумел получить в "Русской земле", подвластной киевскому князю, более компактную территорию. Во-вторых, Бужск был гораздо ближе к самому Галичу и много удаленнее от Киева, чем Божский, следовательно, контролировать его из Галича было легче. К тому же Бужск на Западном Буге и позднее оставался в руках галицкого князя, хотя и признавался городом, которым должен был бы владеть внук Изяслава Мстиславича Святополк¹³⁷.

Ценные сведения о Русской земле содержит Ипатьевская летопись при описании событий 1150 г. Примерно в мае 1150 г. князь Изяслав Мстиславич, до этого изгнанный из Киева во Владимир Волынский Юрием Долгоруким, двинулся из своего Владимира к Луцку. Далее он "поѣха от Лоуцеска Пересопници и ту изъѣха Глѣба, в то же вереме Глѣбъ стояше выше города Пересопници на Стоублѣ товары, и оттуда одва тече самъ Глѣбъ в городъ..."¹³⁸ Глеб – сын Юрия Долгорукого, который, сев на киевский стол, дал ему во владение Пересопницу и Дорогобуж. Пересопница стояла на правом берегу р. Стублы, левом притоке Горыни, в ее среднем течении. Изяслав заставил Глеба капитулировать, вместе с ним доехал до Дорогобужа и, по всей вероятности, занял этот город, а Глеба отправил дальше, дав ему в провозатые своего сына Мстислава. Мстислав проводил Глеба за Корческ, стоявший восточнее Дорогобужа в бассейне р. Случи. Прощаясь с Глебом, Мстислав сказал: "Поѣди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Гориноу"¹³⁹, т.е. он считал, что Пересопница и Дорогобуж, стоявший на левом берегу Горыни, должны относиться к Владимиро-Волынскому княжеству его отца Изяслава, а не к владениям сидевшего в Кieve Юрия Долгорукого, границей их земель должна служить Горынь. В октябре 1150 г. Изяслав Мстиславич, летом того же года захвативший было Киев, но вновь оставивший его под давлением Юрия Долгорукого и его союзников, опять выступил из Владимира Волынского к Пересопнице, где в это время

княжил уже другой сын Долгорукого Андрей. Пересопницу Изяславу захватить не удалось, но он сжег Зареческ, стоявший на другом берегу Стублы выше Пересопницы. Здесь он получил весть, что против него выступил Владимир Галицкий. Дружина советовала Изяславу прекратить поход, но тот сказал, что "своя дѣдины и отчины не могу презрѣти, но любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь..."¹⁴⁰ "Вся жизнь" дружины князя Изяслава состояла из сел в Русской земле¹⁴¹ которую дружинники Изяслава оставили, когда их князь потерял Киев. Дальнейший маршрут Изяслава до Киева и надо расценивать как возвращение сел и "всей жизни" своих дружинников, кормившихся в "Русской земле" От Зареческа Изяслав направился на восток к Дорогобужу. Горожане встретили его с крестами и поклонами. Изяслав напомнил им, что они – "людие дѣда моего и отца моего"¹⁴², т.е. Владимира Мономаха и Мстислава Великого. Это историческое припоминание свидетельствует, что и в прежние времена Дорогобуж относился к киевским, а не к владимири-волинским городам. Далее Изяслав пошел к р. Хотрии, притоку Горыни, оттуда к Кореческу и остановился недалеко от р. Случи. Затем он переправился через р. Случь и через Чертов лес подошел к г. Ушеску, где перешел р. Ушу¹⁴³. До этого момента он двигался строго на восток. Далее его путь лежал через Святославлю Криницу и Мичск, где Изяслава "оусрѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви"¹⁴⁴. Очевидно, что от р. Уши и Ушеска Изяслав повернул на юг. От Мичска Изяслав пошел на Здвигень, лежавший на р. Здвиге в междуречье Тетерева и Ирпени, а затем на Белгород и оттуда к Киеву¹⁴⁵. Владимир Галицкий преследовал Изяслава вместе с Андреем Боголюбским и Владимиром Андреевичем, двоюродным братом последнего. Когда стало известно, что Изяслав занял Киев, галицкий князь заявил своим союзникам: "Изяславъ вчера со мною хотѣлъ ся бити, на вашего отца ида, а на мя ся оборочивая, ловя ся бити со мною. Аже нынѣ вѣѣхавъ въ всю Рускую землю, а не могу язъ одинъ на нь поѣхати"¹⁴⁶, и вернулся домой. Из приведенных летописных свидетельств можно заключить, что Мичск, земли в бассейне р. Тетерева, Здвигень и Белгород относились к Русской земле, причем о Белгороде как о "русском" городе говорят и приведенные ранее данные. Следует напомнить, что в бассейне Тетерева стояла и Котельница, также причислявшаяся к Русской земле. Что касается Зареческа, Пересопницы, Дорогобужа и Кореческа, то источники их к Русской земле не относят, хотя и указывают на то, что в XII в. это были города Киевского княжества. Показательно уже приводившееся обращение Изяслава Мстиславича во время его княжения во Владимире Волынском к только что получившему Пересопницу Андрею Боголюбскому: "миѣ отчины... токмо въ Руской земли, а проси ми оу отца волости Погориноу" и жалоба на отца Андрея: "не хочеть мене в Руской земли, а Володимеръ Галичкои по его велению волость мою взялъ"¹⁴⁷. Ясно, что Погорина относилась к Русской земле, но она не включала в себя Пересопницы и соседних с ней городов, потому что в противном случае Изяслав Мстиславич, прося Андрея Боголюбского быть

ходатаем за него перед отцом, требовал бы лишения Андрея его собственных владений. Очевидно, здесь под Погориной разумелись Шумеск, Тихомль, Гнойница и Выгошев, лежавшие в бассейне верхней Горыни, но не города, расположенные севернее.

Таким образом, летописцы XI–XIII вв. к Русской земле относили Киев, Чернигов, Переяславль, на левом берегу Днепра Городец Остерский, на правом берегу Днепра и далее на запад Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, Божский на Южном Буге, Межибожье, Котельницу, Бужск на Западном Буге, Шумеск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, Мичск, бассейн Тетерева, Здвижень.

Если перечисленные города и территории нанести на карту, то все они окажутся в том ареале, который получился как остаток при определении того, какие центры и земли не причислялись к Русской земле. Это принципиальное совпадение свидетельствует о репрезентативности казалось бы хаотичных и малочисленных летописных показаний относительно Русской земли. Правда, города и местности, причисленные к Русской земле, не покрывают целиком указанного ареала. В частности, нет данных о какой-либо принадлежности Турова и Пинска, обширных территорий на восток от Переяславля и Чернигова, за исключением Неринска.

Характерно, однако, что эти территории лежат за пределами той Русской земли в узком смысле термина, какие обрисовываются по летописным данным XI–XIII вв., не относясь, впрочем, и к областям, заведомо лежавшим вне Руси. Получается своего рода нейтральная для ее определения зона, отделявшая Русскую землю от Полоцкой, черниговские и переяславские территории от смоленских, ростовских и рязанских. Можно, однако, полагать, что зона эта – позднейшее территориальное приращение, к древнейшей Русской земле не относившееся. Так, Пинск и Туров располагались севернее Пересопницы и Дорогобужа, не включавшихся в Русскую землю, но составлявших часть территории Киевского княжества. Обширные пространства к востоку и северо-востоку от Переяславля и Чернигова также едва ли могли входить в состав Русской земли. Дело в том, что, как уже отметил Насонов, Чернигов и Переяславль только в XI в. стали центрами особых княжений. Насонов объяснял этот факт длительным нежеланием киевских князей дробить Русскую землю¹⁴⁸. Но, видимо, были и иные причины, в частности, первоначально небольшие размеры и редкая заселенность относившихся к Переяславлю и Чернигову земель, граничивших с кочевнической степью, иными словами, недостаточная база для содержания самостоятельного аппарата власти. Неслучайно то обстоятельство, что при образовании Черниговского и Переяславского княжеств в их состав вошли территории-анклавы: в Черниговское княжество – Тмуторокань, в Переяславское – Курск и Ростов.

Основная часть Русской земли лежала на запад от Днепра. Вполне возможно, что южные границы этой земли в более раннее время, чем XI–XIII вв., от которых сохранились летописные известия, были несколько иными, чем они вырисовываются по таким известиям. Во всяком случае, летописное описание первого нападения печенегов на Киев в 968 г. не упоминает никаких городов возле него¹⁴⁹. Для защиты страны от этих

кочевников Владимир ставит крепости по Стугне¹⁵⁰, и очевидно, что именно Стугна в конце X в. была пограничной рекой владений Владимира, а не более южная р. Рось, от наименования которой некоторые исследователи пытались вывести название Русь. Свидетельства конца X в. позволяют считать, что Поросье в состав древней Русской земли не входило, хотя по данным конца XII в. считалось ее частью. В целом же древняя Русская земля простиралась не в меридиональном, а в широтном направлении. Ее бо́льшая часть, располагавшаяся в правобережье Днепра, занимала главным образом водораздел, отделявший бассейны Припяти и Западного Буга от бассейнов Южного Буга и Днестра. На западе Русская земля достигала верховьев Горыни и Западного Буга.

Такое заключение, основанное на локализации относимых в летописях к Русской земле городов и регионов, проясняет некоторые характеристики Руси, содержащиеся в более ранних источниках. Так, становится понятным упоминание Константином Багрянородным подчиненных Руси лендзанинов, рубивших в своих горах однодеревки, а затем переправлявших их в Киев¹⁵¹. Последние исследования показали, что лендзанины (ледзяне) обитали в верховьях Западного Буга¹⁵², а именно до тех пределов и простиралась Русская земля. Территория водораздела была и гористой, и покрытой лесом, что отмечает и Константин Багрянородный. Если здесь делались однодеревки, то они попадали в Днепр по правым притокам Припяти. Возможно, именно в этой части Русской земли следует искать указанные византийским императором загадочные русские крепости Милиниски (ср. Мильск) и Телиуцы, о местоположении которых до сих пор ведется полемика. В последнее время на основании изучения немецких источников IX–XII вв. А.В. Назаренко пришел к выводу о функционировании в середине IX в. торгового пути Киев – Краков – Морава – Дунай или Верецкий перевал – Дунай, на котором фиксируется ряд топонимов и микротопонимов с основой Rûzi (Русь)¹⁵³. Определяемое географическое положение древней Русской земли, подходившей к Карпатам и польским землям, делает теперь вполне объяснимыми эти свидетельства немецких источников.

¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 625, под 6790 годом, на единицу ниже мартовского. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 201. Далее определения годов как мартовских или ультрамартовских делаются по этой работе Бережкова без дополнительных ссылок на нее.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 626.

³ Там же. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 389, 390, под 6692 годом ультрамартовским.

⁴ Там же. Стб. 389.

⁵ Там же. Стб. 412, под 6703 годом ультрамартовским.

⁶ Там же. Стб. 417, под 6710 годом ультрамартовским.

⁷ Там же. Т. 2. Стб. 760.

⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 351–358.

⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 248, примеч. 296.

¹⁰ Там же. М., 1991. Т. II–III. С. 318, примеч. 316.

¹¹ Там же. С. 527, примеч. 37.

¹² *Соловьев С.М.* Соч. М., 1988. Кн. 1. С. 65.

- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ Там же. М., 1988. Кн. П. С. 24.
- ¹⁵ *Ключевский В.О.* Соч. М., 1956. Т. 1. С. 167.
- ¹⁶ *Федотов А.Ф.* О значении слова Русь в наших летописях // *Русский исторический сборник.* М., 1837. Т. I, кн. 2. С. 111–116.
- ¹⁷ Там же. С. 114.
- ¹⁸ Там же. С. 107.
- ¹⁹ Там же. С. 109–110, 114.
- ²⁰ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. II. С. 430, 439–440, 441.
- ²¹ Там же. С. 440.
- ²² Там же. С. 442.
- ²³ Там же. С. 438–439.
- ²⁴ Там же. С. 440, 442. Указание С.А. Гедеонова на статью 1175 г. Лаврентьевской летописи неточно, речь должна идти о статье 1174 г., поскольку рассказанные в этой статье события должны относиться к 6683 году ультрамартовскому. Неясна ссылка Гедеонова на Троицкую летопись, где в статье 1223 г. читалась фраза: "и вси князи Руси и вси князи черниговскии", т.е. русские (по утверждению Гедеонова это исключительно киевские) князья противопоставлялись черниговским. Несомненно, однако, что весь приведенный Гедеоновым текст восходит к тексту Ипатьевской летописи (ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741), где фразы о русских и черниговских князьях нет. Можно утверждать, что Гедеонов использовал уже поздний, переработанный текст, причем переработка была сделана не ранее XV в., поскольку только в XV в. в северо-восточном летописании начинает использоваться источник типа Ипатьевской летописи.
- ²⁵ *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий "Русь" и "Русская земля" // *Тихомиров М.Н. Русское летописание.* М., 1979. С. 23. Работа была написана в конце 1942– начале 1943 г. и впервые опубликована в 1947 г. (Там же. С. 355).
- ²⁶ Там же. С. 23; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 388, 371. Цитаты даны по этому изданию Лаврентьевской летописи как наиболее точному. В работе М.Н. Тихомирова использована менее совершенная публикация этой летописи.
- ²⁷ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372.
- ²⁹ Там же. Т. 2. Стб. 620: "поусти брата своего Всеволода и Олга сына своего и Ярополка в Роусь". Все эти князья имели владения не в Киевской, а в Черниговской земле. См.: Там же. Стб. 604, 618.
- ³⁰ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 24; ср.: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 24, 26. У Тихомирова цитата из статьи 1135 г. дана в упрощенной транскрипции.
- ³¹ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 24; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370, 454.
- ³² *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 24.
- ³³ НПЛ. С. 24.
- ³⁴ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 24; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 405. У М.Н. Тихомирова летописная цитата дана в упрощенной транскрипции.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 405.
- ³⁶ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 24.
- ³⁷ Там же. С. 24, примеч. 10.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 495. Цитата дана по этому изданию, а не по тексту статьи М.Н. Тихомирова.
- ³⁹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 239.
- ⁴⁰ Там же. С. 240.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 241.
- ⁴³ Там же. С. 240.
- ⁴⁴ *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- ⁴⁵ ПВЛ. Ч. 2. С. 240.

⁴⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 29; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149.

⁴⁷ Интересно отметить, что потомки Ярослава Мудрого в конце XII в. вспомнили о договоре 1026 г. своего предка. В 1195 г. киевский князь Рюрик Ростиславич, его брат смоленский князь Давыд Ростиславич и сват Рюрика владимирский князь Всеволод Большое Гнездо предложили черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу и его родичам "не искати отчины нашея Киева и Смоленска под нами и под нашими дѣтми и подо всеми нашими Володимеримъ племенею, како нашь (раздѣлил) дѣдъ нашь Ярославъ по Дыгѣпръ, а Киевъ вы не надобѣ..." (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688 и вар. 70). Едва ли приведенный текст следует понимать как точное воспроизведение в 1195 г. условий договора 1026 г., т.е. отнесенные к Русской земле, которую разделили в свое время Ярослав и Мстислав Владимировичи, помимо Киева и Чернигова еще и Смоленска. В 1195 г. одна ветвь потомков Ярослава Владимировича (Владимировичи), ставя условия другой ветви (Ольговичам), использовала договор 1026 г. как прецедент. В конце XII в. договор 1026 г. дополнялся иными статьями, в частности, о неприкосновенности Смоленского княжества. Что в договоре 1026 г. речь шла только о Киеве и Чернигове, может свидетельствовать то обстоятельство, что требование об отказе черниговских князей от Киева повторено в летописной статье 1195 г. дважды. Видимо, в первом случае, когда речь шла о Киеве и Смоленске, предлагалась своеобразная "поправка" к договору 1026 г., а во втором случае смысл договора 1026 г. излагался точно.

⁴⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 58.

⁴⁹ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 29.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 42, 44, 46, 216–217.

⁵³ Там же. С. 29; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341–342. Цитата дана по этому изданию.

⁵⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 60–66.

⁵⁵ Там же. С. 61–62.

⁵⁶ Там же. С. 63–65.

⁵⁷ Там же. С. 65–66.

⁵⁸ Там же. С. 66.

⁵⁹ Там же. С. 66 и примеч. 59–61.

⁶⁰ Впрочем, черные клобуки жили не только близ р. Роси. В 1150 г. князь Изяслав Мстиславич пошел из Владимира Волынского "на Гольско да Кунилу в Черныя Клобукуы" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 396). Гольско было расположено на правом берегу р. Случи, правом притоке р. Горыни, к западу от Киева (РГВИА. ВУА. № 20727). Каким именно черные клобуки имелись в виду летописцами, когда они писали о Русской земле и черных клобуках, поросские или погоринские, в большинстве случаев установить не представляется возможным.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371.

⁶² Там же. Т. 2. Стб. 341.

⁶³ Там же. Стб. 338, 339–340, 342.

⁶⁴ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 62; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45, 55, 84.

⁶⁵ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 63 и примеч. 46. Ссылка в примеч. 46 на Лаврентьевскую летопись неверна, в Лаврентьевской летописи таких сведений о Василисе нет. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, по Указателю географическому. Речь должна идти об Ипатьевской летописи, причем не о ее статье 1195 г., а о статье 1193 г.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679.

⁶⁷ Там же. Стб. 674 и вар. 45.

⁶⁸ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 64.

⁶⁹ НПЛ. С. 280. Текст Новгородской I летописи старшего извода в данном месте испорчен (Там же. С. 71 и примеч. 4).

⁷⁰ НПЛ. С. 68–71.

⁷¹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 64. Цитату см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338.

⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455.

- ⁷³ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 64.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305.
- ⁷⁵ Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 92.
- ⁷⁶ НПЛ. С. 27; ср.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 64 и примеч. 54.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319.
- ⁷⁸ Там же. Стб. 312.
- ⁷⁹ Там же. Стб. 303.
- ⁸⁰ Там же. Стб. 313.
- ⁸¹ Там же. Стб. 313, 304.
- ⁸² Там же. Стб. 313.
- ⁸³ Там же. Стб. 309, 329.
- ⁸⁴ НПЛ. С. 28; ср.: Федотов А.Ф. Указ. соч. С. 111; Геденов С.А. Указ. соч. Ч. II. С. 442; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 61 и примеч. 27.
- ⁸⁵ НПЛ. С. 22.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308–309.
- ⁸⁷ НПЛ. С. 26, под 6649 годом.
- ⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 606–607.
- ⁸⁹ Там же. Стб. 303 и вар. 17.
- ⁹⁰ Там же. Стб. 304. Об этих князьях см.: Donskoï D. Généalogie des Rurikides. Rennes, 1991. Р. 41, N 68; Р. 42, N 73, 74; Р. 61. N 126, 127.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.
Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 258–261.
- ⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 369. В 1146 г. киевский князь Изяслав обращался к своему брату смоленскому князю Ростиславу: "Брате, тобѣ богъ далъ верхнюю землю, ...а тамо оу тебе смоляныя и повгородци" (Там же. Стб. 359). Смоленск отпослился, таким образом, не к Руси, а к верхним землям, впрочем, как и Новгород.
- ⁹⁴ Там же. Стб. 370.
- ⁹⁵ Там же. Стб. 479.
- ⁹⁶ Там же. Стб. 704–705.
- ⁹⁷ НПЛ. С. 53.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338.
- ⁹⁹ Там же. Т. 2. Стб. 455.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. 1. Стб. 429–430.
- ¹⁰¹ Там же. Стб. 430.
- ¹⁰² НПЛ. С. 36.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 2. Стб. 315.
- ¹⁰⁵ Там же. Стб. 406; Т. 1. Стб. 311.
Там же. Т. 2. Стб. 409.
- ¹⁰⁷ Там же. Стб. 383.
- ¹⁰⁸ Там же. Стб. 422.
- ¹⁰⁹ Там же. Стб. 389 (Юрий Долгорукий, осадив в 1149 г. Луцк, говорил, что тем самым хочет отнять "волость его (Изяслава Мстиславича. – В.К.) всю" – стб. 388); 403.
- ¹¹⁰ Там же. Стб. 573.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 49. О дате договора см.: Литаврин Г.Г. Русско-византийские связи в середине X в. // Вопр. истории. 1986. № 6. Те же города, а кроме них еще Полоцк, Ростов, Любеч и "прочаа городы" упоминаются в договоре Олега с греками, текст которого помещен в летописи под 907 годом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31). Однако упоминания трех последних городов должны рассматриваться как комментарий сводчика XII в. (см.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 74–75).
- ¹¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.
- ¹¹³ Там же. Стб. 421.

- ¹¹⁴ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 61 и примеч. 27; ср.: НПЛ. С. 28, 45, 52.
- ¹¹⁵ НПЛ. С. 53.
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429.
- ¹¹⁷ Там же. Т. 2. Стб. 366.
- ¹¹⁸ Там же. Т. 1. Стб. 414–416, 438, 450, 454, 469; ср.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 68 и примеч. 42. Неясны только основания, по которым Рыбаков относит статьи с упоминанием Переяславля Русского к летописанию Переяславля Суздальского. Статьи, например, 1227, 1230 и 1239 гг. к летописанию этого центра возводиться не могут.
- ¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569–570.
- ¹²⁰ Там же. Стб. 570.
- ¹²¹ Там же. Стб. 683.
- ¹²² Там же. Стб. 685, 702.
- ¹²³ Там же. Стб. 367.
- ¹²⁴ Там же. Стб. 368.
- ¹²⁵ Там же. Стб. 374.
- ¹²⁶ РГВИА. ВУА. № 19768. Л. 6.
- ¹²⁷ Там же. № 20272.
- ¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385.
- ¹²⁹ Там же. Стб. 440–441.
- ¹³⁰ Там же. Стб. 405, 387.
- ¹³¹ Там же. Стб. 452.
- ¹³² Там же. Стб. 454.
- ¹³³ Там же. Стб. 461.
- ¹³⁴ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 158, 175, 43, 38.
- ¹³⁵ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 29.
- ¹³⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 64.
- ¹³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564.
- ¹³⁸ Там же. Стб. 395.
- ¹³⁹ Там же. Стб. 396.
- ¹⁴⁰ Там же. Стб. 409–410.
- ¹⁴¹ Там же. Стб. 409.
- ¹⁴² Там же. Стб. 410.
- ¹⁴³ Там же. Стб. 410–411.
- ¹⁴⁴ Там же. Стб. 413.
- ¹⁴⁵ Там же. Стб. 413–416.
- ¹⁴⁶ Там же. Стб. 417.
- ¹⁴⁷ Там же. Стб. 405.
- ¹⁴⁸ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 31–32.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65–67.
- ¹⁵⁰ Там же. Стб. 121.
- ¹⁵¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45.
- ¹⁵² Labuda G. Polska, Czechy, Ruś i kraje Lędzian w drugiej połowie X wieku // Labuda G. Studia nad początkami Państwa Polskiego. Poznań, 1988. Т. II.
- ¹⁵³ Назаренко А.В. Южнотемские земли в европейских связях IX–X вв. // СВ. М., 1990. Вып. 53. С. 133–134.

**"РУСЬ" И "РУССКАЯ ЗЕМЛЯ"
В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
И ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЬЯХ
ВТОРОЙ ТРЕТИ XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.**

Историография "Русской земли" велика и обильна... Она заслуживает, безусловно, специальных монографических исследований, которые, надеюсь, не заставят себя долго ждать. Это видно хотя бы по тому неослабевающему интересу к данной теме, который наблюдается в научной литературе 80-х годов¹. Без преувеличения можно сказать, что в течение предыдущего десятилетия не просто возросло число работ, но они вышли на качественно новый уровень. Важнейшей приметой последних лет оказалось триумфальное шествие скандинавской этимологии русского имени², хотя, конечно, не сидели без дела и ее противники³. Устойчивой тенденцией стало стремление специалистов отстать, наконец, от обветшалой моды иллюстративного использования иноязычных источников, когда хорошим тоном считалось "подкрепить" данные летописей вырванными из контекста и весьма спорно откомментированными фрагментами арабских, византийских и западноевропейских авторов. Сначала восточные, а затем немецкие и византийские обозначения Руси начали анализироваться в русле породившей их традиции⁴. Все это выдвигает новые задачи. Если не произойдет нового взрыва полемики по этимологии, то в 90-е годы можно ожидать в первую очередь углубленного анализа различных вариантов самоназвания в древнерусских источниках. Он необходим как для дальнейшего синтеза разноязыких свидетельств на новой основе, так и в связи с возрастанием интереса к различным аспектам проблемы этнополитического самосознания⁵. Постепенный перенос центра тяжести от этимологии к истории семантики названия "Русь" и производных от него уже, на мой взгляд, наметился в статьях конца 80-х – начала 90-х годов⁶.

Таким образом, появление настоящего исследования обусловлено современными тенденциями развития историографии "Русской земли". Я надеюсь, что это не последняя моя работа о русском самоназвании, и не претендую на исчерпывающий охват. В этой статье я придерживалась следующих принципов.

Во-первых, полностью абстрагироваться от вопроса о происхождении и первоначальном значении термина "Русь" и целиком сосредоточиться на некоторых особенностях его семантики в реально сохранившихся летописных памятниках.

Во-вторых, отказаться от попыток установить точные границы так называемой "Русской земли" в узком смысле в Среднем Поднепровье. Как я постараюсь показать, чисто историко-географический подход к данной теме, а особенно ретроспекция как одна из важнейших его составляющих,

вступают в противоречие с материалами источников (несмотря на свою традиционность и освященность весьма почтенными именами).

В-третьих, попытаться уйти от иллюстративного метода и использовать, хотя бы в виде простых статистических выкладок, основной массив содержащихся в древнейших летописных сводах упоминаний о Руси, русине и чем бы то ни было русском. Материалы других видов источников, не летописных, привлекаются пока лишь для сопоставления, там, где это необходимо для анализа особенностей летописных данных. Я не сомневаюсь, что М.Н. Тихомиров, Д.С. Лихачев, А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков (оказавшие и продолжающие оказывать серьезное влияние на историографию) и другие исследователи, посвятившие "Русской земле" специальные работы⁷, опирались на тщательно составленные картотеки терминов, но при этом изложение материала в опубликованных текстах чаще всего строится на основе подобранных по различным принципам иллюстративных выборок, о репрезентативности которых можно спорить⁸. В какой-то мере подобный подход оправдан и объективно обусловлен: вопрос о развитии семантики такого многозначного имени не может решаться на основе простого арифметического подсчета, качественные показатели едва ли не важнее количественных и концептуально значимые употребления термина неравноправны с "проходными". Но как избежать субъективности и произвольных толкований при отборе?

Из всего многообразия проблем, связанных со значением рассматриваемых названий в летописях, хотелось бы в первую очередь остановиться на вопросе о времени и частично о причинах появления "Русской земли" в узком географическом смысле в наших источниках. Поскольку историография изобилует примерами противоположных истолкований термина в одних и тех же фрагментах, необходимо найти какой-нибудь формальный критерий, на который можно было бы опереться. Таким критерием я считаю категорию противопоставления. Там, где непосредственно во фразе, содержащей интересующий нас термин, или в ее ближайшем окружении (соседних фразах) содержится противопоставление Киевщины и какой-либо другой древнерусской территории как Руси и не-Руси, можно говорить о бесспорно узком понимании летописцем "Русской земли". Те же случаи, когда из широкого контекста ясно, что под Русской землей или Русью подразумевается Киевщина, но прямого противопоставления древнерусским землям нет (а есть, например, половцам), будут рассматриваться в другой рубрике.

Теперь несколько слов о "банке данных" – о том, каково же количество упоминаний Руси, Русской земли, русских князей, других словосочетаний с прилагательным "русский", содержащихся в древнейших летописных сводах.

Основным источником являются, несомненно, Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I старшего извода летописи. Именно они дают не сопоставимое ни с каким другим видом источников количество употреблений терминов и позволяют проследить временные и региональные различия в семантике.

Повесть временных лет (ПВЛ) и по Ипатьевской (ИЛ), и по Лаврентьевской (ЛЛ) летописям содержит около 270 упоминаний (небольшой

разницей в количестве упоминаний по ЛЛ и ИЛ можно перебрать). При этом и в т. 1, и в т. 2 "Полного собрания русских летописей" (ПСРЛ) ПВЛ занимает около 270 столбцов текста. Примерно половина всех употреблений в ПВЛ приходится на период до 945 г. (57 столбцов в ЛЛ и 42 столбца в ИЛ), главным образом благодаря большой частотности во введении и текстах русско-византийских договоров.

ИЛ после ПВЛ (1119–1292 гг.) – 282 употребления на 652 столбца текста. Из них в Киевской летописи (1119–1198 гг.) – 195 употреблений на 429 столбцов. Таким образом, Киевская летопись, составляя чуть менее 2/3 объема ИЛ после ПВЛ в столбцах и чуть менее половины ее хронологического охвата, содержит несколько более 2/3 употреблений в ней интересующих нас терминов.

ЛЛ после ПВЛ – 94 употребления за 1111–1305 гг. (но последнее под 1284 г.) на 201 столбец текста.

В Новгородской I летописи старшего извода (НЛ-СИ) – 71 употребление до 1329 г. (до конца XIII в. – 64).

Следовательно, даже если учитывать ПВЛ только по одному из списков, три основных летописных свода дают нам 717 употреблений исследуемых терминов (о том, какая часть из этого количества активно задействована в исследованиях, см. прим. 8).

Если частотность употребления терминов считать одним из показателей интереса к "русской" проблеме (а так оно, без сомнения, и есть), то вводная часть ПВЛ по этому параметру далеко обгоняет все остальные памятники (кроме, разумеется, русско-византийских договоров). Далее следует Киевская летопись. И все три основных свода показывают снижение интереса к данной теме во второй половине XIII в.

Использование предложенного критерия предполагает, что "узкими" признаются лишь те случаи употребления терминов "Русь" и "Русская земля", в которых имеет место открытое и недвусмысленное противопоставление одной древнерусской земли (чаще всего Среднего Поднепровья) другой. При этом условия количественные соотношения получаются следующими. В ПВЛ на 270 употреблений нет ни одного подобного примера (полностью соглашаюсь в этом с таким признанным апологетом первичности Руси в широком смысле, как Д.С. Лихачев⁹). В ИЛ после ПВЛ на 282 употребления – 68 безусловно узких. Из них 67 – в Киевской летописи (в статьях 1140–1198 гг.). Единственное в ИЛ "узкое" употребление после Киевской летописи – в известии 1231 г. о занятии Даниилом Галицким Торцкого. ЛЛ после ПВЛ на 94 употребления дает 43 узких в хронологический промежуток 1139–1249 гг. Рубеж XII–XIII вв. здесь не является столь резкой границей, как в ИЛ, но количество нарочитых противопоставлений начинает постепенно снижаться еще до известия о смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. (примерно после 1207 г.). НЛ-СИ на 71 употребление дает 28 узких, преимущественно за 1132–1232 гг., одно употребление под 1257 г. также противопоставляет Русь и Новгород, но под Русью подразумевается не Киевщина, а Северо-Восточная Русь. Если учесть, что, помимо несомненно узких, значительная часть употреблений за вторую треть XII – первую треть XIII в. являются узкими по контексту (без противопоставления), а число широких

за этот же период единично (все они будут рассмотрены ниже), то становится очевидным, что приведенные цифры показывают как лавинообразный рост числа узких употреблений со второй трети XII в., так и достаточно быстрое затухание этой традиции к концу первой трети XIII в., причем еще до татаро-монгольского нашествия.

Такова арифметика, и она, на мой взгляд, достаточно убедительно свидетельствует о том, что в древнейшем сохранившемся летописном своде – ПВЛ – содержание терминов "Русь" и "Русская земля" при всей многозначности иное, чем в более поздних сводах. Но каковы же объективные предпосылки формирования историографического мифа о применении термина "Русская земля" первоначально только к территории исторического ядра Древнерусского государства в Среднем Поднепровье?

Одна из основных предпосылок, на мой взгляд, чисто логического свойства: представляется естественным, чтобы узкое значение предшествовало более широкому, но не наоборот. При этом не до конца учитывается возможность, что широкому географическому или политическому значению термина может предшествовать узкое, но не географическое, а этническое, этносоциальное или социальное.

Справедливости ради замечу, что резкое изменение семантики термина во второй трети XII в. не осталось незамеченным исследователями и вошло в науку тезисами о сужении понятия "Русская земля" в 40-е гг. XII в.¹⁰ или о "Руси внутри Руси"¹¹.

Вторая важная объективная предпосылка подчеркнута В.Я. Петрухиным – раннее политическое и экономическое развитие исторического ядра древнерусского государства в Среднем Поднепровье. Петрухин оказал весьма своеобразную поддержку А.Н. Насонову: «Политическую предысторию Русской земли (в узком смысле) выяснил А.Н. Насонов: "Русской землей" называлась территория, с которой собирали дань хазары". Однако ни во времена хазарской дани, ни даже в X в. эта область не называлась Русской землей»¹². Но ведь весь пафос исследования Насонова отнюдь не просто в утверждении о раннем политическом развитии ядра Древнерусского государства в Среднем Поднепровье, а именно в том, что гипотетическое ядро с самого начала носило название "Русской земли"! Ведь иначе (и Насонов понимал это лучше, чем кто бы то ни было другой) у автора "историко-географического" исследования нет права на ретроспекцию – выяснение границ предполагаемого древнего политического ядра по поздним летописным свидетельствам XII–XIII вв. Для Петрухина же вопрос о названии является второстепенным: "Русская земля" в узком смысле была, Насонов прав, но только называлась не Русской землей, а как-то иначе.

Обращаясь к истокам мифа, напомним, что сам вопрос об узком и широком понимании Русской земли возник в науке не под влиянием древнейших употреблений этого термина в ПВЛ или в сохранившихся памятниках XI – начала XII в. (Слово о законе и благодати, Похвала Иакова мниха, Борисоглебский цикл, Поучение Владимира Мономаха, Хожение Даниила), а на основании тех значений, которые он приобретает в летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в.¹³ Имеющиеся в более поздних сводах противопоставления Русской земли Новгородской,

Ростово-Суздальской, Галицко-Волынской землям, а также другим территориям и отдельным городам Древней Руси заставили исследователей искать следы подобных значений и в ПВЛ. И они были не только найдены, но и без всяких оговорок поставлены в один ряд с более поздними. Тезис о преобладании понимания Руси в узком географическом смысле уже в ПВЛ все еще находит сторонников, несмотря на то что от него уже давно отказался даже столь убежденный защитник гипотезы о первичности такого понимания, как Б.А. Рыбаков¹⁴. Но, как уже говорилось, речь идет не о большем или меньшем количестве таких употреблений в ПВЛ, а о полном их отсутствии. При всей многозначности рассматриваемых названий в ПВЛ в ней нет ни одного противопоставления Руси в смысле Среднего Поднепровья другой древнерусской территории.

Для доказательства обратимся к фрагментам ПВЛ, которые обычно привлекаются сторонниками изначально узкого понимания Русской земли.

В первую очередь это фраза "поляне, яже нынѣ зовомая русь", которая со времен В.О. Ключевского служила краеугольным камнем в доказательстве того, что первоначально Русью называлась лишь земля полян¹⁵. То, что в самом отрывке речь идет не о географическом понятии – земле полян, а об этническом – полянах, в расчет не принималось.

Далее, перечень городов из договора Игоря с Византией, хотя наличие в нем Переяславля вызывает определенные сомнения¹⁶, а завершающие слова "и прочие городы" оставляют некоторую свободу для определения границ Русской земли.

Фраза древлян "се князя русскаго оубихомъ" в статье 945 г. используется как доказательство того, что Древлянская земля не входила в состав Руси. Рассказ 984 г. о том, что после поражения на р. Пищане радимичи "платять дань [в] Руси" (предлог только в Ипатьевском списке, в Хлебниковском и Погодинском, по которым приведены разночтения в ИЛ, а также в ЛЛ его нет), служит основанием для исключения земли радимичей (по крайней мере по р. Пищане). Известие 1026 г. о том, что Ярослав Мудрый и Мстислав Тмутараканский "раздѣлиста и по Днѣпръ Рускую землю", якобы подразумевает именно узкое понимание, хотя, кроме днепровской границы, другие рубежи владений Мстислава и Ярослава здесь не упоминаются¹⁷. Все эти толкования достаточно спорны, хотя и возможны. Но необходимо сделать две существенные оговорки.

Первая. Наряду с этими примерами, допускающими (при большом желании исследователя, заигнотизированного позднейшими употреблением термина) узкое толкование Руси и Русской земли, в ПВЛ есть и такие (и их много), содержание которых в географическом отношении неопределенно, а также такие, которые тяготеют к расширительному общерусскому значению (которое, впрочем, часто имеет не только географический, но также потестарно-политический, этнический или религиозный смысл). Особенно ярко проявляется общерусское содержание понятий "Русь", "Русские князья", "Русские сыны" в статьях 955 и 969 гг. о крещении и кончине Ольги. Из статьи 977 г. мы узнаем, что Ярополк "бе володея един в Руси" лишь после того, как был убит его брат Олег

Древлянский, а Владимир бежал за море к варягам (т.е. подразумевается, что Древлянская земля и Новгород относятся к Руси). Упоминания Русской земли в статьях 988 и 1015 гг. о крещении и Борисе и Глебе подразумевают территорию и народ, приобщенные Владимиром к христианской вере и находящиеся под покровительством и заступничеством святых князей. Замысел Святополка Окаянного убить всех братьев связывается в ПВЛ с желанием одному принять "власть Русскую". При этом начинает Святополк с Бориса, Глеба и Святослава, сидящих, соответственно, в Ростове, Муроме и земле древлян, – видимо, без перечисленных территорий нет русской власти¹⁸.

С этой точки зрения особняком стоят в ПВЛ лишь некоторые известия о борьбе с половцами 60-х годов XI – начала XII в., но о них ниже.

Заметим, что значительная часть случаев, в которых рассматриваемая терминология приобретает в ПВЛ наиболее отчетливое общерусское звучание, связана с церковной жизнью и с княжеской властью.

И вторая оговорка. Все те случаи, когда контекст ПВЛ позволяет истолковать Русь и Русскую землю в узком географическом смысле Среднего Поднепровья с центром в Киеве, не идут ни в какое сравнение с теми демонстративными нарочитыми противопоставлениями Русской земли Суздальской, Новгородской, Смоленской, Галицко-Волынской, Полоцкой, Рязанской землям, которые мы находим в летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. Здесь часто не надо никаких истолкований и контекстов. Изменяются даже устойчивые традиционные формулы описания военных походов и посольств. В ПВЛ киевские князья, как правило, выходят "на греки", "на Царьград", "на северяны", "на древляны" и т.п., а возвращаются либо в Киев, либо восвоюси. Исключения связаны только с чисто внешними передвижениями: в 955 г. император напоминает Ольге о том, что она ему обещала, "аще възвращюся в Русь"; желание Святослава в 969 г. остаться в Переяславце на Дунае связано и с тем, что туда поступает "из Руси" скоро, воск, мед, челядь; в 971 г. он собирается пойти "в Русь", чтобы привести еще дружины; он обещает дружине вновь прийти на греков "из Руси", если прекратится выплата дани; переяславцы посылают к печенегам с уведомлением, что Святослав идет "в Русь"; в 1043 г. возвращаются "в Русь" из похода на греков дружинники Владимира Ярославича; в 1051 г. "в Русь" с Афона приходит св. Антоний Печерский; в 1093 г. приходят "на Русскую землю" половцы; а в 1103 г. возвращаются "в Русь" после успешного похода на половцев русские князья¹⁹. И ни разу в ПВЛ никто не вернулся "в Русь" из Новгорода, Смоленска или Суздаля. И противоположная ситуация в летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. Здесь указания на перемещения "из Руси" и "в Русь" (или "Русскую землю") при поездках и походах из Суздаля или Новгорода в Белгород или Киев и обратно – обычное дело. Более того, при чисто внешних перемещениях эти формулы встречаются гораздо реже. На мой взгляд, эта разница между возможностью истолковать некоторые случаи употребления названий "Русь" и "Русская земля" в узком смысле в ПВЛ и невозможностью истолковать их как бы то ни было иначе в летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. весьма существенна и имеет прин-

ципиальное значение для понимания особенностей развития древнерусского этнополитического самосознания в связи с историей самоназвания.

К сожалению, данные других видов источников значительно более фрагментарны, поэтому с их помощью невозможно проверить летописную терминологию сколько-нибудь надежно. В то же время они по крайней мере не противоречат тем результатам, которые получены из анализа летописей. Поскольку о нарративных памятниках XI – начала XII в. уже писалось в связи с русской темой довольно много, мне бы хотелось обратиться к сфрагистике и эпиграфике²⁰.

Конечно, даже вопрос о возможности привлечения материалов древнерусской сфрагистики для изучения истории самоназвания достаточно спорен. Дело в том, что наши древнейшие печати не просто ориентированы на византийские образцы и снабжены надписью на греческом языке, но и некоторые их буллотии были выполнены греческими мастерами и не исключено, что в Византии. Особенно это справедливо для митрополичьей сфрагистики. Действительно, являются ли греческие легенды булл киевских митрополитов отражением древнерусского этнополитического самосознания, или же политического кругозора руководителей канцелярии Константинопольской патриархии? Кроме того, опубликованные княжеские печати показывают, что с переходом в первой четверти XII в. от греческой благопожелательной надписи к русской практически прекращается упоминание в легендах булл княжеского титула, а, следовательно, и определения к нему – "Ῥωσῖας" или "русского". Единственное исключение – 1 из 22 булл с русской благопожелательной надписью (с 17 буллотиров), атрибутируемых Владимиру Мономаху. Все остальные легенды печатей, содержащие упоминания Руси, грекоязычные.

Итак, в настоящее время известно 11 княжеских печатей, оттиснутых восемью парами матриц, которые датируются последней четвертью XI – первой четвертью XII в., с упоминанием титула и названия страны²¹. Они атрибутируются четырем князьям и одной княгине. Двое из этих князей – Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах – в разное время занимали Киевский стол; Давид Игоревич, пять печатей которого (трех разновидностей, 1085–1112 гг.) найдены в Сутейске, связан с Волынью, Мстислав-Андрей Всеволодович со Смоленском (1103–1113 гг.), а "архонтисса Руси" Феофано Музалон, если верно предложенное В.Л. Яниным отождествление (самое убедительное из существующих сегодня в литературе, но не бесспорное), была женой Олега Святославича уже в тот период, когда он не был черниговским князем.

Вот как распределяются интересующие нас печати между этими князьями количественно: Всеволод Ярославич – одна большая печать только с христианским именем и титулом архонта "ἄρχων Ῥωσῖας", датируется Яниным 1088–1093 гг. [еще 9 печатей (8 разновидностей) Всеволода с греческой надписью содержат оба его имени – княжеское и христианское – и не упоминают ни титула, ни Руси]; Владимир Мономах – одна печать с греческой надписью с христианским именем, титулом, Русью и родовым именем матери (это единственная печать Владимира Всеволодовича с греческой надписью) и одна уже упоминавшаяся печать с

русской надписью; Давид Игоревич – пять печатей трех разновидностей, все с титулом и только христианским именем; Мстислав-Андрей Всеволодович Смоленский – одна печать (это его единственная печать) содержит только княжеское имя (но зато изображен Андрей Первозванный) и титул "μεγας ἀρχων" (Мстислав Всеволодович – единственный, кто на печати назван "великим князем"); Феофано Музалон – две печати одной матрицей, найденные за пределами Руси в собственно византийском материале. Печати Феофано (насколько можно судить по опубликованным прорисям) отличаются от остальных орфографией названия Руси: если на других печатях оно передается как "Ῥωσία" или "Ῥοσία" с чередованием в корне ω/ο, то у Феофано – "Ῥουσία" с литатурой ου.

Митрополичьих булл с упоминанием "Ῥωσίας" или "πάσης Ῥωσίας" известно 16 (13 разновидностей) от 12 митрополитов от Феофемпта (1037–1043 гг.) до Кирилла (1225–1233 гг.)²². Митрополитом и архипастырем "всех Руси" названы Константин II (1167–1174 гг.) (3 печати одной парой матриц) и Никифор II (1182–1198 гг.). Появление этой формулы на печатях киевских митрополитов Янин связывает с реакцией на сепаратистские тенденции Андрея Боголюбского²³.

Таким образом, материалы сфрагистики подтверждают широкое понимание Руси в княжеском делопроизводстве последней четверти XI – первой четверти XII в., а также, что еще менее удивительно, в митрополичьей канцелярии XI – первой трети XIII в.

Данные эпиграфики еще более фрагментарны. Из всего доступного ныне для исследователя опубликованного корпуса древнерусских надписей²⁴ лишь 3 граффити Софии Киевской содержат слова "русский", "Русь" – № 4, 27, 63²⁵. Из них № 63 – XIV в. и хронологически выходит за рамки данной работы. А № 4 и 27 датируются концом XI – началом XII в. Это запись о положении "раки" Всеволода Ярославича: "въ великыи четьвьрг рака положена бысть Анѣдрея роусъскыи кѣнязь благии..."; а также благопожелательная надпись княгини Олисавы, матери Святополка-Михаила Изяславича: "Господи, помози рабе своей Олисаве Святополчей матери русской княгине"²⁶. Обе надписи содержат исследуемый термин в титуле, на который оба поименованных лица – и Всеволод Ярославич, умерший великим князем киевским, и вдова Изяслава Ярославича полька Олсавы-Гертруды – имели полное право²⁷.

Следует, однако, отметить, что в памятниках эпиграфики упоминание титула во всех остальных случаях не сопровождается определением "Руси", "русский". А ведь надписей, дающих, казалось бы, повод для такого упоминания, достаточно много. Это и соседняя с надписью Олисавы благопожелательная формула № 28 "Господи, помози рабу своему Михаилу", которую С.А. Высоцкий обоснованно связывает с сыном Олисавы Святополком, занявшим в 1093 г. великокняжеский стол, и граффити № 7 о поставлении Илариона, № 8 о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г., № 9 о княжении Святослава Ярославича, № 6 о приходе Святополка Изяславича в 1093 г. и некоторые другие. И ни одного употребления в эпиграфических памятниках вне Киева! Почему "Никола пришелец из Киева-града от своего князя Ярослава", расписавшийся 1 ноября 1052 г. в Новгородском Софийском соборе²⁸, пришел не "из Руси" и не от "рус-

ского князя"? Почему надпись в Георгиевском соборе Юрьева монастыря о посещении собора Мстиславом-Федором Владимировичем в 1128–1130 гг. – "князь был на Федоров день Мстислав"²⁹ – не называет Мстислава "русским князем"? Даже такой роскошный памятник эпиграфики, как Тмутараканский камень, называет Глеба Святославича просто князем³⁰, а знаменитая черниговская гривна, атрибутируемая Владимиру Мономаху, содержит благопожелательную формулу "Господи, помози рабу своему Василию" без титула³¹. Даже в Лукке и Константинополе путешественники из русских земель в XII в. определяли себя либо по князю – "Лазорь псалъ Яршевич *Ростиславль*", либо урбанонимом – "Дьякон *моуромский* псалъ" и "Матѣѣи погъ *галичъский*"³².

Итак, фрагментарность эпиграфической традиции русского самоназвания связана отнюдь не с неполной сохранностью памятников или трудностями письма на нетрадиционном материале, а с тем, что в этом жанре сложились свои устойчивые формулы.

До недавнего времени словник берестяных грамот не включал исследуемых терминов. Однако новое прочтение В.Л. Яниным и А.А. Зализняком грамоты № 105 изменило ситуацию³³. Датированная 60-ми – 80-ми годами XII в. грамота упоминает Русь, причем именно в узком смысле: "в ней речь идет о денежных расчетах между складниками и говорится об их поездках на Русь (Киевскую землю) и в Южный Переяславль"³⁴.

Это свидетельство важно, так как показывает распространение узкого понимания Руси в достаточно широких слоях населения. Необходимо подчеркнуть, что стратиграфическая дата грамоты совпадает с периодом узкого употребления термина в летописях.

Впрочем, терминология нелетописных источников заслуживает, безусловно, отдельного и более подробного рассмотрения. Здесь она является лишь дополнительным аргументом в пользу важности и репрезентативности именно *летописного материала, который и количественно, и концептуально служит основой изучения самоназвания.*

Следует отметить, что далеко не все употребления терминов, которые я не отнесла к бесспорно "узким", имеют отчетливо общерусский смысл. Чаще всего они допускают различные толкования. Особенно сложно правильно понять рассматриваемые термины при описании столкновений с половцами (отчасти из-за совпадения южной границы "узкой" и "широкой" Русской земли). Причем данное наблюдение справедливо как для известий ПВЛ за 60-е годы XI – начало XII в., так и более поздних летописных статей. В ПВЛ половцам чаще всего противопостоят Переяславское, Киевское, Черниговское и Владимиро-Волынское княжества. Все они при этом именуется Русской землей, но не противопоставляются другим древнерусским княжествам, а только половцам. Такая же тенденция сохраняется и в дальнейшем: князья, принимающие участие в отпоре половцам, как правило, именуется русскими. Чаще всего это, конечно, южнорусские князья, что не свидетельствует о том, что русскими считались только они.

В каких же статьях Среднее Поднепровье впервые противопоставляется другим древнерусским землям как Русь – не-Руси?

В НЛ-СИ это известие 1132 г., в котором сообщается, что князь Всеволод Мстиславич ходил из Новгорода "в Русь" к Переяславлю на стол по повелению Ярополка³⁵. Ему предшествует целый ряд статей, в которых о передвижениях из Новгорода в Киев и обратно, а также о событиях в Киеве говорится безо всякого упоминания о Руси и без противопоставления Киева и Новгорода как Руси и не-Руси. В 1117 г. ушел по зову отца Мстислав из Новгорода в Киев на стол; в 1118 г. Владимир и Мстислав привели для крестоцелования в Киев новгородских бояр, а затем отпустили их "домовъ"; в 1126 г. Всеволод Мстиславич ходил из Новгорода в Киев к отцу и вернулся; в 1129 г. ходил Даниил-посадник из Киева в Новгород; в 1130 г. опять ходил Всеволод Мстиславич из Новгорода в Киев к отцу и вернулся. В 1132 г. в Киеве умирает Мстислав и на столе оказывается Ярополк. И именно после этого в НЛ и начинается систематическое противопоставление Новгорода Руси, вслед за приведенным выше известием следуют другие. Но ЛЛ и ИЛ описывают попытку Ярополка посадить Всеволода Мстиславича в Переяславле еще в традиционной терминологии, без Руси: "Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича из Новгорода и да ему Переяславль"³⁶.

В ЛЛ и ИЛ однозначно узкие употребления начинаются с 1140 г. Первое из них передано словами Андрея Переяславского Всеволоду Киевскому о нежелании перейти на княжение в Курск: "...оже ти, брате, не досыти всю землю Русскую держаще, а хочешь и сее волости, а оубивъ мене тебе то волость..."³⁷. Отсюда видно, что отмеченное исследователями сужение понятия "Русской земли" с 40-х годов XII в.³⁸, появилось в летописях не позже, а одновременно, синхронно с Русской землей в узком смысле. Уже первые несомненно узкие употребления терминов "Русь" и "Русская земля" в разных сводах дают как включение Переяславля в состав Руси (НЛ), так и исключение его из всей Русской земли (ЛЛ и ИЛ).

Случаи противопоставления Русской земли Переяславщине, Черниговщине и даже некоторым частям Киевщины рассмотрены в работе Н.Ф. Котляра³⁹. Довольно странно выбирает пример того, как "Русская земля сужается до размеров Киевщины", Б.Н. Флоря. В 1180 г. в борьбе Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича за Киев наступило временное равновесие. И тогда Рюрик уступил Святославу "старейшинства и Киева, а собе возя всю Роускою землю"⁴⁰ (так и сказано "всю", хотя речь шла только о Киевском княжестве без Киева и старейшинства, а из дальнейшего текста ясно, что главным "орудьем" Рюрика в Киевской области была и осталась Деревская земля с Овручем). По-моему, приведенный текст свидетельствует не столько о том, что происходит дальнейшее сужение границ Русской земли, сколько о том, что летописный текст не всегда можно толковать буквально и ретроспективно. Иначе придется предположить, что существовало древнее политическое ядро Древнерусского государства без Киева, которое тоже называлось Русской землей (или всей Русской землей).

После того как в статьях 30–40-х годов XII в. термины "Русь" и "Русская земля" приобретают на страницах летописных сводов узкое

территориальное значение (хотя и не в постоянных географических границах), именно оно становится резко преобладающим, так как кроме учтенных мной случаев бесспорно узкого толкования есть еще немало таких, которые к такому толкованию тяготеют по контексту, в то время как примеры широкого понимания Руси – единичные и не совпадают в разных сводах.

В ИЛ находим три случая определенно общерусского употребления, которые отсутствуют в аналогичных известиях других сводов.

Первый из них – в статье 1156 г. о приезде в Киев для встречи нового митрополита новгородского епископа Нифонта, его болезни и кончине. Летописный некролог содержит такие слова: "...то бо Нифонт епископ бысть поборник всеи Рускои земли, бысть бо ревнив по божественем..."⁴¹. Предположить, что автор этих слов считал Нифонта поборником всей Русской земли без Новгородской епископии, кафедру которой он занимал, довольно трудно; следовательно, Новгородская земля в данном случае включается в состав Русской земли. Характерно, что такого эпитета нет не только в ЛЛ, содержащей лишь краткое упоминание о кончине Нифонта⁴², но и в НЛ-СИ, высоко оценившей его деятельность⁴³. Правда, ни один из сводов не содержит и упоминания Руси в узком смысле при описании перемещения Нифонта из Новгорода в Киев.

Второй – в некрологе Андрея Боголюбского 1174 г. В ритуальном плаче-обращении к убитому читаем: "Ты же страсотерпче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ и о сродницѣхъ и о землѣ Руськои, дати миру мир..."⁴⁴. И в данном случае в состав Русской земли непременно должно входить и Суздальское княжество, стол которого занимал убиенный князь. Ничего подобного нет ни в НЛ-СИ, где рассказ об убийстве Андрея Боголюбского краток и нет некролога⁴⁵, ни даже в ЛЛ, в которой данный фрагмент вообще и некролог в частности текстуально близок к ИЛ и имеет с ней общий источник, находим только: "...ты же, страсотерпче, молися къ всемогущему Богу дати миръ миру..."⁴⁶; и в другом месте: "...Богу молися помилovati князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата..."⁴⁷.

Оба вышеприведенных примера общерусского употребления термина "Русская земля" связаны с мотивом небесного заступничества праведников (епископа и князя) и, следовательно, должны в первую очередь относиться к общности религиозной, но при этом один из предполагаемых заступников является представителем княжеской династии, что позволяет предположить и общность потестарно-политическую; да и в случае с новгородским архиепископом речь идет не о всех православных христианах вообще, а о пастве, окормляемой русской митрополичьей кафедрой, чистоту которой блюл Нифонт, отказываясь признать митрополитом русина Климента Смолятича (редчайший в летописании случай, когда одно лицо определено и этнонимом, и урбанонимом). Итак, Киевская летопись, хотя и в значительно сократившемся числе случаев, продолжает наметившуюся в ПВЛ тенденцию, согласно которой общерусский смысл наиболее отчетливо проявляется при применении рассматриваемых терминов к религиозной и потестарно-политической общности. Видимо, в центре

митрополии единство церковной иерархии русских земель осознавали особенно отчетливо.

Третий случай широкого понимания Руси в ИЛ связан с военной внешнеполитической деятельностью владими́ро-суздальского князя. Это описание похода Всеволода Большое Гнездо против Волжской Булгарии в статье 1183 г. Киевский князь Святослав Всеволодович был союзником Всеволода в данном предприятии и послал ему на помощь своего сына Владимира с дружиной. Киевская летопись при описании похода все войско называет русскими полками, русью, упоминает русские ладьи. ЛЛ, несмотря на общий с ИЛ источник, не содержит ни одного упоминания о руси и чем-либо русском⁴⁸. В НЛ-СИ находим лишь краткое известие об этом походе без упоминания о руси⁴⁹. Приведенный пример интерпретировать сложнее по двум обстоятельствам. Во-первых, участие киевских войск оставляет лазейку для предположения, что термин относится к ним (впрочем, текст таких оснований не дает). Во-вторых, речь здесь идет не о территории или народе, а о дружине (вызывает удивление тезис Флори о том, что в данном случае русь – этноним)⁵⁰. Так или иначе, налицо большая готовность Киевской летописи признать русскими объединенные полки владимирцев и киевлян.

Один пример общерусского употребления, отсутствующий в других сводах, дает и ЛЛ. Это знаменитые слова Всеволода Большое Гнездо: "Новгород Великий старейшинство имать княженью во всеи Руской земли"⁵¹. В ИЛ этого эпизода нет вовсе, а в НЛ он описан совсем иначе и без этих слов⁵². Возможно, их произнесение (если таковое действительно имело место) и внесение в летопись связано со скандальностью ситуации: Всеволод Большое Гнездо вынужден послать старшего сына Константина на Новгородский стол, который он до этого предпочитал держать младшим сыном. Требовалось дать понять окружающим, что такое перемещение не роняет достоинства Константина, не лишает его старейшинства среди детей Всеволода и не унижает перед младшим братом. Но вероятнее другое: эта фраза не имеет отношения к событиям 1206 г., а является результатом той редакторской правки в пользу Константина Всеволодовича, которая отличает ЛЛ, особенно в описании событий 1211–1216 гг. Дело в том, что в результате ссоры с отцом за год до его смерти (из-за нежелания оставить Ростов брату Юрию и перебраться во Владимир) Константин был лишен старейшинства в потомстве Всеволода. Лишь в результате Липицкой битвы 1216 г., благодаря поддержке новгородского князя Мстислава (того самого, который выгнал его из Новгорода в 1208 г.), Константину удалось восстановить свое старейшинство. Косвенным подтверждением этого предположения служит отсутствие эмоциональной реплики Всеволода в Летописце Переяславля Суздальского, хотя само известие о переводе Константина в Новгород в нем есть: "В лето 6714, марта в 1 день посла великыи князь сына своего Константина на столь Новогороду, а Святослава приведе к собе"⁵³. Так или иначе, но мысль об истонном единстве Русской земли здесь выражена предельно четко, причем показателем единства выступает княжеская власть (а центром Русской земли применительно к истории княжеской власти выступает Новгород).

В НЛ-СИ четыре употребления за вторую треть XII – первую треть

XIII в. могут претендовать на общерусское значение. Два из них в титулах митрополитов в сообщениях об их смерти: в 1159 г. преставился митрополит русский Константин в Чернигове, а в 1233 г. преставился митрополит всея Руси Киевский Кирилл⁵⁴. Два других известия употребляют сочетание Русская область. Причем в известии 1149 г. Русская область в широком смысле противопоставлена Царьграду, но соседствует с Русью в узком смысле (Нифонт пошел в Русь, позван князем Изяславом, который его ставил с епископами Русской области, не посылая в Царьград). В статье 1230 г. говорится о страшном голоде не в одной нашей земле, но во всей области Русской, кроме одного Киева⁵⁵. Замечательно, что новгородские широкие употребления в период преобладания узких связаны либо с церковной жизнью, либо с единым хлебным пространством, которое в Новгороде ощущали сильнее, чем где бы то ни было. Кроме того, новгородские летописцы проявляют особую терминологическую чуткость, вводя для широкого понятия (там, где это не связано с титулом митрополита) специальный термин.

Разительный контраст в семантике самоназвания между ПВЛ и более поздними летописными сводами (ПВЛ – преобладают общерусские и географические нейтральные толкования, при полном отсутствии однозначных узких и единичных случаев – в описаниях столкновений с половцами в 60-е годы XI – начале XII в., – когда узкое толкование допускается широким контекстом, но не является единственно возможным; летописные статьи второй трети XII – первой трети XIII в. – преобладают определенно узкие и узкие по контексту толкования, мало географически нейтральных, совсем единичны случаи общерусского понимания) заставляют поставить под сомнение целый ряд привычных стереотипов. И это не только легенда о первичности узкого географического значения Русской земли. Пересмотру должен подвергнуться сам тезис о необычайной устойчивости этнополитической терминологии древнерусского средневековья, ее малой подверженности изменениям и склонности к архаизации. Если не на лексическом, то, по крайней мере, на семантическом уровне, она мобильна, динамична и адекватно отражает происходящие в жизни народов и государств изменения. А научные дискуссии на эту тему должны быть переведены с уровня концепций на уровень картотек.

¹ Основная литература по теме см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., при участии Бибикина М.В. Комментарий 1–3 к гл. IX в кн.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 293–310.

² См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 24–38.

³ Pritsak O. The Origin of the name Rus' // *Turko-Tatar Past. Soviet Present*. N.Y., 1986. P. 45–65. Перевод и публикация этой статьи на русском языке (см.: Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 115–131) свидетельствуют о повышенном внимании ряда отечественных лингвистов к высказанной в ней гипотезе.

⁴ Новоселыца А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355–419; Назаренко А.В. Об имени "Русь" в немецких источниках IX–XI вв. // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 46–57; Он же. Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.). Бавария – Австрия // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 86–129; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Комментарий. С. 293–310.

- ⁵ Исследование Б.Н. Флори и А.И. Рогова [см.: *Рогов А.И., Флора Б.Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 96–120], разумеется, лишь открывает тему, но не исчерпывает ее.
- ⁶ Осознание исследователями того факта, что в этимологических изысканиях на русскую тему пройден некий важный этап, выразилось, в частности, и в желании подвести его предварительные итоги (см.: *Горский А.А.* Проблема происхождения названия "Русь" в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137). Уже в указанной в прим. 2 статье Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, а в еще большей степени в статьях Б.Н. Флори и В.А. Кучкина намечился переход к новой проблематике [см.: *Кучкин В.А.* "Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992. С. 79–82; *Флора Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42–66; см. также статью В.А. Кучкина в настоящем издании].
- ⁷ *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий "Русь", "Русская земля" // Советская этнография. 1947. № 6/7. С. 60–80 (перепечатано также в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 22–45); *Лихачев Д.С.* Комментарий // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 239–244; *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46; *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. 1953. Т. XVII. С. 23–104; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв., М., 1982. С. 56–66. В.Я. Петрухин ранее писал (см.: *Петрухин В.Я.* Комментарий // Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 278) о том большом влиянии, которое концепция М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова оказала на позднейших исследователей и, в частности, на А.И. Рогова [см.: *Рогов А.И.* О понятии "Русь" и "Русская земля" (по памятникам письменности XI – начала XII в.) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 151–156], который не учел появившиеся в 60–70-х годах новые материалы (переломкой следует считать работу А.П. Новосельцева о восточных источниках, сделавшую невозможным привлечение арабских авторов для доказательства первичности Русской земли в узком смысле), серьезно ослабившие аргументацию названных авторов. Необходимо отметить, что А.И. Рогов, вопреки подзаголовку своей статьи: "по памятникам письменности XI – начала XII в.", при доказательстве первичности Русской земли в узком географическом смысле ссылается исключительно на летописные статьи второй трети XII – начала XIII в. К сожалению, эта же концепция в неизменном виде перекочевала как в совместную главу А.И. Рогова и Б.Н. Флори [*Рогов А.И., Флора Б.Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 100], так и в виде исходной посылки в статью Б.Н. Флори (*Флора Б.Н.* Исторические судьбы Руси... С. 44).
- ⁸ В классической работе А.Н. Насонова, например, аргументация одного из основных тезисов о первичности "Руси" в узком территориальном смысле по древнерусским источникам занимает одну страницу (см.: *Насонов А.Н.* "Русская земля"... С. 29). На этой странице и сам факт существования "Русской земли" в узком смысле, и ее географические границы доказываются ссылками на 32 случая употребления рассматриваемых терминов в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской I летописях, причем даже среди приведенных примеров есть случаи спорные, темные, по крайней мере неоднозначные. Конечно, даже иллюстративная выборка, но сделанная таким крупнейшим знатоком летописных текстов, каким был А.Н. Насонов, сама по себе говорит о многом и в ряде случаев может считаться достаточно репрезентативной. В то же время нацеленность автора историко-географического исследования главным образом на эпизоды, содержащие конкретные географические реалии, делает его выборку непригодной для истории самосознания, что не было в достаточной мере учтено А.И. Роговым и Б.Н. Флорей. Необходимость более полного и систематического учета показаний источников была осознана Б.А. Рыбаковым: "Важность темы (значение термина Русь. – И.В.) и наличие разногласий вынуждают нас заняться более детальным рассмотрением этого вопроса

вновь с исчерпывающим, а не выборочным изучением летописей" (Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 57). После чего Б.А. Рыбаков, действительно, приводит 56 примеров "на исключение", 46 – "на включение" (причем многие примеры есть и там, и там) и 25 примеров того, что под Русской землей подразумеваются южнорусские области вообще. Выборку Б.А. Рыбаков осуществляет по тому же критерию – наличие "географической" определенности (Там же. С. 61–64), достаточно вольно толкуя многие из приведенных случаев (некоторые, но не все, из его ошибочных толкований были указаны В.А. Кучкиным) и полностью игнорируя те употребления, которые противоречат его основному тезису. Все три примера, приведенные Б.А. Рыбаковым из ПВЛ, содержат противопоставление (которое, впрочем, может толковаться не только как противопоставление) не по территориальному, а по племенному признаку: русский князь – древляне, русь – радимичи, русь – варяги, поляне, словене, кривичи, тиверцы, печенеги (последний пример со списком участников похода Игоря 944 г., вопреки мнению Б.А. Рыбакова, не содержит отождествления руси и полян). Это смешение племенного и территориального значений вообще характерно для всех желающих представить ПВЛ как памятник, содержащий упоминания о Руси в узком территориальном смысле. Отсюда видно, что Б.А. Рыбаков на практике довольно далеко отошел от требования "исчерпывающего, а не выборочного изучения летописей". И не случайно, видимо, В.А. Кучкин, как последователь концепции Насонова – Рыбакова, уже открыто провозгласил принцип выборочности при анализе источника: «Из всех случаев упоминания "Русской земли" в летописных памятниках необходимо исключить те, в которых термин "Русская земля" может иметь обобщающее значение, и не привлекать такие упоминания, которые неопределенны и могут быть истолкованы неоднозначно» (Кучкин В.А. "Русская земля" по летописным данным... С. 80). Стоит ли говорить, что я, напротив, старалась ничего не исключать, а учесть весь собранный корпус упоминаний. Хотя это пока и не удалось в полной мере (реальность источника гораздо богаче и противоречивее любой из существующих концепций), я рассматриваю данную статью лишь как предварительные итоги, начало работы над большой и сложной темой.

- ⁹ См.: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 240. При этом я не разделяю мнения Д.С. Лихачева, что 260 из 270 случаев ПВЛ имеют отчетливо общерусский смысл. На мой взгляд, значительная часть употреблений в ПВЛ в географическом отношении достаточно нейтральна.
- ¹⁰ Котляр М.Ф. "Русьская земля" в летописях XI–XIII ст. // Укр. іст. журн. 1976. № 11. С. 100, 101. Эта работа Н.Ф. Котляра была важным шагом в понимании исследователями того факта, что 30–40-е годы XII в. являлись рубежом в развитии терминов "Русь" и "Русская земля", а также того, что "Русская земля" в узком смысле" в источниках весьма неоднородна и в разных ситуациях имеет разные границы.
- ¹¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 67. Здесь Б.А. Рыбаков говорит уже о трех вариантах географического понимания Руси в летописных источниках.
- ¹² Петрухин В.Я. К проблеме формирования "Русской земли" в Среднем Поднепровье // ДГ, 1987 г. М., 1989. С. 26–30.
- ¹³ Достаточно вспомнить одну из первых работ на эту тему: Федотов А.Ф. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. I, кн. 2. С. 104–121.
- ¹⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 56 (но объясняет такое "словопонимание" тем, что описывается период единства Руси).
- ¹⁵ Ключевский В.О. Терминология русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Соч. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 94–98.
- ¹⁶ Lind J.H. The Russo-Byzantine Treaties and the early urban structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 63, N 3. P. 362–370.
- ¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 18, 37, 43, 71.
- ¹⁸ Там же. Стб. 49, 52, 56, 63, 96, 103, 105, 117, 124, 126.
- ¹⁹ Там же. Стб. 51, 55, 61, 142, 209, 255.
- ²⁰ Благодарю А.А. Молчанова, указавшего мне на важность сфрагистических источников.
- ²¹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. № 25. С. 16–17, 170, 251, 283; № 26–28. С. 20, 171, 251, 284; № 30. С. 24–28, 171–172, 251, 284; № 31. С. 20–23, 172, 252, 284; № 97. С. 187; Он же. К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1975. Вып. XI. С. 65–66.

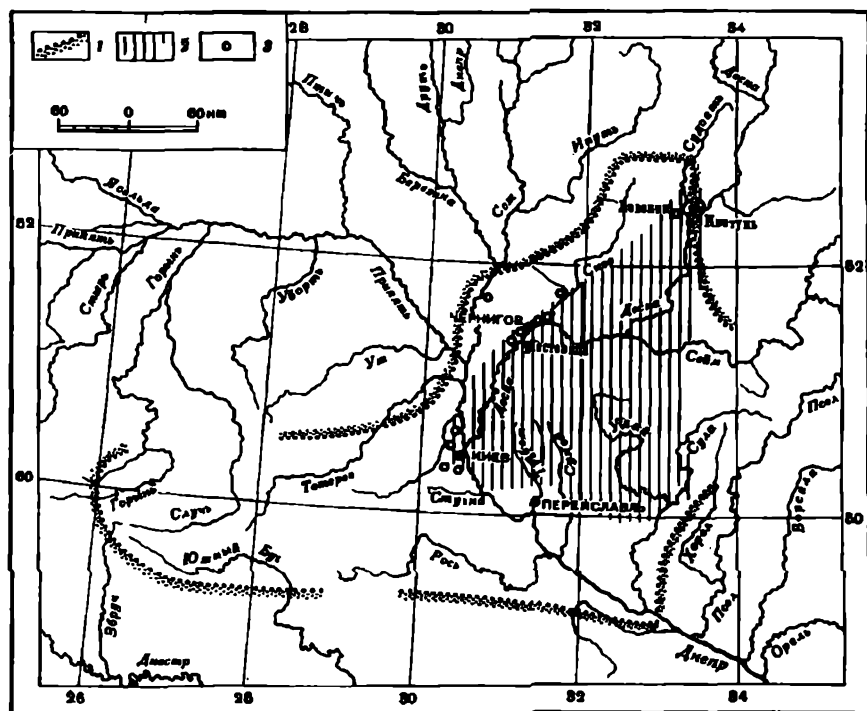
- 22 Янин В.Л. Актовые печати... Т. 1. № 41. С. 44, 174, 253, 286; № 42. С. 44–47, 174, 253, 286; № 43. С. 47–48, 174, 253, 286; № 44. С. 50–51, 174–175, 253, 286; № 45. С. 48, 175; № 46–47. С. 48–49, 175, 253, 286; № 48. С. 48, 175, 253, 286; № 49. С. 49, 175, 253, 286; № 50. С. 51, 175, 253, 286; № 51. С. 49, 175–176, 253, 286; № 52. С. 48–49, 186, 253, 286; № 53. С. 49–50, 176, 253–286.
- 23 Янин В.Л. Актовые печати. Т. 1. С. 48–49.
- 24 Библиографию древнерусской эпиграфики см.: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985; *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV вв. СПб., 1991. С. 69–79.
- 25 *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 18–24, 73–80, 102–103.
- 26 Там же. С. 18, 73.
- 27 С.А. Высоцкий выступил против отождествления В.Л. Яниным Олисы и Гертруды (см.: Там же. С. 79, примеч. 67).
- 28 *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. № 182. С. 114–124.
- 29 *Рождественская Т.В.* Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XV вв. // *Palaeobulgaria / Старобългаристика*. 1990. Т. XIV. № 2. С. 57.
- 30 *Медынцева А.А.* Тмутараканский камень. М., 1979.
- 31 *Плешанова И.И., Лихачева Л.Д.* Древнерусское декоративное прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. С. 191. Илл. 1, 2.
- 32 *Дез' Агата Д.* Старн кърилски надписи в катедралата "Сан Мартин" в град Лукка // *Славянские культуры и Балканы*. София, 1978. Вып. 1. С. 62–64. Работа о кириллических надписях Софии Константинопольской по техническим причинам осталась мне недоступна (*Welt der Slaven*. 1977. N 22. С. 86–88). Цит. по кн.: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв.
- 33 Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 131–132.
- 34 *Рыбина Е.А.* О содержании берестяных грамот с географическими названиями // Там же. С. 345.
- 35 НПЛ. М.; Л., 1950. С. 20–23.
- 36 ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 301; Т. 2. Стб. 294–295.
- 37 Там же. Т. 1. Стб. 307; Т. 2. Стб. 305.
- 38 *Котляр М.Ф.* Указ. соч. С. 100, 101.
- 39 Там же. С. 96–107.
- 40 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 623–624; *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси... С. 44–45. Этот пример не дает прямого противопоставления Киевщины Черниговщине или Переяславщине.
- 41 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.
- 42 Там же. Т. 1. Стб. 347.
- 43 НПЛ. С. 34.
- 44 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 585.
- 45 НПЛ. С. 34.
- 46 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369.
- 47 Там же. Стб. 371; ср.: Т. 2. Стб. 594–595.
- 48 Там же. Т. 2. Стб. 625–626; Т. 1. Стб. 389–390.
- 49 НПЛ. С. 37.
- 50 *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси... С. 45.
- 51 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 422.
- 52 НПЛ. С. 49–50.
- 53 *Летописец Переяславля-Суздальского* // *Временник Московского общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 9. С. 107.
- 54 НПЛ. С. 28, 72.
- 55 Там же. С. 30, 72.

СЛАВЯНЕ, ВАРЯГИ И ХАЗАРЫ НА ЮГЕ РУСИ. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В последние годы открылись возможности для свободного изучения "экзогенных" факторов развития русской государственности. Историографический миф об "исконно славянском" племени русь в Среднем Поднепровье перестает играть роль "исторического факта" и становится уделом историографии. Напротив, реальную историческую основу обретают летописные известия о присутствии там наряду со славянами хазар и варягов, именовавших себя русью.

Это присутствие дает о себе знать, прежде всего, в археологических материалах. Что касается хазар, то еще в 1955 г. Г.Ф. Корзухина предположила, что выпадение кладов в Среднем Поднепровье в VII – начале VIII в., приписанных А.А. Спицыным антам, а Б.А. Рыбаковым – "русам", связано с нашествием хазар; позднее М.И. Артамонов, С.А. Плетнева и А.К. Амброз определили как тюркские – хазарские – знаменитые комплексы начала VIII в. в Среднем Поднепровье у Вознесенки, Малой Перещепины и др.¹ Кроме того, как показал А.К. Амброз и другие исследователи², в лесостепной и степной зоне, в том числе в Поднепровье, в начале VIII в. формируется целая иерархия погребальных памятников, включающая как перечисленные поминальные комплексы, принадлежавшие высшей кочевой знати, вероятно, самим каганам, так и могилы "военных вождей разных рангов" (Ясиново, Келегеи, Новые Сенжары и др.). Специальный интерес представляет аналогичный комплекс – "могила всадника" – у с. Арцыбашева в Верхнем Подонье³. Вооружение всадников – палаши – напоминает о предании о хазарской дани в Повести временных лет, которую хазары "доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями". Действительно, упомянутые памятники примыкают к ареалам славянских племен Среднего Поднепровья – полян, северян, а на востоке – к ареалу вятичей (см. карту), именно тех славянских объединений, с которых согласно летописи брали дань хазары⁴.

Показательно, что одновременно, с VIII в., начинается интенсивное развитие славянских культур – роменской, относящейся к северянам, в Среднем Поднепровье, на Левобережье, и боршевской, приписываемой вятичам, на Дону. Можно считать провидческим взгляд В.О. Ключевского на "хазарское иго", как на отношения, способствовавшие развитию экономики славян⁵. Во всяком случае, урегулированные отношения со степью

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

1 – границы Русской земли по А.Н. Насонову; 2 – ареал волынцевской культуры; 3 – камерные гробницы X в.

всегда были лучше спонтанных набегов кочевников. Об очевидном этнокультурном симбиозе славян и кочевников в лесостепной зоне свидетельствуют как дохазарская пеньковская культура (которой и принадлежали клады "антов"), так и позднейшая (VIII–IX вв.) волынцевская культура в Левобережье Среднего Днепра, на памятниках которой обычны керамика и другие вещи салтовской культуры, характерной для населения Хазарии (отдельные памятники волынцевского типа известны и в верховьях Дона и Оки): показательно, в частности, и отсутствие выраженных укреплений на большинстве поселений волынцевской культуры⁶.

Значение регулярных даннических отношений с Хазарией продемонстрировал еще в 1951 г. А.Н. Насонов: в пределах тех территорий полян, северян и радимичей, с которых брали дань хазары, сложилась позднее "Русская земля", домен великих князей, владевших волостями Киева, Чернигова и Переяславля, ядро государственной территории. В книге, изданной в разгар борьбы с "космополитизмом", Насонов не мог всерьез обсуждать проблему происхождения Руси – исследовательским подвигом для той эпохи можно считать уже и то, что признавалось хазарское влияние на судьбы Русского государства⁷.

Ныне, когда нет оснований для шельмования летописной традиции о скандинавском происхождении имени *русь*, русско-хазарские отношения рассматриваются в гораздо более широком историко-географическом контексте, включающем не только Среднее Поднепровье, но и север Восточной Европы⁸. А.П. Новосельцев предположил, что призвание варягов-руси словенами, кривичами и другими племенами Севера было вызвано хазарской угрозой. Трудно сказать, насколько реальными были претензии Хазарского каганата на Север Восточной Европы, а насколько царь Иосиф в своем письме, включающем в сферу влияния Хазарии даже северную весь (?), выдавал желаемое за действительное.

Более очевидными были претензии руси, чьи правители уже в IX в. именовались титулом "каган". Призвание князей с дружиной – русью, по летописи, завершилось упрочением варяжской династии на Севере и, стало быть, распределением сфер влияния в Восточной Европе. Рюрик садится сам в словенском Новгороде и сажает своих мужей в кривичском Полоцке, "мерянском" Ростове – у племен, с которых брали дань варяги и до призвания князей; но к этим племенам в летописи добавлена мурома. Такое дополнение можно было бы считать домыслом летописца, распреде-
лявшим сферы влияния между варягами и хазарами в соответствии с традицией о варяжской и хазарской данях: ведь мурома сидела по Оке, а южнее на этой реке обитали вятичи, платившие дань хазарам. Однако, во-первых, Ока действительно с IX в. была важнейшей речной магистралью, соединявшей Хазарию (Дон) с землями Севера Восточной Европы, о чем свидетельствуют клады монет; во-вторых, Г.Ф. Корзухина обратила внимание на особую группу окских кладов в земле вятичей, содержащих восточные монеты, славянские и хазарские (салтовские) вещи и зарытых в конце IX – начале X в.; клады этого времени найдены и в землях радимичей и северян⁹.

Таким образом, напряженность чувствуется в сфере влияния Хазарии, где прячут (и не изымают впоследствии) сокровища. Очевидно, что напряженность неслучайна – согласно той же летописи князь Олег в 882 г. со своей дружиной из варягов и словен, прозвавшихся русью, захватывает Киев, объявляет его "матерью городов русских" и приносит само имя Русь в Среднее Поднепровье. Князь присваивает дань, которую брали хазары с северян (884 г.) и радимичей (885 г.), утвердившись в полянском Киеве.

Ранние летописные датировки условны, как показал А.А. Шахматов. Но время вторжения Олега в сферу влияния Хазарии подтверждается не только отдельными находками кладов, но и общей ситуацией в системе торгово-денежных отношений Восточной Европы. Американский нумизмат Т. Нунен показал, что в последней четверти IX в. наступает кризис в поступлении восточного серебра через Хазарию в Восточную Европу. Этот кризис не был связан с сокращением эмиссии в Халифате – доступ серебра был перекрыт хазарами. Приток восточной монеты возобновился в начале X в., но серебро поступает через Волжскую Булгарию из державы Саманидов, в обход Хазарии¹⁰. Таковой, очевидно, была реакция Хазарии на действия Олега и его руси.

Процесс освоения ("окняжения") подчиненной Олегом и его наследниками территории в Среднем Поднепровье – "Русской земли" в узком смысле – прослеживается по материалам древнерусских некрополей, прежде всего Киева и Чернигова, где открыты дружинные погребения руси, еще сохранявшей скандинавские традиции¹¹.

Погребальный обряд, характерный для русской дружины в Среднем Поднепровье, описан в начале X в. Ибн Русте. Это погребение в "домовине" – камере, где воина хоронили вместе с "женой". Такие парные погребения известны в Киеве и на Черниговщине: в Шестовице под Черниговом в двух камерах воины держали в объятиях своих загробных подруг¹².

Однако специфика погребального обряда руси на Юге, в Среднем Поднепровье, не исчерпывается этими ритуальными подробностями. Большие курганы Черниговщины, Черная могила и Гульбище, насыпанные с соблюдением скандинавских традиций, содержали также "трофеи" – груды вооружения, спекшиеся на погребальном костре: ближайшие параллели такому обряду известны в салтовских – хазарских древностях (вплоть до упомянутых комплексов типа Вознесенки). В камерных гробницах и курганах с трупосожжениями всадников кони укладывались иногда не "по-скандинавски" (в ногах), а "по-кочевнически" (сбоку от хозяина). Древнейшей русью были восприняты многие традиции хазар и других степняков как в одежде, так и в декоративном искусстве, – но особенности обряда заставляют предполагать не просто внешнее влияние, а участие выходцев из степи в совершении дружинных обрядов и, стало быть, включение их в состав русской дружины¹³, что было характерно и для XI в. Следует отметить при этом, что в эпоху хазарской дани в VIII в. погребальные памятники хазарской дружины не "заходили" на территорию будущей Русской земли: реально освоили эту землю именно русские дружинники, судя по материалам некрополей.

Дружинный обряд погребения в камерных гробницах был известен не только в главных центрах Русской земли – Киеве и Чернигове и их непосредственной округе: показательно, что периферийные дружинные центры с погребениями в камере расположены на границах Русской земли – в северянско-радимичском пограничье, в Левенках и Кветуни¹⁴ (см. карту).

В целом распространение камерных гробниц в Левобережье совпадает с ареалом древностей волынцевской культуры: более того, эти древности "заходят" на киевское Правобережье, где известны волынцевские поселения с салтовскими вещами (Ходосовка и др.), а салтовское трупосожжение открыто в самом Киеве¹⁵, где, согласно летописи, существовал целый район под названием *Козаре*¹⁶. В районе Переяславля есть раннее волынцевское поселение, но нет дружинных древностей X в.: сам город был основан, по летописи, в 993 г. и входил в систему пограничных крепостей на Трубеже. Таким образом, Переяславская волость вошла в состав Русской земли в конце X в. при Владимире Святославиче.

Итак, камерные гробницы "отмечают" присутствие русской дружины в узловых пунктах Русской земли, там, где пересекались племенные грани-

120

цы и интересы различных племен и правящего слоя Русского государства. Неслучайно за пределами "Русской земли" в узком смысле ближайшие камерные гробницы обнаружены под древлянским Искоростенем, покоренным Ольгой после древлянского восстания и убийства Игоря (945–946 гг.), и на Волыни в Плеснеске (Подгорцы), в области, вошедшей в состав Русского государства после похода Владимира Святославича "на ляхов" (981 г.)¹⁷.

Распространение камерных гробниц в Среднем Поднепровье не только подтверждает в целом реконструированные Насоновым границы "Русской земли" в узком смысле, но и позволяет (вслед за тем же исследователем) детализировать историю подчинения славянских племен Русскому государству. Насонов отмечал, в частности, что Русская земля включала не всю территорию радимичей. Действительно, радимичи не были названы среди данников руси Константином Багрянородным: согласно летописи, они были подчинены при Владимире Святославиче в 984 г. после битвы на р. Пищане, за пределами Русской земли. Значит, и Олег мог брать дань только с части радимичей, оказавшихся в пределах Русской земли, отмеченных, в частности, позднейшими дружинными курганами в Левенках и Кветуни на Десне; на прочей радимичской территории нет дружинных древностей X в. Возможно, сходная ситуация имела место и на западной границе Русской земли, в Погорынье у волынян: Константин Багрянородный упоминает среди данников руси загадочное племя лендзян, само название и область расселения которых свидетельствуют о близости их к "ляхам" и позволяют отождествить их с волынянами¹⁸. Видимо, часть этого племенного объединения попала под власть руси (и в состав Русской земли) уже при Игоре, завершил же покорение всего племени тот же Владимир Святославич, занявший Червенские города в 981 г. Таким образом, исходно Русская земля не формировалась на принципах племенного деления, а была надплеменным образованием, ядром складывающегося государства, разрушающего племенные границы и объединяющего разноплеменные территории.

Соответственно, и главная социальная сила, объединяющая разноплеменные территории, – княжеская дружина – не могла замыкаться в собственных "племенных" рамках. У Константина Багрянородного в середине X в. русь еще противопоставлена славянам как дружина, пользующаяся скандинавским языком, славяноязычным зависимым племенам. Но одновременно культура этой дружины на славянских землях интенсивно впитывала иноэтничные – славянские и тюркские – влияния. Большая часть камерных гробниц относится к середине – второй половине X в., и чем дальше от главных центров Русской земли – Киева и Чернигова – расположены эти гробницы, тем ближе к рубежу X и XI вв. относятся их даты, тем менее очевидными становятся скандинавские черты в их обрядности. Напротив, ярче проявляются собственно русские – восточно-европейские – связи. Общерусский материал характеризует курганные группы Стародубского ополья, в том числе камерные гробницы у сел Левенки и Мереновка, а также в Кветуни¹⁹.

Исследователь кветунских курганов В.А. Падин отмечал, что, судя по датировкам, район древнерусского города Трубчевска вошел в состав

Русского государства еще до похода князя Владимира на радимичей в 984 г.²⁰ Действительно, время широкого распространения дружинных древностей, в том числе камерных гробниц, по всей Руси в самом широком смысле, вплоть до Гнёздова в Верхнем Поднепровье, Пскова, Верхнего Поволжья (Тимерево) относится ко второй половине X в. Показательна особая концентрация "цепочек" пунктов с камерными гробницами по Днепру и Десне: видимо, эти погребальные памятники отмечают оседание русских дружинников – представителей княжеской администрации – на тех "местах, знаменьях и погостах", которые были установлены "по всей земле" Ольгой после кризиса традиционного полюдья и организации княжеской системы погостов (в 947 г., по летописи) по Днепру и Десне и далее (вплоть до Пскова и Новгородчины). Не случайно камерная гробница известна и в "Ольгином граде" – Вышгороде. Материалы погостов, в том числе и камерных гробниц, обнаруживают не только северные (скандинавские), но и южнорусские связи. Так, в Гнездове в двух камерных гробницах кони размещались "по-кочевнически" – сбоку от хозяина. Исследователи Гнёздова отмечают южные славянские и даже хазарские связи этого крупнейшего погоста, считая, что в X в. имел место приток населения с юга в Верхнее Поднепровье²¹.

В целом "ансамбли некрополей" (в терминах Г.С. Лебедева) Гнёздова, Тимерева и других памятников в Верхнем Поволжье, Киева, Чернигова, а также Шестовицы, Кветуни и др. имеют относительно единые характеристики, в том числе в развитии погребального обряда: на фоне славянского трупосожжения появляются трупоположения в ямах и камерных гробницах. Формируется общерусская культура, ассимилирующая как скандинавские, так и "кочевнические" традиции. Эта ассимиляция особенно заметна в эпоху князя Святослава, который сам был носителем кочевнических традиций (судя по описанию его быта в летописи и у Льва Диакона): к его времени относятся Черная могила и другие памятники Черниговщины и Гнёздова.

Святослав продолжил в 960-е годы политику "отвоевания" славянской дани и конфронтации с Хазарией: он подчинил последнее племя, входившее в сферу влияния Хазарии, – вятичей. Археологическими свидетельствами его похода считаются следы пожаров на городище Горналь на р. Псел (окраинное роменское городище за пределами Русской земли) и на городище у с. Супруты на р. Упе, притоке Оки²². Выше по р. Псел появляется некрополь конца X–XI в. с дружинными курганами в Гочево²³. И в этот период русским князьям приходилось совершать повторные походы на вятичей (в княжение Владимира Святославича в 981–982 гг.).

Владимир, очевидно, отказался от "имперских" амбиций своего отца во внешней политике: он закрепил успехи Святослава в Хазарии, посадив своего сына Мстислава в хазарской Тмутаракани, но не продолжил завоеваний в Поволжье, отказавшись, по летописи, от болгарской дани. Его интересы были сосредоточены на традиционной политике "окняжения" племенных территорий радимичей, вятичей и волынян и укрепления границ со степью. Вероятно, с этим процессом связано расширение системы погостов и княжеских городов в конце X–XI в. как в Поднепровье,

включая Переяславль, и Подесенье²⁴, так и на Волыни. Для дружинной культуры этого периода показательны, в частности, камерные гробницы из некрополя в Плеснеске. "Формально" парные труположения в двух камерах этого некрополя продолжают погребальную традицию руси, описанную Ибн Русте; но в материалах этих комплексов²⁵ нет ничего специфически скандинавского, за исключением мечей со скандинавскими рукоятками. Специфика проявляется в ином – во рту у погребенных обнаружены золотые пластинки: этот обряд известен в ранних древностях Моравии и синхронных описываемым гробницам – Венгрии²⁶, что указывает уже на центральноевропейские связи коллектива, совершавшего обряд. Наконец, самый яркий элемент обряда, свидетельствующий о начале христианизации, – крестовидные привески, в том числе так называемый крестик скандинавского типа, обнаруженный в одной из гробниц. Эти крестики распространены по преимуществу в Восточной Европе, в том числе в Среднем Поднепровье, но в основном в зонах, вновь освоенных княжеской властью в земле радимичей, а также в Тимерева, курганах Владимиро-Суздальского ополья и др.²⁷

Традиционно в археологической литературе камерные ("срубные") гробницы с наборами вооружения, конями и т.п. приписываются членам старшей дружины – боярам²⁸, более скромные погребения, где воин вооружен топором, видимо, относятся к младшей дружине²⁹. Наиболее последовательно ранги княжеской дружины перечислены в летописном описании "пиров" князя Владимира: в гриднице князя собирались "боляре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи"³⁰. При этом в социальной лексике сохраняются те этнокультурные компоненты, которые реально участвовали в сложении русской дружины культуры X в.: *боляре* (*боляре*) – тюркское заимствование, обозначение старшей дружины³¹, *гриди* – скандинавское заимствование, младшая дружина, *сотские*, *десятские*, *нарочитые мужи* – славянская терминология³². В целом дружина (и все войско) могла именоваться и словом *русь*, ср. "боляре и русь вся" в договоре Святослава с греками (971 г.). Более того, сами предводители этой дружины, верховные сюзерены, наряду с праславянским титулом *князь* использовали хазарский титул *каган*, во всяком случае, до времен Владимира и Ярослава Мудрого.

Итог этого социального и этнокультурного взаимодействия заключался не только в формировании полиэтнической и, стало быть, надплеменной социальной лексики, но и в распространении названия *Русь* как в пределах домена киевских князей – в Русской земле в узком смысле, так и повсюду, куда распространялась власть русского князя и его руси³³. Этому распространению способствовала и принципиальная ориентация русской дружины на политику этнокультурного синтеза разных традиций. В.Т. Пашуто называл "славяно-варяжским синтезом" отношения, сложившиеся между варягами и славянами на Севере Восточной Европы³⁴; продолжение этих отношений синтеза, "подключивших" на Юге хазар и другие этнокультурные элементы степи, во многом определили дальнейший путь русской средневековой истории.

- ¹ *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в I тыс. н.э. // СА. 1955. Вып. 22. С. 61–82; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 175; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1976. С. 102; *Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–221; ср. также: *Щеглова О.А.* О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по истории Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.
- ² *Амброз А.К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 13–19; ср.: *Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.
- ³ *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 80–85.
- ⁴ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 16, 18.
- ⁵ *Ключевский В.О.* Соч. М., 1989. Т. 1. С. 259. О близких взглядах Любавского и Грушевского на роль хазар см.: *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопр. истории. 1991. № 2/3. С. 5.
- ⁶ Из обобщающих работ см.: *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 133–156; Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 76–141; *Сухобоков О.В.* Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Киев, 1992; см. также: *Щеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волинцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 308–310.
- ⁷ *Насонов А.Н.* “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. О неточностях в использовании источников по древнейшей руси см.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империй. М., 1989. Комментарий. С. 308–310.
- ⁸ *Новосельцев А.П.* Указ. соч.
- ⁹ *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954. С. 35–36.
- ¹⁰ *Noonen Th.* The first major silver crisis in Russia and the Baltic c. 875 – c. 900 // Hikuin. 1985. N 11. P. 41–50; ср.: *Кропоткин В.В.* Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 149.
- ¹¹ *Петрухин В.Я.* К проблеме формирования “Русской земли” в Среднем Поднепровье // ДГ, 1987 г. М., 1989. С. 26–30.
- ¹² *Блифельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 128, 138.
- ¹³ *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение, 1993. № 3.
- ¹⁴ Ср.: *Моца А.П.* Срубные гробницы южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 100; *Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А.* Курганы Стародубского ополья // Там же. С. 107–108; *Седов В.В.* Указ. соч. С. 151–152.
- ¹⁵ *Сухобоков О.В.* Указ. соч. С. 17–18, 65; Этнокультурная карта... С. 110, 117; *Петрашенко В.А.* Волинцевская культура на Правобережье Днепра // Проблемы археологии Южной Руси. С. 47; *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 137.
- ¹⁶ ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 2, вып. 1. Стб. 43–44.
- ¹⁷ Ср.: Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 326–327.
- ¹⁸ *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 390.
- ¹⁹ *Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А.* Указ. соч. С. 107–111; *Шинаков Е.А.* О происхождении раннесредневековых городов в Брянском Подесенье // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1, вып. 26. С. 134–138.
- ²⁰ *Падин В.А.* Кветунский древнерусский курганный могильник // СА. 1976. № 4. С. 197–210.
- ²¹ *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 1. С. 75.
- ²² *Шинаков Е.А.* Указ. соч.; *Изямова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 213. Супруты – вятицкий центр, судя по находкам кладов и отдельным вещам связанный как с Хазарией, так и с Севером Европы. Салтовские вещи обнаружены и на городище Горналь.
- ²³ *Алешковский М.Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1. С. 83, 85, 89.
- ²⁴ *Шинаков Е.А.* Указ. соч.

- ²⁵ Автор пользуется случаем, чтобы поблагодарить проф. Х. Цолл-Адамякову (Краков) за предоставленную возможность познакомиться с полным описанием комплексов.
- ²⁶ Моца А.П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 124; Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 178.
- ²⁷ Фехнер М.В. Крестовидные подвески "скандинавского типа" // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210–214. О более ранних крестовидных привесках из камерных гробниц Киева, Шестовицы, Гиездова и Тимерева см.: Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Русское христианство до крещения Руси: археологические свидетельства и письменные источники // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1993. С. 62–64.
- ²⁸ Блифельд Д.И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. // СА. 1954. Вып. 20.
- ²⁹ Ср.: Алешковский М.Х. Указ. соч.
- ³⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 86.
- ³¹ Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 215–217.
- ³² Возможные княжьи влияния на летописную лексику (см.: Завадская С.В. Возможности источниковедческого изучения "Праздников" – "пиров" князи Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1990. С. 54–56) не отменяют реальных этнокультурных истоков самой социальной терминологии.
- ³³ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 24–38.
- ³⁴ Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Сб. сб. Таллинн, 1970. Вып. 15. С. 53–55.

В.Л. Янин

К ВОПРОСУ О ДАТЕ СОСТАВЛЕНИЯ ОБЗОРА "А СЕ ИМЕНА ГРАДОМ ВСЕМ РУССКЫМ, ДАЛНИМ И БЛИЖНИМ"

Обзор русских городов, имеющий указанное в заголовке название, помещается в летописях и сборниках в виде особой статьи. К настоящему времени изданы следующие его списки. Древнейший – в Комиссионной рукописи Новгородской I летописи младшего извода середины XV в.¹ Далее следуют сохранившиеся в Новороссийском списке Новгородской IV летописи последней четверти XV в.², в Уваровском списке Свода 1518 г. (Уваровской летописи) второй четверти XVI в.³, в Воскресенском (Академическом XII) и Карамзинском (окончание) списках Воскресенской летописи 40-х годов XVI в.⁴ и в сборнике новгородского Софийского собора 1602 г.⁵

Наиболее обстоятельное изучение памятника было предпринято М.Н. Тихомировым⁶, который предложил датировать его промежутком времени от 1387 до 1406 г., "вернее же всего, между 1387 и 1392 гг." В дальнейшем Е.П. Наумов высказался в пользу датировки документа

1394–1396 гг.⁷ Не касаясь других многочисленных исследований, в которых проблема датировки интересующего нас источника не была самоцелью⁸, рассмотрим мотивировки предложенных лет.

В "Списке городов" фигурируют: "Яма камен на Луге" и "на Шолоне Порхов камен"⁹. Между тем сооружение каменной крепости в Яме относится к 1384 г.¹⁰, а в Порхове к 1387 г.¹¹ В 1406 г. литовской ратью Витовта был razoren псковский город Коложе, в дальнейшем так и не возобновленный¹²; но он еще упомянут как существующий в "Списке". Датами 1387–1406 гг., таким образом, формально ограничена наиболее широкая хронологическая вилка.

Предложенное М.Н. Тихомировым уточнение – "не позднее 1392 г." – основано на том, что болгарский город Тырново, завоеванный турками в 1393 г., в "Списке" еще числится "русским"; к тому же относительно него отмечено: "Тернов, ту лежить святаа Пятница"¹³; мощи же св. Параскевы-Пятницы, по свидетельству Григория Цамблака, после падения Тырнова были перенесены в Видин¹⁴. Признав 1387 г. наиболее ранней из возможных дат составления "Списка", М.Н. Тихомиров в промежутке от 1387 до 1392 г. отыскивает исторические обстоятельства, наиболее соответствующие объединению в одной рубрике "Списка" городов болгарских и волошских, и обнаруживает их во втором периоде господства волошского господара Мирчи над Добруджей в 1390–1391 гг.

Найдя такое объяснение противоречивым, Е.П. Наумов предложил более позднюю дату – 1394–1396 гг., когда молдавский митрополит Иеремия в 1394 г. получил в свое ведение и диоцез бывшей Тырновской патриархии, что пробудило вожеления всероссийского митрополита Киприана на духовную власть над этими областями: вожеления Киприана были отвергнуты в январе 1397 г. специальным посланием вселенского патриарха Антония. Поиски возможностей уточнить дату "Списка" исследованием судеб именно болгарских городов обоснованы Е.П. Наумовым тем, что "решение данной задачи облегчается уже проведенной работой по русским материалам Списка"¹⁵. Очевидно, что исследователь имел в виду, прежде всего, результаты работы М.Н. Тихомирова, который, будучи известным специалистом по средневековой русской истории, в основу своих итоговых размышлений о дате памятника положил, однако, материалы его болгарской части.

Между тем следует признать, что уверенность в исчерпывающем изучении "русского материала" является самообманом. Прижившаяся в литературе датировка "Списка" временем не ранее 1387 г. вступает в противоречие с отраженной этим документом историко-политической реальностью, что свидетельствует, по крайней мере, о незавершенности хронологического изучения рассматриваемого источника.

Противоречие, о котором идет речь, выявляется при рассмотрении заключительной части рубрики "А се Литовскихы": "...Пустаа Ржова на Волге, Мелечя, Селук, Въсвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищев, Белобережье, Самара, Броницарев, Осечен, Рясна, Тур, Копорья на Порозе, Карачев, Торуса, Туд, Сяжка, Горышон, Луки"¹⁶. Приведенная здесь часть текста начинается очевидной ошибкой (сохранившейся во всех списках), на которую указал М.Н. Тихомиров: "Что касается Пустой Ржовы, то под этим

названием известен был городок в Псковской земле поблизости от Воронача. Между тем этот городок, чаще называемый просто Ржовой, почему-то отсутствует среди собственно псковских городов, перечисленных в списке. Однако в "Списке" названа "Пустая Ржова на Волге" (эти слова в подлиннике поставлены между точек). Далее следуют города на верховьях Волги. По-видимому, под Ржовой здесь понимается Ржев на Волге, сделавшийся в это время городом Великого княжества Литовского¹⁷.

Цитированный пассаж не свободен от досадных неточностей, хотя вывод о том, что "Пустой Ржовой" ошибочно поименован одноименный город на Волге, безусловно правилен. Город Пустая Ржева не находился в Псковской земле, а составлял часть новгородских владений на границе с Псковской землей, почему он и не обозначен среди псковских городов "Списка": в нем он фигурирует под наименованием "Ржова", как ему и положено, среди "Залесских городов"¹⁸. Правильность локализации Ржевы на Волге, т.е. ее идентификации с современным Ржевом, убедительно подтверждается локализацией большинства топонимов рассматриваемого контекста в пределах Ржевской земли на верхней Волге. Многие из этих топонимов были определены еще в конце прошлого столетия тверским краеведом протоиереем Вл. Успенским¹⁹, знакомство с работой которого могло бы избавить М.Н. Тихомирова от некоторых поверхностных или ошибочных суждений.

Волость *Осечен* располагалась по обеим сторонам Волги, в 40–50 верстах выше Ржева, и в XVII в. делилась на левобережный Большой Осечен с погостами Осечен, Покров, Итомля, Ильи Горы, Сытьково, Теплостанское и правобережный Пустой Осечен с погостами Ратьково, Георгиевское, что в Шуйшине, и Тихвинское (Новый Торг). К настоящему времени погост Осечен не сохранил своего древнего названия, и Вл. Успенский идентифицировал его с деревней Климово (на левом берегу Волги, напротив Н. Торга), где имелаась часовня во имя Рождества Богородицы, одноименная с церковью погоста Осечен, упоминаемой в писцовых материалах²⁰.

Волость *Рясна* находилась в верховьях левых притоков Волги — М. Коши, Итомли и Тьмы, где и ныне существует село Рясня. По-видимому, древний город Рясна располагался поблизости от него, но не на месте одноименного села. В писцовой книге 1624/25 г. деревня Рясна описана уже как пустошь: "В Рясенской волости вдовы княгини Марьи, князь Григорьевской жены Елизаветы, пустошь, что был погост Рясна на ручью, а в нем церковь Воскресения Христова древен верх, да церковь Рождества Христова, да церковь мученицы Христовы Парасковей, да придел Николы Чудотворца, древяны клетчки, все пусты развалились"²¹.

Бытовавшее со времен А. Шлёцера нелепое отнесение Осечена и Рясны к местностям Могилевской губернии²² в настоящее время поддерживается лишь дилетантами²³. Локализация этих городков в Ржевской земле безусловна на основании летописного сообщения 1335 г.: "великому князю Ивану приихавшу в Торжок из Новагорода, воеваша Литва Новоторж-

скую волость на миру; и послав князь великий, пожже городке Литовьскыи Осечен и Рясну и иных городков много"²⁴.

Волость *Сижка* располагалась по течению правого притока Волги – реки Сижки. В.А. Плетнев локализирует древний город с этим названием в устье Сижки, где ныне находится погост Никольский (Никола Сишка), в 15 км выше Ржева²⁵. М.Н. Тихомиров заблуждался, когда писал: «Город Сижка должен находиться на озере Сиг или на впадающей в это озеро Сиг реке Сижка, которая вытекает из озера Бельцы. На западном берегу озера стоит погост Сиг, а на южном берегу – деревня Старый Сиг; одно из этих поселений, вероятно, показывает местоположение города Сижка. Рубеж между Ржевским уездом и Великим княжеством Литовским проходил по озерам Орлинце, Плотинце, на Красный Борок, на Баранью речку, по Белейке на Поникль, далее "на верх Сижки", на верховья Осуги»²⁶. Рубеж, на который ссылается М.Н. Тихомиров, описан в договоре 1449 г. между Казимиром IV и Василием Темным²⁷, однако эта граница от Орлинца до Осуги проложена последовательно с северо-запада на юго-восток²⁸, что локализует Сижку не там, где ее искал М.Н. Тихомиров, а там, где ее указывали Вл. Успенский и В.А. Плетнев²⁹.

Волость *Туд* расположена по течению правого притока Волги – реки Туд, которая в ее верхнем течении называется Старый Туд, а в нижнем – Молодой Туд. М.Н. Тихомиров локализовал древний город Туд в селе Молодой Туд (в среднем течении этой реки), тогда как Вл. Успенский и В.А. Плетнев более основательно как вероятное его место указывают погост Сковоротыня при впадении реки Туд в Волгу, в 36 км выше Ржева, где имеется урочище "Городок"³⁰.

Волость *Горышин* находилась по обоим берегам Волги, между погостом Горышин и Селижаровым монастырем; у самого погоста, расположенного на правом берегу Волги в 70 км выше Ржева, имеется городище³¹.

Волость *Селук*, или *Вселуг*, получила свое название от озера Вселуг, через которое протекает Волга в ее верховье. Древний город, надо полагать, идентифицируется с погостом Вселуг на восточном берегу протоки из озера Вселуг в озеро Пено или с городищем Нечай Городок (Нечаевщина) по соседству с погостом³², хотя Вл. Успенский называл в качестве возможных его мест деревню Одворец на западном берегу озера и деревню Б. Городище в 5 км к востоку от озера, а М.Н. Тихомиров – то же Б. Городище и по соседству с ним деревню М. Городище³³.

Относительно *Торусы* убедительным представляется мнение М.Н. Тихомирова: «На реке Малый Туд стоит село Тарусы; возможно, что здесь и был город Таруса, показанный в этом месте в "Списке русских городов", который не следует смешивать с Тарусой на Оке»³⁴. Село Тарусы находится в верховьях реки Туд. Однако в 8 км к северо-востоку от него карта фиксирует деревню Б. Ржище, а в 10 км в том же направлении – деревни Ржище Малюга и Ржище Карелы, которые возможно связать с топонимом Ржищев "Списка".

Не встречает трудностей локализация топонимов *Восвято* и *Зижеч*.

Первый из них идентифицируется с существующим и сейчас городом Усвяты на юге Псковской области, у одноименных реки и озера; в транскрипции "Въсвятъ" он фигурирует в Новгородской I летописи³⁵. Что касается топонима Жижеч, то он обозначает город Жижечь в Торопецкой земле (ныне село Жижица) у восточного берега Жижицкого озера, хорошо известный как по грамоте князя Ростислава Мстиславича о десятине Смоленской епархии³⁶, так и по летописным упоминаниям³⁷. В Торопецкой земле локализуется и Тур: погост Туры расположен в 25 км к востоку от Торопца в верховьях реки Западная Двина.

Особого внимания заслуживает в рассматриваемом контексте упоминание топонима "Луки". М.Н. Тихомиров не сомневался в его идентификации с Великими Луками³⁸. Однако еще одни "Луки" названы в соответствующем месте "Списка" среди новгородских городов³⁹; и именно они идентифицируются с Великими Луками. Очевидно, что "Луки" рассматриваемого контекста обозначают какой-то иной пункт. Не был ли таким пунктом погост Лукомо на Волге, расположенный между Осеченом и Горышном?

Остаются нелокализованными Мелечя, Ерусалим, Белобережье, Самара, Броницарев (Брони, Царев?), Копорье на Пороге, Карачев. Однако и без уточнения их местоположения очевидно, что территория Ржевской земли показаниями "Списка" значит за Литвой. Имея в виду тихомирскую датировку "Списка" временем не ранее 1387 г., посмотрим, в какой мере с ней согласуется цитированное заключение М.Н. Тихомирова о Ржеве, "сделавшемся в это время городом Великого княжества Литовского".

Как мы уже видели, в 1335 г. ржевские городки находились под властью Литвы, конфликт с которой привел к их сожжению Иваном Калитой. В 1356 г. "Сижского сын Иван седе с Литвою во Ржеве"⁴⁰. В.А. Кучкин понимает это известие как свидетельство того, что литовцы тогда впервые захватили Ржеву⁴¹. Но ведь в цитированном рассказе говорится лишь о том, что литовцы предоставили в Ржеве княжение Ивану Сижскому. В 1358 г. "Волотьская рать да Можайская взяли Ржеву, а Литву выслали вон"⁴². В 1359 г. Ржева снова в руках Литвы: Ольгерд "послав сына своего Ондreja, възял Ржеву"⁴³, и "наместники своа в нем посадил"⁴⁴. На следующий год "приездил Олгерд Ржевы смотреть"⁴⁵. Но в 1368 г. "князь Володимер Андреевич ходил ратию да взял Ржеву, а Литву отпустил из города"⁴⁶. В 1369 г. "Москвичи и Волочане воевали Смоленскую волость"⁴⁷, а в 1370 г. "князь великий Дмитрей Иванович посылал воевать Брянска"⁴⁸.

Это наступление на Литву было в высокой степени успешным, поскольку летом 1371 г. (до августа; дата установлена В.А. Кучкиным⁴⁹) Ольгерд жалуется вселенскому патриарху Филофею на митрополита Алексея, поддержавшего великого князя Дмитрия Ивановича, который захватил у Литвы города: "Ржеву, Шишку, Гудин (Тудин⁵⁰), Осечен, Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличень, Вселук, Волго, Козлово, Липицу, Тесов, Хлепен, Фомин городок, Березуеск, Калугу, Мценск"⁵¹.

Местонахождение Ржевы, Шишки, Туда (Тудина), Осечена, Горышена,

Рясны, Вселука нам уже известно – они принадлежали к Ржевской земле. К той же территории относится *Кличень*, расположенный на одноименном острове в южной части озера Селигер, непосредственно у современного города Осташкова; он был центром ржевской Кличенской волости⁵². *Волго* идентифицируется с погостом Волго на одноименном озере, между Вселуком и Горышином, т.е. в пределах той же Ржевской земли. Наличие в перечне отвоеванных Москвой ржевских городов "*Лук Великих*" подтверждает догадку о том, что этот топоним в данном случае не тождествен новгородским Великим Лукам; выше было высказано предположение о его соответствии ржевскому погосту Лукомо.

Липица и *Тесов* обнаруживаются в Смоленской земле: погост Липицы – на реке Вазузе, в 24 км выше современного города Сычевки; погост Тесово – на речке Касне, в 24 км к юго-востоку от Сычевки. В нижнем течении Вазузы находятся погосты *Фоминское* (в 8 км выше устья Вазузы), *Старый Березуй* (в 4 км выше Фоминского) и *Хлепень* (в 11 км выше Ст. Березуя). В.А. Кучкин непостижимым образом расположил эти пункты в обратном порядке: "Ниже Фомина городка на той же Вазузе находился и город Березуеск, от которого сохранилось городище... Хлепень был расположен на Вазузе ниже Березуеска, близ впадения в Вазузу р. Городенки"⁵³. Фоминское (Фомин городок) и Березуеск были центрами особых княжеств; Хлепень в первой половине XVI в. – центр особого наместничества.

Для локализации *Козлова* нет достаточных данных; этот городок, стоящий в перечне Ольгерда между ржевскими смоленскими городками, с равным успехом возможно искать на достаточно обширной территории, изобилующей топонимами со столь простыми наименованиями⁵⁴. Что касается *Калуги* и *Мценска*, то их отвоевание от Литвы, надо полагать, связано с брянским походом 1370 г.⁵⁵

Успех походов 1368–1370 гг. не привел к юридическому закреплению отвоеванных территорий за Москвой. В 1371 г. было заключено перемирие "от оспожына заговенья до Дмитриева дни", т.е. с 31 июля до 26 октября. Согласно перемирной грамоте, вопрос о Ржеве был оставлен открытым: "А со Ржевы до исправы не сослати"⁵⁶. Однако вскоре Ржев оказался возвращен под власть Литвы. Во всяком случае, в 1376 г. "князь великий Дмитрий Иванович послал брата своего князя Володимера Андреевича ратию ко Ржеве, он же стоя у города 3 недели, посад пожже, а города не взя"⁵⁷. Переход Ржевской земли к Москве совершился спустя пять лет, в 1381 г., о чем можно судить по свидетельству докончания Василия Темного с великим князем литовским Казимиром 1449 г., в котором граница между московской Ржевской волостью и литовскими владениями основывается на том, как было "при великом князи Кестуты"⁵⁸. Кейстут занял великий стол Литвы в 1381 г., отстранив от власти Ягайло, но в 1382 г. был свергнут и умерщвлен. Кучкин справедливо полагает, что "переход обширной ржевской территории от Литвы к Москве был, несомненно, следствием тех изменений сил в Восточной Европе, которые вызвала победа Дмитрия Донского над Мамаем в битве на Куликовом поле"⁵⁹.

Потеря Литвой Ржевской земли была окончательной и бесповоротной. В 1386 г. ржевская рать участвует в походе Дмитрия Донского на Новгород⁶⁰, что свидетельствует о принадлежности Ржевы в этот момент Москве. В начале 1390 г. великий князь Василий Дмитриевич передает Ржевскую землю своему дяде князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому⁶¹. Как доказывает Кучкин, лишь в 1399 г. или в 1399–1404 гг. Ржевская земля из рук московского княжеского дома переходила под власть Твери. Что же касается Литвы, то после 1381 г. она только однажды захватывала Ржеву – с начала 1448 до начала 1449 г.⁶²

Таким образом, предложенная М.Н. Тихомировым датировка "Списка городов русских" временем не ранее 1387 г. приходит в решительное противоречие с принадлежностью в это время городков Ржевской земли, которые уже не были "литовскими", а стали "низовскими" ("залесскими"). "Литовскими" они были до 1382 г., и только ранее указанной даты мог быть составлен исследуемый здесь памятник. Поэтому послужившие М.Н. Тихомирову сведения "Списка" о наличии каменных крепостей в городах Яме и Порхове, сооруженных соответственно в 1384 и 1387 гг., могут быть трактованы как результат элементарной коррекции протографа новгородским редактором, прекрасно знавшим о современном ему *состоянии указанных городских фортификаций*.

Что такая коррекция не имела исключительного характера, говорит, в частности, употребление уже в древнейшем дошедшем до нас варианте "Списка" топонима "Пустая Ржова", который, очевидно, в силу своей новизны, будучи еще неустоявшимся, получил ошибочную трактовку ("Пустая Ржева на Волге"). Новгородская Ржева стала "Пустой" лишь после ее разорения новгородцами в 1435 г.⁶³ В "Списке", сохранившемся в Новгородской IV летописи, новгородский город Опока назван каменным⁶⁴, чего нет в более раннем варианте из Новгородской I летописи, а в сборнике новгородского Сафийского собора фигурирует, в частности, Ивангород, основанный в 1492 г.⁶⁵ Заметим, что Комиссионный вариант середины XV в. не был протографом остальных изданных списков изучаемого памятника, поскольку в нем, в отличие от всех остальных, Орешек не назван каменным, что, несомненно, является ошибкой писца: каменная крепость в Орешке была сооружена еще в 1352 г.⁶⁶ В основе и Комиссионного, и остальных списков лежит не дошедший до нас вариант, который из-за обозначения "Пустая Ржова" не может быть датирован временем ранее 1435 г.

В связи с изложенными наблюдениями наиболее ранней датой составления "Списка городов русских" можно признать 1375 г.: в 1367 г. в Москве был построен каменный кремль – в "Списке" "Москва камен". В 1375 г. в Пскове была сооружена четвертая городская стена⁶⁷ – в "Списке" "Псков камен о четырех стен". В 1375 г. ржевские городки еще оставались литовскими. Младшая дата, как показано выше, – 1381 г. Составленный не позднее 1381 г. "Список городов" в дальнейшем подвергался коррекции и во второй половине 30-х или же в 40-х годах XV в. приобрел известную ныне форму.

- ¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 475–477.
- ² ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, 2-е изд. Ч. 1. Вып. 3. С. 623–624.
- ³ Там же. СПб., 1910. Т. 23. Прил. 1. С. 163–164. Синодальный список Свода 1518 г. издателями не использовался.
- ⁴ Там же. СПб., 1856. Т. 7. С. 240–241.
- ⁵ Отрывки из "Списка русских городов" этого сборника опубликованы И.И. Срезневским (*Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. С. 98–99).
- Существует значительное количество неизданных списков обзора "А се имена градом всем русским..." С.А. Левина любезно указала мне восемь рукописей, содержащих этот обзор: четыре списка Воскресенской летописи [Мазуринский (РГАДА. Собр. Мазурина. № 1530), Библиотечные I и II (ГНБ. Ф. IV. 239 и Ф. IV. 585), Музейный (РГБ. Музейное собр. № 1509)], Патриарший список Никоновской летописи (БАН. 32.148) и три кратких летописца (ГИМ. Увар. 138; Свн. 939 и 940). Выражаю ей сердечную благодарность.
- ⁶ *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 214–259; то же в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 83–137.
- ⁷ *Наумов Е.П.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974. С. 150–163; см. также: *Подосинов А.В.* О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" (Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40–48).
- ⁸ См. также комментарий в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 357–361.
- ⁹ НПЛ. С. 477.
- ¹⁰ Там же. С. 379: "Того же лета поставиша новгородци город камен на Луге, на Яме, ...только в 30 дни и в 3 дни".
- ¹¹ Там же. С. 381: "Того же лета благослови владыка Алексеи весь Новгород ставити город Порхов камен; и послаша новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город Порхов камен".
- ¹² Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 28; М., 1955. Вып. 2. С. 31–32, 111; НПЛ. С. 398–399. Вместо Коложе в 1414 г. был построен город Опочка: "псковичи поставиша град Коложе на новом месте, на Опочке; а зделаша весь у две недели, в осень, по Покрове" (Псковские летописи. Вып. 2. С. 36).
- ¹³ НПЛ. С. 475.
- ¹⁴ *Наумов Е.П.* Указ. соч. С. 155.
- ¹⁵ Там же. С. 151.
- ¹⁶ НПЛ. С. 476.
- ¹⁷ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 116.
- ¹⁸ НПЛ. С. 477. В состав Псковской земли Пусторжевскую волость ошибочно включил К.В. Базилевич, оставив этот тезис без аргументации (*Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. Карта-вкладка "Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель"). Из текста той же книги очевидно, что ее автор так же ошибочно считал, что Записи о Ржевской дани (РИБ. СПб., 1910. Т. 27: Литовская метрика. Отд. 1, ч. 1. Книга записей, т. 1. № 140) относятся не к Пустой Ржеве, а к Ржеве Володимировой (Там же. С. 285). Впрочем, и представления М.Н. Тихомирова не всегда были свободны от ошибок, вызванных одинаковым названием двух Ржев: город Заволооче, основанный в 1536 г. на литовском рубеже взамен Пустой Ржевы и расположенный близ современного города Пустошки, он поместил у Ржевы Володимировой (*Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 199).
- ¹⁹ *Успенский Вл.* Литовские пограничные городки Селук, Горышин и другие. Тверь, 1892; см. также рецензию на эту работу в кн.: Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 372–379.
- ²⁰ *Успенский Вл.* Указ. соч. С. 13–16; *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903. С. 54–55; *Харитонов Г.В.* Разведочные работы в бассейне верхней Волги // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 96.
- ²¹ *Успенский Вл.* Указ. соч. С. 17–18; см. также: *Плетнев В.А.* Указ. соч. С. 135–136.
- ²² *Соловьев С.М.* Соч. М., 1988. Кн. 2. С. 332.

- ²³ Бугромеев В. На вес золота // Наше наследие. 1990. № 4. С. 141.
- ²⁴ НПЛ. С. 347.
- ²⁵ Успенский Вл. Указ. соч. С. 18–20; Плетнев В.А. Указ. соч. С. 60–62; С[пицын] А. Отчет В.Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский уезд // Зап. Отд-ния русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 98–99.
- ²⁶ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 116–117.
- ²⁷ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 160. № 53.
- ²⁸ Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. Карта на с. 150.
- ²⁹ По всей вероятности, М.Н. Тихомиров был введен в заблуждение существованием еще одной реки Осуги, впадающей в правый приток Тверцы реку Поведь. Верховья этой, новоторжской Осуги, расположены неподалеку от озера Сиг.
- ³⁰ Успенский Вл. Указ. соч. С. 20–24; Плетнев В.А. Указ. соч. С. 56–57; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 116.
- ³¹ Успенский Вл. Указ. соч. С. 24–26; Плетнев В.А. Указ. соч. С. 16; Харитонов Г.В. Указ. соч. С. 96.
- ³² Плетнев В.А. Указ. соч. С. 10–11; С[пицын] А. Указ. соч. С. 98–99.
- ³³ Успенский Вл. Указ. соч. С. 26–28; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 117.
- ³⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 117.
- ³⁵ НПЛ. С. 61, 64, 79, 263.
- ³⁶ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141, 143, 146.
- ³⁷ НПЛ. С. 79, 304.
- ³⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 117.
- ³⁹ НПЛ. С. 477.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 65.
- ⁴¹ Кучкин В.А. К изучению... С. 151.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 67.
- ⁴³ Там же. Стб. 68.
- ⁴⁴ Там же. СПб., 1885. Т. 10. С. 231.
- ⁴⁵ Там же. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 69.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 87.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 91.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 92.
- ⁴⁹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 146.
- ⁵⁰ Обоснование корректив см.: Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе... С. 158.
- ⁵¹ РИБ. СПб., 1908. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. 2-е изд. Прил. Стб. 137–138. № 24.
- ⁵² ДДГ. С. 290–291. № 77.
- ⁵³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 146 и карты на с. 186 и 194.
- ⁵⁴ На уже упомянутой карте К.В. Базнлевич идентифицировал этот пункт с селом Козлово близ Вязьмы, где находился центр вотчины князей Козловских, которые были "из старины Вяземские, тянут к Вязьме" (Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892. С. 284).
- ⁵⁵ Впрочем, не исключено, что здесь мы имеем дело с искаженным названием порубежных смоленских волостей в районе верховьев реки Угры – Миценки и Калуговнчей (Любавский М.К. Указ. соч. С. 278, 283).
- ⁵⁶ ДДГ. С. 22. № 6.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Ч. 1. Стб. 116.
- ⁵⁸ ДДГ. С. 161. № 53.
- ⁵⁹ Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе... С. 152.

⁶⁰ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 2. С. 245.

⁶¹ Там же. Т. 15. 2-е изд. Ч. 1. Стб. 157; ДДГ. С. 37–38. № 13.

⁶² Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе... С. 152–157. Летописное сообщение 1393 г. о захвате новгородцами у московского великого князя городка Кличена В.А. Кучкин связывает с походом на Ржевскую землю (Там же. С. 152). Однако летопись в данном случае упоминает Кличен в следующем контексте: "Того же лета совокупиша Новгородци рать, а с ними князь Роман Литовъскы да князь Костянтин Белозерскы и воеводы Новгородскые, и шедше взяша Кличен и Устюжну, а из Заволочья собрашася мнози Новгородци и шедше в мнозех насадах и ушкуех взяша град Устюг... Тако же тогда и Белоозеро, град и села и волости, повоеваша и створиша ему, яко и Устюгу" (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 220). Военные действия локализуются здесь в районе, слишком далеко отстоящем от Селигера, расположенного отнюдь не на маршруте похода новгородской рати. Не имеется ли в виду пункт Лячен (Лычно) на Мологе в 12 км ниже Устюжны? В "Списке городов русских" Кличен фигурирует среди "залесских", а не "литовских" городов.

⁶³ "Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадник новгородчкый Иван Васильевицъ, и посадник Григорий Кюрилович, и тысячков Федор Олисевиц, Есиф Васильевицъ, Онанья Семенович, Остафен Есифович, и бояри новгородскыи и новгородчов много, а с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буиновос и порховице; и идоша тринма путми, н казиша ржевницъ, и села вся пожгоша по Ръжеве, по плесковъскыи рубежъ (и на Бардове), божиею помощю приидоша в Новъгород вся здрави и с полоном" (НПЛ. С. 417–418). Псковская III летопись указывает мотивировку этой расправы: "Тов же зныи новгородци ходиша на Великыя Луки рать и повоеваше; тогда же н Ржеву воеваше своих данщиков; а они не почаша дани давати новгородцем" (Псковские летописи. Вып. 2. С. 132; ср.: Там же. С. 46).

⁶⁴ ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 3. С. 624.

⁶⁵ Благодарю за это сообщение З.В. Дмитриеву. Об основании Ивангорода см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 33.

⁶⁶ Там же. Пг., 1915. Вып. 1. С. 282.

⁶⁷ Там же. СПб., 1913. Т. 18. С. 106.

⁶⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 28–29, 105; ср.: Там же. Вып. 1. С. 23 с ошибкой в дате.

Т.М. Калинина

ТЕРМИН "ЛЮДИ ДОМА" ("АХЛ АЛ-БАЙТ") У ИБН ФАДЛАНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕСТВУ РУСОВ

Термин "люди дома", по-арабски "ахл ал-байт", знаком очень многим, разновременным и разноязычным памятникам. Он встречается в Библии, в сирийских, иранских, армянских, грузинских письменных памятниках¹. Термин этот означает некий социум, объединенный вождем, который пользуется разной степенью власти над остальными его членами. Многовековое существование термина в разноязычных памятниках указывает на некую очень устойчивую форму общности людей. Древней основой такой общности являлись кровнородственные связи². С течением времени, с усложнением социальных контактов, реальное наполнение термина стало зависеть от конкретного общества, хотя общее понятие "люди дома" как выделенного социума оставалось неизменным.

Употребление арабским путешественником Ибн Фадланом термина "ахл ал-байт" по отношению к встреченному им на берегах Волги сообществу русов, прибывших для торговли, позволяет попытаться рассмотреть конкретное содержание термина.

В ранние века ислама термин "ахл" ("люди") означал ближайших членов семьи у главы какой-либо общественной группы (например, в Коране – ближайшие родственники Мухаммада)³. Позднее термин мог толковаться и шире⁴.

Арабский термин "байт" ("дом") обозначал владение, землю и людей на ней, выделившихся из общего состава населения. Таково же значение термина в других памятниках: "байт" – в Библии, "катак" – в иранских письменных памятниках, "тун" – в армянских, "сахли" – в грузинских⁵. Множественное число этого слова "буйут", как и термин "ахл ал-буйут" (т.е. "люди домов"), применялся арабами по отношению к владельческим домам; например, для обозначения знатных домов Сасанидского Ирана⁶. К X в. значение термина "ахл ал-байт" у арабов расширило рамки кровнородственных или владельческих связей и стало обозначать любую семью, выделявшуюся богатством, устойчивой, из поколения в поколение передающей ремесленной или торговой деятельностью, но в основе своей все же кровно- или близкородственную.

Конечно, переносить точный смысл социального термина одного общества в другую среду затруднительно, если не рискованно. Тем не менее существовали, по-видимому, какие-то показатели родственных связей или общественных отношений, по которым человек другого мира, араб, смог применить отмеченный термин, воочию увидев людей иного склада. На просторах Восточной Европы Ибн Фадлан встречал тюрок, болгар, русов и употреблял по отношению к ним термины "ахл ал-байт", "ахлихи", "ахлихум", т.е. "люди дома", "его" или "их домохозяева".

В обществе тюрков-огузов "ахл ал-байт" Ибн Фадлан обозначал выделившийся, знатный род из состава племени⁷.

Рассказал Ибн Фадлан об "ахл ал-байт" болгар, в количестве 5 тысяч человек, носивших особое имя – "баранджар"⁸. Вероятно, здесь выделение людей также происходит по племенному и еще – религиозному признаку, поскольку все эти люди приняли ислам, почему и были специально отмечены Ибн Фадланом. И хотя в основе племенного деления лежат кровнородственные связи, трудно поверить, что все 5 тысяч человек были бы кровными родственниками. Вероятнее, что это – племенная группа с достаточно развитыми социальными связями, поскольку она была оседлой, объединена единой религией⁹.

По отношению к русам, которых встретил Ибн Фадлан на берегу Волги, когда они прибыли туда "по торговым делам", Ибн Фадлан не упоминает полностью термина "ахл ал-байт", но употребление терминов "его" или "их домохозяева" показывает, что термин автором подразумевается.

Во главе прибывшего сообщества русов, по сообщению Ибн Фадлана, стоит "раис", т.е. глава, "выдающийся муж из их числа"¹⁰. У него есть прибывшие вместе с ним родственники, совершающие, в случае его кончины, похоронный обряд и тризну. Описание похоронного обряда дает

понять, что частично в нем действуют кровные родственники умершего "раиса": им полагается треть его имущества; шестеро кровных родственников сокупаются с девушкой, идущей на смерть, в присутствии умершего, выражая таким образом "общеродовой свадебный пир на похоронах, смерть невесты, зачавшей от всего рода"¹¹. Они же помогают убить добровольную жертву, а ближайший, как специально подчеркивает Ибн Фадлан, родственник умершего совершает ритуальные действия по поджиганию ладьи¹².

Вместе с тем во всем похоронном обряде участвуют и другие домо-чадцы, женщины и мужчины: они предлагают девушкам и юношам добровольно принять смерть вместе со своим господином, помогают кроить и шить похоронные одежды и устраивать весь сложный обряд похорон, поддерживать огонь под ладьей и насыпать курган. Вероятно, эти люди не являлись кровными родственниками умершего, а были только членами "дома".

Из описания Ибн Фадлана не вполне ясно, была ли девушка, выбравшая смерть вместе с господином, в надежде на радостную загробную жизнь, невольницей или свободной. Ибн Фадлан отмечал, что среди русов были жены купцов, наряд которых отражал материальное состояние их мужей. Надо полагать, эти женщины были свободными. В отличие от свободных женщин, входящих в состав "людей дома", купцы привозили для продажи и прислуживания девушек, которых Ибн Фадлан именует "джарийями", т.е. по-арабски "невольница", "наложница", "прислуга". Умершего же Ибн Фадлан часто называет "господином" девушки. Судя по этим деталям, добровольно шла на смерть вместе со своим господином все-таки не свободная женщина, а наложница, не входившая в состав "людей дома".

А.П. Ковалевский высказывал сомнение в том, что жертва – невольница, поскольку в процессе ритуала она упоминала своих родственников, что не имело бы смысла, если родственники были тоже невольниками или девушка была несвободной¹³. Однако и сам Ковалевский отметил, что Ибн Фадлан в этом пассаже применил другое слово вместо слова "домочадцы", а именно "когда абстрактное существительное "карабат" – "родство, близость" употреблено в собирательном значении "родственники"¹⁴.

Возможно, что упоминание своих родственников девушкой здесь является только частью ритуального обряда, когда "джарийя" после смерти должна была стать законной супругой умершего и, может быть, войти таким образом и в состав "людей дома". Убеждает в том, что жертвой была наложница, также и сравнение описания Ибн Фадлана со скандинавским похоронным обрядом¹⁵.

Аналогом термину "джарийя" в древнерусском обществе могли быть "девки", которые предназначались для продажи и использовались в домашнем хозяйстве в качестве прислужниц-рабынь¹⁶.

Родственники умершего главы дома предлагали добровольную смерть не только "джарийям", но также "гулямам". В Арабском халифате X в. термин "гулям" имел специфическое значение: юридически гулямы были там рабами, тем не менее они могли достигать определенного положения

в обществе, занимать государственные посты, быть военачальниками и даже захватывать власть. Посольство Ибн Фадлана, при выходе из Багдада и до самой Волжской Булгарии, сопровождали два таких гуляма: Текин-тюрок и Барыс-славянин, видимо, в качестве переводчиков, однако среди глав посольств. Очевидно, что эти люди хотя и были рабами, но не низкого положения. Для настоящего, фактического раба низкого социального статуса в Халифате (и у Ибн Фадлана конкретно) существовали другие термины: "абд" и "ракик"¹⁷. При описании же сообщества русов Ибн Фадлан использует только термин "гулям", который Ковалевский переводит как "отрок". Хотя в XI в. "отроки" являлись членами княжеского двора или дружины, изначально они были, действительно, прислугой и рабами¹⁸. Вероятно, "джарийи" и "гулямы" Ибн Фадлана, т.е. "девки" и "отроки" древнерусского общества, входили в состав "челяди", "челядинов", упоминаемых в русско-византийских договорах X в., летописных и правовых памятниках¹⁹.

Ибн Фадлан упоминал в составе сообщества русов "мамлюка", т.е. человека, бывшего некогда свободным, но обращенного в рабство. По сообщению Ибн Фадлана, во время болезни его никто не посещает, а в случае смерти его не сжигают, но оставляют на съедение хищникам²⁰. Следовательно, этот человек не входил в число "домочадцев", не был членом "ахл ал-байт". С большой долей вероятности его можно сравнить с положением "холопа" древнерусских письменных памятников. Однако поскольку сам термин "холоп" более позднего происхождения, чем "челядин"²¹, то для X в. более верно, видимо, вхождение "мамлюка" Ибн Фадлана в состав челяди сообщества русов.

Ибн Фадлан рассказывает, что в составе русов были бедные люди. В случае смерти бедняка, как пишет Ибн Фадлан, его все же не оставляли, а сжигали, что, вероятно, свидетельствует не только о вхождении его полноправным членом в состав "людей дома", но и о выраженном социальном неравенстве среди его членов.

Таким образом, понятие "ахл ал-байт", в передаче Ибн Фадлана по отношению к сообществу русов, не соответствует понятию "Familia", куда входили рабы²², и не соответствует понятию "патронимия", поскольку последняя включала только родственников²³. Пережитки кровнородственных отношений отчетливо выявляются в описании похорон руса, но понятие "ахл ал-байт" в данном случае, безусловно, шире. Видимо, подобного рода "дома" известны в русской истории и в более позднее время: "дом" Симона-варяга, прибывшего на службу к киевскому князю с 3 тысячами своих дворян, или "дом" киевского вельможи Родиона Несторовича, пришедшего на службу к московскому князю с 1700 человек²⁴.

Ибн Фадлан, однако, наблюдал в Волжской Булгарии "людей дома" русов, прибывших именно и только для торговых дел, и, следовательно, все члены его так или иначе были связаны с торговой деятельностью главы этого дома. В среде древнерусских купцов еще в XIII в. встречались торговые союзы, основанные на родственных отношениях. Такой тип ассоциации вообще считается древнейшим; он встречается в странах Западной Европы начиная с VIII в.²⁵

Внешний облик и похоронный обряд встреченных Ибн Фадланом на берегах Волги русов имеют наибольшее соответствие в скандинавских традициях, хотя наряду с ними присутствуют и финские, и славянские компоненты, как показали исследования²⁶. Если обратиться к скандинавскому материалу, то и в Скандинавии существовал "двор" (*hús*), который состоял из кровных родственников, а также домочадцев и рабов. Впоследствии "домочадцы" (*húskarlar*) стали дружинниками при главе ("бонде"), проникая в эпоху викингов на территорию Восточной Европы²⁷. Однако представляется, что в информации о русах Ибн Фадлана нет речи о типичном для эпохи викингов временном торговом объединении – "félag", поскольку, как было показано выше, Ибн Фадлан говорит о достаточно устойчивом сообществе, сохранившем кровнородственные связи, что не типично для фелага. Поэтому вернее, что речь идет о постоянном коллективе, тесно связанном с торговой факторией, находящейся уже на территории Руси, а не Скандинавии²⁸. Археологами зафиксированы такие торговые центры, с значительным скандинавским материалом, на территории Восточной Европы: Гнездово, Тимерево, Старая Ладога и т.д.²⁹ Учитывая процесс ассимиляции скандинавов в славянской среде, можно считать правомерным приведенные выше аналоги арабских терминов древнерусским материалам.

¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 79, 94.

² The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London, 1954. Vol. I. P. 258.

³ Ibid. P. 257; Smith W.R. Kinship and marriage in early Arabia. Cambridge, 1885. P. 23.

⁴ Smith W.R. Op. cit. P. 23; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 922–923 гг. Харьков, 1956. С. 217, примеч. 556.

⁵ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 94.

⁶ Nöldeke Th. Geschichte Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879. S. 71.

⁷ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 128 (пер.).

⁸ Там же. С. 138 (пер.), с. 217, примеч. 556; с. 245, примеч. 751.

⁹ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 78, 97–99.

¹⁰ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 143 (пер.).

¹¹ Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов // Сб. сб. Таллинн, 1976. Т. XXI. С. 167.

¹² Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 145 (пер.).

¹³ Там же. С. 144 (пер.); с. 254, примеч. 819.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 164–165.

¹⁶ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 174.

¹⁷ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 141, 143 (пер.), С. 233, примеч. 653; С. 243, примеч. 736.

¹⁸ Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 226–228; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 203.

¹⁹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 172.

²⁰ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 143 (пер.), с. 243, примеч. 736.

²¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 186–187; Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 77.

²² Греков Б.Д. Волжские болгары // Избр. соч. М., 1959. Т. 2. С. 540–542.

²³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 205–206.

²⁴ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 542–543.

- ²⁵ Лаппо-Данилевский А. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV вв. СПб., 1895. С. 51–54.
- ²⁶ Обзор литературы см.: Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 153–154.
- ²⁷ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 49, 51.
- ²⁸ Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе // Сб. сб. Таллинн, 1982. Т. XXVII. С. 19–29.
- ²⁹ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси. IX–XI вв. Л., 1978. С. 139.

И.Г. Коновалова

РАССКАЗ О ТРЕХ ГРУППАХ РУСОВ В СОЧИНЕНИЯХ АРАБСКИХ АВТОРОВ XII–XIV вв.

Рассказ о трех группах русов – Куйабе, Славии и Арсании – относится к числу самых известных и вместе с тем наиболее неясных сюжетов средневековой арабской литературы. С начала XIX в. к этому рассказу неоднократно обращались не только востоковеды, но и историки-слависты и археологи, занимающиеся изучением средневековой Руси. Установлено, что сообщения восточных авторов о трех группах русов отражают этнополитическую ситуацию в древнерусских землях IX в. Если локализация первых двух групп русов – Куйабы в Киеве, Славии в центре, находившемся на месте будущего Новгорода или рядом с ним, – не вызывает особых разногласий у исследователей, то относительно возможного местоположения третьей группы продолжают выдвигаться новые версии, несмотря на то, что их уже существует не менее полутора десятков¹.

В настоящей статье рассматривается источниковедческий аспект рассказа о трех группах русов, связанный с исследованием сообщений авторов XII–XIV вв. ал-Идриси, Йакута, Абу-л-Фиды, ад-Димашки.

Как известно, различные версии рассказа о трех группах русов бытовали в арабской и персидской литературе на протяжении всего средневековья. Сведения авторов X–XI вв. достаточно хорошо изучены, хотя в интерпретации их свидетельств и остается еще много неясного, что связано в первую очередь с неопределенностью самих сообщений, допускающих различные толкования. Данные источников XII–XIV вв. в целом менее известны, однако и на них ссылаются некоторые исследователи, причем свидетельства ранних и поздних источников нередко рассматриваются как равноправные, а иногда именно в сочинениях XII–XIV вв. находят главные аргументы в пользу той или иной гипотезы о местонахождении третьей группы русов. Так, Ф. Вестберг, отстаивая скандинавскую локализацию третьей группы русов, опирался на сообщение космографа первой трети XIV в. ад-Димашки². Апелляция к этому источнику впоследствии заняла важное место в построениях А.З. Валиди Тогана³, Ф. Кметовича⁴ и А. Тулина⁵. Некоторые отечественные историки и археологи, в целом скептически относящиеся к сообщениям

поздних авторов, все же делают исключение для географа первой половины XII в. ал-Идриси, считая его данные о третьей группе русов важным дополнением к сообщениям более ранних источников⁶.

Самым значительным произведением арабской географической литературы XII в. является сочинение ал-Идриси "Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям"), которое, с одной стороны, вобрало в себя сведения многих авторов X–XI вв., а с другой – послужило источником для крупных географических трудов более позднего времени. Отрывок из сочинения ал-Идриси, содержащий рассказ о трех группах русов, хорошо известен в современных переводах А.П. Новосельцева⁷ (по изданию А. Сейпеля и рукописи ГНБ) и В.М. Бейлиса⁸ (по рукописи ГНБ). Ниже приводим наш перевод, выполненный по критическому изданию арабского текста "Нузхат ал-муштак".

"Русов (ар-Рӯс) три группы (аснәф). Одна их группа (қабил) называется рәв.с⁹, и царь ее живет в городе Күкийәна. Другая их группа называется ас-Сләвийя, и царь ее живет в городе С.ләв. Этот город (стоит. – И.К.) на вершине горы. Третья группа называется ал-Арсәнийя, и царь ее пребывает в городе Арсә.

Город Арсә – красивый, укрепленный город на горе, и местонахождение его – между (городами. – И.К.) С.ләв и Күкийәна. От Кукийәна до Арсә четыре перехода (марәхил), а от Арсә до С.ләв четыре дня. Купцы-мусульмане из Армении (Армийийя) доходят до Күкийәна.

Что касается Арсә, то шейх ал-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не проникает, так как они обязательно убивают всякого чужестранца, входящего к ним, и никто не отваживается войти в их землю (ард). От них вывозят шкуры черных леопардов и черных лисиц и свинец (или олово – расәс) – все это (вывозят. – И.К.) от них купцы Күкийәна"¹⁰.

Рассказ о трех группах русов – не единственное упоминание об этом народе и его городах в труде ал-Идриси. Помимо книжной информации ал-Идриси использовал свидетельства своих современников – купцов и путешественников – о разных странах и народах мира, в том числе и о Древней Руси¹¹. Сведения о русских землях, которыми располагал ал-Идриси, не были обобщены им в цельное описание Руси, но помещены в нескольких частях его сочинения. С одной стороны, это связано с дробной структурой самого труда, который ал-Идриси разбил на семь широтных зон-климатов, а каждый из них в свою очередь еще на десять секций, с запада на восток. С другой стороны, информация, имевшаяся у ал-Идриси о Руси, восходила к разным источникам, данные которых он не всегда мог согласовать между собой. В итоге сведения о Руси находятся в 4–6-й секциях VI климата и в 4–5-й и 7-й секциях VII климата "Нузхат ал-муштак".

В 4-й секции VI климата, посвященной описанию стран Юго-Восточной и Центральной Европы, ал-Идриси говорит о "наиболее отдаленной Руси" (ар-Рӯсийя ал-қусвә), включавшей в себя города Карпато-Днестровских земель¹². В 5-й секции VI климата речь идет о русских городах Поднепровья¹³. Информация этих секций состоит из дорожников, в которых перечислены города и указаны расстояния между ними. В 6-й

секции VI климата помещен рассказ о трех группах русов, приведены этнографические данные о русах, заимствованные из арабских источников IX–XI вв.¹⁴ Сведения о русах, имеющиеся в VII климате сочинения, очень краткие: в 4-й секции охарактеризованы города Северо-Западной Руси, в 5-й секции – Северной Руси, а в 7-й говорится о границах Руси со страной Баджнак¹⁵. Как видно, информация о русских землях и городах, которой располагал ал-Идриси, была значительно богаче и конкретнее, чем сообщения о трех группах русов, приводимые в произведениях его предшественников. При этом, по собственному признанию ал-Идриси, Русь и особенно северные ее земли относились к тем районам мира, которые не были ему хорошо известны¹⁶.

Основой сообщения ал-Идриси о трех группах русов, как уже отмечалось в литературе¹⁷, послужила версия данного рассказа из труда автора X в. Ибн Хаукаля. Вместе с тем ал-Идриси не ограничился простым заимствованием сведений, приведенных Ибн Хаукалем. Он попытался включить их в свою систему представлений о географии Восточной Европы, используя для этой цели имевшиеся в его распоряжении устные свидетельства о городах региона. Благодаря реализации своего намерения ал-Идриси сообщает о трех группах русов и их главных городах так, как будто они реально существовали в его время.

Рассказ о трех группах русов находится в 6-й секции VI климата "Нузхат ал-муштак", где речь идет об описании городов и стран Южного, Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, а также Среднего и Нижнего Поволжья. Сообщение о русах ал-Идриси поместил в данной секции отнюдь не потому, что это отвечало его представлениям о географическом положении трех групп русов и их городов. Дело в том, что среди имевшейся у ал-Идриси информации о городах Кумании и соседних с ней центрах были сведения о городе под названием Слав, который располагался к востоку от куманского города Нарус:

"От города Нārūs в восточном направлении до города Слāv 135 миль, а от города Нārūs до города Фйра на запад 50 миль, а от города Фйра до города Нāбй на запад 25 миль. От города Слāv до города Кūкийāна из земли (ард) Булġār 8 переходов (марāхил). Кūкийāна – город тюрков, называемых Рūsā"¹⁸.

Как уже заметил В.М. Бейлис¹⁹, данные о городе Слав (отождествляется с Переяславлем Русским на р. Трубеж²⁰) из устных источников и сведения об одноименном центре из рассказа Ибн Хаукаля о трех группах русов ал-Идриси принял за сообщение об одном и том же пункте. Таким образом, рассказ Ибн Хаукаля был включен в "Нузхат ал-муштак" в результате искусственного построения ал-Идриси²¹. Поэтому для решения вопроса о локализации городов трех групп русов неправомерно использовать данные о городе Слав из сообщения ал-Идриси о Кумании, ибо речь идет о разных городах.

Ал-Идриси не ограничился тем, что применил устные сведения о городе Слав в качестве перехода к изложению книжных данных Ибн Хаукаля. С наличием у ал-Идриси устной информации, не совпадающей с той, которую он мог прочесть у Ибн Хаукаля об одноименном городе, можно связывать и те изменения, которые наш географ внес в сообщение

Ибн Хаукаля о Славе. Слав помечен на карте ал-Идриси, где его значок находится рядом с одинокой возвышенностью. По-видимому, отсюда и появилось утверждение ал-Идриси о том, что Слав из рассказа о трех группах русов стоит "на вершине горы", отсутствующее у Ибн Хаукаля и других авторов, которые вместо этого писали о верховном положении русов с центром в Славе по отношению к другим группам русов.

Изменения, внесенные ал-Идриси в текст Ибн Хаукаля, касались не только Слава, но и других городов русов. Вместо привычной Куйабы авторов X–XI вв. у ал-Идриси мы сталкиваемся с иной формой написания топонима – Кукийана. В Кукийане ал-Идриси обычно принято видеть искаженную форму названия Куйаба из сочинения Ибн Хаукаля. Искажение могло содержаться либо в рукописи Ибн Хаукаля, которой пользовался ал-Идриси, либо возникло в процессе многократного переписывания сочинения самого ал-Идриси²². Не отрицая обеих этих возможностей, следует заметить, что, как и в случае с городом Славом, Кукийана могла не иметь ничего общего с Куйабой из вариантов рассказа о трех группах русов X–XI вв. Впервые Кукийана появляется у ал-Идриси не в самом рассказе о трех группах русов, а как бы "вклинивается" в описание куманских городов, что особенно хорошо заметно во втором Парижском и Санкт-Петербургском списках сочинения²³.

Первое упоминание Кукийаны в "Нузхат ал-муштак" связано с маршрутными данными о городе Славе. Ал-Идриси приводит расстояние между этими городами – такие данные отсутствуют у авторов X–XI вв. Правда, сведения о Кукийане у ал-Идриси были недостаточно конкретны, недаром в разных рукописях его труда расстояние между городами Славом и Кукийаной указано то в 8, то в 18 переходов, при этом неизвестно, в каком направлении. С недостатком информации, по-видимому, связано и отсутствие Кукийаны на карте ал-Идриси.

Источником сведений ал-Идриси о Кукийане, так же как и для авторов X–XI вв. о Куйабе, были сообщения купцов, посещавших русские земли. Однако, если географы X–XI вв. ограничивались простым указанием на то, что люди с торговыми целями доходили до Куйабы²⁴, ал-Идриси дает более конкретную информацию: он пишет, что до Кукийаны доходят купцы-мусульмане из Армении. Сообщение ал-Идриси о торговле купцов из Закавказья с русскими областями вполне может относиться к XII в., когда торговые связи Восточной Европы и Закавказья стали более интенсивными благодаря освоению новых торговых путей. Так, с конца XI в. наряду с традиционной торговлей по Волжскому пути, большое значение приобрел путь из Закавказья по морю в Крым и далее через Причерноморские степи в Поднепровье²⁵.

Ибн Хаукаль, как известно, вслед за ал-Истахри говорил о том, что группа русов с центром в Куйабе является ближайшей к Булгару. Ал-Идриси же пишет, что Кукийана – город из числа городов земли Булгар. Далее ал-Идриси называет Кукийану городом тюрок, именуемых Руса. И только после этих сведений о Кукийане в "Нузхат ал-муштак" следует текст с рассказом о трех группах русов. Очевидно, с утверждением ал-Идриси о том, что Кукийана была городом тюрок, именуемых Руса, следует связывать и тот факт, что лишь в его сочинении в рассказе о трех

группах русов фигурирует наименование первой из них с центром в Кукийане.

Те изменения, которые ал-Идриси внес в сообщение Ибн Хаукаля относительно Куйабы, вызваны, на наш взгляд, попыткой ал-Идриси истолковать довольно туманные сведения своего предшественника об этом городе. Во-первых, из сообщения Ибн Хаукаля (и ал-Истахри) нельзя точно понять, о какой Булгарии они ведут речь – Волжской или Дунайской²⁶. Во-вторых, прилагательное "карīb" ("ближайший"), употребляемое Ибн Хаукалем и ал-Истахри для характеристики взаимного положения Куйабы и Булгара, имеет несколько значений: оно может обозначать близость не только пространственную, но и в отношениях, вплоть до обозначения близкого родства. Поэтому фразу о том, что Куйаба являлась ближайшей к Булгару, можно понимать в том смысле, что между нею и Булгаром имелись наиболее тесные связи. Кстати, единственным сведением о расстояниях, приводимым Ибн Хаукалем для трех городов русов, стало расстояние между Куйабой и Булгаром – 20 дней²⁷. Тесные торговые связи Киева и Булгара в X в. подтверждаются археологическим материалом²⁸.

Как видно, в переработке ал-Идриси данные о Булгаре совершенно определенно относятся к Волжской Булгарии, ибо Дунайскую он знает под наименованием Бурджан²⁹. Утверждение же о том, что русы – одно из племен тюрок, сформировалось у ал-Идриси под влиянием книжных сообщений. Оно могло возникнуть, как справедливо заметил В.М. Бейлис, вследствие неверного понимания одного из сообщений о русах в книге Ибн Хаукаля³⁰, а также в результате соответствующего истолкования слов Ибн Хаукаля о том, что группа русов с центром в Куйабе является "ближайшей" к Булгару. Наконец, русы названы тюрками в одной из рукописей ал-Истахри³¹, с которой ал-Идриси мог быть знаком.

Основные дополнения, сделанные ал-Идриси к текстам своих предшественников, касаются третьей группы русов – Арсанийи – и их главного города Арсы. Насколько можно установить по изданию арабского текста, а в нем, к сожалению, бывают отмечены не все разночтения, написание названия этого города у ал-Идриси (Арсāн, Арсāни) не отличается от написания у Ибн Хаукаля. Со ссылкой на последнее ал-Идриси почти дословно приводит сообщение о недоступности Арсы для чужестранцев и о вывозе из Арсы ценных мехов и металла. Все прочие данные об Арсе, имеющиеся в "Нузхат ал-муштак", у Ибн Хаукаля и других авторов X–XI вв. отсутствуют.

Ал-Идриси называет Арсу красивым, укрепленным городом, расположенным на горе. Действительно, на его карте значок для обозначения города помещен рядом с возвышенностью. По словам ал-Идриси, город находился между двумя другими городами русов, причем расстояние от Кукийяны до Арсы составляло 4 перехода, а от Арсы до Слава – 4 дня. Последовательность, в которой ал-Идриси перечислил города, приводя расстояния между ними, показывает, что слова географа о местонахождении Арсы между Кукийяной и Славом следует понимать в том смысле, что путь из Кукийяны в Слав лежал через Арсу. Кроме того, ал-Идриси добавляет, что купцы из Кукийяны были тесно связаны с Арсой:

именно они имели туда доступ и осуществляли вывоз товаров из этой недоступной земли.

Таким образом, дополнения ал-Идриси касались внешнего облика города, особенностей его местонахождения (рельеф местности), его удаленности от других городов русов, а также его тесной – и исключительной – связи с купцами из Кукийяны. Характер дополнений, сделанных ал-Идриси к сведениям авторов X–XI вв., побуждает предположить, что эти данные он мог получить из устных источников, скорее всего, от лиц, имевших контакты с купцами, посещавшими Арсу, или слышавших рассказы о таких торговцах. Ведь именно наличие конкретных деталей отличает информацию ал-Идриси от сообщений его предшественников. Внешний облик города, приметы рельефа окружающей его местности, расстояния между ним и другими городами – это как раз тот набор сведений, который он с большими или меньшими подробностями сообщает всякий раз, когда описывает торговый маршрут в любой части света³². Правда, данные ал-Идриси об Арсе отличаются конкретностью лишь по сравнению со сведениями более ранних авторов: он говорит о расстояниях между городами русов не в милях, а в днях пути и при этом не называет, в каком направлении по странам света нужно было двигаться от города к городу.

Таким образом, дополнения ал-Идриси к данным Ибн Хаукаля о городе Арса отличаются по своему характеру от дополнений к сообщениям о двух других городах русов. Как мы установили, известие ал-Идриси о том, что Слав стоит на вершине горы, появилось в результате контаминации сведений о двух разных городах. Причисление Кукийяны к городам земли Булгар и утверждение о том, что русы являются тюркским племенем, являются следствием интерпретации книжной информации. Лишь данные о купцах из Армении, доходящих до Кукийяны, можно считать сведениями, которые ал-Идриси мог получить от своих современников. Дополнения же, касающиеся Арсы, носят совершенно иной характер. Их больше по количеству, они отличаются сравнительной конкретностью и, по всей вероятности, целиком опираются на данные современных информаторов.

¹Чем можно объяснить тот факт, что самые существенные дополнения, сделанные ал-Идриси, касались именно Арсы? На наш взгляд, это связано с тем, что рассказ о трех группах русов в том виде, в каком он дошел до ал-Идриси, уже не соответствовал известным ему реалиям XII в. Недаром Киев и Новгород описаны у ал-Идриси под другими наименованиями и в других частях сочинения. Совершенно очевидно, что ни Куийаба, ни Кукийяна не ассоциировались у ал-Идриси с Киевом. Последний носит в его труде название Кав и упоминается среди прочих городов Поднепровья в 5-й секции VI климата³³. Точно так же город Слав не имеет никакого отношения к Новгороду, известному ал-Идриси под названием Джинтийяр и охарактеризованному в 4-й секции VII климата³⁴. Очевидно, что названия этих городов в тексте Ибн Хаукаля уже ни о чем не говорили ал-Идриси. Именно поэтому исходным моментом для включения самого рассказа о трех группах русов в свое повествование послужило для автора "Нузхат ал-муштак" отождествление данных о городе Славе, находившемся в

Кумании или на границе с нею, и сведений о Славе из рассказа о русах Ибн Хаукаля. В отличие от Куйабы и Слава, названия которых в живой речи современников ал-Идриси звучали по-другому, наименование Арсы, по-видимому, было употребительно в языке XII в. Поэтому те сведения, которые ал-Идриси удалось получить об этом городе, он и внес в рассказ о трех группах русов.

Пытаясь соотнести рассказ о трех группах русов со сведениями о городах Руси, помещенными в других секциях его сочинения, ал-Идриси объединил Кукийану, Слав и Арсу в один вид "ар-Русиййа ал-хāриджа" ("Внешняя Русь") – так они названы во введении к 6-й секции VI климата³⁵, – и по территориальному признаку противопоставил его другому виду русов – жителям "ар-Русиййа ал-қусвā" ("Наиболее отдаленная Русь"), города которой находились в Карпато-Днестровских землях: "Русов (ар-Русиййа) два вида (синф). Один их вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте. А есть другой их вид – это те, которые живут по соседству со страной (билād) Ункариййа и Мақазуниййа"³⁶.

Искать в данной классификации ал-Идриси дополнительные указания на возможную локализацию трех групп русов и их городов имеет смысл лишь в том случае, если нам станет известен тот пространственный центр, относительно которого ал-Идриси или его информатор определяли положение русских городов, поскольку без наличия подобного центра определения типа "внешний" или "наиболее отдаленный" просто невозможны. При этом прилагательные вроде "внешний" / "внутренний" или "отдаленный" / "близкий" при топонимах являются чисто географическими определениями, отражающими специфику ориентации в пространстве, в основе которой лежит географический эгоцентризм³⁷. Определения, подобные указанным выше, не являются постоянными определениями того или иного географического объекта, например, города или группы городов. Такие определения могут прилагаться к географическим объектам или, наоборот, утрачиваться ими в зависимости от изменения местонахождения информатора. Так, города Карпато-Днестровских земель, которые в 4-й секции VI климата называются городами "Наиболее отдаленной Руси", в 5-й секции того же климата перечисляются в одном ряду с Поднепровскими городами, утрачивают свое прежнее определение "наиболее отдаленных" и именуются вместе с Поднепровскими центрами просто городами Руси³⁸. Поэтому под "Внешней Русью" ал-Идриси не скрывается никакого самостоятельного политического значения. Само выражение имеет смысл только в связи с тем центром, относительно которого располагаются элементы пространства. Так что считать, по крайней мере, на основании текста ал-Идриси, "Внешнюю Русь" какой-то особой частью русских земель нет оснований.

Таким образом, для ал-Идриси рассказ писателей X–XI вв. о трех группах русов утратил свой первоначальный смысл и оказался в структуре представлений географа об одной из современных ему русских областей.

Арабские авторы XIII–XIV вв. также включали рассказ о трех группах русов в свои произведения, но, в отличие от ал-Идриси, не подвергали его столь основательной переработке.

Составитель знаменитого географического словаря ученый-энциклопедист Йакут (первая треть XIII в.) без существенной переделки включил в свой словарь версию ал-Истахри, исказив написание топонимов вследствие неправильной расстановки диакритических знаков:

"Ал-Истахри сообщает, что русов (ар-Рӯс) три группы (аснаф). Одна из них расположена поблизости от Булгара, и ее царь живет в городе под названием Кӯсаба. Верховная их группа называется ас-С.ләвиййа. А одна группа называется ал-Арбәвиййа (вариант: ал-Адйәвиййа), и ее царь живет (в городе. – И.К.) Арбә (Адйә). Люди с торговыми целями доходят до Кӯсабы. Что касается Арбы, то никто из чужеземцев ее не достигал, так как они убивают всякого чужестранца, вступившего в их землю. Они опускаются по воде вниз, чтобы вести торговлю, и никому не рассказывают о своих делах. Из их земли вывозят черных соболей и свинец (олово)"³⁹.

Ученые XIII–XIV вв. Ибн Саид и Абу-л-Фида, для географических сочинений которых труд ал-Идриси послужил едва ли не основным источником, не воспользовались его интерпретацией рассказа о трех группах русов. Ибн Саид вообще не включил этот сюжет в свое повествование, а Абу-л-Фида предпочел вернуться непосредственно к текстам ал-Истахри и Ибн Хаукаля, которые оставил без изменений и дополнений⁴⁰.

Сообщение ал-Идриси как относящееся к XII в. воспринял космограф второй половины XIII – первой трети XIV в. Шамс ад-дин ад-Димашки, автор сочинения "Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр" ("Выборка времени о диковинках суши и моря"). Со ссылкой на ал-Идриси он привел его рассказ в сокращенном и сильно искаженном виде, что в общем неудивительно, так как произведение ал-Идриси бытовало во многих списках.

Сведения о трех группах русов ад-Димашки поместил в главе, посвященной характеристике народов – потомков Иафета, к которым он относил тюрок, славян и китайцев. Славяне, по определению ад-Димашки, обитали на севере, между морем Рума (Бахр ар-Рӯм) и Окружающим морем (Бахр ал-Мухйт), протянувшись с запада на восток. Рассказ о славянах ад-Димашки составил по сочинениям ал-Бекри и ал-Масуди. Сообщение ал-Идриси о трех группах русов ад-Димашки переосмыслил как относящееся к славянам: "Автор "Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" сообщает, что в его время существовало четыре вида (аджнәс) славян: "С.ләвиййа, Б.рәсиййа⁴¹, К.рәк.риййа⁴², Арсәниййа. Все они носят названия по имени своей земли (или: города – биләд), кроме Арсәниййи. Любого чужестранца, приходящего к ним, они пожирают, ибо живут как дикие звери в дремучих лесах у Окружающего моря (Бахр ал-Мухйт)"⁴³.

Далее у ад-Димашки следует фраза, не оставляющая сомнений в том, что он не случайно заменил русов, о которых говорится в сочинении ал-Идриси, на славян. Русы для ад-Димашки уже не имеют никакого отношения к рассказу об их трех группах в арабской литературе X–XII вв., поскольку он связывает русов с городом Русиййа на берегу Черного моря⁴⁴.

Как видно, сообщения арабских источников XII–XIV вв. о трех группах русов нельзя рассматривать как простое дополнение к более ранним

известиям, которыми можно пользоваться, так сказать, равноправно. Авторы XII–XIV вв. или включали в свои сочинения тексты X в. без всяких изменений, или пытались актуализировать сообщения предшественников, инкорпорируя их данные в свою систему географических представлений, отражавшую реалии их эпохи.

- ¹ Литературу до конца 70-х годов см.: *Thulin A.* "The third tribe" of the Rus' // *Slavia Antiqua*. W-wa, 1979. Т. XXV. Р. 103–107. Работы последнего времени: *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 104–123; *Он же.* Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 50–54; *Мачинский Д.А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Л., 1982. С. 22; *Он же.* Ростово-Суздальская Русь в X в. и "три группы русов" восточных авторов // *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока*. Сыктывкар, 1985. С. 3–23; *Петрухин В.Я.* Три "центра" Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 143–158; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 330–334; *Бейлис В.М.* Ал-Идрис (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // *ДГ*, 1982 г. М., 1984. С. 214–215, 225–226; *Новосельцев А.П.* "Худуд ал-алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // *История СССР*. 1986. № 5. С. 102–103; *Он же.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // *Вопр. истории*, 1991. № 2/3. С. 9–10; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 205–217; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 140; *Паранин В.И.* Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990. С. 115–116; *Коновалова И.Г.* Рассказ о трех группах русов в арабской географической литературе XII–XIV вв. // *Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов*. М., 1992. С. 25–29; *Карсанов А.Н.* К вопросу о трех группах русов // *Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв.* М., 1992. Сб. 3. С. 5–13; *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 29–31.
- ² *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // *ЖМНП*. 1908. Т. XIII–XIV. С. 397–400.
- ³ *Validi Togan A.Z.* Ibn Fadlān's Reisebericht // *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. 1939. Т. XXIV. N 3. S. 320–321.
- ⁴ *Kmietowicz F.* Artāniya – Artā // *Folia Orientalia*. W-wa, 1972–1973. Т. XIV. Р. 231–260.
- ⁵ *Thulin A.* *Op. cit.* Р. 122, 130.
- ⁶ *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 100–101, 104; *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь... С. 120–121; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества... С. 330–333; *Мачинский Д.А.* Ростово-Суздальская Русь в X в. ... С. 20.
- ⁷ *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 413–414.
- ⁸ *Бейлис В.М.* *Указ*. С. 214–215.
- ⁹ Чтение Т. Левидского, готовившего к изданию данный отрывок. Варианты: *ṛāv* с (рукопись Национальной библиотеки в Париже, Arab. 2221); *ṛāwac* (ГНБ. Ар. н.с. 176); *ṛ. wās* (рукопись Национальной библиотеки в Париже, Arab. 2222).
- ¹⁰ *Al-Idrisi.* *Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student"* Neapoli: Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 917–918.
- ¹¹ Об источниках ал-Идриса см.: *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // *ДГ*, 1990 г. М., 1991. С. 17–19.
- ¹² *Al-Idrisi.* *Op. cit.* Р. 892, 903–904.
- ¹³ *Ibid.* Р. 905, 912–913.
- ¹⁴ *Ibid.* Р. 914, 917–918, 920.
- ¹⁵ *Ibid.* Р. 953, 955, 957, 960.
- ¹⁶ *Ibid.* Р. 957.

- ¹⁷ Бейлис В.М. Указ. соч. С. 214–215, 225–226.
- ¹⁸ Al-Idrisi. Op. cit. P. 917. Так в Парижской рукописи (Arab. 2221), считающейся лучшей. Во второй Парижской (Arab. 2222) и рукописи ГНБ имеются отличия в написании топонимов, в величине указанных расстояний между городами, а также в порядке расположения материала: "От города Нарус в восточном направлении до города Слѣв (ГНБ; С. лѣк – Arab. 2222) 135 миль, а от города Нарус до города Фйра на запад 50 миль. Между городом Слѣв (ГНБ; Слѣ – Arab. 2222) и городом К. кийѣна (ГНБ; Кйкийѣна – Arab. 2222) из страны Булгѣр 18 переходов. От Фйра до города Наби на запад 25 миль. Кукийѣна – город тюрок, называемых Русѣ" (Al-Idrisi. Op. cit. P. 917).
- ¹⁹ Бейлис В.М. Указ. соч. С. 225.
- ²⁰ Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 36.
- ²¹ А.П. Новосельцев также отмечает, что рассказ о трех группах русов включен в сочинение ал-Идриси "совершенно не к месту" (Новосельцев А.П. "Худуд ал-алам" ... С. 99).
- ²² Бейлис В.М. Указ. соч. С. 214.
- ²³ См. выше, сн. 18.
- ²⁴ Русский перевод текстов: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Русн... С. 411–412.
- ²⁵ Древняя Русь: Город. Замок. Село // Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 388, 390–391.
- ²⁶ См. замечание А.П. Новосельцева: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Русн... С. 416.
- ²⁷ Bibliotheca geographorum arabicorum. Editio secunda. Ludguni Batavorum, 1939. T. II. Fasc. 2. P. 397.
- ²⁸ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 189–196; Моця В.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земля Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985. С. 131–133; Он же. Булгар–Киев: Один из маршрутов Великого шелкового пути в эпоху средневековья // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье (Тезисы докладов): Межд. науч. семинар. Донецк, 1992. С. 44–47.
- ²⁹ Al-Idrisi. Op. cit. P. 905.
- ³⁰ Бейлис В.М. Указ. соч. С. 214.
- ³¹ Перевод отрывка см.: Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientální. Praha, 1957. T. 25. N 4. P. 635.
- ³² Ср.: Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. ... С. 29–32.
- ³³ Al-Idrisi. Op. cit. P. 912–913.
- ³⁴ Ibid. P. 955.
- ³⁵ Ibid. P. 914.
- ³⁶ Ibid. P. 920.
- ³⁷ Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (Постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. С. 23–37; Петрухин В.Я., Шелов-Коведяев Ф.В. К методике исторической географии. "Внешняя Россия" Константина Багрянородного и античная традиция // ВВ. М., 1988. Т. 49. С. 184–190.
- ³⁸ Al-Idrisi. Op. cit. P. 892, 903–904, 905, 912.
- ³⁹ Yaqut's geographisches Wörterbuch... / Hrsg. von R. Wüstenfeld. Leipzig, 1868. T. IV. P. 318–319.
- ⁴⁰ Géographie d'Aboufédá. Paris, 1848. T. II. Première partie. P. 305–306.
- ⁴¹ Этот вид появился у ад-Димашки по недоразумению: за отдельный вид он принял название, данное ал-Идриси русам с центром в Кукийяне, которое в различных рукописях "Нузхат ал-муштак" имеет несколько вариантов написания (с предлогом "би"): б. рѣвс, рѣ вас, б.р. вѣс (Al-Idrisi. Op. cit. P. 917).
- ⁴² Этот вариант названия легко получается из слова Кукийяна путем чтения буквы "вав" как "ра", схожей с ней по написанию, и подстановки еще одной буквы "ра".
- ⁴³ Mehren M.A.F. Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe. SPb., 1866. P. 261–262.
- ⁴⁴ Ibid. P. 262.

К ВОПРОСУ О "СЕРЕБРЯНЫХ БУЛГАРАХ"

В исторических исследованиях, особенно по древней или средневековой истории, ученые довольно часто опираются на лингвистические данные, причем в использовании языкового материала они сильно зависят от степени его изученности лингвистами, хотя их построения не всегда базируются на достаточных основаниях, часто нуждаются в поправках и не могут быть использованы непосредственно и безоговорочно.

В Ипатьевской летописи под 6690 г. при описании похода князя Всеволода Юрьевича с союзными князьями "по Волзѣ на Болгары" в 1183 г. фигурирует загадочный эпитет *серьбренные* при этнониме *болгары*: "сами же поидоша на конѣхъ в землю Болгарскую к великому городу Сербьреныхъ Болгаръ"¹. Этот эпитет породил большую литературу, начиная с В.Н. Татищева, который "точно не показанных" серебряных болгар географических объединил с черемисами².

В "Памяти и похвале князю русскому Владимиру" Иакова Мниха (XI в.) серебряными (*сребреныя Болгары*) названы булгары, на которых этот князь ходил в 985 г.³, причем попытка М.Н. Тихомирова опереться на чтение *сербяны и Болгары* (вместо *серебряныи болгары*) и отнести, вслед за Е.Е. Голубинским, этот поход к Балканам явно несостоятельна и не может быть признана даже правдоподобной⁴.

Проблема "серебряных булгар" была удовлетворительно решена С.М. Шпилевским на основе анализа микротопонимии вблизи Великого Города – Биярска: «Я нашел доказательство, что именно местность Бюлара или нынешнего Биярска носила название "Серебряной", по крайней мере так называлась речка, которая впадает в Биярку, среди ныне сохранившихся валов древнего г. Бюлара, как это видно на старом плане Биярска, где эта речка и обозначена названием "Серебрянка"»⁵.

Однако гораздо большее распространение получила более старая и этимологически более сложная версия В.В. Григорьева, базирующаяся на не вполне достоверном лексическом материале восточных языков: «О Булгарах *Серебряных* или *Нукратских*: эти, как видно, жили по Каме, вероятно поблизости каких-нибудь серебряных рудников, от которых получили свое имя; *нукрат*, слово Арабское, перешедшее в Татарский язык, значит "серебро"»⁶. Хотя в данных этимологических соображениях содержатся две большие неточности: 1) слово *нукрат* татарскому языку неизвестно; 2) оно в форме *нокрй* хорошо известно персидскому языку, но фиксируется также большими арабскими словарями, куда, вероятно, попало из персидского языка (Здесь также обходится вопрос о неожиданном появлении в слове *нукрат* конечного, *т*) – этимология Григорьева продолжает жить и в новейшей литературе: «Известно, что *серебряные*

булгары являются русским переводом предполагаемого племени *нухратские булгары* (*нукрат* в переводе с арабского означает "серебро")»⁷.

Соображения Григорьева получили дальнейшее развитие в словаре Н.И. Золотницкого, который присоединил их к объяснению чувашского слова: "*Нухрат* – деньги, пришиваемые к сорбану (араб. *нукрат* серебряные деньги). [...] В рус. летоп. упоминаются Булгары *Серебряные* или *Нукратные*; р. Вятка у Татар и Черемис – *Нукрат* или *Наукрат*; в Спасском уезде речка *Нохратка*; см. Списки насел. мест Казан. губ. стр. XXIX"⁸.

Этимологические соображения Золотницкого о слове *нухрат* были поддержаны и уточнены известными тюркологами Х. Паасоненом и В.Г. Егоровым, хотя и они не решили вопроса о происхождении конечного согласного *-т*⁹.

На базе этимологических соображений Григорьева усердные историкостали даже говорить о существовании каких-то мифических *нукратских* – *нухратских булгар* и даже племени *нукратов* – *нухратов*, однако упоминание таковых точно отсутствует в источниках как русских, так и арабско-персидских, хотя и сопровождают упоминание этого сомнительного племени противоречивыми невнятными оговорками: "... мы не беремся отрицать существование *нухратских булгар*. Несмотря на то, что такое племя отсутствует в восточных источниках, оно в достаточной степени ясно фигурирует в русских летописях под названием *серебряные булгары*"¹⁰.

Не имеет под собой никакой научной почвы оставшееся в виде странного курьеза фантастическое отождествление загадочных *серебряных болгар* XII в. с еще более загадочным болгарским племенем *б.р. сула* у Ибн Русте IX в. на базе беспрецедентной "идентификации" начальных кусков племенного названия *берсула* и русского прилагательного *серебряный* в духе модного тогда марризма¹¹. Эту версию нет никакой надобности даже разбирать, но материалы Григорьева нуждаются в более тщательном разборе в связи с топонимическим материалом.

В вопросе о "серебряных булгарах" большую роль играет также старое казанско-татарское название реки Вятки – *Нукрат* (в татарской орфографии краткий гласный начального слога у передается буквой *о*, поэтому в нынешней татарской орфографии это название несколько отличается от исторически более оправданной русской передачи: *Нократ суы*, *Нократ иделе*), употребляющееся параллельно с русским *Вятка*. В районе слияния Вятки и Чепцы проживает особая группа каринских татар со своим диалектом *нократ сөйләше* (*нукратовский говор*). Татарское географическое название Вятки *Нукрат* сопоставляют вслед за Золотницким и с чувашским этнографическим термином *нухрат* (в верховом диалекте *нохрат*), которым обозначаются серебряные монеты, а также их металлические (жестяные и оловянные) имитации, используемые для украшения и для языческих жертвоприношений. В словаре Н.И. Ашмарина отмечается противопоставление *нохрат* "старинные серебряные

монеты ценою в 1 коп." и *сён нохрат* (дословно: новые нохраты), "сделанные из жести", где следует обратить внимание на первый член оппозиции. Ср. также *чйн нухрат* (дословно: настоящие нухраты) "серебро" и *ахаль нухрат* (дословно: простые нухраты) "жестянка"¹². Чувашское слово на основании его древней семантики якобы "серебро" стали выводить из персидского названия серебра же *нокрд*¹³, а в связи с такой этимологией татарское название Вятки *Нукрат* стали привлекать для решения проблемы "серебряных болгар".

В цепи подобных, ставших уже почти традиционными рассуждений есть то же самое слабое звено, что и в соображениях Григорьева, которое делает эти сопоставления недоказанными и беспочвенными. Если фонетическое тождество татарского названия реки Вятки *Нукрат* и чувашского этнографического термина *нухрат* сомнения не вызывает, поскольку чувашское *х* хорошо соответствует татарскому *к* (ср. топоним чуваш. *Хусан* → татарск. *Казан*¹⁴ и т.п.), то выведение чувашского слова из персидского *нокрд* наталкивается на непреодолимое препятствие: персидское слово не полностью совпадает с чувашским, причем появление конечного *-т* на чувашской почве объяснить нельзя. Такой разрыв в цепи сопоставления делает беспочвенными всякие гелертерские суждения о Серебряной Вятке¹⁵. Надо сказать, что персидское *нокрд*, реально проникшее в некоторые тюркские языки Средней Азии (узбекск. *нукра* устар. книжн. "серебро", новобухарск. *нокрд* "серебряный слиток" – с характерной для книжных слов неустойчивостью огласовки!), фигурирует в этих языках без приобретения конечного *-т*, которое не должно было бы возникнуть и в поволжском тюркском языке на чувашской почве.

В данной ситуации также остаются не вполне ясными причины для заимствования татарским и чувашским языками второго названия серебра (при старых соответственно *квмдиш*, *кёмёл*) для его специализации в качестве нарицательного наименования традиционных украшений в чувашском и в качестве гидронима в татарском.

Начальный согласный *н-* в тюркском слове, как правило, исключает исконное происхождение последнего и заставляет искать его источник в других языках. В нашем случае исходной семантической точкой поисков должна быть фиксация Ашмариным в деревне Средние Юмаши Урмарского района Чувашии семантической противопоставленности *нохрат* "старинные серебряные монеты ценою в 1 коп." и *сён нохрат* "так называют нохраты из жести"¹⁶.

Дело в том, что старинное русское название до XVII в. серебряной копейки *новгородка*, *новгородская денъга* оказывается подозрительно близким к чувашскому *нухрат* (*нохрат*), которое – в соответствии с законами фонетических преобразований на тюркской почве – легко может быть выведено из основы русских форм: 1) в начальном слоге происходит стяжение сочетания *ов* в гласный *о*, у [ср. также название комитата (области, медье) *Nógrad* в Венгрии из аналогичного славянского слова]; 2) в конечном слоге основы (перед оглушенным согласным *-т*)

огубленный русский гласный *о*, будучи по условиям тюркской фонетики невозможным в чувашском языке в конечном слоге, был заменен неогубленным *а*; 3) средний слог утратил свою огласовку в силу действия тенденции к исчезновению срединных слогов (*Mittelsilbenschwund* по В. Бангу)¹⁷, а оказавшийся перед другим согласным звонкий *г* оглушился в *к* (и ослабился до *х*). Следовательно, в чувашском специфическом этнографическом термине *нухрат* (*нохрат*) в диалектах сохранилась память о русском старинном названии копейки – *новгородская денъга*, *новгородка*.

Татарский гидроним *Нукрат* (*Нократ суы*) возник сходным же образом самостоятельно на базе русских перифрастических обозначений Вятки типа *река новгородцев*, *река Новгородской земли*, *новгородская река* и т.п., причем языковеды не в состоянии ответить на вопрос о том, связано ли все это с Великим или же Нижним Новгородом.

Надо сказать, что в тюркских переводах русских документов, сделанных в недрах Посольского приказа в XVII в., в составе царского титула как *Новгород Великий*, так и *Новгород Нижний* фигурируют обычно в одинаковых написаниях – *Нукрѣт*, *Нукрѣт*, *Нузрѣт* и т.п., хотя при этом для Вятки употребляется транскрипция русской формы *Vätkä*, *Vätkä* и т.п., поскольку употребление и здесь татарского названия создавало бы ненужную излишнюю омонимию. Ограничимся ссылкой на два опубликованных в фотографиях и в наборе арабицей таких документа. В тюркском переводе грамоты царя Алексея Михайловича индийскому падишаху Аурангзебу с предложением об установлении дипломатических отношений между Россией и Индией от 28 февраля 1675 г. оба Новгорода именуются одинаково *Нукрѣт*, а для Вятки употребляется русская форма *Vätkä*¹⁸. В тюркоязычной проезжей грамоте Семену Маленькому на проезд в Персию, Индию, Балх, Бухару и Хиву от 10 июня 1695 г. *Новгород* (Великий) назван *Нузрѣт*, а *Новгород Низовския земли* *Нукрѣт*, хотя здесь же фигурирует и *Vätkä*¹⁹.

Сходные формы встречаются и в оригинальных документах восточного происхождения, например в грамоте персидского шаха Хусейна царю Петру I об отправлении из Персии в Индию Семена Маленького 1696 г., где оба Новгорода фигурируют в одинаковом написании *Нукрѣт*, а Вятка – *Vätkä*²⁰.

Хотелось бы подчеркнуть, что предполагаемое здесь выделение основы *Новгород* → *нукрат*, *нухрат* из состава производных слов *новгородский*, *новгородка*²¹ (при заимствовании в татарский и чувашский языки) имеет место довольно часто. Сошлюсь на один пример: формы названия Москвы во многих европейских языках (немецк. *Moskau*, англ. *Moscow* и т.п.) являются не искажением формы *Москва*, а извлеченной основой из прилагательного *московский*; аналогичного происхождения татарская форма *Mäskäü* и чувашская *Мускав*.

Разработанный здесь вопрос о татарском названии Вятки *Нукрат* показывает, что последнее нельзя привлекать в качестве материала к проблеме "серебряных булгар", но зато его история четко показывает,

что каринские татары появились в местах своего нынешнего проживания в то время, когда эта территория уже была освоена новгородцами, и татары дали главной реке региона название по населению этих мест.

Точное же время этих событий, их хронологизацию лингвистическими средствами установить невозможно, поэтому здесь дело за историками и археологами.

Все вышеизложенное позволяет реабилитировать старые соображения о связи татарского названия Вятки (*Нүкрәт*) с новгородской колонизацией, начиная с Л.М. Максимовича²²: правда, они основывались на традиции неправильного прочтения татарского начертания *нүкрәт* как *Наукрад*, что случайно оказалось ближе к русскому *Новгород* и помогло при неправильной форме исходного материала самым парадоксальным образом дать правильную этимологию, сохраняющую свою силу и применительно к правильной форме *Нукрат*, хотя это объяснение и не столь очевидно, как при прежнем сближении на базе ошибочного прочтения.

- ¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 625—626. О дате см.: Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII в. // Историческая география России, XII – начало XX в. М., 1975. С. 39–41. В качестве этнического названия чувашско-тюркского народа Волжской (а также Дунайской) Булгарии здесь принято искусственное архаизованное наименование *булгары*, хотя в источниках, а также в цитатах из исторических трудов может встречаться форма *болгары* и т.п., которую предпочтительно сохранить за славянским народом Балкан.
- ² Татищев В.Н. История российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 252: "Серебряные же болгары в пределе черемис положены".
- ³ Зимин А.А. Память и похвала Иакова Миниа и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР. М., 1963. № 37. С. 71.
- ⁴ Тихомиров М.Н. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время // Историч. журнал. 1941. № 10/11. С. 67, со ссылкой: Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1880. Т. 1. С. 213, где отмечено чтение *Сербяны и Болгары* в одном (Академическом) списке и у М. Стрыйковского под 985 г. В критическом пассаже Б.Д. Грекова (см.: Греков Б.Д. Волжские болгары в IX–X вв. // Ист. зап. М., 1945. № 14. С. 13) чтение дано с обесмысливающей его опечаткой *серебряны и болгары* странным суждением, что "начертание и несколько поодаль не дает права превращать это окончание в союз", и с неправомерным упреком в бессмысленности чтения. В.Н. Татищев (История российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 57–58) говорит о походе "на болгар и сербов по Днепру": здесь можно видеть опisku *сербы* вместо *серебряные* в источнике В.Н. Татищева (это, скорее всего, М. Стрыйковский).
- ⁵ Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 138.
- ⁶ Григорьев В.В. Булгары // Энциклопедический лексикон, изд. Плюшара. СПб., 1836. Т. VII. С. 300 = Григорьев В.В. Волжские булгары // Библиотека для чтения. 1836. Т. 19. Ч. 1. № 11 (отд. III). С. 11.
- ⁷ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.
- ⁸ Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 45. "*Сорбан, сарпан* – ткань, покрывающая голову и плечи замужней женщины" (Там же. С. 62).
- ⁹ Raasonen H. Csuvás szójegyzék. Budapest, 1908. P. 91; Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 140.
- ¹⁰ Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. С. 15. Ср. солидарность с этим суждением Д.М. Захарова в книге последнего "Серебряная Вятка" (Киров, 1990. С. 8), при одновременной солидарности с С.М. Шпилевским (на с. 9).

- ¹¹ Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 207, с глухой ссылкой на Н.Я. Марра, а также на "выражение *нахратские булгары* у Марджани" и местное (?) слово *нахрат* "серебро", хотя речь идет о *нукратских булгарах* Григорьева, которые вторично попали к Ш. Марджани.
- ¹² Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Вып. IX. С. 45.
- ¹³ Х. Паасонен связывает чувашское *нухрат* с персидским *нокрэ* "все белое и блестящее" (*Paasonen H. Op. cit.* Р. 91) со ссылкой на кн.: *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 69, где упомянуто 10 чувашских *нократок* с пояснением в скобках: "(из белой жести кружочков, наподобие серебряных старинных пятачков, только несколько менее)".
- ¹⁴ Добродомов И.Г. Казань (этимологический этюд) // Топонимика СССР. М., 1990. С. 45–53.
- ¹⁵ Захаров Д.М. Серебряная Вятка. Киров, 1990.
- ¹⁶ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Вып. IX. С. 45.
- ¹⁷ Menges K.H. The Turkic Languages and Peoples. An Introcuction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968. P. 106.
- ¹⁸ Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958. С. 207 и на вклейке перед ней.
- ¹⁹ Там же. С. 363 и на вклейке перед ней.
- ²⁰ Там же. С. 365–366.
- ²¹ Любопытно отметить, что при возвращении в русский язык ставшего этнографическим термином чувашского русизма *нухрат* последнее на русской почве как бы восстанавливает суффикс -ка: чуть в стороне от блюда лежал кусок ржаного хлеба и несколько нанизанных на волосок из лошадиного хвоста старинных денежек – *нухраток* (Ильбек М. Черный хлеб. Чебоксары, 1978. С. 95). Но наряду с формой *нухратка* употребительны и бессуффиксные формы: *нухрат*. Вместо денег носили к саященным деревьям *нухрат*, жестянки, копирующие серебро (Погодин Н.Ф. У чувашей // Русские писатели о чувашах. Чебоксары, 1948. С. 247).
- ²² Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. М., 1788. Ч. 1. С. 201–202. Ср. у современных исследователей-нетюркологов: Макарова Л.Н. Древние наименования города Кирова (Вятка – Хлынов) // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 139; Вятская земля в прошлом и настоящем. Тезисы докладов и сообщений 2-й научной конференции (памяти С.П. Луппова). Киров, 1992. Т. 2. С. 7.

А.В. Назаренко

ЕЩЕ РАЗ О ДАТЕ ПОЕЗДКИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С момента нашего первого обращения к теме¹ историография ее пополнилась рядом значительных работ. Все они, однако, посвящены главным образом вопросу о времени и месте *крещения* киевской княгини Ольги и касаются датировки приемов Ольги, описанных Константином Багрянородным в трактате "О церемониях византийского двора", лишь в той мере, в какой авторы определяют свою позицию по отношению к возрожденной Г.Г. Литавриным гипотезе И.М. Геснера – И. Тунманна, согласно которой эти приемы состоялись в 946, а не в 957 г., как было

принято считать еще совсем недавно. Л. Мюллер, Ф. Тиннефельд, Д. Оболенский приняли датировку 946 годом², более предпочтительной склонен признать ее В.Водов³, тогда как С.А. Высоцкий, А. Поппэ, В. Зайбт высказались в пользу 957 г.⁴; как всегда, экстравагантна точка зрения О. Прицака, полагающего, что два приема Ольги, объединенные в описании Константина, на самом деле имели место в разные годы: первый – в 946 г., а второй – в 957 г.⁵ Итак, разделение мнений по интересующему нас вопросу сохраняется, и он по-прежнему далек от однозначного решения, хотя источниковедческий уровень дискуссии заметно вырос.

В ходе дальнейшей работы над темой нам пришлось убедиться, что далеко не все ресурсы, казалось бы, хорошо известных текстов использованы в должной мере. Это касается и древнерусских памятников (где прежде всего подлежит рассмотрению происхождение хрестоматийной летописной даты путешествия Ольги в Царьград – 6463 г.)⁶, и византийских. Некоторым новым наблюдениям именно над византийскими источниками, в частности, в связи с теми контрдоводами, которые были выдвинуты Г.Г. Литавриным в реплике на нашу статью⁷, и посвящена настоящая работа.

Напомним вкратце суть проблемы. Обсуждая с разной степенью подробности церемониальную сторону двух приемов Ольги в императорском дворце⁸, Константин VII не приводит полной их даты, хотя и упоминает, что первый из приемов состоялся 9 сентября в среду, а второй – 18 октября⁹ в воскресенье; это, впрочем, и естественно, поскольку, как мы уже отмечали, те или иные детали дворцового церемониала определялись именно днем внутри церковного календаря, и год не играл в данном отношении никакой роли. Однако приведенных Константином данных достаточно для того, чтобы определить две альтернативные датировки приемов Ольги, так как указанные совпадения чисел и дней недели в период самостоятельного правления Константина VII (945–959) имели место лишь в 946 и 957 гг. Первая из этих дат была в свое время отвергнута в историографии¹⁰ на том главным образом основании, что во время десерта после торжественного клитория (обеда) 9 сентября среди присутствовавших названы Константин, Роман (его сын и соправитель с весны 946 г.)¹¹, а также "багрянородные их (выделено нами. – А.Н.) дети": в 946 г. у семилетнего тогда Романа детей быть, разумеется, не могло. Указывалось также и на несовместимость датировки царьградского путешествия Ольги 946 годом с хронологией Повести временных лет, где период с 945 по 947 г. занят усмирением древлянского восстания и поездкой княгини в Новгородскую землю¹².

Но вопрос осложняется тем, что в распоряжении сторонников 946 г. также имеется один веский аргумент, который они склонны даже считать решающим. Описание приемов Ольги дано в главе 15 II книги трактата "О церемониях", которая (глава) посвящена чину приемов, происходивших в Большом триклине Магнавры, "когда василевсы восседают на Соломоновом троне". В этой главе, помимо приемов киевской княгини, описаны и другие: послов багдадского халифа¹³ и после эмира Алеппо Сайф ад-даулы¹⁴, причем в тексте они датированы тоже только числами месяца и днями недели, но в заголовке добавлено, что они случились в

IV индикт, т.е. в 946/947 сентябрьский год. Так как вруцелета года приема Ольги и арабских послов совпадают, то, если полагаться на сведения заголовка, логично думать, что и визит Ольги приходился на IV индикт, т.е. на сентябрь-октябрь 946 г. Этот традиционный аргумент (обсуждению которого мы посвятили достаточно места в нашей первой статье) Г.Г. Литаврин дополняет еще одним. В описании клитория 9 сентября есть фраза, которую можно понять так, будто деспина и ее невестка, жена Романа, сидели на одном троне, а именно на троне императора Феофила. В этом-то смысле и трактует текст Литаврин, заключая, что такое соседство было бы стеснительным в 957 г. для Феофано, второй жены Романа, но вполне допустимо в 946 г. для первой супруги соправителя, его сверстницы девочки Берты (умерла в 949 г.).

Доказательная сила данного аргумента по-прежнему представляется нам преувеличенной. Повторимся, напоминая, что совместное восседание василиссы и супруги соправителя на одном троне, по нашему мнению, не согласуется с вошедшей в пословицу чинностью византийских придворных обычаев. Оно было бы естественным в одном случае – если трон Феофила был двойным. Такую возможность Литаврин отклоняет со ссылкой на миниатюры к Мадридскому кодексу Хроники Скилицы, на которых Феофил не единожды изображен сидящим на одноместном троне¹⁵. Но даже с учетом последней достаточно ранней датировки Мадридской рукописи серединой XII в.¹⁶, которая принята специалистами¹⁷, и в предположении, что миниатюры ее всего лишь копируют иллюстрации в оригинале Скилицы конца XI в.¹⁸, трудно быть априорно уверенным, что изображения на миниатюрах с точностью воспроизводят соответствующие реалии. Применительно же именно к трону Феофила это почти наверняка не так, поскольку на всех трех миниатюрах с изображением Феофила, вошедших в издание А. Божкова, известный император-иконоборец показан сидящим на *разных* тронах¹⁹. На условность иллюстраций к Мадридскому кодексу по крайней мере в данном отношении указывает, на наш взгляд, и то обстоятельство, что трон Льва VI, на одной из миниатюр показанный в качестве двойного (для Льва VI и его соправителя Александра), на другой представлен как одноместный²⁰.

Допустим, однако, что трон Феофила был все-таки одинарным. Наши недоумения по поводу совместного восседания деспины и ее невестки на одном троне ("во дворце не нашлось... подходящего кресла, достаточно высокого для того, чтобы супруга василевса-соправителя чувствовала себя удобно за столом") Литаврин отводит путем следующего рассуждения. Невестка "не могла сидеть (по этикету) на каком-либо ином удобном для девочки сиденье", кроме как на том «царском (выделено Г.Г. Литавриным. – А.Н.) "золотом кресле", т.е. на троне», на котором она сидела на приеме Ольги до обеда. А это кресло было ниже трона Феофила, причем не в силу возраста невестки, но в соответствии с рангом сидевшей на нем. Вот почему, как полагает Литаврин, жена Романа II не могла остаться в этом кресле-троне и за столом: оно было слишком низким. Однако такое разъяснение не только не устраняет наших недоумений, но рождает и новые. Пусть даже историк прав, считая, что

всякий член императорской фамилии (о том, что жена Романа II скорее всего еще не была коронована, пойдет речь ниже) при *всех* обстоятельствах непременно должен был сидеть на *троне*²¹, но в нашей аргументации равным счетом ничего не изменится, если слово "кресло" заменить на слово "трон", потому что и в разнообразных тронах во дворце недостатка также не было²². Мы не говорим уже о том, что и низкий трон можно было сделать удобным для сидения за столом – например, при помощи подушек, которые, кстати говоря, часто изображались в качестве атрибута тронов в византийской иконографии. И совсем уж непонятно, почему невестка Елены Лакапины, не имевшая права сидеть на одном уровне с императрицей во время приема, могла, по мнению Литаврина, сидеть с ней на одном троне во время последовавшего за ним обеда?

Ввиду сказанного мы по-прежнему предпочитаем думать, что в разбираемой фразе "села на упомянутый выше трон (т.е. трон Феофила. – А.Н.) деспина и ее невестка..." (ἐκαθέσθη ἐν τῷ προρρηθέντι θρόνῳ ἡ δέσποινα καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς)²³ после упоминания о невестке следует подразумевать "в кресло" ("ἐν τῷ σελλίῳ"), как то было прямо сказано несколько выше при описании предшествовавшего клиторию официального приема: "деспина же села на упомянутый выше трон, а ее невестка – в кресло" ("ἡ δὲ δέσποινα ἐκαθέσθη ἐν τῷ προρρηθέντι θρόνῳ καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς ἐν τῷ σελλίῳ")²⁴.

Не отвергая в принципе такой возможности, Литаврин замечает все же, что "в 15-й главе всюду, где указано, на каком троне восседал василевс (или деспина), *обязательно* (выделено автором. – А.Н.) отмечено, на чем сидел соправитель – Роман II (или невестка старшей царственной пары)". Такая формулировка у читателя, не знакомого с текстом источника, может создать впечатление, будто таких случаев в De cerim. II, 15 – множество, во всяком случае, достаточное количество для того, чтобы установить подобную закономерность. Между тем на 15 приемов, описанных здесь (не считая упомянутого вскользь приема "испанов"), их всего лишь 3. Это второй прием тарситов, когда указано, что Роман II восседал на троне Аркадия, а Константин VII – очевидно, на троне Константина Великого²⁵ (немаловажно, что о последнем нам приходится догадываться, так как трон Константина VII, в отличие от трона соправителя, прямо не назван!); третий прием тарситов 30 августа, когда оба василевса сидели в "золотых креслах"²⁶, и, наконец, официальный прием (не клиторий!) Ольги императрицей и ее невесткой, который и является предметом нашего разбирательства. Нетрудно видеть, почему именно в этих трех случаях информация столь подробна (хотя и не всегда ясно изложена). Глава II, 15 посвящена церемониалу приемов, происходивших в Большом триклине Магнавры, "когда василевсы восседают на Соломоновом троне"²⁷, установленном там. Все три упомянутых приема в этом отношении представляют собой исключения: первый имел место в Хрисотриклине, а второй – в триклине Юстиниана, так что император (императрица) не мог (не могла) сидеть на Соломоновом троне, поэтому приходилось особо оговаривать название трона; в ходе же второго из

названных приемов, хотя он и происходил в Большом триклине, император помещался опять-таки не на Соломоновом троне, а по каким-то причинам в одном из стоявших там "золотых кресел".

Иногда читателю приходится догадываться, где во время того или иного официального приема восседал император – например, при весьма кратком описании первого приема Ольги Константином VII 9 сентября. Из того, что прием происходил в Большом триклине (хотя даже об этом прямо в тексте не сказано)²⁸ и что "все было в соответствии с описанным выше приемом"²⁹, можно было бы заключить, что император сидел на Соломоновом троне, хотя это – не более чем вероятное предположение. В самом деле, учитывая присутствие Романа II (в силу симметрии приема приему княгини императрицей и *невесткой*), нельзя исключить, что василевсы помещались на золотых креслах, как то было при третьем приеме тарситов, упомянутом выше.

При описании клиториев мы, как правило, вообще остаемся в неведении, на каких именно тронах восседали царствующие особы: к примеру, во время первого обеда с тарситами³⁰, на обеде с ними же в Триклине Юстиниана 9 августа³¹, на совместном обеде с тарситами и послом Абу-Хамдана (Сайф ад-даулы) 30 августа³², на беседе царствующего семейства с Ольгой 9 сентября после официальных приемов княгини отдельно императором и императрицей³³, на десерте после обеда 9 сентября³⁴, наконец, на обеде в честь Ольги в Хрисотриклине 18 октября³⁵. Более того, есть случаи, когда автор не считает нужным упомянуть даже о том, кто же именно из царствующих особ участвует в приеме. Так, неясно, был ли Константин Багрянородный один или в сопровождении Романа II на клитории с тарситами и послом Абу-Хамдана или на обеде с русскими послами после первого приема Ольги³⁶. В последнем случае, как и при описании обедов с тарситами 9 августа и с русскими послами 18 октября³⁷, источник говорит о василевсе в единственном числе (имея в виду Константина VII), хотя, исходя из того, что на проходившем одновременно обеде императрицы с Ольгой присутствовала жена Романа II, следовало бы думать, что и сам Роман должен был участвовать в церемонии.

В заключение еще один пример, противоречащий слишком категорическому, как нам кажется, тезису нашего оппонента. Во вводной части к 15-й главе, где речь идет об элементах церемониала безотносительно к тому или иному конкретному приему, "когда василевсы восседают на Соломоновом троне", говорится не об *одном* троне, т.е. троне Соломона (как следовало бы ожидать, если видеть здесь просто обобщенное описание приема), а о *тронах*: василевсы "салятся на троны" и "сходят с тронов"³⁸. Если множественное число "василевсы" позволительно было бы объяснять тем, что Константин мог-де подразумевать императоров *вообще* (прошлых, настоящих и будущих), то применительно к форме "троны" такое объяснение уже не проходит: трон Соломона – один на всех. Именно так понимал дело автор заголовка³⁹, когда писал, что "*василевсы* восседают на Соломоновом *троне*". Это место привело в затруднение издателя и переводчика трактата "О церемониях" И. Райске, который превратил в латинском переводе греческое "θρόνοι" в латинское "thronus".

Между тем текст можно понять только в одном смысле: кроме Соломонова трона, в Большом триклине стоял по крайней мере еще один трон, предназначенный, очевидно, для Романа II. Действительно, Роман должен был, как мы уже отмечали, присутствовать на первом приеме Ольги, а стало быть, и на чем-то сидеть, когда его отец восседал на троне Соломона. Естественно было бы участие соправителя и в приеме посла Сайф ад-даулы – иначе пришлось бы сделать маловероятное допущение, что после предварявшей этот прием встречи с тарситами (когда Роман назван среди присутствующих) ему было велено удалиться; но если так, то он, видимо, должен был куда-то пересестись из золотого кресла, как Константин пересел из такового на трон Соломона⁴⁰. Как видим, в ряде случаев, прямо указывая, что василевс сидел на троне Соломона, автор, вопреки Литаврину, ничего не говорит о троне соправителя – более того, даже забывает упомянуть о его присутствии.

Эти постоянные неясности и недоговоренности, предполагающие, что многое для читателя (не забудем, что первым и главным из них был сам Роман II) и так должно было быть очевидно или понятно из контекста, укрепляют нас во мнении, что из анализируемого оборота (особенно взятого в паре с его "двойником", где недвусмысленно сказано об особом кресле невестки) нельзя делать вывода о совместном восседании василиссы и ее невестки на одном троне. Здесь мы имеем дело скорее всего не с испорченным местом, а как раз с одной из таких недомолвок, и в этом смысле оно, вообще говоря, не требует даже конъектуры. Вот какой смысл мы вкладывали в наши слова, что трактовка Литаврина основана "на необязательном прочтении текста". Во всяком случае, если и рассматривать легко подразумеваемое "ἐν τῷ σελλίῳ" или "ἐν τῷ προρρηθέντι σελλίῳ" как конъектуру, по степени прозрачности это место все равно никак нельзя сопоставлять с пассажем о детях Константина и Романа, где радикальные конъектуры совершенно необходимы, но при том крайне затруднительны.

В самом деле, следуя Литаврину, надо признать вполне ясную и грамматически безупречную фразу "ἐκαθέσθη ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ Ῥωμανὸς ὁ πορφυρογέννητος βασιλεὺς καὶ τὰ πορφυρογέννητα τοῦτων τέκνα καὶ ἡ νόμφη καὶ ἡ ἀρχοντίσσα" ("сел василевс, и Роман, порфирородный василевс, и порфирородные их дети, и невестка, и архонтисса") испорченной. Это значит, что сторонники такой трактовки должны не только выдвинуть мотив для подобного подозрения, но и предложить достаточно удобное исправление текста.

Ф. Тиннефельд в своей краткой заметке по поводу данного места в De segim. II, 15 поддержал одну из выдвинутых Литавриным⁴¹ конъектур, которая предполагает "τοῦτου" ("его"), т.е. одного Константина, вместо "τοῦτων" ("их"), т.е. Константина и Романа. Немецкий византинист видит, что фраза все равно остается малопонятной и грамматически неверной (упоминание о Романи разделяет Константина и его детей), но удовлетворяется следующим объяснением: коль скоро Романа II как соправителя необходимо было назвать на втором месте, то это создавало для автора "семантические трудности", оказавшиеся для него непреодолимыми⁴². Иными словами, по мнению Тиннефельда, далеко не малограмотный

автор, желая сказать одно, не по ошибке, а совершенно сознательно сказал совсем другое. Вряд ли такое предложение можно назвать конъектурой. Да и никаких особенных грамматических трудностей мы здесь, откровенно говоря, не видим: достаточно было написать что-либо вроде "ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ Ῥωμανὸς ὁ πορφυρογέννητος βασιλεὺς, ὁ υἱὸς αὐτοῦ, καὶ τὰ λοιπὰ πορφυρογέννητα τοῦτου τέκνα" ("василевс, Роман, порфирородный василевс, его сын, и другие его порфирородные дети") или просто "ὁ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος καὶ ὁ Ῥωμανὸς ὁ Πορφυρογέννητος βασιλεὺς καὶ τὰ πορφυρογέννητα τοῦ Κωνσταντίνου τέκνα" ("василевс Константин, Роман, порфирородный василевс, и порфирородные дети Константина").

В своей реплике на нашу статью сам Литаврин обсуждает уже только одну, другую возможность. По его мнению, вследствие все той же необходимости поименовать василевса-соправителя на втором месте для "упоминания о деспине не нашлось места", т.е. "τούτων" ("их") историк относит к Константину и подразумеваемой деспине. Таким образом, подробно перечисляя всех присутствовавших, упоминанием о василиссе пожертвовали ради упоминания ее детей.

Натянутость подобного объяснения нам кажется очевидной. Кроме того, оно мало правдоподобно еще и по следующим двум соображениям. Во-первых, оно, как оказывается, мало помогает трактовке "τούτων" ("их") как Константина и Елены. Действительно, обратим внимание на конструкцию аналогичной фразы в описании беседы императорского семейства с киевской княгиней между приемами и клиторием: "καθεσθεις ὁ βασιλεὺς μετὰ τῆς αὐγουστῆς καὶ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτοῦ τέκνων" ["сел василевс с августой и порфирородными *εξο* (выделено нами. — А.Н.) детьми"]⁴³. Из нее хорошо видно, что, несмотря на то что дети были общими, указана только их принадлежность автократуру: "его (а не "их") детьми". Поэтому даже если в разбираемом пассаже и домыслить императрицу, то выражение "их дети" все равно вряд ли могло бы относиться к ней и Константину, а, по прямой аналогии с только что приведенным оборотом, должно было бы подразумевать именно Константина и совасилевса Романа. Во-вторых, есть смысл задаться неочевидным вопросом, а действительно ли супруга Константина присутствовала на десерте 9 сентября?

Присмотримся повнимательнее к структуре состоявшихся в тот день мероприятий и к составу их участников. Вся программа разбита на шесть эпизодов: 1) официальное представление Ольги императору и, вероятно, соправителю (хотя последний, как уже говорилось выше, прямо не упомянут); 2) аналогичное представление Ольги супругам василевсов; 3) неофициальная беседа, на которой с византийской стороны названы император, императрица и их дети; 4) клиторий императора (и, как можно полагать, соправителя, который опять-таки не упоминается) с русскими послами; 5) одновременный клиторий для Ольги в присутствии императрицы и ее невестки; 6) заключительный десерт, состоявшийся в третьем месте (Аристрии), где были император, соправитель, их дети, невестка. Обычная двухчастная схема (официальное представление, затем клиторий) существенно усложнилась. Из-за того, что принимали женщину-

архонтиссу, оба этапа приема в свою очередь раздвоились, так как к ним надо было подключить женскую половину правящего семейства. Сверх того, особым отличием приема Ольги явилось то, что она получила возможность неофициального пребывания как бы в домашнем кругу императорской фамилии (эпизоды 3, 6). Симметричность общей композиции налицо. Но если состав византийских участников в эпизодах 1, 4, с одной стороны, и 2, 5 – с другой, совпадают, то в двух мероприятиях неофициальной части они разные: отсутствие невестки и, возможно, ее супруга Романа II (если только он не подразумевается в анонимной группе детей Константина и Елены) в эпизоде 3, симметричное умолчание о деспине (при наличии Романа и его жены) в эпизоде 6, показывает, на наш взгляд, что последнее едва ли случайно и несводимо ни к ляпсусу автора, ни к оплошности переписчика. Перед нами скорее всего *заранее продуманная симметричная схема*.

Итак, приходится констатировать, что противникам толкования обсуждаемого фрагмента о детях Константина VII и Романа II в его прямом, буквальном смысле пока не удалось выдвинуть сколько-нибудь убедительного исправления текста. А это, в свою очередь, может служить косвенным аргументом в пользу такого толкования.

Остается последний контрдовод, высказанный Литавриным. Ученый считает, что если бы к моменту визита Ольги у Романа II и его жены было бы потомство, которое и присутствовало на десерте 9 сентября, то, как мать порфирородного дитяти, она должна была бы быть упомянута не на последнем месте, а по крайней мере перед своим ребенком, – так же, как жена Константина везде, где она названа вместе со своими детьми, упоминается прежде них. Коль скоро невестка постоянно именуется на последнем месте, то из этого, как считает Литаврин, "*с несомненностью*" (выделено нами. – А.Н.) следует, что у Феофано в 957 г. еще не было детей или по меньшей мере они были незаконнорожденными (что, естественно, делало их участие в придворных церемониях проблематичным).

Начнем с того, что сразу отвергнем последнюю возможность, ибо все присутствовавшие на десерте 9 сентября дети в источнике прямо названы порфирородными. Далее, Литаврин почему-то игнорирует наши возражения против аналогичной его аргументации в предыдущих работах⁴⁴. Конечно, наличие в руках у историков таких источников, как "Клитологий" Филофея, трактат Константина "О церемониях" и некоторые другие подобные памятники, дает право считать (как это справедливо делает наш оппонент), что византийский придворный церемониал сравнительно хорошо известен. И все же, повторим, он известен не в той мере, чтобы оправдать слишком категорические суждения на основании порядка перечисления членов царствующего семейства. Литаврин нигде не поясняет, на основании каких именно данных источников он полагает, что Феофано, будь она матерью порфирородного дитяти, непременно должна была переместиться в списке с последнего места. Этого естественно было бы ожидать, если бы она с рождением первенца непременно должна была превратиться в августу – но это вовсе не так. Есть осно-

вания считать (как то отмечалось нами в предыдущей работе), что в ранне- и средневизантийскую эпоху супруга василевса-соправителя, строго говоря, вообще не имела права на титул августы⁴⁵. Исключения каждый раз оговариваются специально⁴⁶. Думаем, именно поэтому в De seipm. II, 15 жена Романа II неизменно именуется "невесткой" ("ἡ νύμφη"), а не "младшей августой" или т.п. Тем самым с этой стороны не видно препятствий для вывода (следующего из дискуссионного выражения и "порфиородные их дети"), что у восемнадцатилетнего Романа II в 957 г. был по крайней мере один ребенок. Но кто именно?

Бесспорно, что Роман II имел не менее троих детей: сыновей Василия и Константина, а также дочь Анну. Следуя распространенной в историографии традиции, Литаврин относит рождение старшего из них, будущего Василия II, к 958 г.⁴⁷ Объем журнальной статьи не позволил нам обсудить это устоявшееся мнение в предыдущей работе: мы ограничились демонстрацией того, что Василий, возможно, вовсе не был первенцем и что у Романа, как есть основания думать, была старшая дочь Елена, к которой и было направлено известное сватовство германского императора Оттона I в 967 г.⁴⁸ Не видя пока нужды отказываться от такой гипотезы, мы все же считаем необходимым отметить, что вопрос о дате рождения Василия II представляет собой историковедческую проблему, которая на настоящее время не имеет однозначного решения. Данные на этот счет в источниках разноречивы и, как нам кажется, в целом восходят к двум взаимоисключающим традициям.

Первая из них представлена Симеоном Логофетом, сообщающим, что Василий II родился на 14-м году самостоятельного правления своего деда Константина VII, который всего правил 15 лет, и что в момент смерти Константина VII в ноябре 959 г. его внуку Василию был один год⁴⁹. Последняя информация содержится также у Продолжателя Феофана⁵⁰. Поскольку самодержавное правление Константина Багрянородного началось после удаления Лакапинидов в январе 945 г., то в качестве времени рождения Василия, согласно первому известию, получим февраль 958 – январь 959 г. (если первым годом правления считать полный год с февраля 945 по январь 946 г.) или 957/958 сентябрьский год (если считать за первый год Константина VII период до августа 945 г., т.е. до конца 944/945 сентябрьского года)⁵¹; согласно же второму известию, Василий II должен был родиться не ранее декабря 957 г., но не позднее ноября 958 г.

К этой же традиции следует отнести и сообщение Скилицы, по которому Константин VIII родился на следующий год после событий, приходившихся на II индикт: воцарения его отца Романа II (ноябрь 959 г.) и коронации брата Василия II (22 марта, на Пасху, 960 г.)⁵², т.е., очевидно, в IV индикт (960/961 сентябрьский год). Поскольку Константин VIII был младше Василия II на два года (или на три по римскому счету)⁵³, то рождение последнего должно было бы приходиться на 958/959 сентябрьский год или на срок, чуть более ранний (но не более, чем на полный год). Необходимо напомнить и о дате, приводимой поздним арабским историком ал-Айни (умер в 1451 г.), информацию которого А.А. Васильев считает заслуживающей внимания как восходящую, возможно, к более

ранним источникам; ал-Айни относит рождение Василия II к 346 г. хиджры, т.е. к апрелю 957 – марту 958 г.⁵⁴

Если воспринимать перечисленные датировки как точные, то из сопоставления их получим дату рождению Василия II – февраль – апрель 958 г.

Вторую традицию воспроизводят несколько более поздние памятники второй половины XI в. Михаил Пселл сообщает, что Василий II скончался на 72-м году жизни, а Константин VIII воцарился единодержавно в возрасте 69 лет⁵⁵. Вытекающую отсюда дату рождения Василия (умершего в декабре 1025 г.) – до декабря 954 г. – надо признать, необоснованно ранней, даже исходя из данных самого Пселла. Действительно, знаменитый историограф тут же оговаривается, что названные 72 года складываются из 20 лет совместного правления и 52 лет самодержавства; таким образом, этот срок приходится уменьшить, как минимум, на два с лишним года, так как между смертью Иоанна Цимисхия (январь 976 г.), т.е. началом самостоятельного правления Василия II, и его смертью в декабре 1025 г. прошло не 52, а неполных 50 лет, точнее – 49 лет и 10 месяцев.

Более исправно эта традиция донесена до нас Скилицей, который пишет, что Василий II скончался 15 декабря 1025 г. 70-летним стариком⁵⁶. Расчет, приведенный Пселлом ($72 = 52 + 20$), объясняет, как получились 70 лет у Скилицы. С одной стороны, он, как и Пселл, считал, что к моменту смерти Иоанна Цимисхия Василию уже исполнилось 20 лет⁵⁷, а с другой – действительно насчитывал полных 50 лет самодержавного правления Василия II, поскольку смерть Цимисхия по каким-то причинам ошибочно относил не к январю 976, а к декабрю 975 г.⁵⁸ Довершает сходство данных Пселла и Скилицы общее их ошибочное убеждение, что Василий правил все время своей жизни, т.е. с самого рождения⁵⁹.

Очевидно, к тому же корню, что Пселл и Скилица, восходят хронологические данные тех малых хроник, которые в расчете лет правления отводят самостоятельному правлению Василия II именно 50 лет⁶⁰. Итак, согласно этой группе источников, Василий II родился между декабрем 954 и ноябрем 955 г.

Какая же из приведенных традиций заслуживает предпочтения? Достоинством первой из них является то, что она содержится в источниках, по времени своего создания близких к описываемым событиям. Правда, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, интересующее нас место Продолжателя Феофана⁶¹ безнадежно испорчено: в качестве опорной даты – дня смерти Константина VII – вместо 9 ноября 6468 г., в III индикт⁶² (т.е. 959 г.), стоит 6 ноября 6469, т.е. 960 г., да еще в VI индикт – две даты, несогласные не только с истиной, но и друг с другом⁶³. Во-вторых, немаловажно и то, что в сущности мы имеем дело не с двумя независимыми друг от друга источниками, а с одним⁶⁴, и не с двумя подтверждающими друг друга известиями у Симеона, а, очевидно, с одним, так как, зная, что Василий родился в предпоследний год правления Константина VII, легко было заключить, что в момент смерти деда внуку был один год (зависимость, разумеется, могла быть и обратной).

То, что в лице Михаила Пселла и Скилицы мы имеем дело с авторами

второй половины XI в., вряд ли может само по себе умалить весомость их данных. Известно, что именно жизнеописания Василия II и Константина VIII, в отличие от всего остального текста "Хронографии", создавались Пселлом не по воспоминаниям или свидетельствам современников, а на основе каких-то более ранних письменных источников; возможно, один из этих источников Пселла был общим со Скилицей⁶⁵, что вполне согласуется с приведенными выше хронологическими данными обоих писателей. Хотя источники Скилицы для середины и второй половины X в. неизвестны⁶⁶, в целом аутентичность их не вызывает сомнений, что, собственно, и определяет значение его труда для науки⁶⁷.

Ввиду сказанного, на наш взгляд, было бы преждевременно соглашаться с излишне безапелляционной датировкой рождения Василия II 958 годом. Подробному источниковедческому рассмотрению, насколько нам известно, этот вопрос не подвергался⁶⁸, и альтернативная ранняя дата – 955 г. – пока никем не опровергнута. В таком случае, говоря о детях Романа II, присутствовавших, согласно De cerim. II, 15, на последнем, наиболее камерном приеме Ольги 9 сентября 957 г., следует учитывать и кандидатуру Василия, которому к тому времени могло быть уже два с лишним года. Тем самым аргумент, что в 957 г. у Романа II якобы *заведомо* не было детей, который привлекается для дискредитации недвусмысленного свидетельства книги "О церемониях", оказывается шатким.

¹ Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. М., 1989. Т. 50. С. 66–83. Работа над текстом была завершена в 1986 г. и более поздняя литература не могла быть учтена нами в полной мере.

² Müller L. Die Taufe Russlans: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München, 1987. S. 78; *Idem*. Die Erzählung der "Nestorchronik" über die Taufe Ol'gas im Jahre 954/955 // Zeitschrift für Slawistik. 1988. Bd. 33/6. S. 785–796; Tinnefeld F. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII. und das Problem der "purpurborenen Kinder" // Russia Mediaevalis. 1987. T. VI/1. S. 30–37; *Obolensky D.* Ol'ga's Conversion: The Evidence Reconsidered // Harvard Ukrainian Studies (далее: HUS). 1988/1989. Vol. XII / XIII: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus' – Ukraine. P. 145–158. В своих непосредственно предшествовавших работах Д. Оболенский оперировал традиционной датировкой, так как еще не был знаком с гипотезой Г.Г. Литаврина [*Obolensky D.* Russia and Byzantium in the Mid-Tenth Century: The Problem of the Baptism of Princess Olga // The Greek Orthodox Theological Review. 1983. Vol. 28/2. P. 157–171; *Idem*. The Baptism of Princess Olga of Kiev: The Problem of the Sources // Philadelphia et autres études. P., 1984. P. 159–176 (Byzantina Sorbonensia, 4); *Оболенский Д.* К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 36–47].

³ Vodoff V. Naissance de la chrétienté russe: La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe–XIIIe siècles). [P], 1988. P. 53–54.

⁴ Высоцкий С.А. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 154–161; *Poppe A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Österreichische Osthefte. 1988, Jg. 30. S. 464, 493. Anm. 22 (работа А. Поппе, специально посвященная проблеме крещения Ольги, в последнем томе Dumbarton Oaks Papers, пока нам недоступна); *Seibt W.* Der historische Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (989) // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow: Proceedings of the Intern. Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki 26–28 November 1988 / Ed. A.-E. Tachiaos. Thessaloniki, 1992. P. 292. Not. 8.

- ⁵ Pritsak O. When and Where Was Ol'ga Baptized? // HUS. 1985. Vol. IX. P. 5–24.
- ⁶ Назаренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва 13–15 апреля 1992 г. М., 1992. С. 47–49.
- ⁷ Литаврин Г.Г. Реплика к статье [Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга...] // ВВ. М., 1989. Т. 50. С. 83–84.
- ⁸ *Constantini Porphyrogeneti imperatoris de cerimoniis aulae byzantinae libri duo* / E rec. I.I. Reiskii. Bonnae, 1829. Т. I (далее: De cerim.). P. 594.15–598.12.
- ⁹ В русском переводе Г.Г. Литавриным описания приемов Ольги в данном месте ошибочно указана дата 18 сентября: Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. М., 1981. Т. 42. С. 44.
- ¹⁰ Сжатый ее обзор см.: Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 66–67.
- ¹¹ Поскольку в повествовании о приемах Ольги у Константина Роман упоминается уже как соправитель, то дата его коронации может служить *terminus post quem* для поездки Ольги. Если коронацию Романа II относить к 948 г., как это делалось со времен Дюканжа [см., например: Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке / Пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1819. Т. 3. С. 437, 444; Макарий (Булгаков). История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868. С. 253–254; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; B., 1924. Bd. I. S. 80; Grumel V. La chronologie. P., 1958. P. 358 (Bibliothèque byzantine, [IV]: *Traité d'études byzantines*, 1); и др.], то датировка путешествия киевской княгини в столицу Византии 946 годом отпадает сама собой (аутентичность заголовков к De cerim. II, 15 пришлось бы в таком случае подвергнуть сомнению). Однако единственным основанием для того, чтобы датировать венчание Романа II 948 годом, служит относительная хронология, реконструируемая по данным Хроник Скилицы, который непосредственно после сообщения о смерти в изгнании Романа Лакапина в июле VI индикта, т.е. 948 г., пишет, что "на Пасху того же индикта" (выделено нами. – А.Н.) Константин VII венчал сына Романа руками патриарха Феофилакта [*Ioannis Scylitzae synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. B.; N.Y., 1973 (далее: Scyl.). P. 237. 5–8]. Насколько надежна эта хронология? Прежде всего вовсе не ясно, к какому именно из прежде описанных событий относится выражение "в тот же индикт". Его, вообще говоря, можно было бы связать ("рыхлый" принцип изложения Скилицы это позволяет) и с известием о ссылке Лакапинидов 27 января 945 г. (Scyl. P. 235. 68–236.92), и с сообщением о попытках Константина Лакапина бежать, во время одной из которых он был убит "через два года после низложения с царства" (Scyl. P. 236. 94–2), и даже с повторным точно датированным упоминанием о высылке Романа I на Проту 16 декабря 944 г. (Scyl. P. 235. 64–65). Более того, существенно, что у Скилицы, и именно в рассказе о низложении Романа I, есть примеры двусмысленного употребления выражения "в тот же индикт". Так, в первом сообщении о выведении Романа Лакапина из дворца сыновьями и Константином VII Скилица не указывает точной даты (она дана позже), а говорит только, что это случилось "в тот же индикт" (Scyl. P. 232.83). Последнее не может относиться к ближайшему предыдущему упоминанию на индикт (Scyl. P. 231.58; II индикт в сообщении о сватовстве к Берте), так как известно, что Роман I смещен в декабре 944 г., т.е. в III индикт. Тогда с чем же его сопоставить? Следующее "по очереди" датированное событие – перенесение в Константинополь эдесского мандилия (Scyl. P. 231.66 – 232.72) – приходится на август 944 г., т.е. все равно на II индикт. Сообщения о появлении в царствующем граде сиамских близнецов и о предсказании Роману I его судьбы монахом Сергием не датированы и датировке не поддаются. Тем самым в данном случае слова "в тот же индикт" в тексте Скилицы опоры вообще не находят. Очевидно, здесь произошла неуязвка вследствие недосмотра при работе хрониста со своим источником. Стереотипная отсылка "к тому же индикту" попала в текст Скилицы из его источника, тогда как то место в источнике, в котором содержалась соответствующая эксплицитная датировка, оказалось опущенным. Таким образом, датировка коронации Романа II, вытекающая из счисления лет правления в ряде сохранившихся актов (Пасха 946 г.) (Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 76. Примеч. 68), не имеет обоснованной альтернативы.
- ¹² ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Стб. 58–60; СПб., 1908. Т. 2. Стб. 44–49.

- ¹³ Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 71. Так справедливо предполагал уже Э. Муральт (*Murali E. Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1054. SPb., 1855. P. 520*). Вряд ли прав Г.Г. Литаврин (Путешествие русской княгини Ольги... С. 46), считая, что послы пришли от эмира Тарса (очевидно, исследователь исходил из постоянного именовании их в источнике "тарсиянке").
- ¹⁴ Согласно De cerim. P. 593.4, посол прибыл от Абу-Хамдана (Ἀβουχάμδα), т.е. кого-то из двух Хамданидов: либо правителя Мосула Наср ад-даулы (929–969) (как думал, например, Э. Муральт: *Murali E. Op. cit. P. 521*), либо его брата, эмира Алеппо, Эмеса и Антиохии Сайф ад-даулы (945–967), наиболее упорного врага греков на востоке в середине X в. (*Босworth К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971. С. 82*). Коль скоро послом был эмир Амиды, а месопотамская пограничная область входила именно во владение Сайф ад-даулы, то его кандидатура выглядит предпочтительнее. Непонятно, почему Литаврин считает, будто посольство было от эмира Мелитины (*Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги... С. 48; Он же. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ, 1985 г. М., 1986. С. 49*).
- ¹⁵ Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги... С. 45. Примеч. 92.
- ¹⁶ Wilson N.G. The Madrid Skylitzes // *Scrittura e civiltà*. 1978. N 2. P. 209–219.
- ¹⁷ Фонич Б.Л. Палеогеографическая заметка о Мадридской рукописи Скилицы // ВВ. М., 1981. Т. 42. С. 229–230.
- ¹⁸ Weitzmann K. The Study of Byzantine Book Illumination; Past, Present and Future // *The Place of Book Illumination in Byzantine Art. Princeton, 1975. P. 45*.
- ¹⁹ Божков А. Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972. С. 41, 43, 46. № 14, 15 (верх), 16.
- ²⁰ Там же. С. 74, 77. № 38, 39.
- ²¹ Заметим, однако, что это никоим образом не вытекает из словоупотребления Константина Багрянородного. Напротив, термины "трон" (θρόνος) и "(золотое) кресло" (χρυσὸν οὐλίων) у него четко разделены не только при описании приема Ольги женской половиной императорского семейства. Так, в том же Большом триклине, кроме трона Соломона, были установлены "золотые кресла" (в коиже на юг от трона Соломона) (De cerim. P. 567, 10–11), сидя в которых Константин VII и Роман II принимали, например, тарситов 30 августа перед приемом посла Сайф ад-даулы (De cerim. P. 593.5–17). Достойно внимания, что во время приема эти "золотые кресла" стояли уже не в коиже, а "посредине Большого триклина" ("μέσση τοῦ μεγάλου τρικλίνου"), т.е. были переносными. Из описания Константина ясно, что прием в "золотых креслах" был менее официально-торжественным: на нем не было кувикуляриев, а "только китониты (стражники царской опочивальни. – А.Н.) и евдомария (дворцовые служители достаточно низкого ранга. – А.Н.)"; "восьмиугольную хламиду и большой белый венец" василевс надел лишь перед приемом посла Сайф ад-даулы, когда пересаживался на Соломонов трон (De cerim. P. 593.18–20). В случае с тарсиянками это и понятно: данный прием был для них уже третьим по счету, и они не представлялись василевсу, а только "говоряла, о чем хотела" (дело явно касалось предстоявших переговоров с послом эмира Алеппо).
- ²² Кроме прямо названных в 15-й главе II книги тронов Соломона, Феофила, Аркадия и св. Константина, бегло упомянуты "остальные царские троны" ("οἱ λοιποὶ βασιλικοὶ θρόνοι"), стоявшие в Христотриклине (De cerim. P. 587.9).
- ²³ De cerim. P. 596.22–23.
- ²⁴ De cerim. P. 595.20–21.
- ²⁵ De cerim. P. 587.5–7.
- ²⁶ De cerim. P. 593.6–7.
- ²⁷ De cerim. P. 566.12–14.
- ²⁸ О том, что это было именно так, делаем вывод из некоторых деталей; например, из упоминания, что Ольга покинула зал приема "через Анадендрарий (видимо, род оранжевых. – А.Н.) и Триклин кандидатов", что оговорено и при первом приеме тарситов, происходившем в Большом триклине (De cerim. P. 584.10–11, 595.6–7).
- ²⁹ Хотя опять-таки не уточнено, какой именно из "описанных выше приемов" имеется в

виду, вряд ли уместны сомнения, что подразумевался первый прием тарситов, послов багдадского халифа, который служил "моделью" для De cerim. II, 15 и в других случаях (см.: De cerim. P. 593.21, как бы "расшифровывающее" двусмысленный аналогичный оборот, употребленный и чуть выше: P. 593.4-5).

³⁰ De cerim. P. 584.24–585.19.

³¹ De cerim. P. 592.2–19.

³² De cerim. P. 594.3–14.

³³ De cerim. P. 596.17–20.

³⁴ De cerim. P. 597.16–598.2.

³⁵ De cerim. P. 598.2–12.

³⁶ De cerim. P. 597.7–16.

³⁷ De cerim. P. 598.2–4.

³⁸ De cerim. P. 567.19, 570.4.

³⁹ Нелишне напомнить, что есть основания предполагать позднейшее происхождение заголовков (Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 68–70).

⁴⁰ De cerim. P. 593.2–21.

⁴¹ Литаврин Г.Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 183; Он же. Русско-византийские связи в середине X в. // Вопросы истории. 1986. № 6. С. 42; Он же. К вопросу об обстоятельствах... С. 50–51.

⁴² Tinnefeld F. Op. cit.

⁴³ De cerim. P. 596.17–18.

⁴⁴ Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 75–76.

⁴⁵ Missiou D. Über die institutionelle Rolle der byzantinischen Kaiserin // Akten des XVI. Internationalen Byzantinistenkongresses. Wien. 4.–9. Oktober 1981. Wien, 1982. Bd. II/2 (Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Bd. 32/2). S. 491.

⁴⁶ Так, Продолжатель Феофана, сообщая о бракосочетании Стефана Лакапина, сына Романа I, с Анной, дочерью некоего Гавалы, особо упоминает о том, что "помимо брачного венца (τὸ νυμφικὸν στεφάνω) возложен был на нее и царский" (τὸ τῆς βασιλείας διάδημα) [Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1838. P. 228.76–79 (далее: Theoph. Cont.); Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб., 1992 (далее: Прод. Феоф.). С. 175]. Такое уточнение было бы излишним, если бы вхождение в царскую семью автоматически сопровождалось присвоением титула августы-царицы.

⁴⁷ См., например: Murali E. Op. cit. P. 529 (со ссылкой только на Симеона и Продолжателя Феофана); Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremoniebuches // Byzantion. 1932. T. 7. Fasc. 1/2. S. 197. Anm. 1; Oikonomides N. La cronologia dell'incoronazione dell'imperatore bizantino Costantino VIII (962) // Studi Salentini. 1965. Fasc. 19. P. 178. Not. 4; Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах... С. 50 и др.

⁴⁸ Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 77–79.

⁴⁹ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister... P. 755, 757.

⁵⁰ Theoph. Cont. P. 469.

⁵¹ Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга... С. 76. Примеч. 68.

⁵² Scyl. P. 248.92–4.

⁵³ Scyl. P. 314.53–54.

⁵⁴ Васильев А.А. Византия и арабы. СПб., 1904. Ч. II. Прилож. С. 179.

⁵⁵ Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et trad. par E. Renauld. P., 1926. T. 1 (далее: Psell.). P. 23–25; Михаил Пселл. Хронография / Перев., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978 (далее: Пселл.). С. 17–18.

⁵⁶ Scyl. P. 368.84–86, 369.15.

⁵⁷ Scyl. P. 314.52–53.

⁵⁸ Scyl. P. 314.51–52.

⁵⁹ Характерно, что в другом месте Скилица сообщает о коронации Василия отцом на Пасху 960 г. (Scyl. P. 248.95–96). Отсюда видно, что историк в данном случае механически соединил данные двух разных традиций.

⁶⁰ См., например, продолжение "Летописца вскоре" патриарха Никифора в списке ГИМ. Си-

- нод. греч. 467 (XI в.) (Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований: Труд В.Н. Бенешевича. С., 1987. Т. 2 / Подг. к изд. и снабжен дополн. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым, Я.Н. Шаповым; под общим руков. Я.Н. Шапова. С 229.13–14); примечательно, что срок правления Иоанна Цимисхия определен при этом совершенно правильно в 6 лет и 1 месяц (Там же. С. 229.12). У Скилицы и здесь сбой: царствованию Цимисхия отведено 6 лет и 6 месяцев (Scyl. P. 312.23), что противоречит его же (правильным) данным о времени смерти Никифора Фоки (декабрь 969 г.) (Scyl. P. 279.95–1) и неправильным – о дате смерти Цимисхия (декабрь 975 г.).
- ⁶¹ Надо, однако, учесть, что издание в Боннском корпусе покоится на рукописи XVI в., тогда как ее протограф XI в. (cod. Vatic. gr. 167) до сих пор не опубликован (Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана // Прод. Феоф. С. 217).
- ⁶² Scyl. P. 247.76.
- ⁶³ 6469 г. в данном случае не является опиской, так как повторен хронистом в другом месте, хотя и с правильным на этот раз указанием на II нидикт (Прод. Феоф. С. 193). В отличие от перевода М.Я. Сюзюмова (Царствование Романа, сына Константина Багрянородного // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 99), в комментарии к переводу Я.Н. Любарского указанные ошибки остались неотмеченными.
- ⁶⁴ Это видно из полной тождественности свидетельства Симеона и Продолжателя Феофана, хотя считается, что в VI, заключительной, книге Продолжателя сочинение Симеона использовано только в первой ее части (до 8-й главы раздела о Константине VII) (Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. 2. Aufl. S. 348–349; Любарский Я.Н. Сочинение... С. 218–219).
- ⁶⁵ Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1977. С. 187.
- ⁶⁶ Thurn I. Einleitung: Ioaness Scylitzes, Autor und Werk // Scyl. S. VIII. Для периода правления Василия II установлено использование Скилицей произведения Феодора Севастийского, до нас не дошедшее.
- ⁶⁷ Для полиоты картины необходимо упомянуть еще об одиом, но явно анахроничном известии Скилицы, будто в момент воцарения Цимисхия в декабре 969 г. Василию шел седьмой год, а Константину – пятый (Scyl. P. 284. 95–1). Верно здесь лишь то, что Константин младше Василия на два года. Можно, конечно, догадываться, что эти данные относятся на самом деле к моменту воцарения Никифора Фоки (август 963 г.). В какой мере с точки зрения греческой палеографии вероятно путаница между ιε' (15) или ιβ' (12) и ζ (7), предоставляем судить специалистам.
- ⁶⁸ Краткие обзоры источников, сопровождающиеся вердиктом в пользу 958 г., которые имеются в цитированных выше работах Г. Острогорского, Э Штайна и Н. Икономидиса, разумеется, не могут быть признаны таковыми.

В.Б. Перхавко

ЛЕТОПИСНЫЙ ПЕРЕЯСЛАВЕЦ НА ДУНАЕ

Далеко не все известные в эпоху средневековья центры превратились, развиваясь непрерывно в течение многих столетий, в крупные современные города. Некоторые из них в силу различных неблагоприятных обстоятельств, пережив расцвет, позднее пришли в упадок и стали небольшими местечками или селами, но сохранили свое прежнее название. Имена же иных и вовсе исчезли с современной географической карты, их локализация обычно вызывает многолетние споры в среде ученых-медиевистов.

К таким легендарным средневековым городам относится и болгарский

Преславец (малый Преслав). Всего шесть раз упоминается он как Переяславец в древнерусской Повести временных лет при описании событий 967–971 гг. на Дунае во времена великого киевского князя Святослава и единожды по ошибке под 1000 г. в поздней Никоновской летописи, после чего навсегда исчезает со страниц летописей. Но уже не одно столетие он привлекает к себе внимание историков. В литературе дискутируются прежде всего проблема точной локализации Переяславца, его роль во время балканских походов Святослава и торгово-экономическое значение в X–XII вв.

Если бы сведения о Переяславце на Дунае сохранились лишь в Повести временных лет, то вряд ли современным исследователям удалось бы аргументированно ответить на эти вопросы. Но, к счастью, дунайский город Переяславец известен под разными названиями и по другим средневековым источникам: $\mu\kappa\rho\acute{\alpha}$ $\Pi\epsilon\rho\sigma\theta\lambda\acute{\alpha}\beta\alpha$ византийских хроник XI–XII вв. (Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары), "Малый Преслав" среднеболгарских переводов хроник Зонары и Константина Манассии, $\Pi\rho\epsilon\sigma\theta\lambda\alpha\beta\iota\tau\zeta\alpha$ (Преславитца) византийских печатей XI–XII вв., "Барасклафиса" арабского географа ал-Идриси (около 1154 г.), "Прославица" европейских карт XV–XVII вв.¹

Остановимся прежде всего на проблеме локализации летописного Переяславца на Дунае. Ни Повесть временных лет, ни византийские хроники XI–XII вв. не позволяют более точно определить его местонахождение. Лишь в труде арабского географа ал-Идриси "Развлечение истомленного в странствии по областям", завершеном около 1154 г. в г. Палермо на Сицилии, уточняется положение Переяславца (Преславца) по отношению к другим нижнедунайским центрам. Сам ал-Идриси не был на Нижнем Дунае, но использовал, очевидно, информацию приезжавших туда итальянских купцов, со слов которых писал: "От Диристра (Силистры) через степь до города Барасклафиса (Преславца) на восток четыре дня (пути). Последний город находится на одной реке рядом с болотом. От Барасклафиса до города Дисины (Вичины) на восток четыре дня (пути)"².

К сожалению, в отличие от Силистры для самой Вичины пока не удается точно отыскать место в Нижнем Подунавье, где исследователи пытаются локализовать ее в различных пунктах Добруджи (на острове Пэкуйул-луи-Соаре восточнее Силистры, в Мэчине, Исакке, в районе с. Никулицел у Тулчи и даже в Измаиле), но ни одна из выдвинутых гипотез не подкреплена достаточно надежными доказательствами³. Поэтому вторая часть определения Идриси не может быть использована для локализации Переяславца. Не исключено, что арабский географ допустил здесь какую-то ошибку, ибо его сведения о нахождении Вичины в четырех днях пути к востоку от Переяславца противоречат более поздним (в основном итальянским) картографическим материалам XV–XVII вв., к которым мы сейчас и обратимся.

На средневековых морских картах XV–XVII вв. (Андреа Бианко 1436 г., Грациозо Бенинказа 1471 г., Николо Паскуалини XV в., Батисто Аньезе 1540–1545 гг., Джорджо Сидери Калапода 1552 г., Диего Гомеша 1570 г., Джовани Касталди 1584 г., Себастиана Кондина 1615 г., "Большом

атласе" XVII в. Жоана Блау из Амстердама и других анонимных атласах) в районе дельты Дуная, на самом южном его рукаве, недалеко от впадения в Черное море помещена Прославица (Proslavica, Proslaviza, Proslauiza, Proslaisa), которая правомерно отождествляется с болгарским Преславцем – Малым Преславом⁴. На более поздних картах конца XVII – первой половины XVIII в. (Ю. Жайо 1688, 1692, 1708 гг., Дж. Кантели 1689 г., Г. и Л. Волк 1700 г., Н. Вишера 1741 г., Т. Лотера 1750 г.) в низовьях Дуная или рядом на фоне Черного моря имеется надпись "Кюстенже как Прославица" (Chiustenge als Proslaviza), которая, возможно, объясняется ошибкой их составителей, использовавших недостоверный источник информации⁵. Более точно можно определить расположение Переяславца на карте Герарда Меркатора (1589 г.), на которой выше него по течению Дуная показан город Тулча, и на карте Средиземного моря Андреа Бенинказа (начало XVI в.), где топоним "Прославица" помещен намного ниже Вичины⁶.

Нас не должно смущать отличие в написании в именительном падеже между летописным Переяславцем мужского рода и картографической Прославицей женского рода. Ведь близкое по звучанию название второй столицы Первого Болгарского царства в византийских и южнославянских источниках X–XII вв. писалось и как Преслав, и как Преслава⁷. На более ранних итальянских картах XIV в. (Пьетро Вескоте, Марино Санудо, Анжелино Дульчерта и др.) Прославицы нет. Высказанные в литературе предположения о возможности отождествления с ней картографических названий XIV в. "Стравико" (один из существовавших в эпоху средневековья дунайских рукавов) или "Вица", "Лавица" (пристань на Черном море) принять нельзя⁸. Ведь на некоторых картах XV в. (Грациозо Бенинказа, Фра-Мауро) они даны наряду с Прославицей⁹.

Безусловно, картографы XV–XVII вв. использовали для составления карт и атласов не только информацию своих современников, но и более древних предшественников. На них встречаются иногда даже названия давно исчезнувших античных центров Нижнего Подунавья. Но существование Переяславца в конце XVI в. подтверждается и по другим данным, в частности описанию одного путешествия. В 1582 г. через Варну, Мангалию, Констанцу и Прославицу (Proslavizza) добирался в Молдавию (Яссы) итальянский священник Джулио Манчинелли¹⁰.

Таким образом, по данным средневековых письменных и картографических источников Переяславец находился на правом берегу южного рукава Дуная, ниже по течению Тулчи, Вичины и Силистры, в четырех днях пути на восток от последней и по дороге из Констанцы в Молдавию.

Какой же современный населенный пункт в Нижнем Подунавье соответствует перечисленным выше условиям? Ученые XIX–XX вв. пытались локализовать Переяславец в самых разных местах на территории Болгарии и Румынии¹¹. В литературе выдвинуты предположения о его размещении у болгарского села Малый Преславец (бывшее с. Кадыкьой) между Тутраканом и Силистрой или в районе румынского села Никулицел у Тулчи (К. Шкорпил); на дунайском острове Балта между Черна водой и Хырсовом (В.Н. Златарский, М.В. Левченко и др.); в Брэиле (В.Н. Татищев), у с. Гарвэн на месте античной Динотеции

(А. Стоукс); в Девне (К. Брэтеску); Исакче (Ш. Паску, Л. Брейе); у с. Бунэря, на месте античной Капидавы (В. Томашек); у с. Гырличу, раньше называвшемся Эски-Сарай (Б. Недков, Б.А. Рыбаков и др.); в Русе (А.Ф. Гильфердинг); на дунайском острове Пэкуйул-луй-Соаре к востоку от Силистры (В. Гюзелев, П. Нэстурел); у с. Цар Крум недалеко от Преслава Великого и Плиски (П. Диакону)¹². Но все перечисленные выше гипотезы, авторы которых (например, К. Шкорпил) иногда не раз меняли свои взгляды, противоречат историческим данным о расположении Переяславца и не могут быть подтверждены топонимическими материалами. Село Кадыкьой, например, только в 1942 г. было переименовано в Малый Преславец, раскопки земляных городищ в окрестностях которого не привели к открытию здесь крупного средневекового торгового центра¹³. В отличие от Прославицы все упомянутые пункты находятся выше по течению Дуная г. Тулчи и не могут претендовать на роль Переяславца. Наиболее обоснованным на сегодняшний день является мнение тех исследователей (К. Иречек, П. Мутафчиев, Н. Грэмадэ, К. Чигодару, Н. Икономидес, Е. Тодорова и др.), которые располагают его у села Нуфэру (бывшее с. Прислава) на правом берегу Георгиевского рукава Дуная, в 8–10 км к юго-востоку от румынского г. Тулчи¹⁴.

Село Прислава (переименованное в XX в. в Нуфэру) впервые упоминается в источниках последней трети XVIII в. С этого времени его название появляется на европейских картах Дунайского бассейна, иногда в искаженном виде ("Крислав" – на карте Молдавии и Валахии, составленной в 1774 г. Я.Ф. Шмидом; "Присла" – на более поздней русской карте 1793–1794 гг.)¹⁵. О с. Прислава (Преслов) сообщается и в топографических описаниях Нижнего Дуная 70–80-х годов XVIII в. (капитана австрийской армии Г. Лаутерера, лейтенанта У. Михановича и др.)¹⁶. Пытаясь опровергнуть возможность локализации здесь Переяславца, П. Диакону предположил, что Прислава наряду с другими дунайскими селами (Журиловка, Периправа, Запорожени) основана в начале XVIII в. переселившимися сюда русскими старообрядцами¹⁷. Но Прислава не была русской деревней, в 1826 г. в ней насчитывалось "около 100 дворов молдаван"¹⁸. Ее расположение приблизительно совпадает с уже не раз упомянутой Прославицей, которая на анонимном итальянском атласе XVI в. из Бодлианской библиотеки и карте М. Квада, напечатанной в Аугсбурге в 1602 г., обозначена как "Proslauia", "Preslauri"¹⁹. На мой взгляд, вполне возможна трансформация к XVIII в. названия "Прославица" (Преславец) в "Прислава" (Прислав, Преслов). Ведь к этому времени Преслав Великий уже давно был переименован турками в Эски-Стамбул, и в Нижнем Подунавье сохранился лишь один топоним с таким корнем, который нельзя было перепутать.

Перед нами редчайший случай сохранения корневой основы топонима ("Преслав") в Добрудже с X по XIX в., на протяжении которых здесь не раз происходила смена политической власти. В пользу отождествления Переяславца Повести временных лет, "Прославицы" европейских карт XV–XVII вв. с селом Прислава (Нуфэру) свидетельствуют обнаруженные в его окрестностях на площади нескольких гектаров остатки средневекового города с каменными укреплениями и археологическими мате-

риалами X–XIV вв.²⁰ Ранее на этом месте находилось античное поселение Ада Маринеску, а в эпоху средневековья здесь возник не позже середины X в. болгарский речной порт и торговый центр Преславец (летописный Переяславец).

Какую же роль сыграл он в дунайских войнах великого киевского князя Святослава? Принимая на веру все известия Повести временных лет под 967–971 гг., часть ученых (А. Чертков, М. С. Грушевский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Х. Коларов, Б. А. Рыбаков, А. Н. Сахаров и др.) полагает, что они относятся именно к Переяславцу, дважды взятому русскими войсками во время первого и второго походов Святослава, хотя и противоречат показаниям византийских хроник X–XII вв.²¹ Согласно другой точке зрения, при описании первого похода Святослава на Дунай в летописи в самом деле речь идет о Переяславце – Малом Преславе, а события, связанные с ним в рассказе о втором походе, относятся к Преславу Великому (В. Т. Пашуто, В. Н. Златарский, А. Г. Кузьмин)²². Наконец, третье мнение высказано еще в трудах ряда русских и зарубежных ученых XVIII–XIX вв. (В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, И. П. Липранди, П. И. Шафарика, Е. Е. Голубинского и др.), полностью отождествлявших (правда, без достаточной аргументации) летописный Переяславец с Великим Преславом²³. Оно получило распространение в современной болгарской и румынской историографии и подкреплено критическим разбором сообщений Повести временных лет, проделанным в наиболее развернутой форме П. Диакону²⁴. Сторонники данной гипотезы доказывают, что летописный Переяславец – это в действительности Великий Преслав, столица Болгарии, название которой из-за давности лет и отсутствия точной информации перепутал древнерусский летописец XI в. Вместе с тем явно по недоразумению М. Постан утверждает, что князь Святослав по летописи предпочел Киеву Переяславль на Днепре, который захотел сделать своим торговым эмпорием²⁵.

В каком же болгарском городе (Великом или Малом Преславе) в действительности происходили в 967–971 гг. события, связываемые древнерусским летописцем с Переяславцем на Дунае? Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают в том, что древнерусский летописец, пользуясь главным образом устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как в нем, так и в Преславе Великом.

Так, например, слова Повести временных лет под 967 г. о том, что Святослав после захвата дунайских центров "седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грецех"²⁶, в большей степени подходят к столичному болгарскому городу Великому Преславу, чем к периферийному Переяславцу – Малому Преславу. Планы князя Святослава уже на первом этапе кампании, очевидно, не ограничивались установлением контроля лишь над одной Доброжей.

После вторичного захвата Переяславца в 971 г. Святослав, по словам летописца, заявил грекам: "Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей"²⁷. Из дальнейшего изложения выясняется, что речь идет о столице Византии – Царьграде. Несомненно, киевский князь мог сравнивать Царьград лишь со столицей Болгарии Преславом Великим, но не с дунай-

ским торговым портом Малым Преславом. После похода к Царьграду Святослав, по летописи, вернулся с заметно поредевшей дружиной в Переяславец, откуда направил послов в Доростол для заключения мира с византийским императором Иоанном Цимисхием. И в данном случае явно подразумевается Преслав Великий, а не Малый Преслав, из которого можно было на ладьях отправиться на Русь за новым войском для продолжения войны с византийцами.

Очевидно, к этому времени византийский флот, направляясь к Доростолу, уже захватил Переяславец – Малый Преслав. Ведь из хроники Льва Диакона известно, что в самом начале кампании Иоанн Цимисхий "награждал гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр (Дунай) для охраны речного пути, – чтобы скифы (т.е. русы) не могли уплыть на родину"²⁸. По Устюжской летописи, подписав мир с греками в 971 г. в Доростоле, Святослав сразу же отправился на Русь, а к "Переславцу не пошел"²⁹. И здесь речь идет, скорее всего, о Преславе Великом, так как, спускаясь от Доростола (летописного Дерестра) вниз по Дунаю на ладьях, нельзя миновать подлинного Переяславца – Малого Преслава, который большинством исследователей локализуется в его нижнем течении.

Летописные сведения о Переяславце противоречат данным византийских источников X–XII вв., в которых при описании военных действий 967–971 гг. на Дунае он вовсе не упоминается. С другой стороны, странным представляется и то, что составитель Повести временных лет ни разу не называет Великий Преслав, игравший значительную роль в событиях 967–971 гг., о чем свидетельствуют византийские авторы X–XII вв. (Лев Диакон, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара), в хрониках которых повествуется о кровопролитном сражении русов с византийцами у стен болгарской столицы³⁰. Здесь мы должны подчеркнуть, что в отличие от Льва Диакона Иоанн Зонара и Иоанн Скилица знали о существовании Переяславца, упомянув под 1000 годом о захвате византийскими войсками Великого и Малого Преслава и Плиски³¹. Аналогичная по содержанию запись содержится и в среднеболгарских переводах XIV в. хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии³². Однако сей факт остался неизвестным составителю Повести временных лет, писавшему в XI в. только о дунайском Переяславце и отнесшему к нему большинство событий 967–971 гг. Почему же он ничего не знал о Великом Преславе – крупнейшем центре Первого Болгарского царства?

Причина столь парадоксальной ситуации заключается, на мой взгляд, в созвучии названий Преслава Великого, Переяславца – Малого Преслава и древнерусского города Переяславля, известного по летописи с X в. Впервые Переяславль Южнорусский на р. Трубеж (ныне Переяслав Хмельницкий) упоминается в тексте русско-византийского соглашения 907 г. и договора Руси с Византией 944 г., а затем уже под 992 г. летописец пересказывает легенду об его основании при великом киевском князе Владимире Святославиче³³. Вопрос о времени его возникновения пока окончательно не решен, но в XI в., т.е. в эпоху создания Повести временных лет, Переяславль уже стал значительным политическим, церковным и культурным центром Руси³⁴.

Еще В.Н. Татищев обращал внимание на то, что летописцы путали его

с болгарским Преславом, а также с Переяславцем³⁵. Французский лингвист А. Вайян даже гипотетически выводил происхождение названия древнерусского Переяславля от болгарского Преслава, а Н.Ф. Котляр, наоборот, предположил, что наименование последнего происходит от первого, более раннего восточнославянского топонима³⁶. Одинаково звучали названия двух этих центров, написание которых на греческом языке практически не отличалось, и для византийцев, и для славян³⁷.

Неудивительно, что, описывая много позднее походов Святослава события на Балканах, составитель Повести временных лет опасался перепутать южнославянские Великий Преслав и Малый Преслав (Переяславец) с восточнославянским Переяславлем. Жителей Переяславля Южнорусского и Переяславля Залесского, как и Переяславца на Дунае, древнерусские книжники XI–XII вв. именовали одинаково – "переяславци"³⁸. Точно таким же образом звучало наименование населения Преслава Великого в устах дружинников Святослава, вернувшихся в Киев и вспоминавших о дунайских походах. Возникшее еще в XI в. смешение этих близких по звучанию топонимов (Преслава, Переяславца и Переяславля) характерно и в последующем для русского летописания. Согласно Ермолинской летописи (Уваровский список) и летописным сводам 1497 и 1518 гг., в 967 г. князь Святослав "седе княжа в Переславце", а в 969 г. он заявил в Киеве: "Хощу в Переславли жити в Дунаи"³⁹. В Никоновской летописи XVI в. и Мазуринском летописце конца XVII в. при описании дунайских походов Святослава также упоминается то Переславец, то Переслав (Переславль)⁴⁰. В "Записке о московитских делах" С. Герберштейна (1549 г.), сочинении польского историка XVI в. М. Стрыйковского и в поздних русских летописях XVII в. говорится о резиденции киевского князя Святослава в болгарском городе Переяславле (т.е. Преславе Великом)⁴¹. Чтобы отличить его от Переяславля Южнорусского, в составленной на Украине Густынской летописи (XVII в.) Переяславец называется Болгарским или Дунайским, а в Устюжской летописи – Волынским⁴².

Сопоставляя эти факты, следует учитывать, что уже после создания Повести временных лет в Северо-Восточной Руси около середины XII в. на небольших реках по имени Трубеж возникли еще два города с аналогичным названием: Переяславль Залесский (впервые упоминается в летописи под 1152 г.) и Переяславль Рязанский (с 1300 г.)⁴³. Это создавало возможность еще большей путаницы для более поздних летописцев, которым приходилось теперь писать о трех древнерусских центрах, именовавшихся одинаково. Чтобы как-то отличить самый древний из них, с конца XII в. его стали называть Переяславлем Русским⁴⁴.

Гораздо позднее лишь из составленного в XV в. первого русского Хронографа летописцы могли, наконец, узнать о Преславе Великом как о столице Болгарии. В дошедшем до нас Хронографе редакции 1512 г. механически объединены сведения как древнерусских летописей, так и переводов византийских хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии, поэтому в нем в рассказе о событиях 967–971 гг. упоминается и Переяславец, и Преслав (Переяславль в Хронографе западнорусской редак-

ции), а далее говорится о захвате Василием II Болгаробойцей Великого и Малого Преслава⁴⁵.

Такое смешение названий двух этих болгарских городов характерно не только для древнерусских книжников. Показательно, что византийская писательница Анна Комнина в "Алексиаде" (первая половина XII в.) также путает, описывая события конца XI ст. в Нижнем Подунавье, Великий Преслав с Малым, ошибочно расположив бывшую болгарскую столицу прямо на Истре (Дунае)⁴⁶.

Когда же возник в дунайской дельте болгарский город Преславец – Малый Преслав и каково было его военное, политическое и экономическое значение в X в. и последующих столетиях? Конечно, он не был заложен киевским князем Святославом, как безосновательно утверждает Г.Г. Прошин, а появился на Нижнем Дунае, очевидно, в первой половине X в., вскоре после переноса болгарской столицы царем Симеоном (893–927 гг.) в Преслав Великий⁴⁷. Вероятно, у стен этой болгарской пограничной крепости и произошло в 967 г. описанное Львом Диаконом первое сражение русов с болгарам⁴⁸. В дальнейшем Переяславец стал опорной базой для войск и флота Святослава, поэтому хорошо запомнился возвратившимся на Русь в 972 г. воинам, не раз побывавшим и в Преславе Великом. В возникших на основе их рассказов в Киеве устных преданиях название болгарской столицы из-за созвучия трансформировалось и ассоциировалось с Переяславцем – Малым Преславом, который часто посещали в XI–XII вв. древнерусские купцы, являвшиеся информаторами летописцев. В том, что последние при составлении записей о древних событиях пользовались наряду со старыми сведениями и современной информацией, сомневаться не приходится. Дорогу на Нижний Дунай хорошо знали не только восточнославянские купцы. В начале XII ст. (в 1116 г.) великий киевский князь Владимир Мономах посылал свои войска для установления контроля над Доростолом и другими нижнедунайскими центрами. От купцов, воинов, путешественников древнерусские книжники XI–XII вв. знали о дунайском городище Киевце, о находящихся после походов Святослава в запустении балканских градах⁴⁹. Им было хорошо известно о торговом значении Переяславца – Малого Преслава, с которым в XI–XII вв. Русь поддерживала более тесные связи, чем с потерявшим прежнее значение Великим Преславом.

Эпическое происхождение части летописных свидетельств о дунайских походах Святослава подтверждается сохранившимися в русском фольклоре отголосками воспоминаний о дунайском Преславе. В записанной на русском Севере в XIX в. былине действует богатырь Дунай Переславьев, чаще называемый Дунаем Ивановичем, которого, по предположению фольклориста М.Г. Халанского, можно отождествить с легендарным киевским князем Святославом⁵⁰. Менее вероятна гипотеза Б.А. Рыбакова о том, что в былинном Дунае Переславьеве отразился образ одного из жителей Переяславца на Дунае, принимавшего участие в сватовстве киевского князя Владимира⁵¹.

Устные предания о деятельности Святослава и известные летописцам XI – начала XII в. современные им реалии использованы также при

составлении речи киевского князя перед матерью и боярами в 969 г., когда он заявил: "Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моеи, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныи, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь"⁵². Когда же и каким образом была составлена эта летописная речь? Явно не во времена Святослава, а гораздо позднее, в XI в., и на основе преданий. Устная традиция донесла, по-видимому, лишь объяснение Святослава переноса резиденции из Киева торгово-экономическим значением Переяславца на Дунае, под которым подразумевался Преслав Великий – крупнейший торговый центр Болгарии IX–X вв. Гипотеза А.А. Шахматова о заимствовании торговой характеристики Нижнего Подунавья и других летописных сведений о дунайских походах Святослава составителем Древнейшего свода 1039 г. из несохранившегося болгарского исторического сочинения не подтверждается при детальном анализе, что уже не раз отмечалось в литературе⁵³.

Действительно, если упомянутый в речи 969 г. перечень византийских и древнерусских экспортных товаров (золото, дорогие ткани, вино, южные фрукты – из Византии; меха, воск, мед, рабы – из Руси) соответствует торговому обмену между двумя странами и в X, и в XI–XII вв., то серебро и лошади вряд ли вывозились в X ст. из Чехии и Венгрии в Нижнее Подунавье и на Русь. Во всяком случае, других непосредственных указаний на этот счет в письменных источниках X ст. нет. Из Раффельштеттенского таможенного устава 903–906 гг. известно лишь о продаже лошадей из Чехии на Верхнем Дунае⁵⁴. Сведения об их ввозе из Венгрии в древнерусские земли относятся к XII в.: в Слове о полку Игореве князь Святополк доставляет своего отца с Каялы в Киев "между угорьскими иноходьцы"⁵⁵. Что же касается серебра, то ни по письменным, ни по археологическим, ни по нумизматическим данным нельзя проследить его массовое поступление в нижнедунайские центры ни в X, ни в XI–XII вв. Серебро в виде венгерских и чешских монет-денариев ввозилось в XI в. (а не во времена князя Святослава) на Русь, но не на Нижний Дунай⁵⁶.

Таким образом, летописец XI в. дополнил торгово-экономическую характеристику Переяславца на Дунае (т.е. Преслава Великого, а в более широком смысле всего Нижнего Подунавья) второй половины X ст. современными ему сведениями о торговых связях Руси⁵⁷. Подобные приемы работы практиковались и более поздними летописцами. Так, в XVI в. в Тверской летописи книжник записал под 969 г. о поступлении серебра и коней не только из Венгрии и Чехии, но также из Польши ("из Чахов же и Ляхов, из Угрь сребро и кони"), а составитель Устюжской летописи, подразумевая под Угрой не Венгрию, а уральскую Югру, внес свои дополнения в статью 969 г.: "злато, сребро, и жемчуг, и камени из Угры"⁵⁸.

Некоторые историки даже сомневаются в правдоподобии намерений князя Святослава перенести столицу Древнерусского государства в летописный Переяславец на Дунае, полагая без особых оснований, что под словами "яко то есть середя земли моеи" подразумевается не Русь, а

лишь Болгария (С.М. Соловьев) либо только Добруджа, где будто бы располагался легендарный "остров русов" восточных источников IX–X вв. (Б.А. Рыбаков)⁵⁹. И совершенно напрасно, на мой взгляд. Ведь летописец ясно назвал серединой всех владений Святослава (как восточнославянских, так и дунайских) именно Переяславец из-за его нахождения на перекрестке торговых путей между Русью и Византией. В отличие от Преслава Великого пограничный Переяславец не занимал центрального места ни на карте средневековой Болгарии, ни на карте Добруджи.

Нельзя преувеличивать, как делает Е. Тодорова, международное торговое значение Переяславца – Малого Преслава в эпоху Первого Болгарского царства, ведущим торговым центром в X в. была его новая столица Преслав Великий, где при раскопках обнаружено немало импортных вещей, привезенных из Византии и Ближнего Востока⁶⁰. Для этого времени, вообще, нет надежных свидетельств активного участия Руси в прямой торговле с Нижним Подунавьем. Русско-болгарские торговые сделки в IX–X вв. носили ограниченный транзитный характер и были связаны в основном с каботажным плаванием русов в столицу Византии вдоль Черноморского побережья Болгарии. Из сочинения Константина Багрянородного "Об управлении империей" (середина X в.) видно, что древнерусские купцы по пути в Константинополь останавливались у входа в Сулинское гирло Дуная и в черноморских гаванях Болгарии (Констанца, Варна и др.), а Переяславец – Малый Преслав находился на определенном расстоянии (не менее одного-двух дней плавания вверх по Дунаю) от морского побережья⁶¹.

В 971 г. Переяславец был захвачен византийцами, утратившими вскоре после смерти императора Иоанна Цимисхия (976 г.) свой контроль над Добруджей, а затем до вторичного захвата Византией в 1000 г. вновь находился в руках болгар. Недавно И. Йорданов на основе находок печатей выдвинул гипотезу о переименовании византийцами в 971 г. Переяславца в Феодорополь, хотя, по сообщению византийских авторов, так стали называть Доростол (Лев Диакон) либо город Евхания в Малой Азии (Иоанн Скилица)⁶².

Анализ письменных, сфрагистических и археологических материалов не позволяет согласиться с мнениями об упадке Переяславца – Малого Преслава в XI–XII вв. (П. Мутафчиев, Кр. Миятев) или сразу после XI в. (Н. Икономидес)⁶³. Наоборот, в этот период, став центром византийской административной единицы (катепаната или стратигии), он приобрел гораздо большее политическое, военное и экономическое значение среди нижнедунайских центров провинции (фемы) Паристрион, что подтверждается найденными в Преславе и Силистре печатями "византийских торговых чиновников-коммеркиариев" Преславитцы. Ведь такие чиновники функционировали лишь в крупнейших торговых центрах империи (Константинополе, Месемврии, Фессалонике, Херсонесе, Доростоле и др.). В Добрудже также открыто несколько экземпляров свинцовых печатей византийских должностных лиц – Азция, Малесия, Мелисетия и Льва Пигонита, являвшихся в XI в. "протосафариями и стратигами Преславитцы"⁶⁴. Переяславец использовался византийцами в XI–XII вв. также в качестве пограничной крепости, речного порта и таможни.

Роль Нижнего Подунавья и Переяславца – Малого Преслава в торговых контактах Руси с Византией намного возросла с начала XI в., после установления византийского господства в этих землях. Теперь Киев и другие древнерусские центры могли получать отсюда разнообразные византийские товары (вино, южные фрукты и специи, изделия провинциального византийского ремесла). К XI–XII вв. (но не к X ст.) относятся и археологические материалы, свидетельствующие о древнерусском торговом обмене с нижнедунайскими центрами (Доростолом – Силистрой, Диогецией, Исакчей, островом Пэкуйул-луй-Соаре, Капидавой, Мэчиной, Черна водой). При их раскопках открыты, в частности, древнерусские дверные замки трубчатой формы, кресты-энколпионы, пряслица для прядения из розового овручского шифера, служившие погремушками глинаемые поливные яйца-писанки, стеклянные браслеты и другие украшения⁶⁵. В районе с. Нуфэру, где предположительно локализуется Переяславец – Малый Преслав, преобладают археологические находки последней трети X–XIV в.: византийские амфоры; стеклянные браслеты; поливная посуда; монеты и печати; восточные сфероконические сосуды для благовоний и ртути; привезенные из Руси ремесленные изделия (писанка, овручские пряслица)⁶⁶.

Дальнейшая судьба Переяславца прослеживается лишь в самых общих чертах. Очевидно, с конца XII – начала XIII в. он вновь был включен в Болгарское государство, далее на протяжении XIII–XIV вв. являлся генуэзской торговой факторией, а затем с конца XIV и до XIX столетия входил в Османскую империю. Название "Прославица" нередко упоминалось на европейских картах XV–XVII вв., но его роль в торговле постепенно падала, что, возможно, было связано с изменениями условий судоходства в районе дунайской дельты. Так, постепенно когда-то цветущий город и речной порт на Дунае пришел в упадок и превратился в небольшое сельское поселение.

¹ См. наиболее полный обзор средневековых письменных источников о Переяславце – Малом Преславе в следующих публикациях: Кузев А. За имената на средновековната крепост на дунавския остров Пъкюул луй Соаре // Изв. на Народния музей Варна. 1977. Кн. XIII (XXVIII). С. 61–62; Йорданов И. Малък Преслав или Преславец X–XI в. (по сфрагистични данни) // България 1300. Институции и дъжавна традиция. С., 1982. Т. II. С. 335, 339; Diaconu P. Autour de la localisation de la Petite Preslav // Revue des études européennes (далее: RESEE). Bucarest, 1965. Т. III. N 1–2. P. 37–56; Oikonomides N. Presthlavitza, the Little Preslav // Südost-Forschungen. München, 1983. Bd. XLII. P. 5–6; Baraschi S. Sur la topographie ponto danubienne au Moyen Age I. Proslavita // Revue Roumaine d'Histoire. Bucarest, 1989. XXVIII, 1–2. P. 55–68.

² Недков Б. България и съседните и земи през XII в. според "Географията на Идриси". С., 1960. С. 79.

³ См. литературу, посвященную локализации Вичины: Тодорова Е. Вичина, Килия и Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. Варна, 1981. Т. I. С. 218–228; Михайлов Ст. Средновековният град Вичина на дунавския остров Пъкюул луй Соаре. По следите на една хипотеза // Старобългаристика. С., 1989. № 3. С. 14–23; Diaconu P. Despre localizarea Vicinei // Pontica. 1970. N 3. P. 275–294; Kuzev A. Zur Lokalisierung der Stadt Vicina // Etudes balcaniques. Sofia, 1977. N 3. S. 112–125; Năsturel P.S. Mais où donc localiser Vicina // Byzantinische Forschungen. 1987. T. 12. P. 143–171.

⁴ Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV–XVII век. С., 1984. № 17, 25–28, 30, 35, 39–44, 47, 50–54, 57–60; Лакон Л. Учебен факсимиле – атлас

- картографиране на Българските земи през вековете (до XVIII век). С., 1984. Ч. 1. Табл. 9–11, 13; *Grāmada N. La Scizia Minore nella carte nautiche del Medio-Evo. Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea* // *Ephemeris Dacoromana*. Roma, 1930. IV. P. 224–227, 242.
- ⁵ *Лаков Л.* Указ. соч. Табл. 22–30, 38, 40.
- ⁶ Там же. Табл. 17; *Димитров Б.* Указ. соч. № 39.
- ⁷ *Năsturel P.S.* Peut-on localiser Petite Preslav à Păciul lui Soare? // *RESEE*. 1965. N. III, 1–2. P. 20–21.
- ⁸ *Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 84–85; *Cihodaru C.* Litoralul de apus al Mării Negre și cursul inferior al Dunării în cartografia medievală (secolele XII–XIV) // *Studii. Revistă de istorie*. 1968. T. 21. N 2. P. 239.
- ⁹ *Димитров Б.* Указ. соч. № 25–27; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолска библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век) / Составители А. Джурова, Б. Димитров. С., 1978. № 25. Табл. VIII; *Bromberg J.* Toponimical and historical miscellanies on Medieval Dobruja, Bessarabia and Moldo-Wallachia // *Byzantion*. Bruxelles, 1937. T. XII, fasc. 1–2. P. 457–459.
- ¹⁰ *Hurtmuzaki E.* Documente privitoare la istoria românilor. București, 1900. Vol. XI. N 192. P. 116.
- ¹¹ Обзор высказанных в науке точек зрения по поводу локализации Пераяслава – Малого Преслава см. в следующих работах: *Аврамов В.* Юбилейный сборник Плиска-Преслав. С., 1929. Ч. II. С. 144–160; *Кузев А.* Указ. соч. С. 62–63; *Năsturel P.S.* Op. cit. P. 22–24; *Baraschi S.* Op. cit. P. 58–59.
- ¹² *Гильфердинг А.Ф.* История сербов и болгар // *Собрание сочинений*. СПб., 1868. Т. 1. С. 142, примеч. 3; *Шкорпил К.В.* О земляных укреплениях и окопах // *Изв. Русск. археологич. ин-та в Константинополе*. С., 1905. Т. X. С. 558–560; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 260; *Недков Б.* Указ. соч. С. 134–135, примеч. 245; *Татищев В.Н.* История российской. М.: Л., 1962. Т. 1. С. 207; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 356–357; Краткая история на България. 2-е изд. С., 1983. С. 68; *Stokes A.D.* The Balkan Campaign of Svyatoslav Igorevich // *The Slavonic and East European Review*. L., 1962. Vol. XL, N 95. P. 474–476.
- ¹³ Изв. на Археологический институт. С., 1952. XVIII. С. 243–258, 285–301; *Энциклопедия България*. С., 1984. Т. 4. С. 43–44.
- ¹⁴ *Аврамов В.* Указ. соч. С. 144–160; *Мутафчиев П.* Добруджа. С., 1947. Т. IV. С. 28–29; *Иречек К.* История на Българите. С., 1978. С. 212; *Тодорова Е.* К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья // *Этносоциальная и политическая структура славянских государств и народностей*. М., 1987. С. 169–173; *Cihodaru C.* Op. cit. P. 224–228; *Baraschi S.* Op. cit. P. 60–66; *Oikonomides N.* Op. cit. P. 2–9; *Crămadă N.* Op. cit. P. 241–242.
- ¹⁵ Карты хранятся в Отделе картографии Российской государственной библиотеки (прежде: ГБЛ) (шифры: Ко $\frac{104}{1-32}$, Ко $\frac{105}{IV-29}$).
- ¹⁶ *Тодоров Е.* К вопросу о товарообмене... С. 169, 173; *Cihodaru C.* Op. cit. P. 226–227; *Beševliev B.* Eine Navigationskarte des unteren Laufs der Donau aus dem Ende des 18. Jahrhundert // *Bulgarian Historical Review*. 1975. N 3. S. 103.
- ¹⁷ *Diaconi P.* Autor de la localisation... P. 39.
- ¹⁸ Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 г. СПб., 1827. С. 49.
- ¹⁹ *Димитров Б.* Указ. соч. № 57; *Бешевлиев Б.* Появяването на названието "България" в печатните карти през XVI–XVIII вв. // *Българските земи през средновековието*. С., 1987. Обр. 7. Но упомянутая в Хронике Маттео Виллани под 1352 г. Proslavia не может однозначно идентифицироваться ни с Великим, ни с Малым Преславом (Regum Italicarum Scriptores. Milano, 1729. XIV. Col. 155).
- ²⁰ *Barnea J., Ștefănescu St.* Din istoria Dobrogei. București, 1971. Vol. 3. P. 273, 329–332; *Pârvan V.* Inceputurile vechii romane la gurile Dunării. Ed. II-a. București, 1974. P. 90–92, 173, 177; *Popa C., Daragiu Gh.* Monumente și locuri istorice din Dobrogea medievală. București, 1987. P. 90–91; *Baraschi S.* Op. cit. P. 63–64.
- ²¹ *Чертков А.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 48–77, 213; *Грушевский М.С.* История Украины – Руси.

- Киев, 1913. Т. 1. С. 468–472; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 457–458; Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 114–117; Коларов Х. Средневековната българска държава. В. Търново, 1977. С. 68–76; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 380; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 22, 137–148.
- ²² Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 69–71; Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. С., 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 560, 571–573; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 342–344; Bromberg J. Op. cit. P. 450–454.
- ²³ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 207; М.; Л., 1963. Т. 2. С. 284; Ломоносов М.В. Избр. произв. М., 1986. С. 99–100; Портан Х.Г. Основные черты русской истории. М., 1982. С. 45; Липранди И.П. Рассуждения о древних городах Киеве и Киевце // Свет отечества и северный архив. СПб., 1831. Т. 21. № 30. С. 229; Шафарик П.И. Славянские древности. М., 1848. Т. II, кн. 1. С. 359; Голубинский Е.Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валахской. М., 1871. С. 51; Chilkow A.J. Kern russische Geschichte. Moskau, s.a. S. 66.
- ²⁴ Николаев В. Най-ранин политически, културни и стопански връзки между българите и русите // Славянин, год XI. 1955. Кн. 4. С. 35; Кузев А. Указ. соч. С. 64; Дуйчев И. Българското средновековие. С., 1972. С. 367–368; Diaconu P. Autor de la localisation... P. 37–56; Năsturel P.S. Op. cit. P. 26.
- ²⁵ Postan M.M. Economic relations between Eastern and Western Europe // Eastern and Western Europe in the Middle Ages. L., 1970. P. 131.
- ²⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 65.
- ²⁷ Там же. Стб. 69.
- ²⁸ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 68.
- ²⁹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 21, 59.
- ³⁰ Лев Диакон. Указ. соч. С. 70–73, 124–126; Iohannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Rec. I. Thum. Berolini, 1973. P. 276–277, 287–291, 294–303, 304–310; Ioannis Zonarae. Epitomaе historiarum libri XVIII. Bonnae, 1897. Vol. III. P. 527–528.
- ³¹ Iohannis Scylitzae. Op. cit. P. 344; Ioannis Zonarae. Op. cit. P. 559.
- ³² Летописца на Константин Манаси / Фототипно издание на Ватикански препис на среднобългарски превод. Увод и бележки от Иван Дуйчев. С., 1963. С. 369; Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летописник собран от различных летописец: Славинский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями / Изд. подгот. В.И. Срезневским. СПб., 1905. С. 159.
- ³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31, 46, 122–124.
- ³⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 308–311; Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 281–286.
- ³⁵ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 224. Прим. 138.
- ³⁶ Vaillant A. La ville de Perejaslavl // Onomastica. Lyon; Paris, 1948. N 2. P. 111–112; Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 23.
- ³⁷ Памятники древнерусского канонического права. Пг., 1920. Ч. II, вып. 1. С. 74; Năsturel P.S. Op. cit. P. 20–21.
- ³⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 61, 222, 290, 573, 595. Именно по этой причине составитель Никоновской летописи в XVI в., перепутав хронологию и место событий, ошибочно записал под 6508 (1000) г. о пребывании князя Владимира "в Переславци на Дунав" (а не в Переяславле на р. Трубеж) в момент нападения князя Володари с половцами на Киев (там же. М., 1965. Т. 9–10. С. 68).
- ³⁹ Там же. СПб., 1910. Т. 23. С. 8. Примеч. 11; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 15–16, 170.
- ⁴⁰ Там же. Т. 9–10. С. 33–35; М., 1968. Т. 31. С. 40.
- ⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 61–62; Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódská i wszystkiej Rusi. Królewiec, 1582. S. 126; Гуляров Ф. Предания русской Начальной летописи. М., 1878. С. 286, 288, 300.
- ⁴² ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 245–248; Т. 37. С. 21, 59–60.
- ⁴³ Там же. Л., 1949. Т. 25. С. 57; М., 1962. Т. 17. Стб. 485; Нерознак В.П. Названия

- древнерусских городов. М., 1983. С. 134–135; Древняя Русь: Город. Замок. Село // Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 60.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414–415.
- ⁴⁵ Попов А.И. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 176–178; ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 363, 366; Пг., 1914. Ч. 2. С. 164–165; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2. С. 499–505.
- ⁴⁶ Анна Комнина. Александра. М., 1965. С. 209; Примеч. 758 на С. 533; Anna Comnena Alexiadis libri XV. Bonnæ, 1839. Vol. 1. P. 342–343.
- ⁴⁷ Шкорпил К.В. О земляных укреплениях и окопах. С. 560; Прошин Г.Г. Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 66.
- ⁴⁸ Лев Диакон. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8, 58, 283–284.
- ⁵⁰ Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901. С. 523; Халанский М.Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. № 8. С. 326.
- ⁵¹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 357–358.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 17. Стб. 67.
- ⁵³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 122–124; Он же. Киевский Начальный свод 1095 г. // А.А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 128. См. критику гипотезы А.А. Шахматова: Карышковский П.О. Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 947–971 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 13–14; Рыдзева Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 208; Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 28–32.
- ⁵⁴ Monumenta germaniae historica. Legum. Hannoverae, 1897. Т. II. P. 249–252.
- ⁵⁵ Слово о полку Игореве. М., 1970. С. 16. В Ипатьевской летописи также упоминаются под 1150 г. венгерские скакуны – "фари" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416).
- ⁵⁶ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 188–195, 218–222; Перхавко В.Б. Западнославянские украшения из Дегтянского клада // Slovenska archeologia. Nitra, 1985. XXXIII-2. S. 311–327.
- ⁵⁷ Такого мнения придерживаются, например, нумизмат В.М. Потин и венгерский историк Э. Иглоу (Потин В.М. Указ. соч. С. 50, 51, 228; Иглоу Э. Повесть временных лет о венграх // Slavica. Debrecen, 1963. III. P. 93).
- ⁵⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. С. 67; Т. 37. С. 21.
- ⁵⁹ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 13. С. 350; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 357; Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. 1. С. 154–155.
- ⁶⁰ Тодорова Е. К вопросу о товарообмене... С. 168–170; Todorova E. River trade in the Balkans during the Middle Ages / Etudes balcaniques. 1984. N 4. P. 42; см. также: Тотев Т. Вносна керамика, стъкло и накитни предмети в Преслав // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982. С. 79–87.
- ⁶¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 50–51; Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 62–76.
- ⁶² Лев Диакон. Указ. соч. С. 82, 132; Iohannis Scylitziae. Op. cit. P. 309; Йорданов И. Кой български град е бил наречен Теодоропол // Векове. 1983. № 1. С. 58–62.
- ⁶³ Мутафчиев П. Добруджа. Сборник от студии. С., 1947. Т. IV. С. 61; Миятев Кр. Славянский город в древней Болгарии // Byzantinoslavica. 1949. Т. X. N 2. P. 261; Oikonomidès N. Op. cit. P. 8–9.
- ⁶⁴ Йорданов И. Мальк Преслав... С. 335–339; Oikonomidès N. Op. cit. P. 2–4. Без достаточных, на мой взгляд, оснований П. Диакону оспорил мнение об отождествлении названия "Преславитца" на этих печатях с Преславцем, полагая, что оно относится к переименованному византийцами Преславу Великому (Diaconu P. De nouveau à propos de Presthlavitzia // Südost-Forschungen. München, 1987. Bd. XLVI. P. 279–293). См. также: Baraschi S. Unele probleme despre Proslavita // Peuce. Tulcea. 1991. X. Vol. 1. P. 399–409.
- ⁶⁵ Комша М. Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси

- ⁶⁶ Материалы из Нуфэру хранятся в Музее дельты Дуная в Тулче (Румыния). Выражаю признательность Г. Мэнуку-Адамештиану за сообщение о найденных там древнерусских изделиях. См. также: *Barnea J., Ștefănescu St. Op. cit. Vol. 3. P. 273, 329–332; Popa C., Daragiū Gh. Op. cit. P. 90–91; Peuce. Tulcea, 1984. IX. P. 257–266, 363–374.*

Е.Л. Назарова

РУССКО-ЛАТГАЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В XII–XIII вв. В СВЕТЕ ГЕНЕАЛОГИИ КНЯЗЕЙ ЕРСИКИ И КОКНЕСЕ

В XII в. на территории Латвии социально-политическое развитие местных народов вплотную подошло к созданию государства. У латгалов в конце XII в. существовали два раннефеодальных княжества с центрами в Ерсике и Кокнесе, известные по "Хронике Ливонии" Генриха. В это время княжества находились в даннической зависимости от Полоцка. В начале XIII в. они пали под ударами крестоносцев. Судя по хронике, в Ерсике и Кокнесе широкое распространение получило православие. Православными были и князья – Висвалдис и Ветсеке. Среди защитников замков упомянуты "русские". В одной из глав хроники "русским замком" назван Кокнесе, но самих князей Висвалдиса и Ветсеке "русскими" хронист не называл¹.

Среди источников первой половины XIII в. князя Ветсеке под именем Вячко упоминает также Новгородская I летопись. Имя же Висвалдиса встречается в ливонских грамотах 1209 и 1230 гг.²

У историков до сих пор нет единого мнения о генеалогии и национальной принадлежности этих князей. Разумеется, данный вопрос не является определяющим при изучении латгальской государственности, но без его решения представление о политической ситуации на Даугаве на рубеже XII–XIII вв. не может быть полным. В историографии по поводу происхождения латгальских князей существуют два мнения. Первое мнение: они – русские, из дома Рюриковичей. Впервые такую мысль высказал В.Н. Татищев в комментариях к опубликованной им под 1217 г. легенде о Святохне. Легенда находилась в списке Полоцкой летописи, попавшей к Татищеву от П.М. Еропкина, и содержала рассказ о ссоре сыновей полоцкого князя Бориса Давыдовича – Вячко и Василько, с их мачехой – Святохной, дочерью поморского князя. Стремясь закрепить полоцкий престол за своим родным сыном Владимиром-Войцехом, она вынудила пасынков бежать в полоцкие владения на Двине, чем вызвала возмущение поддерживавших их полочан. Волнения усилились и из-за недовольства горожан польской свитой Святохны. В результате княгиня

была схвачена и посажена "в заточение", а поморяне избиты, ограблены и часть их изгнана из Полоцка. За Васильком на Двину послали "знатных людей". Вячко же еще раньше уехал в Псков за помощью против летописцев, а позже был убит немцами³.

Сопоставив эту легенду со сведениями "Лифляндской истории" Х. Келха (конец XVII в.) о латгальских князьях, Татищев отождествил их с пасынками Святохны. Правда, прямые аналогии он проводил только между Ветсеке и Вячком. О том, что Висвалдис – это Василько, он не писал, хотя и считал его сыном полоцкого князя (не указывая, какого) Всеволодом⁴.

Впоследствии отношение русской историографии к достоверности легенды о Святохне было неоднозначным. С.М. Соловьев и А.П. Сапунов не сомневались в подлинности изложенных у Татищева фактов. Соловьев полагал, что, хотя имя Висвалдис больше сходно с Всеволодом, все же здесь мог иметься в виду и Василько. Сапунов же считал, что Василий (Василько) – христианское имя князя Всеволода⁵. Н.М. Карамзин отнесся к легенде осторожно, отметив, что об этом не нашел ни слова в летописях⁶. Н.П. Лыжин полностью опроверг подлинность приводимого Татищевым рассказа, считая, что легенда о Святохне – политический памфлет времен Анны Иоанновны⁷. Д. Корсаков не был согласен Лыжиным, но тем не менее думал, что данный отрывок – более поздняя вставка в первоначальную Полоцкую летопись⁸. Однако все названные историки, равно как и другие русские авторы XVIII–XIX вв.⁹, не сомневались в том, что князья Ерсика и Кокнесе – русские князья Рюриковичи, а их замки – центры русских колоний, опорные пункты русского господства на Западной Двине.

В связи с убеждением историков в том, что Ерсика и Кокнесе – русские княжества, определявшие всю политическую жизнь в регионе, при описании завоевания района Западной Двины крестоносцами на первый план выдвигалась не борьба местных народов за независимость, а русско-немецкое противостояние¹⁰. В подобном подходе нашло отражение длившееся почти весь XIX в. соперничество за преобладание в Остзейских губерниях между российской царской администрацией и прибалтийско-немецким дворянством. История самих прибалтийских народов, в окружении которых находились Ерсика и Кокнесе, за редким исключением (например, у И.Д. Беляева¹¹), не привлекала внимания русских исследователей.

В большинстве работ русских и белорусских историков советского периода также не возникало сомнения в том, что князья Кокнесе и Ерсика – это русские князья Вячко и Всеволод, а сами княжества – субъекты русской государственности в Латвии¹². Пожалуй, только С.А. Аннинский – переводчик и комментатор "Хроники Ливонии" Генриха, не был уверен в данном заключении. Изложив известные ему по историографии взгляды исследователей на происхождение князей, Аннинский заметил, что вопрос о генеалогии Висвалдиса и Ветсеке все же остается открытым¹³. В русском переводе хроники везде, где встречались имена князей, он приводил их в двух вариантах: Всеволод (Висвалдис).

Немецко-прибалтийские авторы XIX–XX вв., независимо от их взглядов на древнюю историю латышей, также считали князей Ерсики и Кокнесе русскими по происхождению. Причем, это положение и здесь (подобно русской историографии) воспринималось как данность, не требовавшая дополнительных обоснований¹⁴. Только М. Таубе обстоятельно аргументировал свои выводы о том, что князь Ерсика был сыном Мстислава – Бориса Смоленского, а Вячко и Василько – не сыновья, а зятья или шурины Бориса Давыдовича Полоцкого. При этом Таубе особо подчеркивал норманнское происхождение русской княжеской династии, отдавая дань имевшей место историографической традиции¹⁵. Менее категоричен в своих оценках Л. Арбузов-младший. Он, правда, считал, что имя ерсикского князя в документе 1209 г. – "Wiscewolodus" указывает на русское "Всеволод", но отмечал, что в русских преданиях такой князь не упоминается и не удастся отождествить его с кем-либо из известных по летописям князей¹⁶.

Мы назвали далеко не всех авторов, разделявших мнение о русском происхождении князей. Но иных доказательств они не приводили, что ясно из достаточно полного обзора литературы, сделанного С.А. Аннинским¹⁷.

Подробнее следует сказать лишь о работах латышских авторов конца XIX – начала XX в. Аннинский их не знал. Кроме того, этому периоду в развитии латышской историографии вообще уделялось явно недостаточное внимание.

Отметим, что изучению истории латышей лидеры национального возрождения (К. Валдемарс, Ф. Бривземниекс, К. Баронс, Е. Велме и др.) придавали огромное значение¹⁸. Последнее было связано не только с развитием самосознания народа в XIX в. В политической и идеологической борьбе, ведшейся почти весь прошлый век между остзейским дворянством и российскими правящими кругами за гегемонию в регионе, латышам необходимо было выработать свои четкие позиции. Этому в немалой мере могло способствовать познание прошлого латышей, факты и события которого часто трактовались спорящими сторонами весьма тенденциозно. Однако выработка собственных взглядов, независимых от довлевших в историографии оценок, предполагала длительный период ученичества и создания своей научной школы. Развивающееся же латышское общество требовало скорейшего знакомства со своей историей. Естественно поэтому, что в первых исторических работах, широко используя накопленный в историографии опыт, латышские авторы в основном повторяли принятые в то время точки зрения по разным проблемам истории.

Касаясь истории Ерсики и Кокнесе, латышские авторы (Я. Кродзниекус, В. Олавс, Ф. Кемпс, Я. Юрьенс, Ф. Балодис, П. Дрейманис-Токарев) называли правителей княжеств русскими князьями, замки – форпостами русского господства на Даугаве, а территорию самих княжеств считали полностью подчиненной Полоцку¹⁹.

С 60-х годов XIX в. началось археологическое изучение Восточной Прибалтики. Материалы, полученные в результате раскопок, особенно латгальских могильников (Лундзенского и др.), позволяли усомниться в

достоверности существовавшего в историографии тезиса о значительном отставании коренного населения Латвии в социально-экономическом развитии от соседних народов²⁰. Однако данные археологии в конце прошлого – начале нашего века практически не использовались для характеристики раннесредневекового общества Латвии. Правда, Балодис на основании археологического материала предположил, что укрепления на городищах Ерсика и Кокнесе могли быть сооружены местными жителями, а не русскими, как обычно считали. К русским же городища могли перейти не ранее VIII–IX вв.²¹

Еще большее отражение результаты раскопок получили в работах Кродзникса. Проанализировав весь комплекс известных к концу века источников, он заключил, что хозяйственное и общественное развитие латгалов привело еще до нашествия крестоносцев к началу формирования у них государственности. С утверждением единоличной власти на обширных территориях было связано появление имен правителей, восходивших к глаголу "владеть", "управлять". В качестве примера Кродзникс ссылался и на имя ерсикского князя Висвалдиса, хотя этот вывод противоречил другому его заключению, где он, следуя историографической традиции, называл князя выходцем из полоцкой династии, а его владения – частью Полоцкой земли²².

Первым в русском происхождении князя Висвалдиса усомнился в 1895 г. П. Абулс (Таливалдис). Он обратил внимание на то, что, по хронике, князь тесно связан с литовцами, а не с русскими, и, исходя из этого, предположил, что Висвалдис был латышом или литовцем²³. Наблюдение Абулса не может не учитываться, но все же его предположение недостаточно убедительно.

Более серьезная аргументация, подвергавшая сомнению принятую в историографии точку зрения, содержится в исследованиях латышских историков 30-х годов XX в., главным образом А. Швабе и Ф. Балодиса. Мнение Швабе не было однозначным. Еще в работе, вышедшей в 1934–1935 гг., он писал о Ерсике и Кокнесе как о русских колониях (допуская, что основали их обрусевшие викинги-шведы)²⁴. Однако уже в последующие годы он сформулировал мысль о местном происхождении латгальских князей и о развитии латгальской государственности^{24а}. Вряд ли обоснованно сводить изменение его точки зрения лишь к проявлению роста национализма в Латвии во второй половине 30-х годов²⁵. Разумеется, официальные идеологические установки и настроения в обществе не могли не сказаться в том или ином виде в работах латышских историков. В оценках Швабе имело место преувеличение степени развития государственности в Латвии и конкретно Ерсикского княжества²⁶, а также заслуг самого князя. Однако с рядом выдвинутых им доводов объективно нельзя не согласиться. Представляется убедительным мнение Швабе о том, что "русские" в "Хронике Ливонии" – не только этнически русские, но и вообще православные христиане²⁷.

Справедливо и его замечание о том, что имена князей имеют объяснение в латышском языке и поэтому нет причин выводить их из русского²⁸.

Археологические исследования, проводимые в Ерсике и на соседнем с

городищем могильнике (Ф. Балодис, О. Калейс), также свидетельствовали в пользу того, что этнически русское население здесь практически отсутствовало. Находки не давали возможности говорить о длительном пребывании на городище русского князя с дружиной. На этом основании Балодис отказался от прежней своей точки зрения, приведенной выше²⁹. Правда, вскоре после второй мировой войны Х. Моора писал о чрезмерной тенденциозности в составлении планов и описании раскопок Ерсик³⁰, но без конкретных доказательств такое обвинение не кажется обоснованным. Возможно, ясность внесут возобновившиеся в последние годы раскопки в Ерсике.

В современной латвийской историографии продолжает развиваться мысль о том, что появление княжеств Ерсик и Кокнесе есть результат внутреннего социально-политического развития латгальского общества. Соответственно и латгальское происхождение князя Висвалдиса рассматривается как явление закономерное, не противоречащее тому, что Ерсикское княжество было вассально Полоцку³¹. В данном вопросе этот вывод совпадает и с оценкой эстонского исследователя Х. Моора — одного из крупнейших специалистов по истории Прибалтики, который считал возникновение зависимых от Полоцка княжеств результатом сращения интересов латгальской знати с интересами их русских соседей. Хотя прямого ответа на вопрос о происхождении князей Ерсик и Кокнесе Моора не давал, указывая лишь, что они были православными³².

Среднюю позицию занимал Я. Зутис. Он не утверждал, что Висвалдис был русским по происхождению князем; подобно Швабе, полагал, что в хронике Генриха, как и в других средневековых источниках, вероисповедание могло отождествляться с этническим происхождением ("русские" = "православные"). Однако он был против того, чтобы считать Ерсик и Кокнесе латгальскими государственными образованиями, видя в них только русские военные и политические опорные пункты на Даугаве³³. Здесь он выступал как оппонент Швабе по вопросу о существовании самостоятельного латгальского княжества (у Швабе — "королевства"). Но он не учитывал того, что Швабе не отрицал вассальной зависимости Ерсик от Полоцка.

В отличие от Висвалдиса, кокнесского правителя исследователи считают русским князем Вячко³⁴ или же просто избегают каких-либо оценок.

В ходе археологических раскопок, проводимых А. Стубавсом на городище Кокнесе, было обнаружено много предметов русского импорта, на основании чего справедливо сделано заключение о смешанном этническом составе населения городища. Кроме того, в слоях XI–XII вв. нашли подвески со знаком Ярослава Мудрого. Ссылаясь на эти находки, а также на аналогичные находки подвесок XII–XIII вв. в Икшкиле и Саласпилсе, Стубавс выдвинул гипотезу о том, что в Кокнесе уже с XI в. жило семейство, родственное роду Ярослава Мудрого, которое позже распространило свое влияние на соседние ливские округа³⁵. Но, как показало изучение таких подвесок, на Руси они являлись атрибутом не княжеского рода, а лиц княжеской администрации, наделенных князем различными государственными функциями. На территории же Латвии

они относились к предметам женского украшения, распространенного у ливов³⁶. Следовательно, подтверждая сообщения хроники о том, что в Кокнесском замке вместе с латгалами и селами жили русские, материалы раскопок все же не дают указания на этнически русское происхождение кокнесского князя.

Таковы имеющиеся в историографии точки зрения по данной проблеме. Склоняясь более к позиции латышских исследователей, как кажется, лучше подкрепленной известными источниками, выскажем ряд собственных замечаний в этой связи.

Сначала несколько наблюдений относительно параллелей между известиями о князьях Ерсики и Кокнесе в "Хронике Ливонии" и в легенде о Святохне. Конкетное сопоставление показывает, что в интересующей нас части совпадений меньше, чем различий и неясностей. Неясно, какое из описываемых событий в легенде следует отнести к 1217 г. Логичнее всего было бы предположить, что к этому году относится конец рассказа – заточение Святохны и послание полочан к Василько с просьбой вернуться. Тогда отъезд пасынков княгини в Двинскую область мог произойти уже до 1205 г., когда в хронике впервые упомянут князь Ветсеке, отождествляемый с Вячко³⁷. То есть между бегством Вячко и Василько и концом событий, описанных в легенде, крестоносцы практически полностью вытесняют Полоцк из его двинских владений. И даже если летописца интересовали только события в самом Полоцке, очень странно, что он ни словом не обмолвился о столкновениях с крестоносцами князей, которым он симпатизировал. Вместо этого он сообщил об уходе Вячко в Новгород искать помощи против литовцев. К тому же, судя по хронике, сам полоцкий князь в эти годы неоднократно совершал походы на Западную Двину и вел переговоры с рижским епископом. В легенде же говорится только о литовской опасности Полоцку, ради чего и надо было вернуть Василько.

Расходятся хронист с летописцем и в вопросе о личности самого полоцкого князя. У Генриха – это Владимир, который умирает в 1216 г., в легенде – Борис Давыдович, судьба которого не ясна: то ли он продолжал княжить в Полоцке и после 1217 г., то ли его сменил на полоцком престоле Василько. Не понятно также, где именно на Двине оставался Василько после того, как Вячко ушел в Новгород. Если же считать, как думал Соловьев, что Василько – это Висвалдис, то тем более странно, что в легенде не упомянуто о его отношениях с крестоносцами. Ведь в 1209 г. Висвалдис официально признал себя вассалом епископа³⁸.

До сих пор историки не обращали внимания на то, каким образом легенда о Святохне связана с другими сообщениями В.Н. Татищева. Такая связь, однако, есть. Рассмотрим еще два эпизода, помещенные в "Истории Российской". Под 1218 г. в числе русских князей, участвовавших в походе против засевших в Галиче венгров, назван полоцкий князь Василько. Но, судя по Ипатьевской и Волынской летописям, которым в данном случае можно верить с большим основанием, Василько – это брат Даниила Романовича Галицкого, а не полоцкий князь³⁹.

В рассказе об обороне Юрьева от немцев в 1224 г. (у Татищева 1223 г.) историк говорит о князе Вячке Борисовиче, хотя в Новгород-

ской I летописи – единственной из русских летописей, зафиксировавшей данное событие, известно только имя князя⁴⁰. К тому же в Новгородской I летописи ему посвящена всего одна строчка, а у Татищева мы находим подробный рассказ о взятии Юрьева. Татищев сам обратил на это внимание и отметил, что приводимый им текст отличается также и от сообщения Х. Келха о падении Дерпта-Юрьева⁴¹. Так что, вероятно, стоит "защитить" Татищева от Карамзина, считавшего, что тот "вымыслил" свой рассказ⁴². Скорее, Татищев уже имел такой текст, хотя источник его информации не ясен. Логично было бы думать, что этот эпизод вместе с легендой о Святохне попал к Татищеву от П.М. Еропкина в составе Полоцкой летописи.

Предположим, что мы имеем подлинный отрывок летописи. В таком случае надо отметить детальную осведомленность летописца о ходе обороны города. Подробности ему мог бы сообщить защитник Юрьева, близкий князю. Однако, по тому же рассказу, рыцари убили князя вместе со всеми боярами, а, по ливонским хроникам, в живых остался только один человек из мужских защитников крепости – вассал великого князя суздальского, отправившийся в Новгород, и затем в Суздаль⁴³. Считать его информантом полоцкого летописца вряд ли есть основания.

Автор рассказа сообщает также причину, из-за которой в Юрьев не пришла помощь из Новгорода: "несогласие" новгородцев с князем и "распри великие" между собой (Новгородская I и ряд других летописей под 1223 г. повествуют о смене в течение года двух князей в Новгороде⁴⁴), а также говорит о реакции в Новгороде на известие о поражении: "споров множество, один другого обвинял". Но при этом автор не знает (или специально не упоминает?), что войско из Новгорода все же было послано, но успело дойти только до Пскова, где его и застала весть о падении Юрьева⁴⁵. Слишком большая информированность летописца, четко выводимая логическая зависимость фактов в рассказе, повышенный интерес к событию, совсем не актуальному в тот момент для Полоцка (если только не усматривать здесь особую симпатию автора к некогда изгнанному полоцкому княжичу), вызывают сомнения в том, что данный текст действительно восходит к Полоцкой летописи XIII в.

Вместе с тем некоторые детали в рассказе Татищева имеют аналогии в поздних ливонских хрониках, запечатлевших в переложении из хроники Генриха события XIII в. Причем не только в "Истории" Келха – основном источнике Татищева по ливонской истории, но и у Б. Руссова⁴⁶. Например, сведения, приводимые Руссовым о попытках немцев склонить защитников города к заключению перемирия, о тайном возвращении орденского войска к городу после демонстративного отхода, переключаются с тем, что пишет Татищев, однако у Келха они отсутствуют. Правда, по Руссову – призывы к переговорам были отвергнуты, а по Татищеву – было заключено временное перемирие. Хотя некоторых подробностей, отмеченных у Татищева, нет ни у Руссова, ни у Келха, думается все же, что автор текста, опубликованного русским историком, мог пользоваться сведениями названных хроник.

Итак, оба приведенных сюжета известны и по другим источникам, но содержат целенаправленные изменения, связавшие их с легендой о

Святохне. Это в значительной мере подтверждает и позднее происхождение самой легенды, хотя автор ее воспользовался именами князей, встречавшихся в летописях и хрониках. Белорусско-литовские летописи и хроники упоминают полоцкого князя Бориса и его сына Василия. Правда, они княжили во второй половине XIII в. и происходили из литовской династии, а отцом Бориса был не Давыд, а Гинвил-Георгий; или же Борис отождествляется с Гинвилем⁴⁷.

Встает вопрос об авторе переработки. Не исключено, конечно, что переработка текста Полоцкой летописи произошла в XVII в. и уже в таком виде список попал к Еропкину. Обратим, однако, внимание на то, что в кружке А.П. Волынского неоднократно проводились параллели между событиями истории и сходными с ними ситуациями эпохи Анны Иоанновны. Поэтому предположение о том, что рассказ, вписанный в канву событий XIII в., с назидательным для своих современников звучанием, был составлен в кругу ближайших соратников А.П. Волынского – П.М. Еропкина, А.Ф. Хрущева, Ф.И. Соймонова, представляется достаточно вероятным. Названные лица относились к числу образованнейших людей России, а А.П. Волынский поддерживал связи и с придворными, происходившими из Прибалтики, в том числе с самим Э. Бироном – человеком широко образованным⁴⁸. Поэтому знакомство членов кружка Волынского с хроникой Руссова, неизвестной Татищеву, вполне могло иметь место.

Итак, конкретное изучение материалов, связанных с легендой о Святохне, не позволяет ссылаться на рассказ о сыновьях князя Бориса Давыдовича как на достоверный источник о князьях Ерсики и Кокнесе.

Сомнительным представляется и заключение Н.П. Лыжина о том, что Висвалдис – это князь Всеволод Борисович (Мстиславич)⁴⁹. Маловероятно, чтобы автор "Хроники Ливонии", близкий ко двору рижского епископа, пропустил тот факт, что ленник епископа Альберта, каковым с 1209 г. официально считался князь Ерсики, был псковским, а затем новгородским князем и к тому же сыном киевского князя. В хронике вообще нет ни одного упоминания, которое хоть как-то связывало бы ерискского князя с Псковом или Новгородом. Думается, что одним из моментов, вводивших в заблуждение русских исследователей XIX в., было ошибочное отождествление Татищевым летописного города Воробьяна (эстонский замок Варбола), около которого в 1213 г. останавливались с войском русские князья, в том числе и Всеволод Борисович, с Ерсикой, а самого похода 1213 г. – с известным по хронике походом полоцкого князя в Ливонию в 1212 г.⁵⁰

Выше мы уже упоминали мнение историков об отождествлении в древнейшей ливонской хронике "русских" и "православных". Действительно, хрониста в первую очередь интересовала именно принадлежность к вере: либо к католической ("латинской"), либо к православной ("русской"). Приверженцы последней были в его понимании примерно такими же врагами истинного христианства, как и язычники. Кстати сказать, в "Старшей рифмованной хронике", написанной в конце XIII в., прямо противопоставляются "русские" и "христиане"⁵¹. А в хронике первой половины XIV в. Г. Вартберга русские в Ерсике названы "схизматика-

ми"⁵². Непосредственно "русскими" князей Ерсика и Кокнесе называют только поздние хроники XVI–XVII вв., авторы которых, сообщая о древних временах, уже не вдавались во все тонкости событий XIII в., интересуясь в основном временем Ливонской войны и другими хронологически близкими им событиями⁵³.

Обратимся далее к именам князей. Всеволодом ерсикского князя стали называть сами же историки, давая прямой перевод имени Висвалдис на русский язык. Очевидно, имелось в виду, что хронист в свое время сделал как раз наоборот, переименовав Всеволода в Висвалдиса. Однако встает вопрос, почему имя князя передается хронистом не просто в форме, близкой по звучанию языку хроники (или родному языку автора), как обычно бывало в подобных источниках⁵⁴, а в точном переводе на латышский язык. К тому же "Висвалдисом" князь назван не только у Генриха, но и в грамоте 1230 г.⁵⁵ То есть можно сказать, что в Ливонии князь Ерсика был известен именно как Висвалдис. Правда, в ленной грамоте 1209 г. имя князя "Wiscewolodus", что считалось в историографии подтверждением изначального имени "Всеволод". Но грамота сохранилась в копии конца XVI в., сделанной в свою очередь с копии XIV–XV вв.⁵⁶ Кроме того, здесь первая половина имени представлена в балтской огласовке, а вторая – в славянской (русской). Судить о том, какое имя стояло в оригинале документа, невозможно. К тому же надо учитывать, что по-латгальски это имя звучит как "Висволдс"⁵⁷.

Итак, сопоставление имеющихся фактов склоняет нас в пользу того, что имя князя Ерсика первоначально было Висвалдис, а не Всеволод. Следовательно, он мог быть либо латгалом, либо литовцем. Последнее менее вероятно, хотя это имя в XIV в. зафиксировано и в Лявте ("замок Висвалдиса")⁵⁸. Нельзя исключать и того, что князь был русским, натурализовавшимся в местной среде. Но в данном варианте тем более следует говорить о Ерсике как о латгальском государственном образовании, отражающем в первую очередь интересы латгальской знати.

Что касается князя Кокнесе Ветсеке, то и здесь встает вопрос, почему исконным надо считать имя, под которым он упомянут в Новгородской I летописи, а не то, каким его называет хронист. Думается, что переход от первоначального Ветсеке ("Vetseke", Vescēke") к имени Вячко после бегства князя на Русь не менее вероятен, чем от Вячко к Ветсеке. Тем более что в латышском языке "Vecakais" – "старший", "старейшина". В рассматриваемую эпоху такое имя отражало как социальное, так и возрастное старшинство. Для сравнения напомним нередко встречаемое в средневековой Руси имя "Большой", в тех же значениях.

Несколько слов скажем также о топонимах "Ерсика" и "Кокнесе". Ерсика известна в документах XIII в. как "Gercike", "Gerzike", "Gersēke". Современное название "Ерсика" встречается лишь с начала нашего столетия⁵⁹. В русских источниках этот топоним вообще не встречается. В историографии было несколько вариантов этимологии данного топонима. Некоторые исследователи возводили его к искаженному русскому "Бережок", другие – к русскому "городище" или к искаженному викингами русскому "град"⁶⁰. А. Швабе полагал, что название могло происходить от скандинавского "gerz-kr", "gers-kr", т.е. викинг (или скандинавский

купец), который ездит на Русь⁶¹. Была попытка связать топоним с современным латышским "gārsā" ("пуща") и др.⁶² По мнению И.Э. Клейн-ненберга, в основе названия лежало русское "яр", обозначавшее "крутой, высокий берег", а исконное звучание данного укрепленного пункта было "Ярск". Кроме того, исследователь отмечал, что топоним "Gersike" не имеет происхождения ни в балтских, ни в финских языках. Но конкретных отсылок на работы языковедов он не приводил и не давал собственных пояснений, указав лишь, что Я. Эндзелинс вообще не рассматривал этимологию данного названия⁶³.

Здесь, однако, отметим, что топонимы, производные от слова "яр", часто встречаются в южных и восточных районах России и на Украине. Для Белоруссии же и Псковской земли, граничивших с Восточной Латвией, подобные топонимы не характерны. Тем более что в Белоруссии термином "яр" обозначается не крутой высокий берег, что соответствовало бы местоположению Ерсика, а овраг, балка, песчаный нанос в нижней части оврага⁶⁴.

Думается, что в поисках этимологии названия "Ерсика" следует все же обратиться к языкам народов, издревле населявших Восточную Прибалтику. В балтских языках основы для данного термина не найдено. Но в течение длительного времени Ерсика находилась в зоне балто-финского пограничья. Причем по мере продвижения с юга балтских племен финское население Восточной Латвии не вытеснялось, а постепенно ассимилировалось⁶⁵. Население на Ерсикском городище фиксируется археологически по крайней мере с эпохи раннего металла (сер. II тыс. до н.э. – I в. н.э.) до XIV в. н.э. В ранних слоях на городище найдена наряду со штрихованной – балтской, текстильная керамика, указывавшая на присутствие там прибалтийских финнов⁶⁶. Нельзя поэтому исключать возможности финского происхождения названия Ерсика^{66а}. Тем более что в пользу этого говорят и данные лингвистики. Так, по-эстонски "järsak" – "обрыв", "крутизна". По-фински – "äägi" – "край", "конец", "предел", "äärisentu" – "периферия", "пределы". То есть в смысловом отношении слово со сходимой основой вполне могло быть использовано для названия поселения, находившегося на крутом берегу и (в тот период времени) на самой окраине финноязычного мира. Передача же финноязычного "jär" как "ger" по-латыни и в немецком языке зафиксирована источниками XIII в. Например, эстонская область "Järvimaa" известна в хронике и актовом материале как "Gerwen"⁶⁷.

Смысл названия "Кокнесе" (в прибалтийских источниках XIII в. "Kukenoys", "Kukenoys") также трактуется неоднозначно. По одному мнению, данный топоним восходит к первоначальному русскому названию "Куконос", под которым этот город известен в русских документах второй половины XVI в. и которое означало якобы "мыс Кокны" (как, возможно, река Персе называлась в древности)⁶⁸. По другому мнению, данный топоним – латышского происхождения со значением "место сноски или свозки деревьев"⁶⁹. М. Таубе полагал также, что в основе названия лежит славянизированное скандинавское "Koggenaa", что означало "иос", "передняя часть корабля" (в соответствии с очертаниями

мыса, на котором расположен замок)⁷⁰. Но все эти варианты вызывают значительные возражения.

По мнению исследователей, слово "нос" в терминологическом географическом значении отсутствует в древнерусском, большинстве славянских и в балтских языках. Эту мысль подтверждает и отсутствие термина "нос" в топонимике Средней и Южной России, Белоруссии и Украины⁷¹. Так что происхождение названия Кокнесе от "носа Кокны" невероятно. Тем более что "нос" был не на самой Кокне-Персе, а между ней и Даугавой. Что касается "носа корабля", то это допущение могло быть принято либо если на городище или рядом было поселение (фактория) скандинавов, либо если считать, вслед за Таубе, русских норманнов. Ни то, ни другое не находит подтверждения в источниках.

Думается, что топоним "Кокнесе" также не соответствует первоначальному названию, а видоизменился из более древнего в относительно позднее время. Обратим внимание на то, что названия городища по-латыни (и по-немецки) – "Kukenoys", и по-русски – "Куконос", практически одинаковы. На территории средневековой Латвии подобные совпадения встречались в тех случаях, когда и на местном языке название данного конкретного населенного пункта было созвучно с немецким и русским. Правда, топоним "Куконос" в русских документах известен только в XVI в., но, надо полагать, что он был принят у русских и ранее, в том числе до начала агрессии. Ведь немецкий замок, построенный на развалинах местного, носил название Кокенхузен. Возникает вопрос, а не было ли и у коренных жителей названия городища, очень близкого топониму "Куkenойс"?

Лингвистами на территории Латвии выделен ряд гидронимов прибалтийско-финского происхождения, которые ошибочно связывались (в том числе и в более позднем восприятии местного балтского населения) с апеллятивом "kùoks" (дерево). М. Рудзите и А. Брейдакс, вслед за М. Фасмером, видят в основе этих названий финский апеллятив "kuohu", который имел значения "грохот", "шум", "пена", "волна"⁷². Представляется, что этот же апеллятив мог быть и в основе первоначального названия городища Кокнесе, поскольку почти прямо под скалой, где было расположено поселение, на р. Персе находился водопад с перепадом воды до 2 м⁷³. Скажем также, что "puz" по-ливски означало "подниматься", "возвышаться", а "pust" – "поднимать", "возвышать"⁷⁴. Таким образом, появление названия, состоящего из апеллятивов "kuohu" и "puz" ("pust"), для поселения, расположенного на высокой скале над бурлящим водопадом, кажется вполне логичным. Само же укрепленное поселение, судя по археологическим исследованиям, существовало здесь с конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Этот район был пограничьем между прибалтийскими финнами и балтами. На городище явных следов прибалтийско-финского населения археологически не зафиксировано. Но финны жили в окрестностях городища. Например, на противоположном берегу Персе находилось городище Мукукалнс, где в период раннего железа (конец I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.) отмечено пребывание этнически смешанного населения⁷⁵. Во второй половине XVI в. русские источники упоминают в Кокнесе толмачей "чухну" (очевидно, ливов)⁷⁶.

То есть поиски этимологии названия данного населенного пункта в прибалтийско-финских языках вполне оправданы.

В период активной деятельности на Даугаве русских и появления здесь крестоносцев местное название городища было, очевидно, еще близко первоначальному. Топоним же "Кокнесе" окончательно закрепился уже после XVI в. под влиянием основного – латышского – населения округа и в связи с тем, что ливы здесь оказались полностью ассимилированы. К тому же, как заметил Я. Спрогис, по Даугаве в этом районе проходил сплав леса⁷⁷.

Таковы наши наблюдения по вопросам, наиболее тесно связанным и непосредственно всплывающим при изучении генеалогии князей Ерсики и Кокнесе. Не решая данную проблему окончательно, приведенные аргументы, как кажется, являются важными дополнительными штрихами в пользу мнения о латгальском происхождении этих князей и о латгальской основе государственности, существовавшей на Даугаве в конце XII начале XIII в.

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1938. Кн. X. Гл. 3; Кн. XIII. Гл. 4 (далее: ГЛ, с указанием номера книги и главы).

² НПЛ. М.; Л., 1950. С. 61, 264; *Livländische Güterurkunden*. Riga, 1908. Bd. I, N 2. 13. S. 2, 13–14.

³ Татищев В.Н. История российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 201–203, 261.

⁴ Там же. С. 258–259.

⁵ Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. I. С. 712. Ст. 435–436; Сапунов А.П. Достоверность отрывка из Полоцкой летописи, помещенного в "Истории Российской" Татищева под 1217 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. 3. С. 9–13.

⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1988. Кн. I. Примеч. к Т. III. Гл. VII. Стб. 92. Ст. 208.

⁷ Лыжин Н.П. Два памфлета времен Анны Иоанновны // Изв. Отд-ния русского языка и словесности Российской Академии наук. СПб., 1858. Т. VII. С. 49–60.

⁸ Корсаков Д. А.П. Волынский // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 2. № 6. С. 283.

⁹ Екатерина II. Записки касательно российской истории. СПб., 1801. Ч. 5. С. 218; Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. I. Т. III. Гл. III. С. 87; Гл. IV. С. 89–90; Гл. VI. С. 116; Довнар-Запольский М.В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891. С. 45–46; Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. М., 1872. Кн. 4, ч. I. История Полоцка от древнейших времен до Люблинской унии. С. 19.

¹⁰ Сапунов А.П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 265–272, 433–436 и далее; Харузин Н.Н. К истории города Герцике в Ливонии. М., 1895.

¹¹ Беляев И.Д. Указ соч. Кн. 4, ч. I. С. 16, 87–89.

¹² Стародубец П.А. Княжество Кокнесе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в. // СВ. М., 1955. Т. 7. С. 201, 203; Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966. С. 283–285; Казакова Н., Шаковский И. Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.). Л., 1945. С. 29–30; Пашуто В.Т. Страны Прибалтийского региона // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 263–266; Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск, 1978. С. 59–62.

¹³ ГЛ. Комментарии. С. 483, 490.

¹⁴ Merkel G. Die Vorzeit Livlands. B., 1807. Bd. I. S. 370–371, 377, 419–420; Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст. СПб., 1900. С. 2 и далее; Keussler F. Das livische und lettische Döna-Gebiet und die Fürsten von Polozk, Gercika und Kokenhusen am Ausgang des XII und zu Beginn des XIII Jh. Riga, 1895; Bonnell E. Russische und livländische Chronographie von der Mitte des 9-ten Jhs. bis zum Jahre 1410. St.-Pet., 1862. S. 20, 24, 50, 52–53; Nachträge. S. 234, 236 u.a.

- ¹⁵ *Taube M.* Russische und litauische Fürsten zu der Düna zur Zeit der Deutschen Eroberung Livlands // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.* Neue Folge. Breslau, 1935. Bd. XI, H. 3/4. S. 421–428, 433.
- ¹⁶ *Henrichs* Livländische Chronik. Zweite Auflage / Bearb von L. Arbusow und A. Bauer // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis.* Hannover, 1955. Bd. 52. S. 22, Anm. 1.
- ¹⁷ ГЛ. Комментарий. С. 479–486, 489–490.
- ¹⁸ *Fustrums.* 1885. N 2. 130–132 lpp.; *Druva.* 1913. N 6. 761–762 lpp. u.c.
- ¹⁹ *Krodznieks J.* Par senlatviešiem. 2 // *Krodznieks J.* Iz Baltijas vēstures. Rīgā, 1912. 1 s. 27–28 lpp.; *Eusdem.* Katolu baznīca Livonijā // *Krodznieks J.* Iz Baltijas vēstures. Rīgā, 1913. 2 s. 74–76 lpp.; *Olavs V.* Latvju vēsture līdz 12 gadu simteņa beigām // *Olavs V.* Kopoti raksti. Rīgā, 1923. 2 d. (первое издание работы – 1892 г.). 51 lpp.; *Kemps F.* Eisa Latvijas vēsture. Piterburga, 1910. 4 b. 60 lpp.; *Jurjens J.* Baltija zem Krievijas iespaida un valdības 1710–1910. Rīgā, 1910. 56 lpp.; *Баллод Ф.* Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст. // *Зап. Моск. археологич. ин-та.* 1910. Т. 8. С. 45–51; *Токарев П.* Краткая история латышского народа, Пг., 1915. С. 25–27.
- ²⁰ *Bühr J.K.* Die Gräber der Liven. Dresden, 1850; *Bielenstein A.* Die altlettische Burgberge Kurlands // *Magazin der Lettisch-literarischen Gesellschaft.* Mitau, 1869. Bd. 14. Stück 2; [Спицын А.А.] Люциньский могильник // *Материалы по археологии России.* СПб., 1893. Т. 14; и др.
- ²¹ *Баллод Ф.* Указ. соч. С. 47–48.
- ²² *Krodznieks J.* Par senlatviešiem. 21 lpp.
- ²³ *Talivaldis [P. Abuls].* Kur atradās virsaiša Visvalda pils Gercika? // *Austrums.* 1895. N 9. 252 lpp.
- ²⁴ *Švābe Ā.* Latvju tiesību vēsture // *Latviešu konversācijas vārdnīca.* Rīgā, 1934–1935. XI s. 22169 lpp.
- ²⁵ *Švābe Ā.* Jersikas karaļvalsts // *Senatne un Māksla.* 1936. n 1.
- ²⁶ *Buržuāziskais nacionalisms un kosmopolitisms Ā. Švābes vēstures koncepcijā // Buržuāziskie nacionalisti – Latvijas vēstures viltotāji.* Rīgā, 1952. 19 lpp.
- ²⁷ *Zeids T.* Senākie valstiskie veidojumi Latvijā latviešu buržuāziskas historiogrāfijas apgaismojumā // *Vēstures problēmas.* Rīgā, 1962. N 5. 12 lpp. u. tt.
- ²⁸ *Švābe Ā.* Jersikas karaļvalsts // *Senatne un Māksla.* 1936. N 1. 15 lpp.; *Назарова Е.Л.* Православие и социальная структура общества в Латвии (IX–XIII вв.) // *Феодализм в России.* М., 1987. С. 205–206.
- ²⁹ *Švābe Ā.* Jersikas karaļvalsts. 6, 15 lpp.
- ³⁰ *Balodis F.* Jersika // *Senatne un Māksla.* 1936. N 4. 68, 79 lpp.; *Eusdem.* Jersika un tai 1939 g. izdarītie izrakumi. Rīgā, 1940. 24 lpp.; *Kalejs O.* Jersikas senkapī // *Senatne un Māksla.* 1940. N 2. 11–28 lpp.
- ³¹ *Моора Х.* Возникновение классового общества в Прибалтике // *СА. М.,* 1953. Т. XVII. С. 127.
- ³² *Zeids T.* Feodālisms Livonijā. Rīgā, 1951. 53, 71–72 lpp.; *Kalniņš V.* Latvijas PSR valsts un tiesību vēsture. Rīgā, 1972. 19–20 lpp.; *Latvijas PSR vēsture.* Rīgā, 1986. 33 lpp. (автор главы – Э. Мугуревич); *Шноре Э.Д.* Асотское городище // *Материалы и исследования по археологии Латвии.* Рига, 1961. Вып. 2. С. 134; *Аунс М.* Социально-экономическая и политическая структура Древней Латгалии. XII–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1985. С. 17–19; и др.
- ³³ *Моора Х.* Указ. соч. С. 127; *Моора Х., Луги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин, 1969. С. 43.
- ³⁴ *Zutis J.* Agric vidustaiki Latvijā. Rīgā, 1948. 43 lpp.
- ³⁵ *Ibid.* 33 lpp.; *Moora H.* Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952. 158 lpp.; *Latvijas PSR vēsture.* 34 lpp.; *Kalniņš V.* Op. cit. 20 lpp. u.c..
- ³⁶ *Stubāvs A.* Arheoloģiskie izrakumi Kokneses pilskalnā 1965 gadā // *Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1965 g. pētījumu rezultātiem.* Rīgā, 1966. 26 lpp.
- ³⁷ *Назарова Е.Л.* Из истории взаимоотношений ливов с Русью. X–XIII вв. // *ДГ,* 1985 г. М., 1986. С. 180.
- ³⁸ ГЛ. IX. 10.
- ³⁹ *Livländische Güterurkunden.* Bd. 1. N 2. S. 2.

- ³⁹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. III. С. 207; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 2. Стб. 735–736; *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 1. Примеч. к Т. II, гл. VI. Стб. 86.
- ⁴⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. III. С. 213; НПЛ. С. 61.
- ⁴¹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. III. С. 265. Примеч. 614.
- ⁴² *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 1. Примеч. к Т. III. Гл. VII. С. 91.
- ⁴³ ГЛ. XXVIII. 6.
- ⁴⁴ НПЛ. С. 61, 263.
- ⁴⁵ ГЛ. XVIII. 6.
- ⁴⁶ *Kelch Ch.* Livländische Historia. Reval, 1695. S. 67–68; *Russow B.* Chronica der Provintz Lyfflandt // *Scriptores rerum Livonicarum.* Riga; Leipzig, 1848. Bd. I. S. 14–15 (первое издание – 1578 г., второе – 1584 г.).
- ⁴⁷ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 22–24, 130–131; М., 1980. Т. 35. С. 130, 147, 175, 195.
- ⁴⁸ *Корсаков Д.* Указ. соч. С. 100–103; *Еропкина В.В.* Еропкины // *Русская старина.* 1866. Т. 19. С. 566–567 и др.
- ⁴⁹ *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 53–60.
- ⁵⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. III. С. 188, 260; ГЛ. XVI. 2.
- ⁵¹ *Livländische Reimchronik.* Padeborn, 1876. Vv. 650–690.
- ⁵² *Hermani de Wartberge Chronicon Livoniae* // *Scriptores rerum Prussicarum.* Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 27.
- ⁵³ *Russow B.* Op. cit. S. 12–13; *Kelch Ch.* Op. cit. S. 55–56.
- ⁵⁴ См., например, а хронике В. Кадлубка: *Шавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 92, 94.
- ⁵⁵ *Livländische Güterurkunden.* Bd. 1. N 13. S. 13–14.
- ⁵⁶ *Ibid.* N. 2. S. 2.
- ⁵⁷ *Kemps F.* Latgales likteņi. Rīgā, 1991. 15 lpp. (первое издание – 1938 г.).
- ⁵⁸ *Die Chronik Wigands von Marburg* // *Scriptores rerum Prussicarum.* Bd. 2. S. 6.
- ⁵⁹ *Kemps F.* Eisa Latvijas vēsture. 60 lpp.; *Mugurēvičs Ē.* Kāda bija senā Jersikas valsts? // *Kultūras Fonda avīze.* Rīgā, 1990. Julijs. 9 lpp.
- ⁶⁰ ГЛ. Комментарий. С. 476–477; *Казакова Н., Шаскольский И.* Указ. соч. С. 11; *Zeids T.* Jersika // *Māzā Latvijas Enciklopēdija.* Rīgā, 1967. 709 lpp.
- ⁶¹ *Švābe Ā.* Jersika // *Latviešu konversācijas vārdnīca.* Rīgā, 1932–1933. VIII s. 14392–14393 lpp.; *Eusdem.* Jersikas karaļvalsts. 5 lpp.
- ⁶² *Mugurēvičs Ē.* Kāda bija senā Jersikas valsts? 13 lpp.
- ⁶³ *Kleinенберг И.Э.* О топониме "Gercike" в источниках XIII в. // *ВИД.* Л., 1972. Вып. IV. С. 123–127.
- ⁶⁴ *Ларин В.А.* Об арханке в систематической структуре слова (Яр-Юр-буй) // *Из истории слов и словарей.* Л., 1963. С. 85; *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 118.
- ⁶⁵ *Брейдакс А.* Фонетика латгальских говоров латышского языка: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. Вильнюс, 1989. С. 9, 10; *Седов В.В.* Балты и славяне в древности // *Из древнейшей истории балтийских народов.* Рига, 1980. С. 16–19.
- ⁶⁶ *Cimermāne I.* Latvijas tekstilā kerāmika un tās sakari ar Djakovas kultūras apgabalu // *Arheoloģija un etnogrāfija.* 1968. VIII s. 56 lpp.; *Latvijas PSR arheoloģija.* Rīgā, 1974. 86 lpp.; ест.
- ^{66a} Наше мнение противоречит точке зрения, изложенной в свое время Я. Берзиньшем (*Berziņš J.* Jersikas ķēniņvalsts nosaukums // *Latvijas vēstures Institūta žurnāls.* Rīgā, 1940. N 4. 40–52 lpp.). Тем не менее считаем, что оно должно быть высказано.
- ⁶⁷ ГЛ. XV. 7 и след.
- ⁶⁸ ГЛ. Комментарий. С. 487; *Разрядная книга 1475–1605 гг.* / Под ред. В.И. Буганова. М., 1984. Т. III, ч. 1. С. 23.
- ⁶⁹ *Спрогис И.Я.* Памятники латышского творчества. Вильна, 1868. С. III; *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 312.
- ⁷⁰ *Taube M.* Op. cit. S. 391. Ann. 2.
- ⁷¹ *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 396.
- ⁷² *Rudzīte M.* Somugriskie hidronimi Latvijas PSR teritorijā // *Latvijas PSR Universitātes Zinātņu*

raksti. Rīga, 1986. 86 lpp.; Брейдак А.Б. Прибалтийско-финские названия рек в Латгалии // Изв. АН ЛатвССР. Рига, 1973. № 2. С. 98–99.

⁷³ Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīgā, 1937–1938. XVI s. 31698–31700 lpp.; Avotiņa R. Vārdi, kas palika Pļaviņu jūras dzelmē // Dabas un vēstures kalendārs, 1991. Rīgā, 1990. 150 lpp.

⁷⁴ J. Sjogren's Livisch-Deutsches und Deutsch-Livisches Wörterbuch. SPb., 1861. S. 71.

⁷⁵ Cimernane I. Op. cit. 55 lpp.; Latvijas PSR arheoloģija. 186–187 lpp.

⁷⁶ Назарова Е.Л. Сведения русских источников XVI в. о ленниках местного происхождения в Ливонии // ДГ 1987 г. М., 1989. С. 290.

⁷⁷ Спрогис И.Я. Указ. соч. С. III.

В.А. Арутюнова-Фиданян

ПРАВОСЛАВНЫЕ АРМЯНЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Мне следовало бы назвать эту статью "К вопросу о возможном присутствии православных армян в Северо-Восточной Руси", поскольку при настоящем состоянии источников в работе такого рода будет больше вопросов, чем ответов. Предложенная здесь гипотеза – скорее тема для совместного размышления ориенталистов и специалистов по средневековой Руси, причем не только (и не столько) историков, сколько археологов и искусствоведов. Информация, которую я попытаюсь осмыслить в этой работе, была, собственно, предоставлена трудами искусствоведов.

Исследователи древнерусского искусства часто писали о расцвете великолепной архитектурной школы во Владимиро-Суздальской Руси (середина XII–XIII в.). При Юрии Долгоруком было возведено пять белокаменных храмов, в их числе церковь Бориса и Глеба (законченная постройкой в 1152 г.), продолжил строительство Андрей Боголюбский, который, по свидетельству Лаврентьевской летописи, приглашал иноземных мастеров¹. Специалисты усматривают в технике строительства и декоративном убранстве памятников Владимиро-Суздальской архитектурной школы черты, общий с орнаментацией храмов Закавказья. О.Х. Халпахчян сравнивает резные орнаменты Ахтамарского храма с владимиросуздальским декором. На камнях Золотых ворот во Владимире и на подножии чаши Кивория в Боголюбове обнаружены граффити, сходные по начертанию с армянскими монограммами².

Однако И.А. Орбели, который выяснял восточные корни "богатейшей резьбы на камне и плоских рельефов, которыми были украшены памятники Суздальской земли", основательно полагал, что "попытки перебросить через Кавказские горы на чудовищном географическом протяжении мост из Суздальщины непосредственно на Ванское озеро на Ахтамар, перескакивая через три века, едва ли кого-либо могли убедить". Не отрицая влияния армянского искусства на искусство Древней Руси, он считал, что необходимо выяснить пути, по которым могло проникать это

влияние, найти выход "из Закавказья и южного Прикавказья" на окраины русской равнины³.

О существовании таких путей в Северо-Восточную Русь свидетельствует и поразительное (при общем неприятии "армянской веры", унаследованном русской церковью от византийской) возникновение культа Григория Армянского в Новгороде в конце XII–XVI в.

В новгородской литературе широко представлено житие Григория Просветителя. Первые на Руси изображения армянского святого появляются также в Новгороде (храм Спаса Нередицы построен в сентябре 1198 г., расписан в конце XII – начале XIII в., церковь Феодора Стратилата построена в 1361 г., церковь в честь Григория Армянского построена в Хутынском монастыре под Новгородом в 1445 г.). Традицию иконописания армянского святого на Руси также можно отнести к Новгороду и датировать ее концом XII – началом XIII в.⁴

Нельзя утверждать, что не было попыток пролить свет на эту проблему. К.В. Айвазян в двух больших статьях привел *en masse* сведения об армянах на Руси в период раннего средневековья, упоминания об "армянской вере", об "армянской ереси" и культе Григория Просветителя в Новгороде⁵. Исследователь приводит ряд возможных объяснений загадочного феномена почитания Григория Армянского на русском северо-востоке: 1) влияние византийской церковной традиции; 2) перевоз мощей св. Григория из Константинополя в Новгород; 3) использование культа Григория в борьбе с еретиками⁶. Рассмотрим возможности превращения этих положений в надежные рабочие гипотезы.

Активизация почитания Григория Просветителя в Византии связана с именем патриарха Фотия (858–867; 877–886), стремившегося к консолидации сил восточнохристианской церкви перед лицом Запада. Он пытался сгладить разногласия между восточными христианами, добивался унии с армянской монофиситской церковью. Григорий – примас армянской церкви, великомученик, популярный среди армян, сирийцев, коптов, идеально подходил на роль цементирующего звена. При Михаиле III (842–867) Фотий открывает в церкви святой Троицы реликвии Григория и святых дев Рипсиме и Гаяне. Имя Григория часто упоминается в переписке Фотия, при нем появляется греческая версия Агафангела, житие Григория включается в менологий Симеона Метафраста, что весьма способствовало популярности армянского Просветителя в странах византийского культурного круга. По инициативе Фотия стены св. Софии Константинопольской украшаются фресками с изображениями отцов церкви, призванными подтвердить авторитет восточной церкви, и Григорий Просветитель оказывается в одном ряду со столпами христианства Василием Великим, Григорием Назианзином, Дионисием Ареопагитом, Николаем Мирликийским. Мощи Григория Армянского переносятся в Софию⁷. Л.М. Меликсет-Бек, А.Д. Ерицов и К.В. Айвазян считают, что русская церковь сохраняла почитание Григория Просветителя, исходя из традиций времени так называемого "вселенского согласия"⁸. Однако, если бы это было так, то прежде всего его культ появился бы в Киеве и был бы характерен для всей русской церкви, а не только для Новгородской и только с конца XII по XVI в. Речь идет, по-видимому, не о рутинном

почитании одного из святых вселенской церкви, а о всплеске живого интереса, уникального для Руси.

Предположение, что в Новгород были привезены мощи Григория Просветителя вместе с мощами Феодора Стратилата и Власия Севастийского, доставленных Добрыней Ядрейковичем в начале XIII в.⁹, не находит ни прямых, ни косвенных подтверждений в источниках. Очевидно, мощи Григория не покидали главного храма Византийской империи.

И, наконец, основная гипотеза Айвазяна: культ Григория Просветителя совпадает по времени с первым массовым антицерковным движением на Руси – ересью стригольников, и, по его мнению, это не является случайным совпадением.

Айвазян выдвигает предположение, что культ Григория появился непосредственно в ходе борьбы против ереси стригольников, которая, по его мнению, связана была с ересью павликиан. В этом предположении присутствуют два недоказуемых, точнее – недоказанных, допущения. Первое – ересь стригольников генетически восходит к павликианской ереси, второе – культ Григория Армянского использовался как оружие в борьбе с павликианами. Анализ идеологии обеих ересей, проведенных Айвазяном, не очень убеждает, так как, во-первых, опирается не непосредственно на источники (как бы мало их ни было), а на исследования, более всего на не самую новую и не самую лучшую работу о павликианском движении С.Г. Мелик-Бахшяна¹⁰ и исследование Н.А. Казаковой, посвященное стригольникам¹¹; во-вторых, даже и такое опосредованное изложение показывает, что очевидная близость учений павликиан, богомилов и стригольников идет на уровне сходства между всеми антицерковными средневековыми ересями.

Айвазян признает, что нет никаких данных о пребывании армян-павликиан в Новгороде, что источники свидетельствуют скорее в пользу присутствия православных армян в Северо-Восточной Руси, но проходит мимо собственных аргументов, увлеченный попыткой связать культ Григория Армянского с борьбой против армянских и русских еретиков¹². Он приводит два незначительных упоминания о павликианах в "Кормчей XIV титулов без толкований", принадлежавшей одному из новгородских архиепископов XII–XIII вв., и в "Сборнике слов, поучений и апокрифов" (конец XII – начало XIII в.), а также пытается доказать, что выпады против "армянской веры" или "армянской ереси", содержащиеся в памятниках новгородской литературы, ввиду их крайней резкости и необъективности, имеют в виду не монофиситов, а павликиан¹³, забывая, что аргументацию против "армянской веры" русское богословие в значительной степени унаследовало от византийского, которое не стеснялось в полемике.

Во второй половине X в. появилось, например, сочинение Никона Кающегося, где наряду с разбором действительных разногласий между армянской и греческой церквами, армянской церкви предъявляется в крайне резкой форме множество надуманных обвинений¹⁴. Айвазян считает, впрочем, что русские богословы в своих нападках на армянское учение, обряды и обычаи могли путать армян-монофиситов и армян-павликиан¹⁵. Но и это не представляется мне возможным, так как к XII–

XIII вв. павликиан уже не было ни в Армении, ни в странах византийского культурного круга. Они растворились в тондракитах у себя на родине, богомилах в Болгарии, часть их бежала в Европу, слившись с движением катаров и альбигойцев. Пути этих трансформировавшихся армянских еретиков уходили, таким образом, совершенно в другом направлении. Попытка связать появление культа армянского святого с задачами борьбы против армянских еретиков в Византии и провести аналогию с событиями на Руси не выглядит убедительной не только потому, что исторические аналогии, тем более при временном разрыве в несколько веков (IX в. в Византии и конец XII–XIII в. на Руси), всегда сомнительны, но еще и потому, что Фотий, как было показано выше, преследовал иные цели, решительно вводя армянского святого в пантеон виднейших столпов восточного христианства. Но самым основным аргументом, опровергающим связь культа Григория (как, впрочем, и любого иного святого) с еретиками, является, по-видимому, простое напоминание о том, что иконография храмов никоим образом не могла повлиять на еретиков, представителей антицерковных вероучений, поскольку они отрицали храмы и, следовательно, не посещали и не строили их.

Однако вполне возможно иное объяснение: культ Григория Армянского должен был поддерживать борцов за православие, могущих активно выступить против "еретиков армян". Вспомним красноречивое послание Никона Черногорца к отцу Герасиму в Иерусалим (XI в.)¹⁶. Из этого обстоятельного послания выясняется, что армяне-халкидониты вызывали нарекания со стороны единоверцев сохранением традиций, обычаев, культуры, а главным образом сохранением родного языка в богослужении. Не только стремление к унификации форм религиозной культуры¹⁷, но и прежде всего страх перед возможным проникновением монофиситских тенденций в среду армян-халкидонитов заставляли единоверцев желать, чтобы они вели церковную службу на греческом или грузинском языках. Никон в защиту их вспоминает, что еще при Савве Освященном (VI в.) и Феодосии армянам разрешалось вести богослужение на родном языке и только трисвятую песнь они пели на греческом из-за прибавления "иже распныйся за ны", так как это добавление сохраняли монофиситы¹⁸.

В биографии св. Саввы рассказывается, что армяне, явившиеся к нему, получили разрешение совершать церковную службу на армянском языке. А в типике св. Саввы указано, что монахи могут читать Апостол и св. Евангелие "на их родном языке"¹⁹.

Никон Черногорец, подтверждая подлинное православие этих армян, указывает на их полезную деятельность в качестве полемистов. "И доднесь отцы наши и патриархи берут их с богом на борьбу с врагами, когда на соборе возбуждается что-либо против еретиков-армян, так как они сведущи в их языке и писаниях. И недавно еще при блаженных патриархах в наше время случилось, как некоторые из них в весьма малом количестве не дали отнюдь еретикам (армянам) и слово испустить или языком шевельнуть, хотя еретиков-армян и было весьма много"²⁰.

В документах монастыря Эсфигмена есть акт от 1037 г. игумена монастыря и прота Афона Феоктиста, армянина-халкидонита, который подарил своему "духовному брату" монаху Никифору имение Селина на Афоне в вознаграждение за тридцатилетнюю миссионерскую деятельность в феме Харсиана²¹. Армяне-халкидониты вели активную миссионерскую деятельность в византийских провинциях и самом Константинополе, на Балканах и в Малой Азии, в Армении и Грузии, и, может быть, на Руси. Древнерусские полемические сборники свидетельствуют об актуальности борьбы с "армянским" вероисповеданием. В списке середины XVII в. помещены пять статей против "армянской ереси", в двух из них идет речь о посте, установленном армянской церковью "арачаворке", т.е. речь идет не о павликианах, а о монофиситах. В самом начале статьи "Об армянской ереси" указано: "Сперва армяне [были] с нами объединены в православной вере до святого четвертого вселенского собора"²². Ясно, что "ересью" для русских православных, как и для Никона Черногорца, было вероисповедание, принятое армянской монофиситской церковью. Рукопись XVI в. содержит "Киприана, смиренного митрополита Киевского и всея Руси, ответ Афанасию, вопросившему о некоторых потребных делах", где также идет речь об "армянской ереси". Киприан в 1380 г. был московским митрополитом, а в 1382 г. переехал в Киев. В Киеве уже на рубеже XI–XII вв. существовала одна из древнейших армянских колоний²³, куда, очевидно, входили и монофиситы, и халкидониты.

В Киево-Печерском патерике, во втором послании "черноризца" Печерского монастыря Поликарпа к архимандриту Акиндину рассказывается об искусном враче-армянине "родом и верою". Врач-армянин противопоставлен "блаженному Агапиту", который наделен всеми христианскими добродетелями. Рассказ завершается полным раскаянием "иноверного и нечестивого армянина", отказавшегося от армянской веры и перешедшего в лоно русской православной церкви: "И постригся этот армянин в Печерском монастыре и тут кончил жизнь свою в добром исповедании"²⁴.

Л.А. Оганесян считает исторически неточным фактом то, что армянин "родом и верою" в XII в. оказался не христианином и уверовал в Христа лишь после того, как проникся верою в святого Агапита²⁵. К.Н. Григорьян, полемизируя с этим утверждением, отмечает, что не только в XII–XIII, но и значительно позже, в XVII в., армян часто и в летописях, и в официальных документах называют "иноверцами"²⁶.

В конце XIII в. в изложении обязательных условий при избрании епископа указывалось: "Не позволять в своей епархии православным вступать в браки, кумиться и брататься с армянами и латинами". В послании же митрополита Киприана к игумену Афанасию (1390–1405) содержится инвектива по адресу "армянской ереси"²⁷. Мне представляется, что древнерусский автор рассказа о враче-армянине был хорошо осведомлен о том, что существуют армяне "родом и верою" и армяне только "родом", которых в средневековых источниках часто обозначали этнонимами тех народов, от церкви которых они восприняли конфессию²⁸. Так, князя Габриэла (Гавриила), правителя Мелитины в конце XI в., Михаил Сириец

называет греком, анонимная сирийская хроника – халкидонитом, а Гийом Тирский пишет, что Габриэл был "греком по вероисповеданию", но армянином "по племени, языку и обычаям"²⁹. Это классическая формулировка для определения армянина-халкидонита, часто употреблявшаяся и в греческих, и в армянских источниках, Маттеос Урхаеци пишет о Филарете Врахамии (Варажнуни): "Он начал войну с верующими во Христа, потому что он был неверный христианин, его не признавал [своим] ни армянин, ни ромей, [так как], по обычаю и вере он был ромеем, а по отцу и матери армянином"³⁰.

В приписке Ассеманиевого евангелия (глаголицей в конце X – начале XI в. из Македонии)³¹ упоминается Григорий Просветитель – "священномученик Великой Армении", и рядом с этой припиской помещена приписка, содержащая имя Иоанна Богослова, что свидетельствует о высоком авторитете Григория Просветителя в славянской церкви. Г.В. Абгарян, исследовавший армянское "Сказание о Борисе и Глебе", отмечает, что изображение Григория Просветителя было помещено на стене Храма Спаса на Нередице в Новгороде, которое было закончено постройкой в 1198 г. именно в тот месяц сентябрь, который отмечен в приписке Ассеманиевого евангелия. Абгарян считает, что в XII–XIII вв., когда расписывался храм на Нередице, создавалась армянская версия "Сказания о Борисе и Глебе". Исследователь приводит и ряд других фактов, указывающих на общность взглядов армянских и русских деятелей культуры и книжности в конце XII – начале XIII в., и даже делает вывод о дружественных отношениях между русской и армянской церквями в этот период времени³².

Итак, с одной стороны, резкое неприятие "армянской веры" русскими богословами и книжниками, а с другой – "дружественные отношения" – и то и другое подтверждается фактами. Это противоречие может быть разрешено, если мы учтем, что существовало две армянские церкви – монофиситская и халкидонитская и ко второй православные русские вполне могли испытывать "дружественные" чувства. В.Н. Лазарев отмечает суровость фресковой живописи Нередицы, эсхатологическое содержание росписей, отличающихся от трезвого духа новгородской религиозности. Ряд искусствоведов предполагает влияние армянского и грузинского искусства на эти росписи³³. В начале века А.Д. Ерицов извлек выписки из "Иконописных подлинников" новгородской редакции конца XVI в., свидетельствующих о сохранении русской традиционной иконописью обязательных норм изображения Григория Просветителя. В этих правилах говорится о его внешнем облике: "...Пишется тако: подобием Василий Кесарийский; брада посветлее Васильевы, с проседью; риза святительская богородичь, в омофоре, исподь празелень дымчат, патрахиль вохра блед; власы оброслый; сух и черен"³⁴.

Исследователи отмечают, что соблюдая правила иконописания, регламентирующие черты внешнего облика святого, иконописцы изображали армянского просветителя в восточном типе, нисколько не греша ни против национальных преданий армян, ни против требований исторической точности³⁵.

Изображение Григория находится в алтарной абсиде, где он занимает

место крайнего справа в "отеческом" ряду. Святой облачен в фелонь, через плечи переброшен омофор с крестами, голова открыта, правой рукой он благословляет двумя перстами перед грудью, а в левой держит книгу. Фигура мощная, коренастая и большеголовая, пропорции укорочены³⁶. Некоторые исследователи полагают, что это изображение Григория повторяет византийские образцы (мозаика в св. Софии IX в., миниатюра в менологии Василия II (X в.), мозаика в Хосиос Лукас в Фокиде (XI в.), роспись в церкви Панагии (XI в.)³⁷, другие сближают его с изображениями святого в армянских и грузинских храмах³⁸. Совершенно очевидно только то, что форма креста на омофоре Григория в вышеупомянутых византийских источниках – это ровные широкие полосы, а кресты омофора Григория храма Нередицы равноконечные с расширяющимися от центра ветвями. Этот тип креста был широко распространен в Армении с V–VI вв., и точно такие же кресты наблюдаются в изображении Григория Просветителя на Скеврском реликварии 1293 г., выполненном по заказу настоятеля монастыря Скевра в Киликии Константина в память о погибших защитниках крепости Ромкла³⁹. В изображениях других святых, расположенных рядом с Григорием в абиде Нередицы, форма креста – ровные широкие линии. Л.М. Меликсет-Бек связывает изображение Григория в русском храме с его изображениями в халкидонитских храмах Армении и Грузии (Атени, Бетани, Ахтала, Давид-Гареджа, Самтвиси)⁴⁰.

Среди святых дев в диаконнике представлена фигура великомученицы Рипсиме и просветительницы Грузии св. Нино. Еще А.И. Успенский отмечал своеобразный подбор святых в Спасе Нередицы, но, насколько мне известно, попыток объяснить это не предпринималось, за исключением банальных рассуждений о внимании к армянским святым, восходящем к временам вселенского согласия церквей. В эти рассуждения, правда, не очень вписывается появление изображения св. Нино, поскольку национальная грузинская концепция об обращении страны в христианство окончательно сформировалась только к 60–70-м годам X в.⁴¹

Такое сочетание святых в иконографической программе характерно для армяно-халкидонитских храмов (Ахтала, церковь Тиграна Оненца в Ани). В среде армян-халкидонитов культ Григория Армянского, одновременно и национальный и православный, приобрел особую значимость. А.М. Лидов считает, что специальным выделением образа Григория Просветителя составители программы алтарной росписи Ахталы стремились подчеркнуть неразрывную связь армян-халкидонитов с национальной культурной традицией, указать на изначальное единство и православие армянской церкви. В алтарной апсиде церкви Тиграна Оненца в Ани, посвященной Григорию Просветителю, среди святителей представлены не только Григорий Армянский, но и два его сына Аристакес и Вртанес, последовательно сменявших отца на епископском престоле Армении⁴².

Составители иконографической программы Ахталы демонстрировали не только древние национальные традиции армянской халкидонитской церкви, но и тесную связь с грузинской монашеской традицией и в целом

с грузинской церковью. Армяне-халкидониты издавна монашествовали вместе с грузинами, они обладали определенной автономией и, в частности, правом служить литургию на армянском языке⁴³. Уникальный ряд из шести изображений наиболее почитаемых преподобных грузинской церкви воплощал в росписи Ахталы тему "армяно-грузинской общности". Ту же тему раскрывает и армяно-халкидонитская роспись церкви Тиграна Оненца в Ани, где к композиции, символически представляющей чудо основания грузинской церкви, сотворенное просветительницей Грузии св. Нино, вплотную примыкает житийная сцена "Видение св. Григория", которая, в свою очередь, изображает чудо основания армянской церкви. Иконографическими средствами подчеркнута символическая общность двух видений. Два чуда основания грузинской и армянской церквей предстают в армяно-халкидонитской иконографической программе как неразрывно связанные между собой события⁴⁴. Особая роль Григория Армянского как просветителя не только Армении, но и всего Кавказа, издавна признанная на Кавказе, приобрела особую значимость в среде армян-халкидонитов⁴⁵.

Композиции с изображением св. Нино, не известные в грузинских росписях XI–XIII вв., возможно, существовали в армяно-халкидонитской росписи Киранца. Исключительный интерес к св. Нино в армяно-халкидонитской среде определен не только значением этой святой для истории Грузии, но и легендой о сотрудничестве св. Нино с Григорием Армянским. Легенда сложилась в Армении к VI в. и изложена в "Истории" Мовсеса Хоренаци.

Лидов справедливо полагает, что иконографическая программа росписи Ахталы является ценнейшим историческим источником, способным заменить не дошедшие до наших дней политические и богословские трактаты. Она воплотила особое мировоззрение армян-халкидонитов, в основе которого лежала последовательная ориентация на Византию и Грузию при сохранении неразрывных связей с национальной армянской средой⁴⁶.

В росписи храма Спаса Нередицы не только изображение св. Григория и св. Нино напоминают росписи армяно-халкидонитских храмов. Ряд особенностей иконографической программы: изображение Христа в образе белого, как лунь, старца "ветхого деньми", который символизировал вечность второго лица Троицы, изображение в куполе Христа Пантократора (а не его Вознесения), внимание к ветхозаветным персонажам, цикл Богородицы и сцены Страшного суда – сходны с иконографической программой Ахталы, а также с программой церкви Феодора Стратилата в Новгороде⁴⁷, где появилось второе по времени изображение Григория Просветителя.

В Хутынском монастыре на правом берегу Волхова, по-видимому, были построены две церкви во имя Григория Просветителя: первая – в 1445 г., вторая – в 1535–1536 гг. Последняя в XVII в. была перестроена, и ее изображение сохранилось в альбоме путешественника XVII в. Адама Олеария и на иконе "Видение Хутынского пономаря Тарасия", находящейся в Новгородском музее. Судя по этим изображениям, Хутынская церковь была центрическим столпообразным сооружением: Халпахчян

отмечает явно прослеживающуюся в данном сооружении аллюзию на Звартноц (Храм Бдящих сил), построенный в конце VII в. армянским католиком Нерсесом III Строителем, приверженцем халкидонитства. Звартноц, имевший центрически-высотную ротондообразную конструкцию, был посвящен Григорию Просветителю⁴⁸.

И вновь, таким образом, мы сталкиваемся с возможностью существования в Новгороде армяно-халкидонитской общины. Православные церкви не могли привлекать армян-монофиситов, а церкви в честь Григория Армянского не могли быть рассчитаны только на русскую паству.

Нам известно, что в Западной и Южной Руси, в Киевском и Галицко-Волынском княжестве с XI–XII вв. существовали армянские колонии, в основном монофиситские. В Киеве, Луцке, Львове, Каменец Подольском и других городах были построены армянские церкви. Армяне, жившие в этих колониях, кроме права на строительство церквей, имели право на самоуправление и суд, занимались торговлей, ремеслами, сельским хозяйством, служили в войске⁴⁹. А в Северо-Восточной Руси, по-видимому, жили православные армяне. Известно, что армяне участвовали в возведении храмов во Владимиро-Суздальском княжестве. Вместе с тем участие иноверцев в строительстве культовых сооружений запрещалось во всех средневековых религиях. Следовательно, мастера, участвовавшие в строительстве храмов Северо-Восточной Руси, были армянами-халкидонитами. Вероисповедная общность позволяла армянам строить храмы вместе с русскими мастерами.

Помимо косвенных данных о присутствии армян в Северо-Восточной Руси (граффити, топонимы)⁵⁰ существует и аргумент *ex silentio*, достаточно убедительный в отличие от аргументов такого рода. Армяне-халкидониты обычно не выделялись из православной паствы их единоверцами. Греческие и грузинские источники именовали их "греками" (ромеями) или "грузинами", да и армянские средневековые авторы отказывались признавать за принявшими халкидонитство от греческой или грузинской церквей армянами армянское происхождение⁵¹. Эта традиция, пришедшая из Армении и Византии, очевидно, была унаследованной русскими книжниками. Во всяком случае, они называют царевну Анну из Македонской династии "грекыня", армянская же церковь на берегу Волги именуется "греческой палатой".

А.П. Смирнов считает, что центром армянской колонии, возникшей в городе Болгары еще до эпохи монгольского завоевания, являлась "Греческая палата", находившаяся на западе от городища и представляющая развалины христианской церкви. К этому же времени он относит и ряд армянских надгробий 784, 770 и 757 гг. армянского летоисчисления (XIV в. н.э.)⁵². Наиболее ранним памятником, свидетельствующим о пребывании армян в Болгарах Смирнов полагает могильную плиту 1121 года, обнаруженную у Греческой палаты, за пределами городища⁵³. Смирнов устанавливает, что в Волжских булгарах наряду с армянами – торговыми людьми были и армяне-ремесленники, мастера, строители, каменотесы.

Волжский путь входил в ту магистраль, которая соединяла Закавказье с Северо-Восточной Русью и именовалась "армянской дорогой", она шла от Ирана к южным берегам Каспийского моря через северо-восточные границы Грузии и Албанию к устью Волги и далее через Булгарское царство. С Волгой Новгород был связан несколькими путями: селитгерский, мстинский, ладого-волжский, вытегро-шекснинский⁵⁴. Эта дорога, очевидно, стала особенно актуальной, когда путь "из варяг в греки" (от Балтийского моря через Новгород, Смоленск, Киев вниз по Днепру к Черному морю) был заблокирован нашествием сельджуков, а позднее монголов.

Русский летописец Повести временных лет знает, что Яфету достались Армения Великая и Малая, "Колхис" и "Альвания", т.е. Грузия и Албания⁵⁵. Давность не только военных, но и торговых путей, связывающих Северо-Восточную Русь с Закавказьем, подтверждается археологическими свидетельствами. Рассмотрев эти данные, И.А. Орбели, резонно замечает: "Не будем же мы объяснять брак юной грузинской царицы с суздальским княжичем случайностью, вызванной фантазией одного из членов высокого собрания знатнейших феодалов Грузии"⁵⁶. Эмир Картли Абу-л-Асан рекомендовал этому собранию "сына русского владетеля Андрея, великого царя, которому подчиняются триста царей тамошних мест, осиротевшего в юном возрасте, изгнанного его дядей Савалтом (Всеволодом Большое Гнездо) и вынужденного оставить родную страну и бежать к кипчакскому царю в город Свиндж (Свияж)". Женившись в 1185 г. на царице Тамар, Юрий Боголюбский во главе грузинского войска, в которое влились и его "русы", совершил поход на Карс, Эрзерум, Ганджу, Партав и Ширван. Результатом его походов было освобождение Двина⁵⁷. При дворе царицы Тамар ряд важнейших постов занимали армяне-халкидониты (Иванэ Захарид, например, – сначала управляющий дворцом, а потом атабег – высший титул при грузинском дворе). Эмир Картли, делавший доклад о Юрии как кандидате в женихи грузинской царицы, был армянином-халкидонитом из рода Арцруни. В качестве эмира он поддерживал торговые связи с Северо-Восточной Русью, а когда в результате его политики состоялся брак Тамар с русским князем, он построил в Тбилиси храм в честь Юрия, посвященный Андрею Первозванному, известный как Георгиевская, Иоанно-Богословская церковь или Лурдж-монастери. Его декор, по мнению искусствоведов, близок к орнаментальным мотивам порталов собора Рождественского монастыря во Владимире⁵⁸.

Юрий Андреевич упомянут в двух армянских надписях из Санаинского монастыря (1185 и 1191 гг.)⁵⁹. К этому периоду относится и письмо монаха того же монастыря Григора Тутеорди к Киликийскому католику Григорию IV Отроку. Григор Тутеорди предложил католику в борьбе с византийской церковью опереться на поддержку франков, сирийцев и русской церкви⁶⁰. С.Т. Еремян считает, что в половецких степях, граничащих с северной Грузией, существовали армянские торговые фактории. В приписке армянской рукописи указано, что она куплена в 1193 г. в стране "Дешти Кипчаке"⁶¹, одним из пунктов на торговом пути между Арменией и Грузией и Северо-Восточной Русью. Армяно-хал-

кидонитские колонии в Грузии принимали деятельное участие в этой торговле.

Как упоминалось выше, армяне, жившие в Западной и Южной Руси, – в основном монофиситы, там строились армянские церкви и учреждались епископаты, подвластные Эчмиадзинскому католикосу. А во Владимиро-Суздальском княжестве, так же как и в Новгороде, нет армянских церквей и тем более армянских священников и епископов, нет данных о вероисповедной принадлежности переселившихся сюда армян, однако, если учесть, что армяне, функционировавшие во Владимиро-Суздальском княжестве и в Новгороде, строили и расписывали православные храмы, то они могли быть только армянами-халкидонитами.

В православных – греческой, болгарской, сербской, грузинской и, очевидно, русской церквях православные армяне пользовались равными правами с единоверцами и даже иногда не именовались армянами. Армяне-халкидониты – это группа, выделившаяся в силу конфессиональной и культурной трансформации из армянского этноса и сыгравшая серьезную роль в истории стран византийского культурного круга. Восприимчивость армян-халкидонитов к различным культурным влияниям и их "индукторная" роль связаны с более широким, нежели у их соотечественников-монофиситов, кругозором, обусловленным выходом на конфессионально близкие им страны восточного православного мира. Широта восприятия становится затем фактором культурного развития и культурного влияния этой группы. Они в определенной степени предвосхитили современный экуменизм, поддерживая идею сближения и объединения христианских конфессий, в процессе осуществления которой они могли бы оказаться в роли незаменимых посредников.

Пожалуй, никто сейчас не сомневается ни в многоплановости, ни в частоте контактов Древней Руси и Армении как прямых, так и опосредованных через Византию и диаспоры: армянскую и древнерусскую (Поволжье, Крым, Болгария).

Связи Армении с Русью в XI–XIV вв. были многогранными: общественно-политические, религиозные, экономические, информационные, этнокультурные. Комплексное изучение армяно-русских связей в X–XIV вв. возможно только на основании всей массы источников, нового прочтения уже известных и введения в оборот новых данных. Я.Р. Дашкевич справедливо отмечает, что очень мало изучены вопросы общественно-политических связей Древней Руси и Армении, трансформировавшихся в условиях исчезновения армянской государственности в контакты конфессионального характера⁶².

И, добавлю я, они не могут быть изучены удовлетворительным образом до тех пор, пока армяне рассматриваются как конфессиональное и культурное единство. Наличие в среде армянского этноса значительной халкидонитской общины и ее активность в Византии и странах византийского культурного круга – проблема, к которой мы едва подошли, и ее изучение может не только пролить определенный свет на вопросы армянской колонизации, но и заполнить некоторые лакуны нарративных источников.

- ¹ Лазарев В.Н. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. М., 1955. Т. I. С. 396–441.
- ² Халпахчьян О.Х. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977. С. 13–14; см. также: Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком // Древнерусское искусство. М., 1973. С. 55–80.
- ³ Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избр. труды. Ереван, 1963. С. 360.
- ⁴ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, "арменская вера" и "арменская ересь" в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 255–272 и след.
- ⁵ Айвазян К.В. Древнерусские источники периода Киевской Руси (XI–XII вв.) о Григории Просветителе, "арменской вере" и "арменской ереси" // Литературные связи. Ереван, 1981. Т. III. С. 5–82; Он же. Культ Григория Арменского... С. 255–332. См. указанную литературу о русско-армянских исторических и культурных связях (С. 256–257 и след.).
- ⁶ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского... С. 271–333.
- ⁷ Ter-Nersessian S. Les portraits de Gregoire l'Illuminateur dans l'art Byzantin // Byzantion. 1966. Т. 36; fasc. 2. Bruxelles, 1967. P. 388.
- ⁸ Айвазян К.В. Древнерусские источники... С. 92.
- ⁹ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского... С. 259–272.
- ¹⁰ Мелик-Бахшиян С.Г. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955. Хотя существует солидно фундированная работа Н.Г. Гарсоян (The Paulician Heresy. A Study of the Origin and Development of Paulicianism in Armenia and the Eastern Provinces of the Byzantine Empire. Hague; Paris, 1967), а источники переведены Р.М. Бартикяном (Бартикян Р.М. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961).
- ¹¹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 35–55 и след.
- ¹² Айвазян К.В. Культ Григория Арменского... С. 306–309.
- ¹³ Там же. С. 309–317.
- ¹⁴ Троцкий И. Изложение веры армянской. СПб., 1875. С. 248.
- ¹⁵ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского... С. 328.
- ¹⁶ Марр Н.Я. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // ВВ. СПб., 1905. Т. XII. Прил. С. 33–36.
- ¹⁷ В этой области восточная церковь была гораздо терпимее западной.
- ¹⁸ Марр Н.Я. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁹ Там же; Мурадян П. Неопубликованная статья Н.Я. Марра об "Аркауи" // Изв. Академии наук АрмССР. Обществ. науки. 1964. № 12. С. 51–52; Дмитриевский А. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Киев, 1890. Прил. II. С. 181.
- ²⁰ Марр Н.Я. Указ. соч. С. 36.
- ²¹ Actes d'Esphigmenou / Ed. diplomatique par J. Lefort. P., 1973. P. 45.
- ²² ГНБ. Софийская рукопись № 1245. Л. 229.
- ²³ Халпахчьян О.Х. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. С. 10–11.
- ²⁴ Киево-Печерский патерик по древним рукописям. Киев, 1870. С. 88–93.
- ²⁵ Оганесян Л.А. История медицины в Армении с древнейших времен и до наших дней. Ереван, 1946. Ч. II. С. 68.
- ²⁶ Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – нач. XX в.). Ереван, 1974. С. 24–25.
- ²⁷ Там же. С. 25.
- ²⁸ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 57–75.
- ²⁹ Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи. Ереван, 1975. С. 129–130.
- ³⁰ Маттеос Урхаеци. Хронография. Валаршалат, 1898. С. 206.
- ³¹ Codex Vaticanus. 3. Slavicus glagoliticus.
- ³² Абгарян Г.В. К проблеме предполагаемой греческой версии "Сказания о Борясе и Глебе" // Русская и армянская средневековые литературы. С. 247–248.

- ³³ Лазарев В.Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 36.
- ³⁴ Еришов А.Д. Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью до воцарения дома Романовых в 1613 г. // Кавказский вестник. 1901. № 12. С. 50, 51.
- ³⁵ Григорьян К.Н. Из истории... С. 20.
- ³⁶ Каковкин А.Я. Об изображении Григория Просветителя на реликварии 1293 г. // Вестн. обществ. наук АН АрмССР. 1971. № 11. С. 84.
- ³⁷ Ter-Nersessian S. Les portraits de Grigore... P. 386–395.
- ³⁸ Меликсет-Бек Л.М. Грузинские источники об Армени и армянах. Ереван, 1936. С. 260.
- ³⁹ Ter-Nersessian S. La reliquie de Skevra et l'orfèvrerie cilicienne aux XIIIe et XIVe siècles // Revue des études arméniennes. P., 1964. Т. 1. P. 121–134, 143–147; Каковкин А.Я. Указ. соч. С. 84–88.
- ⁴⁰ Меликсет-Бек Л.М. Об армяно-грузино-латино-русской версиях гомилий, связываемых с именем Иоанна Богослова // ВВ. М., 1960. Т. XVII. С. 72.
- ⁴¹ Мурадян П.М. Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // Кавказ и Византия. Ереван, 1982. Вып. 3. С. 19.
- ⁴² Lidov A. The mural paintings of Akhtala. M., 1991. P. 39.
- ⁴³ Арутюнова-Фиданян В.А. Указ. соч. С. 76.
- ⁴⁴ Lidov A. Op. cit. P. 75.
- ⁴⁵ Мурадян П.М. Кавказский культурный мир... С. 9–20.
- ⁴⁶ Lidov A. Op. cit. P. 76.
- ⁴⁷ О протоевангельском цикле в византийских и древнерусских памятниках см.: Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 93 и след.
- ⁴⁸ Халпахчьян О.Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957. С. 17–18. Исследователь полагает, что этот тип храма (Звартноц), нашедший широкое распространение в Армени и Грузии, знаменовал новый этап и в русской архитектуре (Там же).
- ⁴⁹ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского... С. 305–306.
- ⁵⁰ Там же. С. 306–308.
- ⁵¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Указ. соч. С. 60–61.
- ⁵² Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. Гос. истор. музея. М., 1951. Вып. XIX. С. 59–60.
- ⁵³ Там же. С. 143
- ⁵⁴ Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 23.
- ⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 2.
- ⁵⁶ Орбели И.А. Указ. соч. С. 360.
- ⁵⁷ Карлне Цховреба. СПб., 1850. Ч. I, вып. 2. Груз. текст / Изд. Броссе. С. 284–285; Очерки истории СССР. IX–XIII вв. М., 1958. С. 573.
- ⁵⁸ Халпахчьян О.Х. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армени. С. 34.
- ⁵⁹ Еремян С.Т. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Тр. Ереванск. гос. ун-та. 1946. Т. 23.
- ⁶⁰ Дашкевич Я.Р. Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники, исследования, темы) // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 180–181.
- ⁶¹ Еремян С.Т. Указ. соч. С. 392–393.
- ⁶² Дашкевич Я.Р. Указ. соч. С. 194. См. там же обзор источников и посвященной им литературы (С. 179–182 и след.).

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ СОТРУДНИКАМИ ОТДЕЛА ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН В 1990–1991 гг.*

- Арутюнова-Фиданян В.А.* "Византий" и "Византия" в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци // 1500-летие создания "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци. Тезисы докладов Международного симпозиума. Ереван, 1991. С. 93–94.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Кавказ и Византия (1979–1988) // Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований. М., 1991. С. 247–262.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Образ Византии в армянской средневековой историографии X в. (Иоанн Драсханакертци) // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 113–126.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Создание "образа Византии" в "Истории Армении" Иоанна Драсханакертци // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 3–6.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Рец. на кн.: К.Н. Юзбашян. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 285–288.
- Бибииков М.В.* Византия – славянский мир – Русь – христианство (по материалам дискуссий XVI Международного конгресса исторических наук (Штуттгарт, 1985) и XVII Международного конгресса византинистов (Вашингтон, 1986) // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. I. С. 290–314.
- Бибииков М.В.* Изборник Святослава 1073 г. и его византийские прототипы. Итоги и задачи изучения (историографический обзор) // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 204–218.
- Бибииков М.В.* К варяжской просопографии Византии // Scandoslavika. Copenhagen, 1990. Т. 36. С. 161–171.
- Бибииков М.В.* Крестьянство и сельское хозяйство Крыма (VIII–XIII вв.) // История крестьянства в СССР. М., 1990. Т. 2. Крестьянство периода раннего феодализма. С. 121–128.
- Бибииков М.В.* Латинская и другие версии византийского прототипа Изборника Святослава: по следам Мадридской находки // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в средние века. Сборник тезисов. М., 1991. С. 9–11.
- Бибииков М.В.* Максим Маргуний и греко-латинская полемика // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в средние века. Сборник тезисов. М., 1991. С. 36–38.
- Бибииков М.В.* Материалы Свода "Byzantinorossica" (Предварительные наблюдения) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 14–16.

* Составила Г.В. Глазырва.

- Бибииков М.В. На путях решения "готской проблемы" // ВДИ. М., 1991. № 4. С. 163–165.
- Бибииков М.В. Оксфордский список византийского прототипа "Изборника Святослава" // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 168–170.
- Бибииков М.В. Русь и Византия: встреча культур // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. III. С. 212–263.
- Бибииков М.В. Славянский "имидж" в Византии // Славяне и их соседи: Этнопсихологический стереотип в средние века. (Сборник тезисов). М., 1990. С. 44–46.
- Бибииков М.В. Сравнительный анализ состава Изборника Святослава 1073 г. и его византийских аналогов // ВВ. М., 1991. Т. 51. С. 92–102.
- Бибииков М.В., Красавина С.К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 280–297.
- Ведюшкина (Борцова) И.В. О некоторых стилистических заимствованиях Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 23–27.
- Ведюшкина И.В. О некоторых стилистических параллелях Повести временных лет и византийских хроник // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 1216–1217.
- Византийский Херсон / Отв. редактор И.С. Чичуров. М., 1991.
- Глазырина Г.В. Бьярмия. Формирование литературного образа // Славяне и их соседи: Этнопсихологический стереотип в средние века. (Сборник тезисов). М., 1990. С. 17–20.
- Глазырина Г.В. Начальный этап русско-скандинавских отношений. Оценка норвежского ученого // История СССР. 1991. № 1. С. 213–217.
- Глазырина Г.В. О наследстве норвежцев, не вернувшихся из Византии на родину // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 365–366.
- Глазырина Г.В. Отдел истории древнейших государств на территории СССР в 1986–1987 гг. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 350–361.
- Глазырина Г.В. Отдел истории древнейших государств на территории СССР в 1988 г. // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 230–235.
- Глазырина Г.В. Переводы: "Сага об Олде-Стреле", "Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна" и "Фрагмент о древних конунгах" // Кочуркина С.И., Спирidonov А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 122, 123–125, 129.
- Глазырина Г.В. Шведское держание в Ладoge в XI в. (К проблеме интерпретации изолированных сообщений древнескандинавских источников по истории Древней Руси) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 36–39.
- Глазырина Г.В., Мельникова Е.А. Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 345–350.
- Джаксон Т.Н. Византийско-руско-скандинавские культурные связи XI в. // VI Международный конгресс славянской археологии. Г. Прилеп, Югославия, 1990 г. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990. С. 150–153.
- Джаксон Т.Н. Византийско-руско-скандинавские литературные связи XI в. (По поводу статьи Р. Кука "Русская история, исландский рассказ и византийская стратегия в Приди об Эймунде сыне Хринга") // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. II. С. 291–305.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 5–169.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси (историографический аспект) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 45–49.

- Джаксон Т.Н. Ладога: происхождение названия // Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция "Исторические названия – памятники культуры". Сборник материалов. М., 1991. Вып. 1. С. 64.
- Джаксон Т.Н., Молчанов А.А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути "из варяг в греки" // ВИД. Л., 1990. Вып. XXI. С. 226–238.
- Джаксон Т.Н., Спиридонов А.М. Древнескандинавские письменные источники // Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные источники о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 97–132.
- Древнерусские письменные источники XI–XIII вв. / Под ред. Я.Н. Щапова. М., 1991.
- Завадская С.В. Возможности источниковедческого изучения "праздников" – "пиров" князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 54–56.
- Калинина Т.М. Восточная Европа в представлениях Истахри, Иби Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой бургасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов. Тезисы к межобластной конференции. 23–27 января 1990 г. Пенза, 1990. С. 34–43.
- Калинина Т.М. Метод в средневековой географической литературе Арабского халифата // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 57–60.
- Калинина Т.М. Метод изображения Восточной Европы в трудах средневековых арабских географов // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1991. Т. 2. С. 120–122.
- Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 5–115.
- Коновалова И.Г. Византия и Северное Причерноморье в арабской географической литературе XII–XIV вв. // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 571–572.
- Коновалова И.Г. Итальянские источники XIII–XIV вв. по истории Белгорода-Днестровского // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тезисы докладов и сообщений научно-практической историко-краеведческой конференции. Белгород-Дн., 1990. Ч. 1. С. 127–128.
- Коновалова И.Г. Русский Север глазами средневековых арабов // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1990. Т. 16. С. 299–301.
- Коновалова И.Г. Сведения о бургасах в "Географии" Иби Са'ида // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов. Тезисы к межобластной конференции. 23–27 января 1990 г. Пенза, 1990. С. 43–46.
- Коновалова И.Г. Сведения о связях Древней Руси и Болгарии в сочинении ал-Идриси // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 62–64.
- Коновалова И.Г. Торговые связи Килии с Кафой во второй половине XIV в. // История и археология Нижнего Подунавья. Материалы 2-й научно-практической конференции, посвященной памяти известных ученых А.И. Доватура, А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени, 2–5 ноября 1991 г. Рени, 1991. С. 55–56.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). 2-е изд., испр. М., 1991.
- Комментарий: В.А. Арутюнова-Фиданян, с. 450–456; М.В. Бибилов, с. 276–284, 286–290, 332–335 (с. 334, коммент. 2 – при участии Т.М. Калининой); М.В. Бибилов, Л.И. Грацианская, с. 450–456; М.В. Бибилов, А.П. Новосельцев, с. 400–404 (с. 402, коммент. 27 – при участии Т.М. Калининой); М.В. Бибилов, В.П. Шушарин, с. 290–291; Т.М. Калинина, с. 388–391 (с. 390, коммент. 15 – при участии Б.Н. Флори); Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, с. 291–332 (с. 310, коммент. 6; с. 311, коммент. 8; с. 312, коммент. 11; с. 313, коммент. 13; с. 314, коммент. 14; с. 314–315, коммент. 16; с. 321–322, коммент. 29; с. 322–323, коммент. 33; с. 323–324, коммент. 35; с. 325, коммент. 40, 42, 43 – при участии А.А. Зализняка; с. 317, коммент. 21; с. 322, коммент. 31, 32; с. 324,

- коммент. 39; с. 326, коммент. 46; с. 327, коммент. 48–50; с. 328–329, коммент. 53, 56–63 – при участии Г.Г. Литаврина; с. 293–307, коммент. 1; с. 331–332, коммент. 76 – при участии М.В. Бибикова; с. 316–317, коммент. 20 – при участии Б.Н. Флоры; А.П. Новосельцев, с. 346–350 (с. 349–350, коммент. 29–30 – при участии М.В. Бибикова); А.П. Новосельцев, С.А. Иванов, с. 352–353.
- Матузова В.И. Д. Кайзер. Развитие права в средневековой Руси // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. II. С. 242–251.
- Матузова В.И. Д. Феннел. Кризис средневековой Руси // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. II. С. 252–262.
- Матузова В.И., Назарова Е.Л. Жалованные грамоты местным нобилям в Пруссии и Ливонии XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 72–74.
- Мельникова Е.А. Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII–XIV вв. (к истории топонима Hreidgotaland) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. М., 1990. Вып. 2. С. 264–277.
- Мельникова Е.А. К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 75–79.
- Мельникова Е.А. Представления о Земле в общественной мысли Западной и Северной Европы в средние века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990.
- Мельникова Е.А. Формирование и эволюция географических представлений в средневековой Европе // СВ. М., 1990. Т. 53. С. 52–74.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н.э. Русь и Чудь // VI Международный конгресс славянской археологии. Г. Прилеп, Югославия, 1990 г. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990. С. 54–57.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи. Сб. статей. М., 1990. С. 54–65.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи: Этнопсихологический стереотип в средние века. (Сборник тезисов). М., 1990. С. 14–17.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. "Ряд" легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 219–229.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Чудь и Русь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тысячелетия н.э. // Uralo-Indo-germanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 28–34.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Бибиков М.В. Rör – ΡΟϚ – русь: Ранние этапы скандинаво-руско-византийских отношений // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 758–759.
- Назаренко А.В. Концепция истории Древней Руси в синтезирующем труде немецких историков "Руководство по русской истории" // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. I. С. 137–171.
- Назаренко А.В. О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 167–190.
- Назаренко А.В. Попытка крещения Руси при кн. Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 22–40.
- Назаренко А.В. "Руги" Раффельштеттского таможенного устава начала X в. – местные славяне или русские купцы? (Об одной археологической интерпретации исторического источника) // VI Международный конгресс славянской археологии. Г. Прилеп, Югославия, 1990 г. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990. С. 59–61.

- Назаренко А.В. Русь и Германия при Святославе Игоревиче // История СССР. 1990. № 2. С. 60–74.
- Назаренко А.В. Русь или руги в Раффельштеттенском таможенном уставе? (Об одном мнимом конфликте между археологией и историей) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 87–92.
- Назаренко А.В. Христианство в политической жизни и идеологии Древнерусского государства: Княжеская власть и церковь в Древней Руси (обзор работ А.В. Поппа) // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество. X–XIII вв. (Зарубежные и советские исследования). Реферативный сборник. М., 1991. Т. II. С. 14–35.
- Назаренко А.В. Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // СВ. М., 1990. Вып. 53. С. 121–136.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Перхавко В.Б. Археологические данные о культурных связях Древней Руси со славянскими странами // Международная научная конференция "Славяне: единство и многообразие". Тезисы докладов. Мясик, 1990. С. 51–54.
- Перхавко В.Б. Возникновение и развитие промышленной археологии // Памятники науки и техники, 1989 г. М., 1990. С. 3–15.
- Перхавко В.Б. Истоки связей восточных славян с южнославянскими народами // VI Международный конгресс славянской археологии. Г. Прилеп, Югославия, 1990 г. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990. С. 135–138.
- Перхавко В.Б. Киево-Печерский Патерик о торговле солью в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 105–109.
- Перхавко В.Б. Культурные контакты Древней Руси с соседними католическими странами в XI–XIII вв. (по археологическим данным) // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. Сборник тезисов. М., 1991. С. 11–15.
- Перхавко В.Б. Проблемы изучения памятников истории промышленности дореволюционной России // Историческое краеведение: вопросы теории и практики. Киев, 1991. С. 247–254.
- Перхавко В.Б. Церковь и внешнеэкономические связи Руси в XI–XIV вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 45–66.
- Перхавко В.Б., Муромцева Л.П., Невежин В.А. Материалы по отечественной истории на страницах массовой периодической печати (июль – декабрь 1989 г.) // Преподавание истории в школе. 1990. № 3. С. 150–154.
- Перхавко В.Б., Муромцева Л.П., Невежин В.А. Проблемы истории СССР на страницах массовых периодических изданий в 1990 г. // Преподавание истории в школе. 1991. № 1. С. 148–157.
- Подосинов А.В. Венеды в позднеантичной латинской геокартографии // VI Международный конгресс славянской археологии. Г. Прилеп, Югославия, 1990 г. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990. С. 71–74.
- Подосинов А.В. Вопросы источниковедения при работе "на стыке наук" // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции. 30 мая – 1 июня 1990 г. Киев, 1990. С. 54–56.
- Подосинов А.В. Восточная Европа в "Космографии" Равеннского Анонима // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 113–119.
- Подосинов А.В. Из истории римской картографии // Історія і культура античності. 3-й науковий читання пам'яті професора С.Я. Лур'є. Львів, 1990. С. 41–44.
- Подосинов А.В. Картография в Византии // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 906–907.
- Подосинов А.В. О топонимике Северного Причерноморья на карте из Дура-Европос // Speculum Antiquitatis Graeco-Romanae. Studia Joanni Burian Sexagenario Oblata. Praha, 1991. S. 309–322.

- Подосинов А.В. Овидий в ссылке: литературная фикция или исторический факт? // История в археологии Нижнего Поднавья. Материалы 2-й научно-практической конференции, посвященной памяти известных ученых А.И. Доватура, А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени, 2–5 июля 1991 г. Рени, 1991. С. 5–7.
- Подосинов А.В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I–VI вв.). С. 63–80.
- Подосинов А.В. Советское антиковедение в оценке современной историографии ФРГ (Заметки на полях одной книги) // История СССР в современной западной немарксистской историографии. Критический анализ. М., 1990. С. 113–124.
- Подосинов А.В., ван Хоф А. О преподавании древних языков в средней школе (гимназия) // ВДИ. 1991. № 1. С. 91–94.
- Подосинов А.В., Голубцова Е.С., Ярхо В.Н. XVIII Международная конференция "Эйрени" (Будапешт, 1988) // ВДИ. 1990. № 1. С. 239–242.
- Подосинов А.В., Чекин Л.С. Рец. на кн.: The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987 // ВДИ. М., 1990. № 3. С. 205–216.
- Подосинов А.В., Шавелева Н.И. Lingua Latina. Введение в язык и культуру Древнего Рима. Учебное пособие для школ с гуманитарным профилем. М., 1990. Вып. 1.
- Подосинов А.В., Яковенко С.Г. Перевод с латинского "Записки о том, как было сохранено в Белоруссии Общество Иисуса". Приложение к статье: Яковенко С.Г. Иезуиты в России. "Записки" по истории Общества Иисуса в царствование Екатерины II // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1991. С. 163–171.
- Сидоров А.И. Феодор Раифский и Феодор Фаранский (По поводу одного из авторов "Изборника Святослава") // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 135–167.
- Сидоров А.И. Христианство // Преподавание истории в школе. 1990. № 5. С. 21–35.
- Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 170–344.
- Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. и Русская Правда // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 130–133.
- Чичуров И.С. Князем муж Иларион: размышления будущего митрополита о судьбах мира в связи с судьбами русского народа // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1990. Т. 16. С. 157–175.
- Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья в сравнительно-историческом аспекте: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990.
- Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1991.
- Чичуров И.С. Хожение апостола Андрея в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей М., 1990. С. 7–23.
- Шавелева Н.И. Верования древних славян // Преподавание истории в школе. 1990. № 2. С. 12–17.
- Шавелева Н.И. К изучению молитвенника Гертруды // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 147–151.
- Шавелева Н.И. Нищенствующие ордена как политические посредники между Ордеином, Польшей и Русью // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. Сборник тезисов. М., 1991. С. 18–19.
- Шавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.
- Шавелева Н.И. Происхождение и ранняя история славянских народов // Преподавание истории в школе. 1990. № 1. С. 20–31.
- Шавелева Н.И. Составление и комментарии к кн. "Лирика Древней Эллады в Риме". М., 1990.
- Шапов Я.Н. Запад в древнерусской политической мысли XIII–XIV вв. // Ex oriente lux. Mélanges offerts en hommage au professeur Jean Blankoff à l'occasion de ses soixante ans. Bruxelles, 1991. Vol. I. P. 309–314.
- Шапов Я.Н. Из истории советской исторической науки (Профессор В.Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920-х – 1930-х гг.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. С. 306–309.

- Щапов Я.Н. Крестьянство Древнерусского государства // История крестьянства в СССР. М., 1990. Т. 2. С. 29–36, 44–55, 58–59.
- Щапов Я.Н. О преподавании истории религий и подготовке специалистов в этой области. Проект программы школьного курса "Религии мира" // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 199–201, 202–204.
- Щапов Я.Н. От редактора // Кобленц И.Н. Источники и деятели русской библиографии XV–XVIII вв. М., 1991. С. 3–5.
- Щапов Я.Н. Православие: основы вероучения, символы, краткая история // Преподавание истории в школе. 1991. № 6. С. 11–15.
- Щапов Я.Н. Предпосылки принятия христианства на Руси. Церковь в Древнерусском государстве // Православная церковь в истории России (Спецкурс лекций для аспирантов в АОН). М., 1991. С. 8–23.
- Щапов Я.Н., Соколова Е.И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 40–46.
- Юрасовский А.В., Молчанов А.А. Новые работы по древнейшей истории и культуре Эгейского мира // Общественные науки в СССР. РЖ. Серия 5. История. М., 1990. С. 115–120.
- Arutjunova-Fidanjan V. Aristakes Lastivertsi // Great Historians from Antiquity to 1800. N.Y.; L., 1990. P. 10–11.
- Arutjunova-Fidanjan V. Evolution of the "Image of Byzantium" in Armenian Medieval Sources (10–12-th Centuries) // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 66–67.
- Arutjunova-Fidanjan V. Movses Horenatsi // Great Historians from Antiquity to 1800. N.Y.; L., 1990. P. 9–10.
- Arutjunova-Fidanjan V.A. The New Socio-Administrative Structure in the East of Byzantium // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 68–69.
- Bibikov M. Bibliographie // Byzantinoslavica. Praha, 1990. T. LI. P. 75–176, 256–323.
- Bibikov M. Especializacion y diversificacion en la economia rural bizantina y en la Vieja Rusia // Estudios d'Historia Economica. Palma de Mallorca, 1990. T. 2 (1989). P. 25–33.
- Bibikov M. L'imprenditore: Impresa, stato, società (Dibattito) // L'impresa, industria, commercio, banca secc. XIII–XVIII. Firenze, 1991. P. 340, 823–824.
- Bibikov M. Izborniki // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1990–1991. Bd. V. S. 842–843.
- Bibikov M. Johannes Lydos // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1990–1991. Bd. V. S. 587.
- Bibikov M. Kinnamos Johannes // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1990–1991. Bd. V. S. 1159.
- Bibikov M. Problems of Medieval Historical Approach (Based on Materials of Byzantin Historiography) // Macedonian Studies. Vienna, 1990. Vol. VIII (NF. Vol. IV). P. 41–55.
- Bibikov M. Sur la traduction slave la plus ancienne des recueils byzantins // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 134–135.
- Bibikov M. Tiden, rummet och människan i antik och bysantinsk historiografi // Svenska Kommitten för Bysantiska studier. Uppsala, 1990. Bull. 8. S. 12–19.
- Bibikov M., Vedjuškina I. Bibliographie // Byzantinoslavica. Praha, 1991. T. LII. P. 182–332.
- Glazyrina G. Dibattito // La donna nell'economia. Secoli XIII–XVIII. Atti della "Ventunesima Settimana di Studi", 10–15 aprile 1989. Firenze, 1990. P. 279, 311–312.
- Glazyrina G. Information about Eastern Europe in Old Norse Sagas and its Adaptation for the Nordic Audience by the Saga-authors // The Audience of the Sagas. The Eighth International Saga Conference. Gothenburg. 1991. Vol. I. P. 123–131.
- Jackson T.N. The North of Eastern Europe in the Ethnogeographical Nomenclature of Early Nordic Texts // The Audience of the Sagas. The Eighth International Saga Conference. Gothenburg. 1991. Vol. I. P. 228–237.
- Jackson T.N. Palteskia ok þat ríki allt, er þar liggir til // Scando-Slavica. Copenhagen. 1991. Vol. 37. P. 58–68.
- Matuzowa W. Anglai Prusioje (XIII–XIV a.) // Ежегодник истории Литвы, 1989 г. Вильнюс, 1990. С. 5–15.
- Matuzowa W. Ideologiczna podstawa agresji krzyżackiej na Prusy // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w Strefiebałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 15–24.

- Melnikova E.* The Origin and Evolution of the Name Rus'. The Scandinavians in East-European ethnopolitical processes before the XIth century // Tor. Uppsala, 1990–1991. Vol. 23. P. 203–234.
- Melnikova E.* Local lore and Latin science in Old Norse geography // The Audience of the Sagas. The Eighth International Saga Conference. Gothenburg, 1991. Vol. 1. P. 90–99.
- Perhavko V.* Woman in the economy of the medieval Russian village // La donna nell'economia secc. XIII–XVIII. Atti della "Ventunesima Settimana di Studi", 10–15 aprile 1989. Firenze, 1990. P. 377–381, 428–429.
- Podossinov A.* Ad Editorem // Vox Latina, Saarbrücken, 1991. T. 27. P. 288.
- Podossinov A.* Etiam in scholis Russiae nunc Latine loquuntur... Zur Wiederbelebung der klassischen Bildung in der Sowjetunion // Mitteilungsblatt des Deutschen Alphilologenverbandes. Bamberg, 1991. N 4. P. 100–102.
- Podossinov A.* Julius Honorius // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1990. Bd. V. S. 805–806.
- Podossinov A.* Neue Chancen für die klassische Tradition: Die Altertumswissenschaft in der Sowjetunion in der Vergangenheit und Gegenwart // Bulletin. Tijdschrift van de Vereniging Classici Nederland. Jaarg. 15. Amsterdam, 1990. N 50. S. 11–21.
- Podossinov A.* Orientation of Old Maps (from the Ancient Times till the Early Middle Ages) // 14th International Conference on the History of Cartography. 14–19 June 1991 at Uppsala and Stockholm in Sweden. Abstracts. Stockholm, 1991. P. 24.
- Podossinov A.* Die sakrale Orientierung nach Himmelsrichtungen im alten Griechenland // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1990–1991. N XXXIII. P. 323–330.
- Podossinov A., Chekin L.* Рец. на кн.: The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987 // Imago mundi. L., 1991. Vol. 43. P. 112–123.
- Szczawielewa N.* Prawa pruska w polityce Daniela Halickiego // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w Strefiebałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 51–60.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛЕ	– Археографический ежегодник
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ГНБ	– Государственная национальная библиотека (прежде: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)
ДГ	– Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМП	– Журнал Министерства народного просвещения
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РИБ	– Русская историческая библиотека
СА	– Советская археология
СВ	– Средние века
Ск. сб.	– Скандинавский сборник
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегия.....	3
<i>Свердлов М.Б.</i>	
Образование Древнерусского государства (Историографические заметки)	6
<i>Мельникова Е.А.</i>	
К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)	16
<i>Котляр Н.Ф.</i>	
О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в.	33
<i>Горский А.А.</i>	
Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории)	50
<i>Фомин А.В.</i>	
Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в.	63
<i>Кучкин В.А.</i>	
"Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в.	74
<i>Ведюшкина И.В.</i>	
"Русь" и "Русская земля" в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в.	101
<i>Петрухин В.Я.</i>	
Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства.....	117
<i>Янин В.Л.</i>	
К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русским, далним и ближним"	125
<i>Калинина Т.М.</i>	
Термин "люди дома" ("ахл ал-байт") у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов	134
<i>Коновалова И.Г.</i>	
Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв.	139
<i>Добродомов И.Г.</i>	
К вопросу о "серебряных булгарах"	149
<i>Назаренко А.В.</i>	
Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: источниковедческие заметки.....	154

<i>Перхияко В.Б.</i>	
Летописный Переяславец на Дунае.....	168
<i>Назарова Е.Л.</i>	
Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсике и Кокнесе	182
<i>Арутюнян-Фиданян В.А.</i>	
Православные армяне в Северо-Восточной Руси	196
Библиографии работ, опубликованных сотрудниками отдела истории древнейших государств Института российской истории РАН в 1990–1991 гг.....	209
Список сокращений.....	217

Научное издание

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы и исследования
1992–1993 годы

*Утверждено к печати
Институтом российской истории РАН*

Заведующая редакцией "Наука–История"
Н.Л. Петрова

Редактор издательства С.А. Левина
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор И.Н. Жмуркина
Корректоры Н.Л. Голубцова, З.Д. Алексеева

ИБ № 994

Л.Р. № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Сдано в набор 31.08.94

Подписано к печати 13.12.94.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 14. Усл.кр.отт. 14,3. Уч.-изд.л. 15,6

Тираж 1300 экз. Тип. зак. 32 №

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034 Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12